Министерство культуры Омской области
Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Омский государственный технический университет»

Министерство обороны Российской Федерации
Омский автобронетанковый инженерный институт

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материалы
IV Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания
и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны
(Россия, Омск, 20–21 октября 2021 года)

Омск
Издательство ОмГТУ
2021

УДК 94(47)«1917/1922»
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612
Г756

Редакционная коллегия:

Петин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук, доцент (ответственный редактор);
Растягаева Галина Ивановна, канд. ист. наук;
Сушко Алексей Владимирович, д-р ист. наук, профессор;
Стельмак Максим Максимович, канд. ист. наук;
Федотова Ирина Владимировна;
Чекалина Людмила Александровна

Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западно-Сиб. восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Россия, Омск, 20–21 окт. 2021 г.) / М-во культуры Ом. обл., Исторический архив Ом. обл. [и др.] ; редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2021. – 344 с. : ил.

Г756

ISBN 978-5-8149-3347-8

В издание вошли материалы, представленные в оргкомитет конференции. В них освещены военно-политические и социально-экономические аспекты, культура, духовная и повседневная жизнь общества на востоке России в военно-революционный период 1917–1922 гг., а также историко-биографические исследования об участниках тех событий. Опубликованные в сборнике статьи проиндексированы в РИНЦ.

Адресовано историкам, архивистам, преподавателям, докторантам, магистрантам, аспирантам и студентам учебных заведений высшего и среднего специального образования, музейным сотрудникам и краеведам.

УДК 94(47)«1917/1922»
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612

Конференция организована
в рамках Года науки и технологий в Российской Федерации
и мероприятий Министерства культуры Омской области,
приуроченных к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны

ISBN 978-5-8149-3347-8 © ОмГТУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Алимджанов Б.А. Советский Узбекистан — результат политической мимикрии (1917–1938 гг.)? 9

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Конфликты в среде военнопленных Первой мировой войны в Восточной Сибири....14

Бирюкова Ю.А. «Сердечно преданные вере и Церкви»: томские делегаты по пути на Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг. 20

Бринюк Н.Ю. Штаб 1-го Волжского армейского корпуса: Урал – Сибирь (январь-октябрь 1919 г.)....27

Васильченко М.А. Съезды Чехословацкого корпуса и их роль в ходе Гражданской войны в России 36

Владимирски И., Кротова М.В. Сибирь – Маньчжурия: особенности еврейской эмиграции в период Гражданской войны....42

Ганин А.В. Колчаковский генерал с орденом Ленина: реконструкция биографии А.Я. Крузе 50

Глазунова Т.В. Санитарно-эпидемическая ситуация в Омске в 1919–1922 гг....58

Даренский В.Ю. Генерал М.К. Дитерихс как идеолог Белого движения 64

Елизарова Н.В. Визит в Омск Е.К. Брешко-Брешковской в отражении периодических изданий Белой столицы 72

Ермакова А.А. К биографии борца за Советскую власть Михаила Ивановича Баранова 80

Изотенко С.В., Храпова Н.С. Архитектор Дмитрий Вернер: штрихи к биографии 86

Ищенко О.В. Отражение судеб членов семей героев Гражданской войны в мемуарах (на примере семьи сибирского революционера Залмана Лобкова)....91

Калашников А.А. Источники оценки доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1919 гг. 98

Калиновский В.В. К вопросу о религиозности «белых» вождей 107

Капустин Л.Г. «Сильной воли суровый воин»: к биографии А.Н. Сейфулина – офицера бригады атамана Красильникова 114

Карпачев М.К. Жилищные реквизиции в Томске в 1918–1919 гг. как фактор трансформации образа Чехословацкого корпуса....121

Каткова Е.И., Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске в обзоре городской прессы 125

Князев М.А. Сожжены или сокрыты? Судьба останков Николая II и его семьи в зеркале слухов: к постановке проблемы..... 132

Кожевин В.Л. Причины поражения армии А.В. Колчака в дневниках и воспоминаниях белогвардейских генералов..... 141

Кокоулин В.Г. Василий Иванович Чапаев в исторической памяти современной России 147

Конев К.А. Страны Антанты и США в советской пропаганде периода Гражданской войны (1918–1920 гг.): формирование образа врага 154

Курышев И.В. Судьбы лидеров повстанческого движения 1921 г. в Ишимском уезде 162

Лешукова Е.В. Падение советской власти весной 1921 года в приказах Сургутского ревкома 169

Макаров И.В. Возникновение первой поверочной палаты Западной Сибири в Томске..... 176

Маликова С.З. Проблема реабилитации участников Западно-Сибирского восстания в Северо-Казахстанской области Республики Казахстан..... 182

Машкевич С.В. Куренёвское восстание (Киев, апрель 1919 г.): мотивация, масштаб, результаты 189

Мойжиш М., Пануш Б. Золотой запас Российской империи и чехословацкие легионеры..... 196

Монтелонго К. «Турбины» в Уругвае..... 211

Новиков С.В., Новиков М.С. Комплекс источников по изучению истории событий революции и Гражданской войны в станице Черлаковской. 219

Панасенков В.Н. Лагода и Лагодич. История улицы, площади и героев 227

Паршуков В.А. Приказы по Енисейскому казачьему войску как утраченные источники по истории Гражданской войны в Сибири 236

Помыткина В.Л. Тарская уездная рабоче-крестьянская милиция в 1919–1921 гг.. 242

Пученков А.С. Античный герой? Штрихи к психологическому портрету адмирала А.В. Колчака 249

Саблин А.Ю. К вопросу о распределении офицерских вакансий в школах прапорщиков (1914–1918 гг.) 259

Сильченко И.С. Куренков А.А. Жизнь вдали от России 265

Смирнов Н.Н. К вопросу о новаторских подходах в изучении истории Гражданской войны в России 271

Стариков И.В. 3-й Амурский Народно-революционный стрелковый полк в боевых действиях на территории Забайкальского края в 1920 г. 278

Стельмак М.М. Чехословацкий корпус и Япония в воспоминаниях австралийского офицера Е.У. Лэтчфорда.....286

Сушко А.В. «Поповский мятеж» 1918 г. в Омске: к оценкам религиозности населения в эпоху Русской смуты 293

Тетерин В.И. Органы старые, власть новая: к вопросу о возобновлении работы местного самоуправления в Пермской губернии при правительстве А.В. Колчака 300

Федотова И.В., Паслён В.В. «Чёрные мифы» о Тухачевском в постсоветский период.....307

Шекшеев А.П. Милитаризация продовольственных заготовок на территории Енисейской Сибири (начало 1920-х гг.).....315

Штырбул А.А. Эсеры и Западно-Сибирское восстание (февраль – май 1921 года) 325

Ярков А.П. Мусульмане в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке 336

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АУД – архивное уголовное дело.
БНСР – Бухарская Народная Советская Республика.
БРЭМ – Бюро по делам Российских эмигрантов Манчжурии.
ВВП – Временное Всероссийское правительство.
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков).
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи.
ВНУС – войска внутренней службы.
военкомат – военный комиссариат.
ВОХР – военизированная охрана.
ВСЮР – Вооружённые силы Юга России.
ВУС – Всероссийское Учредительное собрание
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.
(В)ЧК – (Всероссийская) чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края.
ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
ГАПК – Государственный архив Пермского края.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.
Генштаб – Генеральный штаб.
ГИАОО – (Государственный) Исторический архив Омской области.
ДВР – Дальневосточная республика.
ДНР – Донецкая Народная Республика.
ДОН – дом особого назначения.
ЕИВ – Его Императорское Величество.
ЕКВ – Енисейское казачье войско.
ЗАГС – запись актов гражданского состояния.
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.
Комуч – Комитет членов Учредительного собрания.
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.

ЛНР – Луганская Народная Республика.

МВД – министерство внутренних дел.

МКУ «УП и ЗР» г. Ишим – муниципальное казённое учреждение «Управление имуществом и земельными ресурсами г. Ишима».

НИИ – научно-исследовательский институт

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

НКИД – Народный комиссариат иностранных дел.

НКЮ – Народный комиссариат юстиции.

НРА – Народно-революционная армия.

ОССХУ – Омское среднее сельскохозяйственное училище.

ПЛСР – партия левых социалистов-революционеров.

ПСР – партия социалистов-революционеров.

РВС(Р) – Революционный военный совет (Республики).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РИНЦ – Российский индекс научного цитирования.

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия.

РККФ – Рабоче-Крестьянский Красный флот.

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков).

РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи.

РНФ – Российский научный фонд.

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия.

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РФ – Российская Федерация

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

сд – стрелковая дивизия.

СКГА – Северо-Казахстанский государственный архив.

СКО – Северо-Казахстанская область.

СКС – Сибирский крестьянский союз.

СНК – Совет Народных Комиссаров.

сп – стрелковый полк.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

СТК – Союзы трудового крестьянства.

США – Соединенные Штаты Америки.

ТЕВ – Томские епархиальные ведомости.

ТФ ГИАОО – филиал Исторического архива Омской области в городе Таре.

УЗиГИ – управления земледелия и государственных имуществ.

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика.

(У)ФСБ – (Управление) Федеральной службы безопасности РФ.

ХНСР – Хорезмская Народная Советская Республика.

ЦГАВО – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

ЦИГ – Центральная, инициативная группа.

ЦК – центральный комитет.

ЧОН – части особого назначения.

ЧСНС – Чехословацкий Национальный Совет.

УДК 94(575.1)

СОВЕТСКИЙ УЗБЕКИСТАН – РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИМИКРИИ (1917–1938 ГГ.)?

Бахтиёр Абдихакимович Алимджанов [1]

[1] Институт Востоковедения им. Абу Райхана Беруни
Академии наук Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

[1] felix_1985@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 8450-5736. Author ID 954548

Аннотация: В статье автором рассматриваются события в советском Узбекистане в рамках концепции политической мимикрии среднеазиатских элит. Исследуется влияние российских революций и Гражданской войны на политическую историю Средней Азии. Основными акторам политических изменений были местные интеллектуалы – джадиды, которые сыграли значимую роль в политической модернизации и советизации Средней Азии. Автор утверждает, что события 1917 г. непосредственно оказывали свое влияние на политическую жизнь Средней Азии до 1938 г.

Ключевые слова: советская власть, советское общество, Туркестан, джадиды, Советы, революция 1917 г., Гражданская война.

Постановка проблемы. Февраль 1917 г. привел в движение интеллигенцию Туркестана – заниматься политикой стало модно в периферийной зоне бывшей Российской империи [1, С. 75, 89–90; 4]. Крах империи породил разные прогрессивные «исламские» организации и партии в Средней Азии, которые предлагали свои рецепты строительства «нового» государства и общества на окраине. Полагаем, что периферийная политика имитировала политические дискурсы метрополии, и во многих случаях эта мимикрия не имела своих точных границ, что порождала особый «синтез» модерного и так называемого традиционного. Смесь различных понятий и практик, в конечном результате, привела к ослаблению и раздору внутри «политических» организаций Средней Азии. И в дальнейшем (в 1918 г.) привела к созданию единой «коммунистической» партии Туркестана [3], куда вошли бывшие федералисты, автономисты, националисты и представители духовенства. В «постколониальной» ситуации 1917 г., т.е. после свержения Романовых, периферия не смогла самоорганизоваться, а предпочла повторять клише из столичных революционных газет, а «политические» идеи, витавшие в Туркестане, были следствием влияния ев-

ропейской мысли (хотя до этого на воздухе витали идеи конституционной монархии), трансформировавшиеся в «национальную» идеологию и политические практики.

Основная часть. После Февральской революции 1917 г. в Туркестанском крае появилась новая политическая сила в лице местной интеллигенции и духовенства – джадиды [2]. «Джадидизм» – широкое понятие, и политизация этого движения сыграла значительную роль для понимания политических процессов в центральноазиатском регионе. В начальный период своего становления советская власть активно использовала интеллигентские слои населения для укрепления своей позиции в регионе. Большевики были прагматичными политическими деятелями, которые приступили к активному преобразованию облика Центральной Азии, в частности, Узбекистана. К административным работам была привлечена местная интеллигенция, обучавшаяся в русско-туземных школах, или специалисты, обучавшиеся за границей (в Турции, Германии). В основном все административные посты заняли русскоговорящие и симпатизирующие советской власти молодые «революционеры» от 20 до 30 лет. Например, Ф. Ходжаеву к 1917 г. было всего 21, А. Икрамову – 19. У многих из них отсутствовало высшее и среднее образование, и во многих случаях они были выдвинуты благодаря личным способностям. Таким образом, молодая советская власть опиралась на «революционную» молодежь, которую наделила частично властью. В противовес «национальным» кадрам в молодой советской республике вели свою деятельность и европейские местные пролетарские кадры, которые во многих случаях противостояли «местным» кадром. Таким образом, в правительстве оказались две силы: местные и европейские кадры, которые по-разному понимали «революционные» задачи советской власти в регионе. Для урегулирования политической ситуации в центральноазиатском регионе из Москвы в 1919 г. была отправлена Туркомиссия, которая решала все политические и экономические проблемы региона. Туркомиссия надзирала за деятельностью местного правительства, «исправляя» его ошибки, и указывала им, каким политическим курсом развиваться. Возникла «странная» политическая ситуация: местная, пришлая власти и Туркомиссия соперничали между собой за влияние в регионе, а Центр часто выступал между ними в качестве арбитра. В такой ситуации эффективность власти оставляла желать лучшего, в результате чего власть допустила несколько крупных ошибок. Ускоренная «модернизация» жизни населения местными властями породила Гражданскую войну и экономическую разруху в регионе, которая преодолевалась до середины 20-х гг. XX в.

В 1918 г. вместо Туркестанского генерал-губернаторства была образована Туркестанская Советская Республика, которая копировала административную структуру РСФСР. В том же году в спешном порядке была создана Коммуни-

стическая партия Туркестана и принята первая Конституция молодой республики. В спешном порядке к партийной и административной работе привлекались местные пролетарии и интеллигенция, которые должны были провести революционные изменения в регионе. Параллельно с Туркестанской республикой существовала Бухарская Народная и Хорезмская Народная республики, просуществовавшие до 1924 г. БНСР и ХНСР за короткий свой срок существования (1920–1924 гг.), отмечают узбекистанские историки, смогли начать «светские» реформы и начали «превращаться» в демократические республики [8, С. 177]. Российский историк И.В. Стариков считает: «Хорезмская и Бухарская Народные Советские Республики по государственному строю представляли собой революционно-демократические республики пролетариата и крестьянства, являвшиеся переходными стадиями к советским социалистическим республикам» [6, С. 15]. 27 октября 1924 г. в процессе национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии Бухарская и Хорезмская республики были упразднены. Тем самым советская власть пыталась выбить почву из-под ног сепаратистского движения в регионе [6, С. 17].

В 1924 г. было проведено национально-территориальное размежевание Средней Азии, которое и определило все дальнейшее политическое развитие региона. В центральноазиатском регионе были созданы национальные республики: Узбекская ССР, Казахская ССР, Киргизская и Таджикская ССР. Основной целью создания советских республик было облегчение управления населением и молодой новоиспеченной элитой региона. Административная структура Узбекской ССР выглядела следующей: на верху политической пирамиды располагались представители местных национальностей. В основании пирамиды находились сельские советы и нарождающиеся культурные институты. Местных кадров было меньше в середине пирамиды, и еще меньше – в техническом секторе, где европейцы продолжали преобладать вплоть до брежневского периода. Нужно отметить, что внутри правящей элиты наметилось соперничество и вражда. Например, глава правительства Узбекской ССР Файзулла Ходжаев враждовал с первым секретарем Коммунистической партии Узбекистана Акмалем Икрамовым. Причиной вражды была политическое прошлое Ф. Ходжаева. Ф. Ходжаев был известным в прошлом лидером джадидизма, главой Бухарской Народной республики, а также происходил из очень богатой купеческой семьи. А. Икрамов также происходил из состоятельной ташкентской семьи. В 1926 г. Файзулла Ходжаев написал брошюру под названием «К истории революции в Бухаре» [7], где он попытался дать «объективную» оценку джадидскому движению и своей роли в революции. Ф. Ходжаев постоянно подчеркивал в своей брошюре, что бухарская интеллигенция (джадиды) действовали в более сложных ситуациях, чем туркестанские джадиды: бухарские джадиды боролись

и против эмирского правительства, и против российского империализма, а также засилья духовенства в Бухаре. В конечном счете, Ф. Ходжаев был расстрелян в 1938 г. По иронии судьбы А. Икрамов был расстрелян вместе с ним. Вражда Икрамова с Ходжаевым была борьба старой аристократии и местной интеллигенции с новой советской «пролетарской» бюрократией. Также нужно отметить, что с 1920-х гг. начинается «клановая» борьба внутри узбекской элиты. Если рассмотреть происхождение «узбекских» политиков, то Ф. Ходжаев был из Бухары, А. Икрамов — из Ташкента, Ю. Ахунбабаев, председатель ЦК Узбекской ССР — из Ферганы. «Режиссером» клановой региональной борьбы были большевики. Региональная борьба за власть была инструментом большевиков, которые таким образом управляли местной элитой и в нужный момент вносили коррективы. В определенной степени борьба региональных элит повышала эффективность власти в регионе, т.е. большевики создали конкуренцию внутри «местной» элиты, которая давала свои результаты.

С помощью местной элиты большевики смогли провести важные «реформы» в жизни населения Центральной Азии. В 20-30-е гг. XX в. были проведены следующие акции большевиков, которые помогли включить население Центральной Азии в строительство социализма. В первую очередь, были проведены культурные реформы. В 1918 г. религия была отделена от церкви. Были созданы местная советская школа, национальный театр, советская интеллигенция. «Культурная» революция помогла власти создать себе опору в лице интеллигенции, которая помогала власти строить счастливое будущее. Но советская власть создала интеллигенцию, которая слепо выполняла приказы власти, а старая интеллигенция была уничтожена физически в 30-е гг. XX в. Новая советская узбекская интеллигенция стала частью власти и не смогла стать транслятором и посредником между властью и населением, что понижало ее значимость в реальной жизни. Население смотрело на советскую узбекскую интеллигенцию как на чужих, как на представителей власти. Таким образом, произошло дальнейшее *отчуждение* населения от власти и интеллигенции. Хотя советская узбекская интеллигенция задумывалась как слой, который будет способствовать сближению власти и населения.

В 20-е гг. XX в. были проведены два важных мероприятия: 1) эмансипация женщин и 2) замена алфавита [9]. Освобождение женщин началось в 1926 г., и предполагалось, что свободная узбекская женщина станет катализатором разрушения традиционного общества. К 50-м гг. XX в. узбекские женщины «эмансипировались». Нужно отметить, что «эмансипация» узбечек произошла в рамках традиционного мировоззрения. Уступив жестким политическим требованиям, население Узбекистана позволило женщинам «социализироваться» в рамках традиции и обычаев населения. «Культурная» революция создала новый

тип традиционалиста: дома мужчина по-прежнему вел себя традиционным образом, на работе он мог быть коммунистом и «современным» советским гражданином, то же самое произошло и с женщиной.

Результаты исследования. Таким образом, советская культура создала у населения два вида самоидентификации: дихотомия современного и традиционного. Интересно отметить, что в психологическом плане довольно редко наблюдалась подобная «дихотомия» современного и традиционного у населения Центральной Азии. Но она порождала индифферентность населения по отношению к власти. А та часть населения, которая выбрала одну самоидентификацию, изолировалась от общества, и они воспринимались как сторонники «старины» или «европейского» образа жизни. Как мы видим, «модернизация» по-советски только усложнила традиционное мышление населения Центральной Азии и во время «большого террора» население никак не отреагировало на репрессии советской узбекской интеллигенции и политиков, так как они воспринимались как «чужие».

Список источников и литературы:

1. Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации в Туркестане 1917–1918 гг. Ташкент: Навруз, 2014. 219 с.

2. Алимджанов Б.А. 2019. История и идеология бухарского джадидизма в контексте взглядов и личности Файзуллы Ходжаева // Новое Прошлое. № 1. С. 148–158.

3 Андерсон М.Ф. Из истории партийного строительства в Средней Азии. Душанбе: ИРФОН, 1966. 222 с.

4. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) М.: Социально-политическая мысль, 2003. 598 с.

5. Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент: Узгосиздат, 1925. 218 с.

6. Стариков И.В. 2016. Государственный строй Хорезмской и Бухарской Народных Республик (1920–1924) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. Т. 1. Вып. 4. С. 14–19.

7. Ходжаев Ф. Избранные труды. Т. 1. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии. Ташкент: Фан, 1970. 498 с.

8 Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). 2019. К. 2. Ўзбекистон 1939–1991 йилларда. Масъул муҳаррирлар: Р. Абдуллаев, М. Раҳимов, Қ. Ражабов. Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Тарих институти. Ўзбекистоннинг энг янги тарихи масалалари мувофиқлаштирувчи-методик марказ. Тошкент: «O’zbekiston» НМИУ. 576 б.

9. Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca and London: Cornell University Press, 2015. 415 p.

Для цитирования: Алимджанов Б.А. Советский Узбекистан – результат политической мимикрии (1917–1938 гг.)? // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 9–14.

© Алимджанов Б.А, 2021

УДК 93/94

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЛАГЕРЯХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СИБИРИ (1914–1920 ГГ.)

Александр Валерьевич Ануфриев [1, 2]

Дмитрий Викторович Козлов [2]

[1] Музей истории Иркутска, Иркутск, Россия
[2] Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

[1] aleksandranufriev6534@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 6442-2653
[2] dvk@home.isu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4548-2370

Аннотация: Статья посвящена пребыванию военнопленных Четверного союза в лагерях военнопленных на территории Восточной Сибири в годы революций 1917 г. и начального этапа Гражданской войны в России (1917–1919 гг.). Авторы, опираясь на широкий круг источников (прежде всего неопубликованных), рассматривают аспекты содержания военнопленных и частично их вовлеченность в события указанного периода на территории востока России и конфликты (этнические, религиозные, политические) среди военнопленных.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Первая мировая война, военнопленные, Русская Революция, Гражданская война, Иркутский военный округ, Иркутск, межнациональные конфликты.

Постановка вопроса. Столетие прошло с момента окончания Гражданской войны, но до сих пор в среде и профессиональных историков нет четкого представления о периодизации, причинах и итогах этого братоубийственного конфликта. Одной из специфических черт этой войны в Восточной Сибири стала активная вовлеченность в военное противостояние бывших военных Четвер-

ного Союза, освобожденных из концентрационных лагерей военнопленных. Традиционно считается, что ударной силой белого движения в Сибири был Чехословацкий корпус, а на стороне красных сражались отряды интернационалистов (состоящие в основном из немецких и венгерских военнопленных и добровольцев – китайцев).

Стоит отметить, что и советские и современные российские историки, в основном сосредоточилась на рассмотрении сюжетов, связанных с участием бывших военнопленных в боевых действиях на участии «красных мадьяр» и «белочехов» в боевых действиях Гражданской войны в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Но, даже несмотря, на достаточную проработанность данных сюжетов, точно определить численность вовлеченных в воинские формирования военнопленных у противоборствующих сторон мы не можем.

Частично выпала из поля зрения историков и та часть военнопленных, которая устранилась от участия в Гражданской войне. Пожалуй, единственным историком занявшимся разбором внутренних конфликтов в лагерях военнопленных, стала А.И. Гергилева [1].

По подсчетам российских историков, австрийцы и немцы составляли примерно 20–22% всех военнопленных габсбургской армии, т.е. приблизительно 400–500 тыс. чел. Вместе с пленными германской армии немцы и австрийцы составляли примерно 24–28% военнопленных армий государств Центрального блока.

Народы «лоскутной» Австро-Венгерской империи по-разному отнеслись к защите своего отечества. Для ряда народов, прежде всего славян – чехов и словаков, это отечество было скорее мачехой, чем родной матерью. С начала войны начались массовые переходы на сторону русских, иногда они принимали чудовищные масштабы. Так 28-й полк имперской армии (сформированный в основном из чехов, проживавших в Праге) у Дукельского перевала без боя с оркестром и знаменем добровольно перешел на сторону русских. Чуть позднее то же совершил и чешский 36–й полк.

Основная часть. В соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального Штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что отношение военных и гражданских властей к военнопленным было дифференцировано, на особом положении находились славяне, служившие в рядах австро-венгерской армии. В России был создан «Совет попечителей о пленных славянах», который оказывал им всестороннюю помощь. По распоряжению военных властей чехи и словаки размещались в европейских губерниях, а немцы, австрийцы и венгры, как настроенные неблагожелательно и склонные к побегам, размещены были на Востоке страны.

В специальном циркуляре департамента полиции № 34150 (1915 г.) это было конкретизировано – «В видах ограждения находящихся у нас военнопленных славянских национальностей, дружественно относящихся к России от враждебного и часто оскорбительного отношения к ним пленных германцев, австрийских немцев и мадьяр, военным ведомством приняты меры к совершенно обособленному размещению славян». Необходимо отметить, что в статистических отчётах о военнопленных, славяне военнопленные всегда показывались отдельной строкой. Так в «Сведениях о военнопленных низших чинах отправленных на работы по состоянию на 1.03.1916 г.» славяне и румыны выделены отдельной строкой, соответственно 989 и 322 чел. [2, Л. 27].

К слову, не всегда военнопленные пользовались таким послаблениями. Так осенью 1916 г. было принято решение, всех военнопленных румын (в том числе, служивших в австро–венгерской армии, отправить в Румынию, для пополнения румынской армии. Но все военнопленные румыны (6 чел.) содержавшиеся в Заиркутном городке категорически отказались отправляться в Румынию и вступать в её армию. Так же отказались покидать Сибирь и выехать в специальный лагерь для эльзасцев 4 военнопленных «ибо они считают себя германцами, а не французами» [3, Л. 46, 59, 179].

По подсчетам историков этнический состав австро–венгерской императорской армии накануне войны был таков: 25 % немцы и австрийцы, 23% венгры, 13% чехи и словаки, 9% сербы и хорваты, 7% румыны и 3% украинцы. В силу, ряда причин состав пленных в Восточной Сибири серьезно отличался от этих цифр. К сожалению, обобщенных данных в архиве не было выявлено. Но сохранились списки отдельных командировок, так в списке эвакуируемых их черемховских шахт военнопленных числятся 341 чел.: из них 259 венгров, 65 – немцев,12 румын, 3 русина и по одному поляку и словаку. В дополнительном списке из 193 человек, есть 63 немца, 82 чеха, 7 венгров и др. Близкие данные дает и анализ ведомостей на получение посылок. Это четко показывает, что львиную долю военнопленных в Восточной Сибири дают именно венгры [4, Л. 1–9].

Уже в 1915 г. на российской территории стали формироваться соединения из западных славян (прежде всего, чехов и словаков), чуть позднее к ним добавились части, сформированные из южных славян (сербов и хорватов) и румын. Эти части, сформированные, главным образом, из военнопленных, добровольно перешедших на сторону России, предназначались для военных действий против Австро–Венгрии и Германии.

События революции и начало Гражданской войны подстегнули конфликт. И если в лагерях до 1917 г. он носил скорее скрытый характер, то после революционных событий началось открытое противостояние. В большинстве сибирских лагерей новые органы государственной власти поддержали немцы и венгры.

К весне 1918 г. на территории Иркутского военного округа осталось всего 9 лагерей военнопленных: Заиркутный городок (5367 чел.), Канск (5325 чел. – из них 5000 прибыли из Приамурья), Нижне-Березовский лагерь (17000 чел.), Верхнеудинский (1300 чел.), Сретенский (1100 чел.), Красноярский (10500 чел.), Читинский (6000 чел.), Ачинский (1100 чел.).

Рассмотрим на примере Заиркутного городка процессы, проходившие в лагерях военнопленных в период с лета 1918 г. по лето 1919 г. На май 1919 г. общая численность военнопленных в лагере около 5,5 тыс. чел. Из лагеря бежало за 1917 – 1919 г. (почти 2,5 года) – 10 офицеров (из них 6 венгров) и 99 нижних чинов (22 венгра). Было отправлено на родину, в основном признанных инвалидами – 68 офицеров (13 венгров) и 255 чел. и умерло в плену – 73 человека. Вступило в РККА – 68 чел. (из них 8 венгров, 32 – немца, 20 чехов). К слову, данные цифры явно не укладываются в концепцию активного участия «красных мадьяр» в Гражданской войне на стороне большевиков. Стоит отметить, что большинство «красных мадьяр и немцев» в Прибайкалье и Забайкалье составляли военнопленные Омского военного округа, принявшие советское подданство.

В Белую армию и союзные соединения вступило 76 чел. (из них 6 венгров): румынскую армию 34 чел. (3 этнических венгра), польскую – 23, сербскую – 6, итальянскую – 5 [5, Л. 11-21об.].

Соотношение по росту побегов подтверждают и данные по Канскому лагерю (бегство – 3, умерших – 28 человек (с 1.01.1917 – 1.05.1919 г.), по Красноярскому лагерю (умерло – 55 человек, бежали – 16 офицеров, 101 рядовой) и Ачинскому лагерю (16 умерших, бежавших – 158) [5, Л. 73–91]. Правда часть «побегов» была связана с поступление на службу в национальные части – так бежавшие 17.11.1918 г. из Заиркутного городка М. Равич, В. Петраковский и И. Младиковский вступили добровольцами в части польской армии, а бежавший 13.11.1918 г. из этого же лагеря А. Ленци стал солдатом итальянского отряда [6, Л. 52, 55]. Можно констатировать, что львиная доля военнопленных устранилась от активного участия в Гражданской войне и предпочла дожидаться репатриации на родину в концентрационных лагерях, либо на свой страх и риск пленные предприняли попытки самостоятельного возвращения на Родину. Исходя из отрывочных данных, доля таких военнопленных в лагерях Иркутского военного округа составила не менее 70 – 75 %.

На все это накладывался и межнациональный конфликт, прежде всего между венграми и чехами. Вот как описывал в своих воспоминаниях генерал К.В. Сахаров действия чехов: «В местностях, занятых чехами, от них высылались специальные патрули, для осмотра и для обыска деревень. Если в них находили военнопленных венгров, которые жили часто целые годы рабочими у крестьян, сжились с ними, деля мирный крестьянский труд, — чехи забирали таких военнопленных, сгоняли их в одну кучу и избивали. Заступничество и

просьбы русского крестьянского населения не помогали. Иногда достаточно было, чтобы человек говорил по венгерски, чтобы он подвергся аресту чешского патруля и почти всегда следующему за тем к расстрелу! Каждый из вернувшихся на родину военнопленных венгров передавал рассказы о зверствах чехов» [7, С. 108].

Ему вторит австралиец капитан Е.У. Лэтчфорд: «Австрийцы и венгры были, в общем, хорошими людьми, спокойными, добродушно настроенными и благодарными за любое проявление помощи. Немцы же были слегка высокомерными, и с ними приходилось вести себя построже. После революции надзор за пленными ослаб, и многие из пленных, особенно немцы, присоединились к красным и активно воевали против белых и союзников. В Иркутске многие немцы ушли из лагеря и жили в частных домах среди русских в комфортных условиях, привыкнув слоняться по улицам, проявляя все свое прусское высокомерие. Мы положили конец этому после пары инцидентов, их повыкидывали из домов и новых семей и вернули в лагерь. Никому из нас не хотелось проявлять чрезмерную твердость по отношению ко всем немцам, но и терпеть их поведение тоже не было возможности. Мы пришли к выводу, что австрийцы и венгры были надежным народом и использовали их на любой возможной работе» [8].

Происходили и серьезные конфликты из–за вероисповедания военнопленных. Особенно часто это происходило из–за размещения на территории лагеря на ст. Иннокентьевской бывших военнопленных румын. Весной 1919 г. для их проживания было выделено 12 бараков (9 – жилых, по 1 – для приемного покоя, мастерских и для хранения запасов).

Из обжитых бараков были изгнаны военнопленные австрийцы и венгры. Военнопленные соседних бараков жаловались на занос румынами сыпного тифа и утверждали, что те находятся «в крайне небрежном и грязном состоянии». Датский вице–консул предлагал жестко разделить австро-венгров и румын в лагере и не допускать их контактов [9, Л. 134, 136].

Румыны привлекались к «окарауливанию военнопленных» что порождало регулярные конфликты. Командование лагеря отмечало – «вражда между караулом и окарауливаевыми так велика, что столкновения между ними неизбежны».

Так в воскресенье 26 марта 1919 г. произошел вопиющий случай. Вольноопределяющийся взводный командир Сальго Миклош (этнический еврей) принес на гауптвахту передачу арестованному военнопленному Денешу, но был остановлен караульным румынским унтер–офицером, который потребовал от него сделать «румынский крест» (православный). Сальго отказался перекреститься. Ответив, что он не будет это делать, ибо он является иудеем. За отказ он был избит поясным ремнем караульного, получив 3 удара по голове [9, Л. 262об.].

Результаты исследования. Подводя итоги, стоит отметить, что корни конфликтов лежали в полиэтничности и поликонфессиональности воюющих государств. Национальное и культурное угнетение славянских народов толкнули западных и южных славян в объятия России. Русские власти создали максимально благоприятные условия для чехов, словаков и югославов – не только освободив их из лагерей, но и разрешив формировать им свои воинские части. В свою очередь Советская власть сделала ставку на венгров и немцев, которые рассматривали её как гаранта возвращения на родину (особенно после Брестского мира). Конфликты дополнялись и религиозной составляющей, наиболее преследуемой группой стали иудеи. Этот запутанный клубок противоречий, наложился на ожесточенную Гражданскую войну в Восточной Сибири и стал одной из важнейших её составляющих.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии
в рамках научного проекта № 19-59-23007

Список источников и литературы:

1. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: СибГТУ. 2007. 125 с.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10459.
3. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50.
4. ГАИО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 11.
5. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1.Д. 296.
6. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 174.
7. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири: чешское предательство. Берлин, 1930. 136 с.
8. Лэтчфорд Е. С белой армией в Сибири (Перевод и комментарии В. Крупник) // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: http:// zaimka.ru/latchford-siberia/ (дата обращения - 10.06. 2019).
9. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 304.

Для цитирования: Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Конфликты в среде военнопленных первой мировой войны в Восточной Сибири // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 14–19.

©Ануфриев А.В., Козлов Д.В., 2021

УДК 94 (470)+271.2

«СЕРДЕЧНО ПРЕДАННЫЕ ВЕРЕ И ЦЕРКВИ»: ТОМСКИЕ ДЕЛЕГАТЫ ПО ПУТИ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1917–1918 ГГ.

Юлия Александровна Бирюкова [1, 2]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
[2] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия.

[1, 2] yliya-biryukova@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3490-1172

Аннотация: статья посвящена малоизученному аспекту подготовки к Всероссийскому Поместному Собору 1917–1918 гг. — епархиальному этапу выборов его делегатов — выборам в Томской епархии. Проблема рассматривается на материалах епархиальной периодики. Помимо выборов подобные съезды обсуждали целый ряд актуальных церковных проблем. В частности, канонические основания созыва Собора из архиереев, приходского духовенства и мирян с правом решающего голоса. Отмечался беспрецедентный характер предстоящего Собора, как по составу, так и по обстоятельствам созыва. Были избраны самые яркие представители церковного сообщества.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Русская Православная Церковь, съезды духовенства, съезды мирян, Поместный Собор, история религии, духовенство, духовная жизнь.

Постановка проблемы. Если Всероссийскому Поместному Собору 1917–1918 гг. в научной литературе уделяется достаточно внимания, то в изучении его подготовительной работы всё ещё наблюдается перекос. В основном изучаются лишь предсоборные институты. Параллельно рассматривались съезды духовенства и мирян, прошедшие в епархиях, как аспект «церковной революции» [1, 2]. Глубокое всестороннее исследование они получили в работах Г.Л. Фриза и А.Л. Беглова [3, 4]. Г. Фриз впервые в историографии рассмотрел епархиальные съезды во второй половине XIX – нач. XX в. с точки зрения попытки решения проблем церковной жизни. Он обобщил позиции дореволюционных и постреволюционных (1917 г.) съездов, проходивших в разных регионах, и вывел общие тенденции, проследил динамику развёртывания различных позиций по ряду актуальных проблем. Д. Скарборо также рассматривает епархиальные съезды духовенства и мирян и считает движение приходского духовенства фактором стабильности церковного института в революционную эпоху [2, С. 104–126]. Интересны выводы автора о том, что в избрании патриарха Ти-

хона объединились «два главных момента: каноничность и демократизация церкви» [2, С. 121]. На региональном материале появился весьма небольшой круг работ, описывающих процессы данного периода как протекающие вокруг центрального события — Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Авторы вписали местные съезды духовенства и мирян в соборное движение [5, 6]. При этом избирательные на Поместный Собор съезды ещё не стали предметом самостоятельного исследования, несмотря на доступность источниковой базы. Протоколы избирательного съезда Томской епархии были напечатаны в «Томских епархиальных ведомостях» и отдельными оттисками в количестве 300 экземпляров для рассылки по епархии. Один из экземпляров отложился в фонде Поместного Собора в Государственном архиве Российской Федерации среди наказов епархиальных и приходских съездов и собраний делегатам [7]. Там же сохранилась и интересные рукописи постановлений некоторых приходских и епархиальных съездов Сибири.

Основная часть. Обсуждение проблемы созыва Поместного Собора началось в «Томских епархиальных ведомостях» примерно в первых числах июля. Рассматривалось значение предстоящего Собора, канонические основания его созыва и участия в нём мирян. Один из авторов указывал на то, что проблема состава Собора вызвала дискуссии ещё в Предсоборном Присутствии. Он не видел никакого препятствия для участия клириков и мирян с правом решающего голоса, т.к. рассматриваемые на Соборе вопросы не предполагали изменений вероучения и вмешательства в сакраментальную сторону жизни Церкви. Однако отсутствие в истории такой практики осуществления соборного начала могло смутить многих верующих. Автор обращал внимание на возникшую проблему соотношения широкого понимания соборности и участия клириков и мирян в церковном управлении с иерархическим строем Церкви, он видел её решение в «двухпалатности» церковного управления, как и самого Поместного Собора: «На этих свободных началах одну палату должны бы составлять члены Собора из представителей от мирян и духовенства каждой епархии и епархиальных учреждений и монастырей. В этом соборе рассматриваются все материалы соборного делопроизводства. Здесь вырабатываются проекты постановлений. Вторую палату должны составлять члены собора — епископы, представители от епархии. В эту палату поступают все проекты первого собора», – отмечает анонимный автор публикации [8, С. 292]. Он также видел в церковном строе, основанном на соборности, своеобразное демократическое начало, принципиально отличающееся от политической демократии, более прочное и действительное «выражение свободы духа» [8, С. 289–292].

В одном из последующих номеров, автор, обозначенный инициалами «Е.А.» (епископ Анатолий?), вступил в полемику. Он находил предстоящий Собор совсем не похожим на те, которые известны из истории. Новым явлени-

ем были выборы делегатов. Вопросы, предназначенные для обсуждения, по замечанию автора, наметил Всероссийский съезд духовенства и мирян, прошедший 1–12 июня 1917 г. в Москве. Это проблемы, «накопившиеся за два столетия в русской Церкви», они носят бытовой, поместный характер. Другая часть вопросов, по мысли автора, связана с обсуждением канонических вопросов, и имеет уже неместное значение. Новой будет и обстановка — участие примут не только епископат, но также клирики и миряне. До сих пор на Соборы собирались лишь епископы, как полномочные представители своих церквей, и их голос был решающим. «По духу и форме учения вселенской Церкви Соборы и должны быть такими», — писал автор. Довод о необходимости демократизации церкви он считает несостоятельным, т.к. русская церковь самая демократичная, как из всех поместных церквей, так и среди других деноминаций. Состав Собора из мирян, клириков и епископата автор называет неканоничным, и основанием его видит то, что «огромное большинство епископов русской церкви не имеют канонического избрания, а потому и полномочий, которые давали бы им одним решать дела» [9, С. 314]. Автор считает, что предстоящий Собор не имеет права выносить решающих постановлений, он лишь совещательное учреждение. Когда же русские епископы будут канонически избраны и будут обладать те ми же полномочиями, как и их древние предшественники, тогда Соборы будут состоять только из них. Предстоящий Собор потребует огромного напряжения усилий, из-за отсутствия опыта и широчайшего круга вопросов. При этом в русской церкви совсем мало людей, хорошо знающих церковную жизнь, историю вселенской и русской церкви, а также церковные каноны [9, С. 315]. Автор заключал, все эти обстоятельства требуется учесть при избрании делегатов. «Не аристократы и не демократы требуются на Собор, а истинно любящие свою мать-церковь, преданные ей сыны, болеющие её скорбями, понимающие её задачи, знакомые с её историей и канонами, с формой и духом её жизни в прошлом и настоящем». Так понимая задачи предстоящего Собора, избиратели должны «хорошо и много подумать», прежде, чем назвать своего кандидата. На его совести большая ответственность за то, чтобы к церковному делу не прикоснулись лица, не имеющие ничего общего с Церковью. Автор предостерегает, что и отечество пострадало от нечистых, продажных рук людей, и теперь на краю гибели, не довести бы теперь до разрухи и жизнь церковную [9, С. 315].

По представлению Преосвященного Анатолия, епископа Томского и Алтайского Томская духовная консистория предложила отцам благочинным и благочинническим советам епархии приступить к приходскому этапу выборов представителей на Всероссийский Поместный Собор, руководствуясь в процедуре Правилами, опубликованными в № 61 от 2 июля 1917 г. в газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» [10. С. 292].

1 августа 1917 г. в «Томских епархиальных ведомостях» было опубликовано послание Святейшего Правительствующего Синода архипастырям, пастырям и всем верным чадам Российской Православной Церкви [9, С. 303], а также его Определение от 5 июля 1917 г. № 4320 о времени и месте созыва Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви [9. С. 306] и Положение о его созыве в Москве 15 августа 1917 г. [9, С. 307]. К тому времени выборы по приходам и благочиниям уже шли [9, С. 313].

Положение регламентировало приходской, благочиннический и епархиальный этапы выборов. Настоятелям приходов поручалось «немедленно по обнародовании Святейшим Синодом "Положения о созыве собора", и, не ожидая особых распоряжений от епархиального начальства», объявить прихожанам о месте и времени приходского собрания для избрания выборщиков на благочинническое собрание [9, С. 308]. Содействовать настоятелям в подготовке и производстве выборов должны были недавно появившиеся (правда, ещё не везде) приходские советы. В собрании должны были участвовать на равных правах лица обоего пола. Приходской этап Положением был назначен на воскресенье 23 июля, благочиннический — на 30 июля, епархиальный — на 8 августа. Благочинническое собрание должно было избрать выборщиков на епархиальное избирательное собрание в количестве двух клириков (одного пресвитера, вторым мог стать епископ, пресвитер, диакон или псаломщик) и трёх мирян [9, С. 311]. Кроме того, на епархиальное собрание избирались представители от духовных семинарий, женских епархиальных училищ и училищ духовного ведомства [9, с 317]. На епархиальном этапе выборов избирались 5 членов Поместного Собора от епархии — двое клириков и трое мирян. Епархиальный архиерей являлся членом Собора по должности [9. С. 313–314].

Послание Синода говорило об основной цели Собора — «в духе истинной Христовой свободы. Единомыслия, мира и любви решить дело наилучшего устроения Церкви Божией» [9, С. 303–304]. Оно отмечало также, что уже «более двух веков Россия не слышала голоса народно-православного разума о тех потребностях церковной жизни, которые настойчиво выдвигались на очередь этой самой жизнью» [9, С. 304]. Теперь же Церковь получила возможность своего внутреннего устроения на началах соборности. Все верующие, пастыри, и пасомые, призывались к «этому святому, воодушевлённому, проникнутому пламенной верой соборному труду на пользу Церкви», «ради назревших церковных нужд» [9, С. 304]. Синод призывал отнестись к избранию членов Собора с особым вниманием и благоговением: «Охраняя благочестие церковное, изберите на Собор людей благочестивых, мужей благоговейных, прекраснейших членов церковного братства нашего, бескорыстнейших и ревностных защитников дела Церкви». Избранники должны знать и понимать церковные нужды, иметь христианскую «добрую совесть», пользоваться заслуженным уважением в церковных обществах, чтобы они могли явиться «живой церковной силой» [9, С. 304].

Собравшиеся на избирательный на Поместный Собор Съезд Томской епархии, делегаты посвятили время составлению наказа для его членов от епархии. Оценивая состоявшееся на епархиальном съезде обсуждение, «Томские епархиальные ведомости» в редакционной статье отметили, что «на съезд собрались люди, сердечно преданные вере и церкви, люди искреннего чувства и высокого подъёма духа» [11, С. 325]. Многие из благочиний прислали своих делегатов на епархиальный съезд с письменными наказами, что говорит о большой подготовительной работе. Делегаты воспринимались как выразители мнения приходских общин. Содержание наказов сводилось к следующим положениям: необходимость отстаивания обязательности преподавания Закона Божия, сохранить союз Церкви с государством, сохранить церковную школу. Томские делегаты решили направить телеграмму Временному Правительству о необходимости оставить Закон Божий в числе обязательных дисциплин в школе [11. С. 325].

На Собор были избраны следующие делегаты от Томской епархии: священник из г. Барнаула Иоанн Шарин, 38 лет, который получил более половины голосов, профессор богословия протоиерей Иаков Галахов, от мирян – гр. П.И. Писарев, 46 лет, из г. Каинска, гр. Б.П. Протодиаконов, 30 лет, из с. Улан и гр. К.И. Соколовский, 47 лет, из г. Бийска [12, С. 5]. Выборы в благочиниях и духовных учебных заведениях епархии прошли правильно, кроме одного благочиния (№ 36), где избирательное собрание пришлось закрыть вследствие беспорядков. Клирики благочиния собрались отдельно и выбрали из своей среды делегатов, что было признано противоречащим Положению о созыве съезда [12, С. 2]. 113 клириков и 161 мирянин были признаны полноправными участниками епархиального избирательного съезда. Они представляли 58 из 65 благочиннических округов Томской епархии и 5 духовных учебных заведений.

После избрания членов Поместного Собора съезд перешел к обсуждению епархиальных проблем: необходимости освободить духовные учебные заведения от военного постоя, обязательности преподавания Закона Божия, положении миссионерского дела в епархии и необходимости защиты православной веры. А также и общецерковных проблем: реформа государственно-церковных отношений, устройство прихода, высшее и епархиальное церковные управления, реформа духовных семинарий и училищ [12, С. 5, 13–15]. Собрание постановило: 1) об отношении церкви к государству: признать необходимым, чтобы церковь была неотделима от государства, а православная вера должна быть первой среди равных, глава государства должен исповедовать православную веру, по своему внутреннему устройству православная церковь должна быть автономна, принцип соборности должен быть положен в основу устройства прихода, так и вообще всего церковного управления, Закон Божий должен быть обязательным предметом в низшей и средней школе, мужские духовные учре-

ждения должны быть преобразованы в восьмиклассные общеобразовательные православно-христианские мужские гимназии, равные государственным средним школам. В православных гимназиях необходимо преподавать философские науки. Обучение должно быть всесословным и бесплатным, с сохранением пансионов. Епархиальные женские училища должны быть преобразованы в православные женские гимназии, равноправные с гимназиями Министерства народного просвещения, всесословные с сохранением пансионов. Необходимо учредить трёхгодичные богословские институты для пастырей. Все эти учебные заведения должны содержаться за счёт казны [12, С. 14–15]. Был также разработан и утверждён устав союза духовенства Томской епархии [13, С. 368].

Перед посадкой на поезд состоялось трогательное прощание с делегатами: крестьяне кланялись депутатам до земли с просьбой послужить на Соборе матери-церкви, народ просил отстоять Закон Божий, лились речи делегатов и народные слёзы. Все желали посланникам божьего благословения [11, С. 326]. Выборщики просили делегатов делиться с ними своими впечатлениями. Несколько писем с Собора были опубликованы на страницах епархиальных ведомостей. Прежде всего, делегаты делились своими впечатлениями о Москве: «Это какой-то водоворот, где беспрестанно, круглые сутки, люди, автомобили, трамваи, велосипеды, мотоциклеты спешат по всем направлениям, — писал священник Иоанн Шарин. — Нет никакой возможности даже на несколько минут сосредоточить своё внимание на чём-нибудь одном. А попытка следить за всем, что делается вокруг, причиняет боль органам внешних чувств, так как физически невозможно зафиксировать в сознании всё многообразие окружающего. В довершение всего оглушительные, разнообразные свистки, гудки, звонки машин постоянно держат тебя под опасением быть раздавленным или искалеченным. Вот что я могу сообщить своим далёким землякам и друзьям о Москве» [13, С. 331].

По поводу Собора священник Шарин писал, что он действительно состоит «из лучших сил, какие дали различные слои верующей православной Руси» [13, С. 331]. Он отмечал здесь людей науки, известных всей России государственных и общественных деятелей — Родзянко, Гучков, Шеин, князь Е. Трубецкой, представители армии и лучшие силы приходского духовенства — протоиереи Рождественский, Лахотский, Миртов, священник Востоков. Отмечал он и известных миссионеров — Боголюбова, Кальнева, Куляшёва, Несмеянова, Ильина. «Простецы в поддёвках, свитках и солдатских шинелях дышат глубоким религиозным чувством и горячим желанием, и словом, и делом поработать во славу Церкви Божией». Единственный человек на Соборе, которого автор письма относил к так называемым «метрическим христианам» (христианам лишь по форме), удостоился самого негативного комментария. Это бывший обер-прокурор Синода В.Н. Львов, с которым автор столкнулся в первый же

день по приезде на одном из собраний. Его автор сравнивал с гадаринским бесноватым, «который ворвавшись в ограду Церкви всё рвал и метал» [13, С. 332]. Кроме священника Шарина, интересные заметки о Соборе публиковал на страницах «Томских епархиальных ведомостей» профессор протоиерей И. Галахов, который записался сразу в четыре отдела: о правовом положении Церкви в государстве, о Высшем церковном управлении, законоучительский и о церковной дисциплине. Он отмечал, что на начальном этапе шла организация работы отделов, и на реакцию Собора на политические события, мимо которых Собор просто не мог пройти, Церковь не могла не подать своего голоса, т.к. речь шла о гибели государства [14, С. 354–355].

Результаты исследования. Подведём итог. Избирательный на Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг. съезд духовенства и мирян Томской епархии отразил процесс подготовки Собора и обсуждения церковным сообществом его канонических оснований. Причём, даже скептики считали Собор насущно необходимым событием, независимо от его статуса. На собраниях и в епархиальной периодике ставились вопросы — кого послать на Собор, кем должны быть эти люди, какой наказ следуем им вручить и какие проблемы обсудить на Соборе. Имеется достаточно свидетельств того, что Собор объединил людей разных, с разными взглядами и представлениями, но сердечно преданных вере и Церкви.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика». Проект выполняется в Санкт-Петербургском государственном университете.

Список источников и литературы:

1. Рогозный П.В. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

2. Скарборо Д. Московская епархиальная революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 104–126.

3. Фриз Г. Революция в Церкви: епархиальные съезды. 1905–1917 гг. // «Губительное благочестие»: Российская Церковь и падение империи: сб. ст. / Грегори Фриз; пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд–во Европейского университета в СПб, 2019. 350 с.

4. Фриз Г. «Воцерковление» 1917 года: церковный кризис и приходская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Российская революция. 2019. № 1–2 (37). С. 30–57.

5. Бирюкова Ю.А. Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1 (97). С. 64–70.

6. Агеев Е.А., свящ. Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917–1930). М.: Спасское дело, 2019.

7. ГАРФ. Ф. Р–3431. Оп. 1. Д. 1.

8. ТЕВ. 1917. 1 июля. № 13.

9. ТЕВ. 1917. 1 августа. № 15.

10. ТЕВ. 1917. 15 июля. № 14.

11. ТЕВ. 1917. 15 августа. № 16.

12. ТЕВ. 1917. 1 сентября. № 17.

13. ТЕВ. 1917. 15 сентября. № 18.

14. ТЕВ. 1917. 15 октября. № 20.

Для цитирования: Бирюкова Ю.А. «Сердечно преданные вере и Церкви»: томские делегаты по пути на Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 20–27.

© Бирюкова Ю.А., 2021

УДК 355.486+93/94

ШТАБ 1-ГО ВОЛЖСКОГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА: УРАЛ – СИБИРЬ (ЯНВАРЬ–ОКТЯБРЬ 1919 Г.)

Надежда Юрьевна Бринюк [1]

[1] Научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-Западного региона РФ) НИИ (военной истории) Военной академии Генштаба ВС РФ, Санкт-Петербург, Россия

[1] brinyuk2013@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 8611-5718

Аннотация: В статье представлены приказы по войскам 1-го Волжского армейского корпуса Русской армии адмирала А.В. Колчака. В этих приказах отражаются вопросы формирования корпуса зимой–весной 1919 г. и его участия в военных действиях лета–осени 1919 г. в составе колчаковской армии.

В приказах отражена повседневная, походная и боевая жизнь корпуса и его штаба. Они являются ценным историческим источником, и их изучение позволяет более полно осветить ход Гражданской войны и судьбу одного из наиболее боеспособных колчаковских формирований.

Ключевые слова: 1-й Волжский армейский корпус, колчаковская армия, генерал-майор В.О. Каппель, приказы по корпусу, боевой путь, наступление, отступление.

Постановка проблемы. Российский государственный военный архив (РГВА) сохранил в своих фондах коллекцию документов белых армий. Эта коллекция не отличается полнотой: многие материалы периода Гражданской войны были утрачены. Однако на основании уцелевших документов имеется возможность, пусть и не полно, часто фрагментарно, восстановить картину военной деятельности некоторых белогвардейских соединений и их штабов, выявить ряд проблем, которые решались командованием этих соединений, проследить пройденный ими путь.

Одно из таких белогвардейских формирований – 1-й Волжский армейский корпус генерал-майора Генерального штаба В.О. Каппеля, входивший в состав колчаковской армии. В РГВА сохранился целый ряд приказов по корпусу и приказов по частям корпуса. Эти документы имеют большую историческую ценность. Ведь, к примеру, документов воевавшего совместно с Волжским корпусом 4-го Уфимского армейского корпуса генерал-майора С.Н. Войцеховского почти не сохранилось. Таким образом, появляется возможность более подробно осветить жизнь и боевой путь Волжского корпуса, деятельность его штаба, штабов входивших в него дивизий. Дошедший до нас массив приказов по корпусу охватывает период с начала его развертывания из Сводного корпуса, вышедшего в тыл в начале 1919 г. после семимесячной военной деятельности в Поволжье и Приуралье, и других волжских частей, – до достижения белыми Тобола во время Тобольского сражения и установления на фронте двухнедельной паузы, которая окончилась широкомасштабным наступлением пополнивших свои войска красных и поражениями армий А.В. Колчака, окончившимися трагическим «Ледяным» походом колчаковской армии через Сибирь в Забайкалье.

Исследование указанных документов имеет существенное значение для реконструкции хода Гражданской войны на востоке России и значительно дополняет летопись военных действий, в которых участвовал 1-й Волжский корпус в своем походе сначала на запад, чтобы весной 1919 г. в составе Западной колчаковской армии развить успешное наступление в центральную Россию, на Москву, а затем, в упорных боях, – на восток, откатываясь под ударами превосходящих сил Красной армии.

Основная часть. 1-й Волжский армейский корпус генерал-майора Генерального штаба Владимира Оскаровича Каппеля был сформирован приказом № 94 Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака от 3 января 1919 г. из частей Сводного корпуса, входившего осенью 1918 г. в состав Самарской группы генерал-майора С.Н. Войцеховского, которая обороняла Уфу, и отошедшего от взятой 31 декабря красными Уфы на восток в самом начале января. При формировании корпуса в его состав включались и другие части, отступившие с Волги. По сведениям сослуживцев В.О. Каппеля, «кадрами он был богат, и кадрами надежными… <…> Стоило бы пополнить Каппеля из районов, сочувствующих борьбе, дать лошадей, снаряжение – и остов мог бы превратиться в грозную силу весьма скоро» [1, С. 84]. Сам командующий корпусом в период с 1 по 26 января 1919 г. находился в командировке в Омске «для выяснения района расквартирования и вопроса пополнения» корпуса [2, Л. 19]. Его обязанности исполнял инспектор артиллерии корпуса полковник В.Н. Прибылович.

Войска корпуса отводились в тыл. Штаб корпуса, который 1 января находился на ст. Иглино, впоследствии переместился на ст. Тавтиманово, к 7 января – на ст. Аша-Балашовская, 19 января – на ст. Миньяр, 20 января – Симский Завод. На последней станции 27 января в штаб вернулся из командировки генерал Каппель [3, Л. 30].

Немедленно последовали приказы В.О. Каппеля по корпусу, которые инициировали организационную работу по его формированию. Штаб уже 29 января отправлялся в Челябинск и далее в Курган, назначенный по итогам поездки командующего корпусом районом расквартирования штаба корпуса. Командование оставшимися в районе Аша-Балашовской частями Каппель возложил на временно командующего Отдельной Казанской бригадой подполковника Н.П. Сахарова. Части должны были по железной дороге передислоцироваться в города Петропавловск и Курган [3, Л. 31].

До отъезда Каппелю пришлось вмешаться в происшедший во время его отсутствия инцидент: 25 января произошел вооруженный бунт в частях 45-го Сибирского стрелкового полка. Группа солдат числом более 300 человек самовольно покинула фронт и направилась к Симскому заводу, где восставшие были задержаны, разоружены и арестованы частями Отдельной Казанской бригады Волжского корпуса. Приказом по корпусу В.О. Каппеля стрелки были преданы военно-полевому суду для осуждения их по статьям Свода военных постановлений 1869 г. [3, Л. 33 об.]. 29 января по приговору суда были расстреляны 29 человек [4, Л. 24об.].

Чины бывшего Сводного корпуса – наиболее известные в его рядах офицеры – были отмечены наградами Верховного главнокомандующего за 7-ме-

сячную военную деятельность в рядах корпуса. Приказом А.В. Колчака от 18 января 1919 г. за боевые отличия были произведены командир 1-го Самарского стрелкового полка Отдельной Самарской стрелковой бригады подполковник Борис Бузков – в полковники, командующий 2-м Самарским стрелковым полком капитан Владимир Калатц, командир конной батареи капитан Василий Вырыпаев и командир 8-й Самарской легкой батареи капитан Александр Дивногорский – в подполковники [3, Л. 36].

Приказ по корпусу № 26, отданный 5 февраля в Челябинске, где находился в то время штаб, извещал, что с 1 февраля 1919 г. корпус поступил в непосредственное подчинение Ставки Верховного главнокомандующего [3, Л. 38]. 7 февраля приказом по корпусу Каппель, уезжавший в очередную командировку в Ставку Верховного главнокомандующего, передал временное командование корпусом начальнику Отдельной Казанской стрелковой бригады полковнику А.П. Перхурову [3, Л. 42].

К началу марта штаб корпуса находился в Кургане. Командованием Курганского военного округа (сформирован 16 ноября 1918 г.) в распоряжение штаба корпуса было предоставлено здание кинематографа «Прогресс» [2, Л. 151]. 6 марта из Омска в Курган приехал В.О. Каппель, к этому времени обсудивший планы по развертыванию корпуса непосредственно с А.В. Колчаком [3, Л. 85].

7 марта командующий корпусом издал приказ № 43, в котором объявил копию приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора Генерального штаба Д.А. Лебедева от 27 февраля 1919 г. об укомплектовании и развертывании корпуса, присвоении наименований его частям. Корпус развертывался в составе трех стрелковых дивизий трехполкового состава, отдельной кавалерийской бригады, артиллерийских и вспомогательных формирований [3, Л. 86–87]. Последовавшие затем приказы В.О. Каппеля были направлены на форсирование и упорядочение работ по формированию корпуса. В деле развертывания корпуса встречалось немало препятствий; по свидетельству сослуживцев Каппеля: «Ставка относилась достаточно холодно, как, впрочем, и ко всему фронту, к успешному возвращению корпуса Каппеля…» [5, Л. 62об.].

15 марта 1919 г. должность начальника штаба 1-го Волжского армейского корпуса начал исполнять подполковник Генерального штаба С.Н. Барышников. Он принял дела от капитана Генерального штаба И.Ф. Ромерова, в будущем – командира 3-го Ставропольского стрелкового полка (сп) 1-й Самарской стрелковой дивизии (сд) корпуса [3, Л. 107].

С 16 по 24 марта командующий корпусом находился в г. Челябинске для осмотра частей 13-й Казанской сд. По приезде он издал приказ № 60, в котором указал, что ввиду недостаточной подачи фуража из тыла и безуспешности мер

по приобретению его вольной покупкой, разрешает начальникам дивизий, командиру отдельной Волжской кавалерийской бригады и корпусному интенданту производить в районе расположения частей частные платные реквизиции овса, сена, соломы и свежих овощей с ценами не выше названных в приказе (овес – 20 руб. пуд, сено – 16 руб. пуд, солома 25 руб. воз; капуста – 300 руб. за 100 вилков, лук – 100 руб. пуд, картофель – 20 руб. пуд). «Реквизиции вести планомерно, в мере действительной надобности, не оголяя района и не нарушая хозяйства владельцев. Реквизиции производить комиссиями, а не отдельными лицами и при непременном условии участия в них представителей от местной сельской администрации…» [3, Л. 119]. Через день Каппелем была назначена платная реквизиция повозок на железных осях, сбруи и седел [3, Л. 123].

Приказом Верховного правителя от 17 марта В.О. Каппель был назначен командующим 1-м Волжским армейским корпусом. Тем же приказом исполняющим должность начальника штаба корпуса был назначен подполковник С.Н. Барышников [3, Л. 127]. 4 апреля был издан приказ командующего корпусом № 74 о получении частями английского обмундирования. Генерал Каппель требовал, чтобы раздача происходила одновременно, дабы «не получилось, что часть людей одета в русское, а часть в английское», указывал на недопущение носки смешанного обмундирования, разрешал носить английское обмундирование только с русскими погонами и обращал внимание всех чинов корпуса на необходимость бережного отношения к новому обмундированию: «следует сохранить его в полной исправности ко времени выступления корпуса на фронт» [3, Л. 134–134 об.].

11 апреля (приказ № 79) и 15 апреля (приказ № 83) произошли следующие назначения: полковник Перхуров – командующим 13-й Казанской сд; командирами: подполковник Тарасов – 49-го Свияжского сп (впоследствии переименован в Казанский); подполковник Сахаров – 50-го Лаишевского сп (переименован в Арский), подполковник Заседателев – 51-го Уржумского сп; капитан Пугаев – 13-го Егерского батальона 13-й Казанской сд, подъесаул Свешников – конного дивизиона 13-й Казанской сд, полковник Климушкин – 13-го кадрового сп 1-й кадровой Волжской стрелковой бригады (сб), полковник Пугачев – 9-го Симбирского сп, полковник Соловьев – 10-го Бугульминского сп, капитан Бочкарев – 3-го Егерского батальона 3-й Симбирской сд, полковник Миронов – 2-го Самарского сп, штабс-капитан Максимов – 1-го Егерского батальона 1-й Самарской сд, полковник Пересвет-Солтан – 1-го кадрового сп 1-й кадровой Волжской бригады [3, Л. 140–140об., 144.].

Процесс формирования корпуса продолжался с февраля по май 1919 г. 3 мая последовал приказ Каппеля, в котором значилось, что со 2 мая корпус считается включенным в состав Западной колчаковской армии. Наступил момент выхода корпуса на фронт. В приказе № 103 от 5 мая Каппель напутствовал

войска корпуса: «Верю, что Волжский корпус, пополнивший свои ряды новыми бойцами и крепкий своим прежним боевым духом, самоотверженно и с честью выполнит свой долг перед Родиной. Помните, что наша исстрадавшаяся, разоренная и залитая кровью страна ждет Вашего освобождения и Вашего прихода в сердце России – Москву» [3, Л. 169].

С 5 по 9 мая на станциях Белебей – Аксаково разгружалась первая прибывшая на фронт 3-я Симбирская сд. Следом за ней, уже восточнее, на станцию Аксеново, с 12 по 15 мая прибыли эшелоны 13-й Казанской сд, на станции Раевка и Уфа с 18 по 21 мая – части 1-й Самарской сд и Отдельной Волжской кавбригады. Штаб 1-го Волжского армейского корпуса прибыл на фронт 11–12 мая, а последний эшелон корпуса – 28 мая [6, Л. 111]. Корпус вошел в состав Средней группы Западной армии, командование над которой принял на себя В.О. Каппель; одновременно он оставался командующим 1-м Волжским армейским корпусом, а штаб корпуса исполнял функции штаба группы. В этот период корпус попал в полосу ожесточенных боев в районе г. Белебея, где был окружен превосходящими частями 1-й, Туркестанской и 5-й Красных армий, и лишь благодаря опыту В.О. Каппеля вышел из окружения, оставив 17 мая Белебей [7, С. 497–499]. Группы Западной армии были переименованы: Средняя группа получила название Волжской.

19 мая 1919 г. штаб корпуса находился на ст. Аксеново, 20 мая – на ст. Раевка. В этот день Каппелем был издан приказ о производстве платных реквизиций скота на убой у населения по тем же принципам, по которым разрешались предшествовавшие реквизиции. Бойцам на фронте в связи с особо тяжелыми условиями несения службы были увеличены суточные нормы выдачи мяса с ¾ до 1 фунта; для больных и выздоравливающих устанавливался полуторный суточный оклад. Суммы, которые были пожертвованы корпусу во время стоянки в тылу крестьянами Западной Сибири, выделялись командующим корпусом на выдачу материальных пособий раненым офицерам и солдатам корпуса [3, Л. 173–173об.].

На станции Раевка 21 мая 1919 г. Каппелем был издан приказ, которым доводились до чинов корпуса новые назначения и производства: начальником штаба Западной армии вместо генерал-майора С.А. Щепихина стал генерал-майор К.В. Сахаров; начальник 3-й Симбирской сд производился в генерал-майоры со старшинством с 3 декабря 1918 г. [3, Л. 174].

К началу июня корпус в составе Западной армии отступил на восточный берег реки Белой, где занял оборону. Штаб находился на ст. Аша-Балашовская. 22 июня 1919 г. командование Западной армией принял генерал К.В. Сахаров, сменивший на этом посту генерала от артиллерии М.В. Ханжина. Штаб корпуса вместе с подчиненными ему войсками отходил на северо-восток: 29 июня – за-

вод Миньяр, 3 июля 1919 г. – ст. Вязовая, 4 июля – дер. Первухино. 1 июля при рекогносцировке позиций в районе Кропачево у деревни Серпиевка пропал без вести корпусной инженер полковник К.Л. Зигерн-Корн (однокашник Каппеля по Военной академии), приказом № 121 он был исключен из списков корпуса [3, Л. 188].

Поражения белых продолжались. 11 июля штаб Волжского корпуса находился уже под Златоустом, в селе Куваши, 15 июля – восточнее Миасса, в станице Чебаркуль. Через десять дней штаб располагался в станице Еткульская (Еткуль). Здесь приказом Каппеля был отстранен по несоответствию занимаемой должности полковник Климушкин, и 13-й Кадровый полк Кадровой Волжской бригады принял полковник Миронов [3, Л. 198]. На следующий день продолжались назначения по частям корпуса: полковник Воскресенский – 3-й Кадровый Симбирский сп, капитан Бочкарев – Егерский отдельный батальон при 3-й Симбирской сд, капитан Яковлев – инженерный дивизион 1-й Самарской сд.

В конце июля 1919 г. развернулось сражение под Челябинском, и войска Волжской группы В.О. Каппеля ожесточенно оборонялись к юго-западу от города, перемещаясь в процессе боев лишь на небольшие расстояния. Штаб Каппеля также оставался в одном районе: ст. Еткульская – пос. Белоусовский. 31 июля 3-я (бывшая Западная) армия начала отступление от Челябинска.

Начало августа стало критическим периодом для Волжской группы. Войска красных неотступно преследовали ее, стараясь обойти с флангов и отрезать от соседних частей. «Каждый день шли ожесточенные бои, почти все части делали большие форсированные переходы и сложные маневры» [8, Л. 106]. Штаб откатывался вместе с войсками группы: 4 августа – дер. Сафакулево, 8 августа – с. Петухово, 12 августа – с. Меньшиково, затем дер. Становая, 19 августа – с. Старое Марково, 22 августа – с. Саламатово. Приказ № 138 от 19 августа сообщал, что командир 50-го Арского сп подполковник Сахаров произведен Верховным главнокомандующим в чин полковника [4, Л. 176].

С 16 августа 1919 г. вся 3-я армия А.В. Колчака находилась на правом берегу р. Тобол. Красная армия начала форсирование Тобола 20 августа; продолжились ожесточенные (по словам Каппеля, «непосильные» [9, Л. 306 об.]) бои, которые вынудили командующего Волжской группой впервые за всю войну в докладе штабу армии назвать создавшееся положение «серьезным и опасным для всей армии» [9, Л. 306]. 22 августа во время пребывания штаба в с. Саламатово, Каппель отдал приказ, в котором сообщал: «отправляясь вследствие болезни в госпиталь, приказываю во временное командование корпусом вступить начальнику 1-й Самарской стрелковой дивизии генерал-майору Имшенецкому» [3, Л. 212].

Волжская группа продолжала отступать за реку Ишим, к Петропавловску: 24 августа штаб находился в селе Серебряное, 26 августа – дер. Гусиная, 27 августа – дер. Богдановичи, 30 августа – ст. Становая.

В районе Петропавловска войска белых были приведены в относительный порядок. С 1 сентября 1919 г. началось контрнаступление колчаковской армии от Петропавловска обратно к Тоболу. Волжская группа успешно теснила противника. За первую неделю боев она продвинулась на 100 верст к западу. 5 сентября штаб находился в ст. Дубровная, 7 сентября – с. Монастырский, 9 сентября – с. Макушино, 20 сентября – дер. Кривинская, 22 сентября – д. Б. Кривинская, 25 сентября – с. Большое Головное. К окончанию наступления, когда наступательные возможности колчаковской армии были исчерпаны, штаб группы и корпуса находился в дер. Колесниково, 24 км на юго-восток от Кургана.

На протяжении сентября принимались кадровые решения. Приказ № 149 от 3 сентября гласил, что командир 50-го Арского сп полковник Сахаров за боевые отличия произведен в генерал-майоры [4, Л. 187об.]. Приказом № 150 (5 сентября) было доведено производство командующего 3-м Ставропольским сп подполковника Ромерова в полковники с утверждением в занимаемой должности [4, Л. 188]; приказ № 160 от 17 сентября сообщал, что командующий 2-м Самарским сп подполковник Калатц произведен Верховным правителем в полковники [4, Л. 201]; приказ 165-а от 20 сентября озвучил целый ряд назначений: помощник начальника 13-й Казанской сд генерал-майор Воронов допускался к исполнению должности начальника дивизии, затем назначался генералом для поручений при командующем 3-й армии с временным прикомандированием к штабу Волжского корпуса в распоряжение его командующего; командир 3-го Ставропольского сп полковник Ромеров допускался к исполнению должности начальника 13-й Казанской сд; командующий 50-м Арским сп генерал-майор Сахаров был допущен к исполнению должности помощника начальника 1-й Самарской сд, исполняющий должность начальника штаба Самарской сд подполковник Шимановский допускался командующим 50-м Арским сп; исполняющий должность старшего адъютанта штаба 3-й Симбирской сд подполковник Плеткин допускался к исполнению должности начальника штаба Самарской сд [4, Л. 205].

Колчаковское командование планировало продолжить военные действия, намечая их начало на 15 сентября. Однако красные упредили противника и свое наступление начали 14 октября. Через две недели обходимые на флангах войска Волжской группы начали отход со своих позиций. 31 октября они оставили Петропавловск. Ровно через месяц после начала наступления красных, 14 ноября 1919 г., был оставлен Омск.

Результаты исследования. Изучение приказов по 1-му Волжскому армейскому корпусу приводит к весьма определенным выводам. Корпус был частью регулярной армии и, как регулярное войсковое соединение, ориентировался на положения устава Императорской армии, продолжал ее традиции. Свод военных постановлений 1869 г. был основополагающим законом для деятельности его командования.

Приказы по войскам 1-го Волжского корпуса иллюстрируют передвижения корпуса в 1919 г., кадровые перестановки в его командовании, организацию снабжения войск, трудные фронтовые будни, попытки добиться победы и замедлить отступление. Приказы являются своеобразной летописью жизни корпуса, отражающей боевой путь и короткую судьбу этого соединения, возглавляемого талантливым военачальником и являвшегося одним из наиболее боеспособных формирований колчаковской армии.

Список источников и литературы:

1. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922). Рига: Издание М. Дидковского, 1930. 250 с.

2. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 53.

3. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62.

4. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1730.

5. ГАРФ. Ф. 6605. Оп. 1 Д. 8.

6. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 32.

7. Бринюк Н.Ю. Владимир Каппель. Биография эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 720 с.

8. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 416.

9. РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 32.

Для цитирования: Бринюк Н.Ю. Штаб 1-го Волжского армейского корпуса: Урал – Сибирь (январь–октябрь 1919 г.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 27–35.

© Бринюк Н.Ю., 2021

УДК 94(437+57)“1918/1919”

СЪЕЗДЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА И ИХ РОЛЬ В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Максим Анатольевич Васильченко [1]

[1] Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

[1] Maks-vasilchenko@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9022-4616,
ORCID: 0000-0002-6588-5650

Аннотация: В рамках работы рассматривается феномен съездов Чехословацкого корпуса, как формы представительной демократии в чрезвычайных условиях, создавший предпосылки для формирования протестного движения среди рядового и офицерского состава Чехословацкого корпуса. Особое внимание автор уделяет роли Челябинского съезда, который заложил механизмы влияния личного состава Чехословацкого корпуса на политику руководства Чехословацкого национального совета на начальном этапе Гражданской войны в России. Исследуются итоги работы съездов, рассматриваются их влияние на организационную структуру Чехословацкого корпуса, а также ход Гражданской войны в целом.

Ключевые слова: Гражданская война в России, интервенция, Чехословацкий корпус, чехословаки, Б. Павлу, протестное движение, Челябинск, Иркутск.

Постановка проблемы. Национальные воинские формирования в России, созданные в годы Первой мировой войны, оказали значительное влияние на события Великой русской революции. Со стороны большевиков можно отметить формирование латышских стрелков, охранявших первых лиц государства, участвующих в руководстве ВЧК, подавлявших мятеж левых эсеров в Москве 6 июня 1918 года и принимавших активное участие на многих фронтах Гражданской войны. Для антибольшевистских сил таким же знаковым воинским формированием был Чехословацкий корпус.

В отечественной историографии современного периода установился стабильный интерес исследователей к истории чешского национального воинского формирования. Появляются как работы обзорного характера [1, 2, 3], раскрывающие основные этапы истории чешского и словацкого национального движения, так и труды по отдельным отраслевым вопросам [4, 5], но роль съездов делегатов от военных частей рассмотрена комплексно до настоящего времени не была. Цель исследования – изучить феномен съездов Чехословацкого корпуса и их влияние на ход Гражданкой войны.

Основная часть. Историю проведения съездов Чехословацкого корпуса можно отсчитывать с 9 апреля 1918 года. Именно в этот день в Пензе командующий Чехословацким корпусом В. Шокоров издает приказ о создании съезда Чехословацкого корпуса [6, С. 166]. Данный документ не определял конкретную дату и время проведения мероприятия, однако сформулировал четкий алгоритм действий для его осуществления.

Предполагалось, что место съезда «будет определено по маршруту движения корпуса» так, чтобы делегаты прибыли на указанное место, либо смогли дождаться свои эшелоны в этом городе. В документе указывалось, что съезд должен пройти в период одного или двух дней и «не будет иметь никаких перерывов» [6, С. 166].

Данный приказ от 6 апреля имел приложение, которое детально раскрывало порядок выборности участников съезда. Авторами данного документа были заместитель председателя отделения ЧСНС Прокоп Макса и секретарь ОЧСНС, доктор Иван Маркович. Согласно документу мероприятие официально именовалось «Съезд 1-го Чешкословацкого армейского корпуса» [6, С. 106], так как место и период съезда не были утверждены. Решение о его проведении планировалось сообщить дополнительно по телеграфу всем эшелонам, как только «транспортные условия позволят проведение съезда» и как только будет произведена процедура выборов делегатов от всех эшелонов [6, С. 106].

В документе отмечалось, что выборы делегатов будут проводиться по эшелонам. Предполагалась многоступенчатая процедура голосования. При этом отдельно избирались представители от солдат и от офицеров. Пункт 3 документа предусматривал пропорциональное избрание делегатов, в зависимости от количества солдат в эшелоне. Если в эшелоне было от 150 и до 351 избирателей, то они могли проголосовать за одного представителя. Если в эшелоне было более 350 и менее 700 солдат, то такой состав отправлял по 2 делегата. Более крупные эшелоны, которые превышали в своем составе численность в 700 человек, направляли 3 человека. Пункт 3.Б. предусматривал возможность максимально представить и более мелкие эшелоны, до 151 человека. Им предлагалось направить по 1 представителю с правом совещательного голоса [6, С. 106].

Данная система многоступенчатых выборов давала следующие преимущества: солдатская масса могла быть представлена максимально широко. Даже минимальный воинский контингент мог быть представлен одним делегатом. Все делегаты, избранные от армейских частей и эшелонов, обладали только совещательным голосом, однако для голосования необходим был голос решающий. Для этого предполагалось использовать следующую формулу: «три делегата с правом совещательного голоса полномочны перед началом съезда выбрать среди себя одного представителя, который получит решающий голос» [6, С. 106].

Процедура проведения выборов вменялась в полномочия эшелонного суда. Из его состава выделялись три человека (председатель суда и два его члена, назначенных председателем). Если в эшелоне не было суда, то избирательный комитет формировался из председателей ротных комитетов. Если в эшелоне существует рот более трех и количество их председателей больше, то проводится жеребьевка среди командиров рот. Если в эшелоне нет суда, но есть ротный комитет, то «избирательная комиссия эшелона состоит из председателя, секретаря и одного члена ротного комитета, назначенного председателем [6, С. 107].

Удаленность эшелонов друг от друга наложила отпечаток на способы передачи информации об итогах голосования. Для солдатской массы предполагалось два способа передачи информации «по телеграфу и одновременно специальным курьером ОЧСНС, а также командующему соответствующей части» [6, С. 108]. Процедура подсчета голосов для офицеров проходила несколько иным способом. Офицерское волеизъявление не анализировалось в полковых комитетах, а отправлялось в штаб полка [6, С. 108]. Мероприятия по избранию делегатов были завершены к первой половине мая 1918 г. С 16 мая участники съезда стали прибывать на железнодорожную станцию города Челябинска, который был выбран местом его проведения. В этот период времени начали свою работу предсъездовские конференции.

К 20 мая в город прибыли все его участники. Из 123 делегатов имели право голоса 119. В обеденном зале железнодорожного вокзала началось пленарное заседание [7, С. 15]. Съезд чешскословацких революционных войск, собравшийся в Челябинске, заявил в присутствии комиссара по военным делам Садлуцкого «о своих симпатиях русскому революционному народу в его тяжелой борьбе за укрепление революции». Делегаты отметили, что «советская власть не в состоянии гарантировать свободный и безопасный проезд» во Владивосток, и поэтому постановляет «в дальнейшим оружия не сдавать до тех пор, пока не получит полнейшей гарантии свободного проезда» [6, С. 147-148].

Другим важным вопросом, внесенным в повестку дня, стала проблема сохранения оружия у личного состава корпуса. Съезд создал совместную с челябинским советом комиссию и включил в нее со своей стороны Ф. Полака, А. Чилу, В. Смолку. Было решено возвратить Челябинскому совету 800 винтовок, захваченных 5 дней тому назад в ходе произошедшего ранее Челябинского инцидента [7, С. 15]. Председатель съезда объявил о том, что конфликт с челябинским советом был исчерпан и зачитал телеграмму от имени В.К. Садлуцкого на имя Л.Д. Троцкого.

23 мая в ходе работы съезда его председателем Б. Павлу была озвучена телеграмма из Москвы, написанная от имени руководителей ОЧСНС под давлением большевиков. В ней говорилось о разоружении личного состава корпуса.

Решения съезда были направленных по телеграфным линиям в Совнарком, в Вологду и руководителям групп Чехословацкого корпуса на Транссибирской магистрали. 26 мая 1918 г. уполномоченный съезда делегатов частей Чехословацкого корпуса Б. Павлу [8] направил телеграмму в совнарком РСФСР и Народный комиссариат по военным делам о передаче руководства транспортом Чехословацкого корпуса Временному исполнительному комитету. В ней говорилось, что «нельзя удовлетворяться обеспечением транспорта только со стороны властей Советской Федеративной Республики в связи с неопределенностью общей обстановки». В документе чехи выражали надежду «на мирный выход из сложного положения» и утверждали, что «каждое столкновение лишь осложнило бы положение местных органов советской власти в Сибири» [9, С. 83-84].

Председатель съезда Б. Павлу направил телеграмму и в адрес военного комиссара Западной Сибири С.А. Фурсова. В ней говорилось: «военные действия между чешскословацкими и русскими войсками ни в коем случае недопустимы», однако «попытки к разоружению наших эшелонов и запрещение продолжать движение на восток рассматривается съездом как акты насилия». Чехи предлагали, что «в интересах обеих сторон возможна скорейшая разгрузка Челябинска от чехословацких эшелонов и скорейшее их продвижение» [6, С. 159].

Среди итогов съезда были следующими: продолжать движение во Владивосток, отказавшись от плана транспортировки частей через Архангельск. Оружие не сдавать и сопротивляться его разоружению. Отозвать полномочия у руководителей ОЧСНС.

Челябинский съезд продемонстрировал не только демократические тенденции, позволил высказать мнение солдатской массы, но и заложил основы протестного движения в Чехословацком корпусе, которое получило развитие последующих съездов.

В июне 1919 г. состоялся второй внеочередной съезд представителей Чехословацкого корпуса. Это событие не получило столь широкого, как Челябинский съезд, освещения в историографии, так как оно укладывалось в общую исследовательскую концепцию «усталости» чехов от военных действий. Однако этот съезд имел очень важные особенности, на которые стоит обратить внимание. 11 июня 1919 г. на станции Иннокентьевской собрались депутаты 1-й дивизии. На повестке делегатов были поставлены следующие вопросы: «1. Дальнейшее пребывание чеховойск в Сибири, 2. Активная борьба с большевиками, 3. Передача управления в войсках частям комитета, 4. Прибавка жалования» [10, С. 155]. Действия делегатов, в том числе их агитационная работа была жестко пресечена руководством корпуса и иностранной интервенцией.

Для успокоения войск были приняты следующие меры: агитаторы изолировались от солдат, начались следственные действия, по итогам которых были

установлены лица, игравшие важную роль в работе съезда. С ними был связан представитель Чехословакии в Японии Немец, находящийся в Иркутске. При агитаторах были обнаружены крупные суммы денег, происхождение которых они не могли объяснить [11, Л. 37].

Для решения конфликта в Иркутск, центр протеста, прибыл генерал М. Жанен, который направил телеграмму с требованием подчинения политическим уполномоченным Чехословацкого корпуса всех делегатов съезда. Его телеграмма расколола участников съезда: 48 делегатов заявили о своем полном подчинении, чем инцидент был исчерпан» [11, Л. 21а].

По итогам выступления было принято решение разоружить и интернировать «роты 4 полка и пулеметную роту табора словаков… потому что они недостойны иметь оружие – этот символ не оскверненного бойца за свободу» [11, Л. 57 об].

Иркутский съезд имел широкий общественный резонанс, так как в это время на международной арене решался вопрос по определению границ Чехословакии. О происходящих событиях был составлен протокол и отправлен в Прагу. Командование союзных сил в Сибири использовало события в Иркутске для налаживания взаимоотношений между национальными контингентами в Сибири и правительствами новых образованных государств: Чехословакии, Сербии, Румынии. Иркутский чрезвычайный съезд был следствием усталости личного состава корпуса от войны, симпатией простых солдат к демократическим свободам, которые были, по их мнению, ущемлены после прихода к власти А.В. Колчака [13].

Заключение. Съезды Чехословацкого корпуса имели определяющее значение для формирования позиции чехов и словаков к событиям в России 1918 – 1919 годов. Если Челябинский съезд продемонстрировал необходимость консолидации всех сторонников борьбы с большевиками, то события в Иркутске продиктовали иную повестку, связанную с необходимостью эвакуации личного состава Чехословацкого корпуса и отказа чехов от участия в боевых действиях на фронте.

Список источников и литературы:

1. Ефименко А.Р. Чехословацкий корпус в составе русской армии и революционные события 1917 года // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 17-22.

2. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917—1918 г. (Опыт военно-исторического исследования). М.: Государственное военное издательство, 1925. 221с.

3. Рыбков А.Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: 1918 год. Исторические очерки / под ред. Н.С. Яшина. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. 220 с.

4. Васильченко М.А. Советская власть и ЧСНС накануне мятежа Чехословацкого корпуса (март–май 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 1. С. 27-30.

5. Дмитриев Н.И. Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата в годы Гражданской войны на Урале (1918–1919 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 50–56.

6. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

7. Муратов А., Муратова Д. О событиях, которые в СССР называли «чехословацкий мятеж». Прага: Чехословацкое общество легионеров. 2018. 52 с.

8. Васильченко М.А., Вацулик Я. Богдан Павлу и его деятельность в России (1915—1919 гг.) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 347—360. DOI:10.24224/2227-1295-2021-6-347-360.

9. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М., 1973. 552 с.

10. Партизанское движение в Сибири / под ред. и с предисл. В.В. Максакова. М.– Л.: Гос. издательство, 1925. Т. 1. Приенисейский край. 285 с.

11. РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 22.

12. Васильченко М.А. Колчаковский переворот и политика невмешательства Чехословацкого корпуса во внутренние дела России // Славянский сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательский центр "Наука", 2019. С. 117-121.

Для цитирования: Васильченко М.А. Съезды Чехословацкого корпуса и их роль в ходе Гражданской войны в России // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 36–41.

© Васильченко М.А., 2021

УДК 94(571)

СИБИРЬ – МАНЬЧЖУРИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ирена Владимирски [1]

Мария Владимировна Кротова [2]

[1] Академический колледж Ахва, Израиль
[2] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

[1] irena@achva.ac.il, ORCID ID: 0000-0002-4766-5312
[2] mary_krot@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7948-0251

Аннотация. Проблема еврейской эмиграции из Сибири в Маньчжурию в период Гражданской войны высвечивает ряд важных проблем, в том числе сложность межэтнических отношений в Сибири, политическую ориентацию евреев, причины раскола внутри еврейской общины. Частный случай эмиграции в Харбин сибирского золотопромышленника Я.Д. Фризера, вписанный в более общий контекст еврейской эмиграции, позволяет понять ее мотивы и особенности. Статья основана на неопубликованных архивных материалах, эго-документах, публицистике.

Ключевые слова: Сибирь, Забайкалье, Маньчжурия, Гражданская война, эмиграция, евреи, Харбин, Я.Д. Фризер.

Постановка проблемы. В исследовательской литературе неоднократно поднималась проблема еврейской эмиграции в Маньчжурию в период Гражданской войны [1; 2; 3; 4]. Тем не менее, в многочисленных эго-документах обнаруживаются новые подробности миграционных процессов, быстро меняющейся в условиях политической ситуации в 1918–1920 гг. В статье предпринята попытка вписать частный случай эмиграции в Харбин баргузинского золотопромышленника Я.Д. Фризера в более общий контекст еврейской эмиграции, для понимания ее причин и особенностей. Таким образом, применение биографического метода для реконструкции маршрутов, мотивации и обстоятельств эмиграции видится оправданным.

Основная часть. Первая мировая, а затем Гражданская войны привели к хаотическому движению больших масс населения. Беженские волны двигались с запада на восток страны, в основном, по Трнассибу и КВЖД. Харбин

стал переполняться еще с 1915 г., когда вследствие оккупации немцами Польши евреи стали двигаться на восток, в центральную Россию, Сибирь и дальше, в Маньчжурию, которая казалась островком стабильности и предоставляла возможность временной передышки. Кроме того, в Харбине уже с 1903 г. существовала большая еврейская община, не ограниченная рамками законов о черте еврейской оседлости, характерных для метрополии. Религиозная толерантность и поощрение развития экономической активности со стороны китайских властей объясняют тот факт, что евреи-беженцы предпочитали жить здесь, здесь же скрывались от преследований евреи – представители радикальных партий. Во время Первой мировой войны сюда стали стекаться всевозможные поставщики и посредники, среди которых было немало сибирских евреев, хорошо знавших местный рынок, – они закупали товары для армии, продовольствие для центральной России, причем торговля носила зачастую спекулятивный характер. После 1917 г. Харбин стал убежищем для людей самых разных политических взглядов, которые спасались здесь как от «красных», так и «белых».

Надо сказать, что большинство сибирских евреев с воодушевлением восприняли известие о февральской революции, многие ссыльнопоселенцы из евреев воспользовались амнистией и выехали в центральную Россию, другая часть политических ссыльных осталась в Сибири. Евреи из числа предпринимателей также спешили использовать открывшиеся возможности, активно включившись в политическую и общественную работу. В связи с выборами в Учредительное собрание многим евреям пришлось определиться с политическими предпочтениями. Надо сказать, что традиционно симпатии евреев Сибири были на стороне демократических и либеральных течений, так что больше всего среди сибирских евреев было социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков) и эсеров, сравнительно небольшая часть предпочла Партию народной свободы. Декларация Бальфура, провозгласившая право евреев на создание национального государства в Палестине, вызвала энтузиазм еврейского населения, привела к оживлению сионистского движения в Сибири и образованию сионистских организаций [5, С. 117–118]. В феврале 1918 г. в Иркутске состоялось открытие «Бюро сионистов-шекеледателей», на котором состоялись выборы делегатов на Всероссийский еврейский съезд от Сибири [6, С. 343]. С 1917 г. началось движение евреев в Палестину. «Забайкальская новь» сообщала в июне 1919 г., что во многих городах Сибири «организованы общества по эксплуатации Палестины с крупными капиталами. На днях несколько иркутских коммерсантов передали через И.Х. Соскина (харбинского предпринимателя – И.В., М.К.) ученому агроному М.К. Берману, в скором времени отправляющемуся в Палестину, 230 тыс. рублей для покупки там участков земли и постройки домов» [7, С. 2].

В семье баргузинского золотопромышленника Якова Давидовича Фризера (1869–1932), который подчеркивал свою аполитичность, находились предста-

вители самых разных политических течений. Его двоюродный брат М.А. Новомейский, будучи золотопромышленником, в марте 1917 г. был в числе создателей ревкома в Баргузине, затем примкнул к сионистскому движению [8, С. 166–169], возглавил национальный совет еврейских общин в Сибири и на Дальнем Востоке [6, С. 343]. Двоюродная сестра Фризера М.А. Цукасова была членом социал-демократической партии, ее дом в Иркутске в 1917 г., по словам Моше Новомейского, превратился в место встреч революционеров, некоторые из которых вошли в состав нового советского правительства [8, С. 46]. Другая сестра была замужем за известным социал-демократом доктором В. Мандельбергом, двоюродные братья Новомейские были социал-демократами и активно сотрудничали после революции с новой властью. Сам Я.Д. Фризер симпатизировал левым партиям, у него на Королонских приисках работало немало политических ссыльных: социал-демократ А.П. Малоземов, эсеры Я.М. Гиншпан, А.Р. Левитас, В.А. Мит, В.А. Зелезей и др. Эсером был доверенный Фризера на приисках А.И. Погребецкий, биографию которого воссоздал Д.И. Петин [9]. Сам Фризер примкнул к кадетам, с 1916 г. входил в иркутский комитет партии [6, С. 300].

Октябрьский переворот застал Я.Д. Фризера в Ленской тайге, в своей резиденции в Бодайбо. Он пытался спасти свой обширный бизнес, хотя бы пароходство, войдя в образованное в ноябре 1917 г. акционерное общество «Восточно-Сибирское общество пароходства, торговли и промышленности» [10, Л. 61 – 63]. Но национализация промышленных и торговых предприятий, конфискация банковских вкладов заставили задуматься о дальнейшей судьбе. Остается открытым вопрос о времени переезда (вынужденного бегства) Я.Д. Фризера в Харбин. Сам он в одной статей в 1922 г. сообщал, что ему «пришлось, как и многим другим, выехать из Иркутска в малознакомый Харбин в начале 1918 г.», не уточняя даты [11, С. 21]. Действительно, согласно воспоминаниям, «тяга на Восток», в Маньчжурию началась в Иркутске в конце декабря 1917 г.: «Кроме военных поспешили выехать в Харбин и некоторые общественные деятели, и видные представители торгово-промышленного мира. Большевики немедленно на станции Слюдянка Кругобайкальской железной дороги учредили контрольный пункт для поимки “контрреволюционеров”» [12, С. 81–82].

Однако отдельные документы показывают, что Фризер выехал в Харбин не ранее конца ноября 1918 г. Так, он, скорее всего, присутствовал на похоронах своей матери в Иркутске в начале декабря 1918 г. [13, С.1]. Уезжая в 1918 г. в Харбин, который он хорошо знал и часто бывал там по делам (там долгое время до самой смерти жил его тесть Ф.И. Риф) он, как и многие, не думал, что уезжает навсегда. В Иркутске остался весь его архив, дневники, которые он вел с 1893 года, огромная библиотека. Иркутский библиотекарь Н.С. Романов в своих воспоминаниях отметил, что после революции Фризер «выбыл куда-то

на Восток. Оставшееся после него имущество как бесхозяйственное было конфисковано, в том числе и библиотека (гордость его жизненной деятельности)» [14, С. 161]. По данным Романова, книги из библиотеки Фризера поступили в отдел народного образования Иркутска в первых числах июля 1920 г. [14, С. 411]. Причем уезжал Фризер один, оформив перед отъездом в ноябре 1918 г. в Иркутске нотариальное соглашение с женой, Надеждой Фиселевной, согласно которому она за 500 рублей выкупила у него право пользования и владения приисками (в списке было 118 приисков) [15]. Возможно, отъезд спровоцировали события в Омске – приход 18 ноября 1918 г. к власти адмирала А.В. Колчака. Так, например, близкий знакомый Я.Д. Фризера присяжный поверенный М.А. Кроль, опасаясь ареста, в ноябре 1918 г. спешно покинул Иркутск и выехал в Харбин по железной дороге [16, С. 523]. Позже, вспоминая о своем поспешном отъезде в Харбин практически без имущества, Фризер писал, что «была возможность все вывезти сюда, но я рассчитывал, как и все другие, на скорое возвращение обратно в Сибирь. Оказывается, что мы все ошиблись в своих расчетах» [17, С. 9].

Очевидно, что на миграционные процессы влияло отношение евреев как к колчаковскому правительству, так и советской власти. Часть евреев, как, например, М.А. Кроль, принадлежали к лагерю так называемой демократической контрреволюции, выступавшей как против большевиков, так и белого движения. Хотя Сибирь отличалась толерантностью и практически не знала еврейских погромов, революция и Гражданская война вызвали всплеск антисемитизма, связанного с тем, что еврейство ассоциировалось с новой властью и большевизмом, в том числе по причине большого числа революционеров из евреев [18, С. 81–94]. Об антисемитских настроениях «белых» писал в своих воспоминаниях А.С. Ивельский, который родился в Сибири на Ленских приисках и во время Гражданской войны был в отряде В. Дуганова, печально известном своими расправами с коммунистами и евреями, оправдывавшем свои преступления тем, что «советская власть – жидовская» [19, Л. 16].

С другой стороны, реквизиции как «красных», так и «белых», грабежи и насилие многочисленных партизанских банд и казачьих отрядов атамана Семенова, отличавшихся антисемитизмом, отталкивали евреев и вынуждали переходить их в «красный» стан. В.А. Морозов в своих воспоминаниях, описывая отступление белых частей в начале 1920 г., упоминал об «особой еврейской роте» в Забайкалье: «В Сретенске в апреле 1920 г. стало известно, что за каким-то молодым евреем, принадлежащим к богатой еврейской семье, семеновские генералы ведут усиленную охоту, желая заполучить его в свое распоряжение, чтобы потребовать затем с отца громадный выкуп. Молодой еврей этот, не желая попасть в руки семеновцев, состоит в рядах особой еврейской роты, сражающейся против Семенова в рядах красных партизан. …Наиболее частым пунктом расквартирования этой роты был, как рассказывали, Нерчинский завод.

Наш полк боевых сражений, даже перестрелок, с этой ротой не имел. Но семеновские части неоднократно вступали с ними в бой и даже искали столкновений с нею, отчасти из-за резкой неприязни к евреям, а отчасти в надежде захватить пленных и возможности последующего шантажа. Как жилось в Забайкалье тем еврейским семьям, сыновья которых оказались в клане партизан, не знаю. Думаю, что им приходилось не сладко, и что все те, кто мог убежать из семеновской вотчины, сделали это» [20, Л. 38]. Необходимо заметить, что часть сибирских евреев участвовала в Гражданской войне и на стороне белых: так, иркутский коммерсант Яков Абрамович Бруннер прибыл в Маньчжурию в 1916 г. как закупщик товаров, был призван в Белую армию и воевал в составе 1-го кадрового артиллерийского дивизиона [21, Л. 2].

Многие евреи затем работали в органах советской власти в ДВР и Сибири, сделав неплохую карьеру. Но все-таки большинство предпочло эмиграцию. В Маньчжурию из Сибири вело несколько путей – по железной дороге через Читу и Маньчжурию или Владивосток и Пограничную, а также через Благовещенск. Многие сибирские евреи выехали с началом Гражданской войны в Монголию, с которой существовали тесные торговые связи, однако именно они попали под расправу армии барона Р. фон Унгерна-Штернберга в начале 1921 г. Как бы то ни было, беженские волны времен революции и Гражданской войны сократили еврейское население Сибири. По данным И.А. Якушева, который проанализировал результаты переписи 1926 г., количество евреев в Сибири уменьшилось на 18,9 тыс. человек. [22, С. 9]. И наоборот, число еврейских беженцев в Маньчжурии стремительно росло – если до революции в Харбине проживало около 3 тыс. евреев, то в начале 1920-х гг. их число возросло до 8 тыс. чел. [23, С. 119]. Для многих Маньчжурия и Харбин были транзитным пунктом, из которого перебирались затем в другие города Китая (Шанхай, Тяньцзин), Европу или Америку. Через Харбин проходил маршрут выезда из Сибири в Палестину.

Однако большинство евреев оседало в Харбине и на линии КВЖД (особенно в районе Хайлара), выжидая изменения ситуации. М.А. Кроль оставил впечатления о Харбине конца 1918 г.: «Харбин кишел беженцами, среди которых было немало очень богатых людей, успевших вывезти из России значительную часть своих капиталов, ценностей… Главным образом, это были коммерсанты, которые и в Харбине тоже делали “дел” и много содействовали небывалому развитию харбинской торговли» [16, С. 527]. И.И. Серебренникову, прибывшему в 1920 г. в Харбин из Иркутска, показалось, что евреев здесь было «едва ли более, чем собственно русских»: «Дешевая жизнь и легкие заработки благодаря богатым коммерческим возможностям привлекали в Харбин в прошлые годы многих представителей этой нации. Евреи населяли преимущественно пристанскую часть города, где часто можно было видеть их собиравшимися кучками или целыми группами на тротуарах Китайской улицы, оживленно толкующими о делах. Мне казалось, что харбинские евреи очень любят

свой Харбин, примерно наподобие того, как прежде одесские евреи любили свою Одессу. Недаром же сложилась здесь еврейская поговорка: «Одесса – мама, Харбин – папа!» [24, С. 26]. В Харбине оказались многие знакомые Я.Д. Фризера: М.А. Кроль, А.И. Погребецкий, А.А. Топаз, И.Р. Короть, С.М. Вехтер и др. Фактически Харбин стал центром еврейской эмиграции из Сибири. Не случайно именно здесь в апреле 1918 г. Американско-Еврейским центральным комитетом защиты эмигрантов (Гайас) было создано Дальневосточное отделение Еврейского информационного бюро – Дальевциб для розыска без вести пропавших лиц, через которое родственники и знакомые из разных стран находили друг друга. Бюро имело отделения во Владивостоке, Чите, Иркутске, Томске, Благовещенске, Шанхае, Тяньцзине, Иокогаме. В Дальевциб обращались не только евреи – так, например, мать известного поэта Сергея Алымова узнала о его местонахождении в Харбине после запроса в Бюро [25, Л. 1]. Дальевциб также выдавал справки евреям, выезжавшим в другие города Китая и страны Европы и Америки.

В связи с наплывом еврейских беженцев из Сибири, Приамурья и Приморья в 1918 г. в Харбине был избран Совет еврейской общины, избранный на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, в состав которого входили делегаты от всех существовавших в Харбине партий. М.А. Кроль в своих воспоминаниях указал, что Общинный совет состоял из 12 сионистов, 4 цейресионистов, 3 поалей-сионистов, 10 бундистов, 4 ортодоксов и 2 членов фолкс-партий» [16, С. 546]. Председателем совета был избран доктор А.И. Кауфман. По инициативе Я.Д. Фризера в Совете еврейской общины был введен прогрессивно-подоходный налог, который дал возможность объединить все еврейские учреждения г. Харбина и иметь «твердый финансовый базис для удовлетворения всех общественных нужд местной еврейской колонии» [26, С. 22]. В ведении совета находились Дальневосточный еврейский общественный комитет помощи сиротам – жертвам погромов, Общество призрения старцев (Мойшав Зкейним), Общество призрения больных бедных евреев (Мишмерес Хойлим), Барак – общежитие для бездомных евреев, дешевая столовая, спортивное общество Маккаби и другие организации. В сентябре 1919 г. была открыта Новая синагога «Бейс-Гамедрош» (Молитвенный дом) на Диагональной ул. (до этого в Харбине существовала Главная синагога, построенная в 1909 г.). Постройка синагоги была начата в 1918 г. на пожертвованные суммы и обошлась в 115 тыс. руб. [27, Л. 72].

В 1920 г. после перехода власти в полосе отчуждения КВЖД к китайцам и уничтожения прав экстерриториальности, еврейский демократический Общинный совет был распущен и вместо него учреждено Харбинское еврейское духовное общество. С 1920 г. в Харбине издавалась газета «Сибирь – Палестина», действовали местные отделения сионистских организаций. Однако внутри еврейской общины существовали острые противоречия, особенно между сио-

нистами и «бундистами». Среди эмигрировавших в Маньчжурию сибирских евреев было много представителей левых партий – эсеров, социал-демократов (здесь находилась харбинская евсекция Дальбюро), евреи входили также и в Трудовую партию, и в группу сибиряков-областников [28, Л. 21–24]. Часть евреев, судя по анкетам и личным делам, приняла в 1920 г. гражданство ДВР, которое впоследствии автоматически стало гражданством СССР. С 1924 г. число евреев с советским гражданством только увеличивалось, правда к концу 1920-х гг. крупные еврейские коммерсанты предпочли «уйти под флаг», приняв польское, литовское, английское, португальское гражданство. Между Сибирью и Маньчжурией долгое время существовали связи и возможности контактов – переезды, передачи продовольствия и необходимых предметов, торговля. Судя по личным делам, движение евреев из России и Европы в Маньчжурию и Китай продолжалась вплоть до конца 1930-х гг.

Результаты исследования. Исследование истории еврейской эмиграции из Сибири в Маньчжурию в период Гражданской войны показало сложность межэтнических отношений, укорененность антисемитизма в российском обществе, неоднородность еврейской общины в Харбине, раскол внутри нее по идеологическим и политическим мотивам. Частный случай Я.Д. Фризера и его круга общения позволяют не только существенно расширить, но и по-новому представить все многообразие путей еврейских миграций и адаптационных практик, значении родственных и деловых связей. Не менее важным результатом исследования является изменение сложившихся стереотипов о еврейской общине Харбина как однородной политически и идеологически с ярко выраженной сионисткой составляющей.

Работа выполнена в рамках грантовой программы
Исследовательского центра Частного учреждения культуры
«Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва)
при финансовой поддержке А.И. Клячина»

Список источников и литературы:

1. Рынков В.М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 101–115.

2. Курас Л.В. Еврейская эмиграция из Сибири в Харбин в первой половине XX века // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX – XX веках: сб. ст. Красноярск: «Кларетианум», 2004. С. 156–163.

3. Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920). Красноярск, 2003. 268 с.

4. Немчинова Т.А. Евреи Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны в современных исторических исследованиях // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Сб. материалов VII регион. науч.-практ. конф. Кемерово, 21 – 22 августа 2006 г. Красноярск – Кемерово: Красноярский писатель, 2006. С. 207–211.

5. Виктровская В.А. Иркутская сионистская организация 1917 – 1919 гг.: задачи и идеи // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2. Ч. 2. С. 115–124.

6. Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск: «Оттиск», 2003. 848 с.

7. Тяга еврейского капитала в Палестину все усиливается// Забайкальская новь. 1919. 4 июня.

8. Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Библиотека-Алия, 1979. 386 с.

9. Петин Д.И. Александр Ильич Погребецкий. Неизвестные факты жизни и деятельности // Альманах «Российского общества историков». Кн. II. М., 2014. С. 435–454.

10. РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 2928.

11. Фризер Я. Нерчинск и Харбин (личные воспоминания). 1919–1922 г. // Известия Общества изучения Маньчжурского края (Харбин). 1922. № 1. Ноябрь. С. 20–21.

12. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. В революции (1917 – 1919). Тяньцзин: Тип. «Star Press», 1937. 286 с.

13. Некролог Ципы Хайкелевны Фризер // Новая Сибирь. 1918. 24 ноября.

14. Летопись Иркутской губернской библиотеки. Из воспоминаний Н.С. Романова: 1861–1931 гг. Иркутск: ИОГУНБ им. И.И. Молчанова–Сибирского, 2008. 260 с.

15. Личный архив Тамар Александр-Фризер и Дана Фризер. Документы Я.Д. Фризера.

16. Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.: Мосты культуры, Иерусалим: Gesharim, 2008. 734 с.

17. Фризер Я.Д. Где и как искать и добывать золото. Золотопромышленные перспективы в Маньчжурии. Харбин, 1932. 89 с.

18. Нам И.В. Еврейские общины Сибири в условиях колчаковского режима // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Сб. материалов VII регион. науч.-практ. конф. Кемерово, 21–22 августа 2006 г. Красноярск – Кемерово: Красноярский писатель, 2006. С. 81–94.

19. Архивное собрание Дома Русского Зарубежья. Ф. 1. Оп. 1. Д. М–198.

20. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 16.

21. ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 5872.

22. Якушев И.А. Сибирь в цифрах: (по современным данным). Прага: Общество сибиряков в ЧСР, 1931. 44 с.

23. Нам И.В. Еврейский вопрос в национальной политике ДВР // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX – XX веках. Сб. статей, Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2004. С. 118 – 155.

24. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. II. В эмиграции (1920 – 1924). Тяньцзин: Наше знание, 1940. 260 с.

25. РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 4. Д. 2.

26. Изгур А. Я.Д. Фризер – самородок Сибирской тайги (вместо венка) // Еврейская Жизнь. 1933 . № 1-2. С. 21-23.

27. ГАХК. Ф. Р–831. Оп. 2. Д. 29.

28. ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 10384.

Для цитирования: Владимирски И., Кротова М.В. Сибирь – Маньчжурия: особенности еврейской эмиграции в период Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 42–50.

© Владимирски И., Кротова М.В., 2021

УДК 93/94

КОЛЧАКОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ С ОРДЕНОМ ЛЕНИНА: РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ А.Я. КРУЗЕ

Андрей Владиславович Ганин [1]

[1] Институт славяноведения Российской академии наук

[1] andrey_ganin@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 1144–9875

Аннотация: В статье на основе впервые введенных в оборот документов реконструируется биография военного деятеля А.Я. Крузе, получившего генеральский чин в армии А.В. Колчака, а в годы Великой Отечественной войны ставшего генерал-майором РККА. Подобное продвижение по службе стало возможным благодаря тому, что А.Я. Крузе успешно скрыл свое антибольшевистское прошлое.

Ключевые слова: А.Я. Крузе, Гражданская война в России, Белое движение, Красная армия, офицерский корпус.

Среди биографий высшего командного состава Красной и Советской армий обращает на себя внимание удивительная судьба единственного генерала белой и генерала Красной армий Аполлона Яковлевича Крузе. Поразительная карьера этого военачальника, ставшего одним из самых молодых колчаковских генералов, а затем повторившего головокружительную карьеру в Красной армии, продолжает вызывать вопросы.

Аполлон Крузе (по личному делу первоначально его фамилия была Крусс) родился 15 декабря 1892 г. в Санкт-Петербурге. В советской учетной карте он определил свою национальность как эстоно-белорус (в других документах – белорус), а происхождение – из крестьян (в других анкетах указано – из граждан). Дореволюционные же документы свидетельствуют о том, что он был сыном чиновника Санкт-Петербургской губернии, служившего в Департаменте полиции. Отец будущего генерала умер в 1898 г. Мать дожила до советского времени, работала швеей и занималась домашним хозяйством. Аполлон был третьим сыном в семье.

В столице в 1910 г. Аполлон окончил восемь классов гимназии Императорского человеколюбивого общества, в 1912 г. – Владимирское военное училище, в 1913 г. – Офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу, а в 1917–1918 гг. – ускоренные курсы Военной академии (младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди).

Затем было участие в Первой мировой войне в рядах 91-го пехотного Усть-Двинского полка. Крузе был дважды ранен (пулей в левую голень под Краковом в 1914 г. и осколком в правое бедро в 1916 г., в 1915 г. контужен в левую часть туловища). В феврале 1915 г. офицер вернулся на фронт по излечении после первого ранения, но буквально через два месяца был контужен и вновь оказался в госпиталях. Аполлон Яковлевич был храбрым командиром, не удивительно, что его назначили начальником команды разведчиков – по этой должности требовалось находиться в самых опасных местах. Командовал ротой, а затем батальоном. Возможно, в связи с ранениями он в итоге и был зачислен в октябре 1916 г. на курсы в Николаевскую военную академию. Успешно окончив младший класс академических курсов 1-й очереди в январе 1917 г. (его средний выпускной балл составил 10,36 из 12 возможных [1, С. 487]), он служил на младших должностях Генштаба. В частности, был старшим адъютантом штаба 19-й Сибирской стрелковой дивизии, а затем исполняющим должность начальника штаба 23-й пехотной дивизии.

В Первую мировую Крузе дослужился от подпоручика до подполковника. Был награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» [2] (1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1915), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом [3] (1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами [4] (1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1916) [5], Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1917).

С 29 января 1918 г. Крузе стал начальником 3-го организационного отделения штаба по формированию добровольческих частей на Румынском фронте при управлении генерал-квартирмейстера штаба фронта. Далее началось самое интересное.

10 мая 1918 г. Аполлон Яковлевич был зачислен в старший класс 3-й очереди Военной академии и разделил ее судьбу [6]. На общем собрании слушателей старшего класса всех очередей 22 июня 1918 г. его вместе с еще двумя слушателями избрали представителями в Конференцию академии – ее руководящий орган. Крузе тогда являлся заместителем старосты своего курса [7, Л. 49]. 8 июля молодого курсовика назначили в Петроград [8, Л. 151], а 19 июля – в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта [8, Л. 169]. Однако воевать за красных тогда он не захотел.

25 июля 1918 г., будучи слушателем академии Генерального штаба, он принял активное участие в свержении Советской власти в Екатеринбурге и даже занял пост помощника коменданта города. В начале августа 1918 г. был командирован в штаб чехословацких войск на должность начальника штаба отряда Екатеринбургского района.

С 26 августа 1918 г. по 3 января 1919 г. он был начальником штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии, 3 декабря 1918 г. произведен в полковники, с 5 января 1919 г. являлся начальником штаба III Степного Сибирского армейского корпуса при командующем – генерал-лейтенанте Г.А. Вержбицком [9, Л. 1]. С 19 апреля – исполнял должность начальника, а позднее стал начальником штаба Южной группы войск Сибирской армии [10, Л. 36], которой командовал тот же Вержбицкий. «За отличия в делах против неприятеля» награжден 21 мая 1919 г. орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами. 21 сентября 1919 г. в возрасте 26 лет Крузе был произведен в генерал-майоры, став одним из самых юных колчаковских генералов. Кроме того, 28 августа 1919 г. он был награжден французским военным крестом с пальмовой ветвью. Крузе участвовал в операциях в Заволжье и на Урале, реках Тобол и Ишим, в Сибирском Ледяном походе. В январе 1920 г. попал в плен под Красноярском.

После этого из его служебных документов сведения о службе у белых по неизвестным причинам исчезли. В двух советских учетных картах Крузе отмечено, что в белых армиях он не служил, а в одной даже детально расписан его служебный путь в 1918–1920 гг., но не в армии А.В. Колчака, где на самом деле находился Крузе в то время, а в РККА. В частности, отмечено, что с 15 июля 1918 г. на протяжении трех месяцев он служил для поручений в штабе 3-й армии, затем с 16 октября являлся начальником штаба Особого Северного отряда 3-й армии, с 20 ноября был прикомандирован к инспекции пехоты штаба 5-й армии, с 6 апреля 1919 г. служил начальником отдела запасных частей при инспекторе пехоты 5-й армии, с 3 апреля 1920 г. являлся штатным преподавате-

лем 5-х пехотных Петроградских командных курсов, а с 1 мая 1921 г. – штатным преподавателем 14-й пехотной Полтавской школы комсостава [11]. Более того, без обиняков сказано, что в 1918–1919 гг. Крузе воевал «против чехословаков и Колчака на Восточном фронте», а в 1919–1920 гг. – против Махно, белополяков и Врангеля.

В других документах Крузе периода его службы в РККА, в том числе и в личном деле, о пребывании на высоких постах у белых также не говорилось [12, Л. 56об.]. Сложно сказать, как это оказалось возможным. Впрочем, иногда случались и неувязки. Так, в одной карте Крузе указан как подполковник, а в другой – как полковник. Возможно, сыграло роль психологическое самоощущение генерала после Гражданской войны. Различались в карточках и даты вступления его в РККА – 10 июля и 23 февраля 1918 г. (то есть непосредственно в отмечавшийся с 1922 г. день рождения новой армии!). Кроме того, в одной из карточек указано, что в годы Гражданской войны Крузе был «контужен и подвергался истязаниям», однако каким именно истязаниям и где – не говорится.

Изо всех приведенных сведений периода 1918–1921 гг. из учетно-послужных карт Крузе достоверно лишь упоминание о нахождении его на преподавательской работе. По данным на 1921 г. он действительно числился штатным преподавателем Полтавских пехотных курсов РККА [13, Л. 13]. В дальнейшем ни в личном деле, ни в учетно-послужных карточках о белогвардейском прошлом Крузе не было ни единого упоминания [14, С. 298]. Причины этого еще предстоит установить. Не исключено, что во многом благодаря подобной подмене сведений Крузе после блестящей карьеры у Колчака удалось достичь еще больших высот в Красной армии и избежать преследований.

По выявленным нами данным, Крузе был зарегистрирован в штабе 5-й армии [15, Л. 76], а на 25 февраля 1920 г. предписывалось его командировать в распоряжение начальника штаба Западно-Сибирского военного округа и далее в распоряжение начальника Всероссийского Главного штаба [16, Л. 126]. Так Аполлон Яковлевич попал в Красную армию.

В РККА Крузе находился, в основном, на преподавательской работе. По-видимому, из Москвы его направили на преподавательскую работу в Полтаву, а уже оттуда он вернулся в родной Петроград, где в августе 1921 г. стал штатным преподавателем 1-й Петроградской пехотной школы. С ноября 1923 г. он был помощником начальника Петроградской пехотной школы. В сентябре 1926 г. он возглавил военную кафедру Ленинградского университета национальных меньшинств запада (коммунистического университета). В 1931 г. окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава в Москве, а в 1932-м – бронетанковые Курсы усовершенствования командного состава в Ленинграде. Известно, что Аполлон Яковлевич в 1920-е гг. публиковал даже военно-

научные труды. В одной из статей он делился практическим опытом из работы в Ленинградской пехотной школе им. Э.М. Склянского [17].

В марте 1932 г. Аполлон Яковлевич стал начальником военной кафедры Высшей сельскохозяйственной школы им. И.В. Сталина, а в ноябре занял аналогичную должность во Всесоюзном коммунистическом университете в Ленинграде. Затем с апреля 1936 г. командовал 187-м стрелковым полком 72-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа.

Как бывшему колчаковскому генералу удалось избежать «Большого террора», неизвестно. Он работал преподавателем тактики и начальником курса на Курсах усовершенствования штабных работников Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, а с марта 1941 г. преподавал общую тактику. Был награжден медалью «XX лет РККА». В 1939 г. вступил в ВКП(б).

В 1941 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и принял участие в Великой Отечественной войне. С июля 1941 г. Аполлон Яковлевич находился в распоряжении Инспекции пехоты Красной армии. Затем в январе 1942 г. стал ответственным представителем Главного управления формирования и укомплектования Красной армии (Главупраформа) на Северо-Западном, Южном и Юго-Западном фронтах. За образцовое выполнение заданий был награжден орденом Красного Знамени.

Герой Советского Союза генерал Н.И. Бирюков, формировавший 214-ю стрелковую дивизию, впоследствии вспоминал, что «добрым гением дивизии был представитель Главупраформа полковник А.Я. Крузе. Своими советами и участием в организации занятий, особенно в подготовке штабов и тылов, он нам хорошо помог. Значительно позже, уже на фронте, когда Крузе командовал корпусом, он с юмором вспоминал нашу учебу “вскачь”, говорил, что и ему потом многое пригодилось» [18, С. 31]. В 1942 г. Крузе был ранен под Старой Руссой.

С февраля 1943 г. исполнял должность начальника штаба Сталинградской группы войск. С июля 1943 г. Аполлон Яковлевич командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород. В наградном листе на орден Красного Знамени в сентябре 1943 г. отмечено, что «под командованием полковника Крузе 93[-я] Миргородская стрелковая дивизия овладела Зеньков, Дейкаловка, Загруновка, Вел[икие] Сорочинцы, г. Миргород, Ново-Аврамовка, Радионовка и сотни других населенных пунктов (здесь и далее – так в тексте. – *А.Г.*).

За храбрость, умение и преданность Социалистической Родине Приказом Главнокомандующего Маршалом Советского Союза т. Сталиным 93[-й] стрелковой дивизии присвоено звание “Миргородской”.

Бои, проведенные дивизией, отличаются исключительной ожесточенностью и мастерством. Особенно в районах Зеньков, Дейкаловка и на подступах [к] В[еликие] Сорочинцы.

Лично тов. Крузе храбрый и честный воин, хороший организатор боя.

До конца преданный Социалистической Родине, что неоднократно доказано в боях» [19, Л. 155]. В октябре 1943 г. Крузе был вновь произведен в генерал-майоры, теперь уже в РККА.

Весной 1944 г. дивизия Крузе вела тяжелые бои на Шерпенском плацдарме на Днестре. В августе 1944 г. Крузе стал заместителем командира 10-го гвардейского стрелкового корпуса. Участвовал в освобождении Белграда. С ноября 1944 г. командовал 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в боях за Будапешт, в освобождении Братиславы и Праги. В период Братиславско-Брновской операции корпус Крузе форсировал Дунай, а, кроме того, совершил глубокий обходной маневр в словацких Рудных горах и вместе с другими соединениями освободил Братиславу, за что получил почетное наименование «Братиславский». Генерал стал почетным гражданином Братиславы и даже получил соответствующую медаль.

В наградном листе к ордену Суворова 2-й степени в январе 1945 г. отмечено: «Части 24[-го] гв[ардейского] стрелкового корпуса под командованием гвардии генерал-майора Крузе в боях по прорыву глубоко эшелонированной обороны немцев с системой ДОТ сев[еро-]вост[очнее] гор[ода] Будапешт полностью выполнил[и] поставленную перед корпусом задачу, обеспечив нашей группировке нанести удар на гор[од] Будапешт.

Умелой расстановкой сил и организацией взаимодействия родов войск, правильно используя приданные части усиления, части корпуса под командованием генерала Крузе полностью разгромили противостоящие части противника, остатки их отбросив в сев[еро-]вост[очном] направлении и заняв город Балашшадьярмад, выйдя на южн[ый] берег р. Ипель. В последующем, форсировав реку Ипель, части корпуса выбили противника из ряда населенных пунктов на территории союзной нам Чехословакии.

Гвардии генерал-майор Крузе в боях проявил мужество, решительность, организаторские способности, умение организовать взаимодействие родов войск, правильно оценивать обстановку в сложных условиях боя. В результате чего части корпуса нанесли тяжелые поражения частям немецкой армии, действующей перед фронтом корпуса.

За умелое вождение войск, за личное мужество, проявленное в боях с немецкими захватчиками, генерал-майор Крузе достоин награждения орденом Суворова 2[-й] степени» [19, Л. 286]. Документ доступен на сайте «Память народа».

В аттестации отмечалось: «Лично смел. В ходе боевых действий находился на самых опасных участках… Тактически грамотен. Организовать управление может… Уделяет много внимания повышению своей профессиональной подготовки. Передает свой боевой опыт подчиненным» [14, С. 299].

Был награжден орденом Ленина (за долголетнюю и безупречную службу в Красной армии, 1945), тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени (1944), Кутузова 2-й степени (1945), Богдана Хмельницкого 2-й степени (1944), Отечественной войны 1-й степени (1943), медалями.

После войны Крузе оставался в прежней должности командира корпуса. В 1949 г. он, спустя 30 лет после производства в генерал-майоры (у Колчака), получил звание генерал-лейтенанта Советской армии. В мае 1949 г. стал ответственным представителем Главного управления формирования военных округов. С сентября 1950 г. Крузе был заместителем начальника Военной академии связи им. С.М. Буденного по оперативно-тактической подготовке. В феврале 1954 г. генерал возглавил военную кафедру Ленинградского государственного института физкультуры им. П.В. Лесгафта [20, С. 574].

Во второй половине 1950-х гг. шло масштабное хрущевское сокращение Вооруженных Сил СССР. И хотя Крузе был еще далеко не старым человеком, с ноября 1957 г. он был переведен в распоряжение управления кадров Сухопутных войск, а в феврале 1958 г. вышел в отставку.

Спустя девять лет, 6 мая 1967 г., он умер в Ленинграде. Редкая и более чем счастливая судьба для того времени! Сложилась и семейная жизнь – Крузе был женат и имел сына и дочь.

Генерал двух армий похоронен на Богословском кладбище, причем памятник ему установило Министерство обороны СССР. Бронзовый барельеф с монумента похитили в 1997 г.

Составители недавно вышедшего солидного биографического словаря «Комкоры» в соответствии с учетными документами Крузе убеждены в том, что в годы Гражданской войны он служил в РККА. Удивительно, что свое генеральское прошлое у белых этому офицеру удалось успешно скрывать на протяжении почти полувека. Возможно, в этом деле не обошлось без сообщников.

Судьба Крузе – лишь наиболее яркий результат успешной фальсификации служебных данных, в том числе в учетно-послужных картах. Впрочем, его случай не был исключением, многие другие ветераны антибольшевистской борьбы также предпочитали замалчивать свое белогвардейское прошлое в учетных документах. Каким-то чудом избежав преследований, Аполлон Яковлевич продолжил служить своей стране и впоследствии ярко проявил себя в годы Великой Отечественной войны.

Список источников и литературы:

1. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.

2. Высочайший приказ 04.01.1915.
3. Высочайший приказ 14.03.1915.
4. Высочайший приказ 09.05.1915.
5. Высочайший приказ 22.08.1916.
6. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914-1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.
7. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16.
8. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648.
9. РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56.
10. РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 10.
11. РГВА. Коллекция учетно-послужных карт.
12. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916.
13. РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 172.
14. Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. М.: Жуковский; Кучково поле, 2006. 672 с.
15. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979.
16. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191.
17. Крузе А. Выход в поле (частный пример) // Военный вестник. 1926. № 11. С. 26-30.
18. Бирюков Н.И. На огненных рубежах. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1972. 235 с.
19. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 155.
20. Сталинградская группа войск. 1943–1944: документы и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

Для цитирования: Ганин А.В. Колчаковский генерал с орденом Ленина: Реконструкция биографии А.Я. Крузе // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 50–57.

© Ганин А.В., 2021

УДК 614.44+94(57)

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ОМСКЕ В 1919–1922 ГГ.

Татьяна Владимировна Глазунова [1]

[1] Омский государственный технический университет, Омск, Россия

[1] tanj-gl@ya.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9934–4024

Аннотация: В статье рассмотрена тяжелая эпидемическая ситуация в Омске в условиях завершающего этапа Гражданской войны. Причинами развития эпидемий в городе были: слабая экономика, неурожаи, нехватка медицинского персонала, медикаментов, беженцы и др. Постоянно росло количество заболевших. Для улучшения положения велась активная борьба с эпидемиями. Цель исследования – изучение санитарно-эпидемической ситуации в Омске в 1919–1922 гг., выявление сведений о смертности населения, методов и средств ликвидации эпидемий и их профилактики. В работе использованы неопубликованные источники из фондов Исторического архива Омской области и региональная печать.

Ключевые слова: Гражданская война, санитарно-эпидемическое состояние, эпидемия, Омск, инфекционные заболевания, здравоохранение, повседневность.

Постановка проблемы. Тяжелая санитарно-эпидемическая обстановка является постоянным спутником глубоких экономических кризисов, неурожаев, голода, войн и проч. Годы гражданской войны – один из самых сложных периодов, когда положение во всей стране еще больше ухудшилось, что сказалось на увеличении роста заболевших инфекционными заболеваниями (туберкулез, тиф, кишечные инфекции, холера и др.) Это было связано с усугублением антисанитарии, слабо развитой системой здравоохранения, нехваткой медицинских работников и медикаментов, плохим питанием и голодом и др. Кроме того, постоянное перемещение большого числа людей по стране, как и в Сибири усугубляли и без того тяжелое положение. Развитие эпидемии постоянно нарастало и плохо контролировалось.

Изучению эпидемической обстановки в отдельных регионах России периода Гражданской войны посвящены исследования таких авторов, как М.С. Гапеева, С.О. Вишневский, Г.Н. Шапошников, Д.Л. Островкин, Е.В. Булюлина, В.Г. Кокоулин, Д.И. Петин, А.С. Позднякова, Е.Ю. Вычугжанина и др. [1–11]

В работах рассмотрено развитие эпидемий, раскрыты методы и средства профилактики. Авторами изучена деятельность местных органов власти по ликвидации эпидемий, а также формы просвещения населения. Для изучения темы исследования интерес также представляют наработки С.Г. Сизова [12], в которых рассмотрено влияние эпидемии тифа в Омске на повседневную жизнь горожан в 1918–1919 гг., а также публикации в местной печати («Советская Сибирь»). Известен пример анализа кинохроники, запечатлевшей Омск зимой 1919 г., дающей наглядные представления о неблагополучном быте низовых слоев горожан [13].

Основная часть. Революция, Первая мировая и Гражданская войны ухудшили социально-экономическое положение в стране, что негативно отразилось на санитарно-эпидемической обстановке. Несмотря на продолжающуюся Гражданскую войну борьбу с эпидемиями нельзя было отложить до лучших времен, необходимо было принимать активные меры незамедлительно. Одной из основных задач стала борьба с эпидемиями и проведение различных противоэпидемических мероприятий. В рамках этого Советским правительством были разработаны различные декреты (о санитарной охране жилищ, о мерах по борьбе с эпидемиями, о мероприятиях по сыпному тифу, об обязательно оспопрививании и др.).

В годы Гражданской войны положение населения в Омске ухудшилось. Система водоснабжения и очистка города находилась в плохом состоянии [14, С. 4], неконтролируемые свалки нечистот и разного мусора создавали реальную угрозу в ухудшении эпидемической ситуации. После освобождения города РККА ситуация еще более обострилась, так как отступающая армия оставляла после себя заболевших солдат и офицеров, а «часть врачей, опасаясь красного террора скрылась, другая мобилизована проходящими войсками, как белыми, так и красными» [15, С. 3]. Город был переполнен больными и умершими. В результате этого борьба с эпидемиями стала одной из основных после прихода РККА в 1919 г. в Омск.

В местной печати можно найти такую заметку: «Среди больных во многих госпиталях, при занятии г. Омска, было много уже умерших. Во дворах госпиталей, на кладбищах, в поленницах складов ст. Омска и Куломзино также мы получили в наследство от Колчака груды трупов… Приказано построить ящики и загасить рогожами для перевозки этих трупов. Тем не менее из одного из госпиталей трупы были вывезены – не покрытыми еще в ближайшее время. Губернским революционным комитетом предложено вторично следить за недопущением этого всеми, кто работает в этой области. В противном случае возка колчаковских трупов открытыми будет рассматриваться, как провокации против Советской Власти и виновные будут расстреливаться» [16, С. 4].

Для выявления заболевших и борьбы с эпидемией в конце 1919 г. город был разбит на участки и проводился обход квартир. Выявленные больные перевозились в лечебные учреждения [17, Л. 42].

Ликвидация эпидемических заболеваний среди населения проходила медленно. Ситуация обострялась из-за острой нехватки одеял, инвентаря, белья, инструментария, дефицита медикаментов, топлива, неприспособленности зданий под больницы и пр. [17, Л. 105–106] Большая нагрузка падала на медицинский персонал, нехватка которого наблюдалась не только в области, но и в городе. Для устранения нехватки медицинского персонала проводилась мобилизация. Были взяты на учет и привлечены к работе все медицинские работники: врачи, фармацевты, акушерки, студенты-медики и зубные врачи. Но их было ничтожно мало. Постепенно стали привлекать людей с медицинским образованием из числа пленных и добровольно возвращающихся [15, С. 3]. Кроме того, в помощь медработникам стали привлекать переболевших тифом. Рабочие и служащие становились сиделками и санитарами, участвовали в коммунистических субботниках по оборудованию бараков для больных тифом. Так, в декабре 1919 г. был проведен первый субботник, в котором приняли участие около 700–800 человек. Участниками были устроены нары, оборудованы три здания, вставлены стекла, вымыты полы, проведено электричество [18, С. 2].

В 1920 г. при фельдшерской школе в Омске были устроены особые ускоренные курсы фельдшеров. Вместе с тем губернским отделом здравоохранения был поставлен на очередь вопрос об открытии в г. Омске медицинского факультета. Стали открываться курсы сестер и братьев милосердия, ускоренные курсы оспопрививания [15, С. 3], а также двухмесячные курсы для подготовки инструкторов-дезинфекторов [19, С. 4].

Для борьбы с эпидемиями в Омске проводились банно-прачечные дни, устраивалась поставка питьевого водоснабжения, удалялись нечистоты, организовывались изоляционные, дезинфекционные и питательные пункты, производился осмотр учреждений, казенных и частновладельческих поместий, где главным образом обращалось внимание на уборку дворов и вывозку нечистот. Проводилась активная агитация и пропаганда оздоровления условий труда и быта.

Однако предпринятых мер было недостаточно, что подтверждается публикацией в газете «Советская Сибирь»: «Пережитый период отнюдь не являлся благоприятным в смысле упорядочения дела с вывозкой всякого рода человеческих отбросов. Повсеместно загрязнение достигло ужасающих размеров. Выгребные ямы, клозеты и т. д. переполнены совершенно. Зачастую хозяйственные отбросы выливаются на улицу. С наступлением теплых весенних дней, что уже не за горами, всё это расползется и потечёт по дворам, улицам. Часть их испарится, большая же часть всосется в почву. Громадная же часть их останет-

ся в почве, благодаря примитивно устроенным выгребным и помойным ямам и многочисленным колодцам. Загрязненная почва при разложении органических веществ выделяет зловонные газы, как в воздух, так и в дома и вдыхается людьми. Загрязнённая почва в сырую погоду на сапогах вносится в дома, где, высыхая обращается в пыль и вместе с заключенными в ней болезнетворными микробами также вдыхается людьми, в сухую же погоду она повсюду разносится в виде мельчайших пылевых частиц. Очень нередко оставшиеся невывезенными нечистоты проникают из почвы в питьевые колодцы и реки, заражая и отравляя собою источники водоснабжения в данной местности» [20, С. 6].

В период исследования в городе наблюдалась большая смертность населения. По данным губернского подотдела записи актов гражданского состояния в 1921 г. в Омске родилось 8426 чел. и умерло 8681 чел., т. е. убыль населения составила 257 чел.

В 1922 г. смертность еще более усилилась, а рождаемость уменьшилась, в результате чего получилась убыль населения в количестве 7290 (умерло – 12011 чел., а родилось – 4721 чел.).

Главной причиной высокой смертности населения являлись эпидемические болезни и прежде всего паразитарные тифы, которые не переводились в Омске с 1915 г., а наоборот давали громадные эпидемии в 1919–1920 гг. и в 1921–1923 г. В 1920 г. в Омске было зарегистрировано тифов 33097 случаев, в 1921 г. – 3153, в 1922 г. – 13019. В 1921 г. главным источником распространения тифов в Омске была железная дорога, перевозившая голодающих беженцев Поволжья. В 1922 г. количество беженцев снизилось и на первый план выдвинулись местные очаги заразы. В числе последних оказались места заключения, на долю которых в 1922 г. приходилось 10,5 % всего тифа в Омске, детские дома – 6,5 % и ночлежный дом – 6,5 % [21, Л. 48].

При обследовании дома беспризорных в августе 1922 г. было выявлено следующее: изолятор для заболевших ещё не был оборудован, на полу грязь и испражнения, на нарах лежали стонущие больные, дрожащие от инфлюэнции и возвратного тифа. Для перевозки заболевших требовались лошади и повозка, которых у заведующего домом не было. 25 августа был обнаружен труп человека, умершего от возвратного тифа, который был убран только 27 августа, когда заведующий домом смог получить лошадь в коммунальном отделе [22, Л. 136].

Одним из способов профилактики эпидемий были прививки. В печати регулярно звучали призывы делать прививки [14, С. 4; 23, С. 4; 24, С. 4]. Однако их не всегда хватало. Например, в марте 1922 г. был отмечен факт ограниченного отпуска дивакцины из Сибирского отдела здравоохранения, которого хватило только для медицинского персонала. Таким образом, весенняя прививка была сорвана [25, Л. 19]. Наблюдался недостаток шприцов и игл к ним. Так, в 1922 г. на Омский уезд было отпущено всего 5 шприцов, запасных игл совсем

не было. Старый запас шприцов отсутствовал. Медперсоналу приходилось заимствовать шприцы друг у друга, а при дальних расстояниях, это затрудняло работу [26, Л. 56].

Переход к новой экономической политике сказался на медико-санитарном деле негативно, местных средств не хватало, проводилось сокращение штатов и снижение до минимума количества медико-санитарных учреждений. Это значительно осложняло борьбу с эпидемиями, тем самым, не позволяя проводить противоэпидемические мероприятия [26, Л. 28].

Результаты исследования. Как видим, в период исследования велась активная борьба с различными эпидемиями в Омске: выявление больных, мобилизация медицинского персонала, организация различных курсов, проведение банно-прачечных дней, субботников, организация питьевого водоснабжения, удаление нечистот, открытие изоляционных и дезинфекционных пунктов и проч. Но, несмотря на предпринятые меры, смертность в 1919–1922 гг. от эпидемий продолжала увеличиваться.

Список источников и литературы:

1. Гапеева М.С. Борьба с эпидемиями и система здравоохранения: Владикавказ 1917–1920-е гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2015. № 1. С. 39–42.

2. Вишневский С.О. Борьба с эпидемией сыпного тифа в Томской губернии в декабре 1919 – апреле 1920 г. // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат–лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2019. С. 313–322.

3. Шапошников Г.Н. Эпидемии на Урале 1918–1920 гг. и меры противоборствующих властей по борьбе с ними // История медицины и образования города Перми – три века служения людям: мат–лы науч.-практ. конф. Пермь, 2019. С. 54–62.

4. Шапошников Г.Н. Эпидемии на Урале в период Гражданской войны // Вопросы всеобщей истории. 2019. № 21. С. 203–208.

5. Шапошников Г.Н., Островкин Д.Л. Инфекционные заболевания на Урале в 1918–1920 гг. // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2018. Т. 15. № 3. С. 488–495.

6. Булюлина Е.В. Санитарно-эпидемическое состояние и работа органов здравоохранения Нижнего Поволжья в 1919–1922 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4–3. С. 23–27.

7. Кокоулин В.Г. Как сибиряки 100 лет назад справились с эпидемией тифа // Сибирский архив. 2020. № 3 (5). С. 1–45.

8. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июнь 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 385 с.

9. Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего красного креста Н.Н. Волкова // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 4. С. 63–84.

10. Позднякова А.С., Вычугжанина Е.Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918–1920 гг. // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2 (50). С. 65–68.

11. Позднякова А.С., Вычугжанина Е.Ю. Организация борьбы с эпидемией сыпного тифа в Вятке в 1918–1920 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 17–28.

12. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.): монография. Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.

13. Стельмак М.М., Петин Д.И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357–374.

14. Организуйте прививки // Советская Сибирь (Омск). 1920. 17 сентября.

15. Кризис медицинского персонала // Советская Сибирь (Омск). 1920. 16 июля.

16. Советская Сибирь (Омск). 1919. 25 декабря.

17. ГИАОО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 38.

18. Хороший пример // Советская Сибирь (Омск). 1919. 30 декабря.

19. Курсы инструкторов дезинфекторов // Советская Сибирь (Омск). 1920. 28 августа.

20. Советская Сибирь (Омск). 1921. 1 апреля.

21. ГИАОО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 73.

22. ГИАОО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 44.

23. Борьба с эпидемиями // Советская Сибирь (Омск). 1920. 17 июля.

24. Советская Сибирь (Омск). 1920. 15 сентября.

25. ГИАОО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 55.

26. ГИАОО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 63.

Для цитирования: Глазунова Т.В. Санитарно-эпидемическая ситуация в Омске в 1919–1922 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 58–63.

© Глазунова Т.В., 2021

УДК 930.85

ГЕНЕРАЛ М.К. ДИТЕРИХС КАК ИДЕОЛОГ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Виталий Юрьевич Даренский [1]

[1] Луганский государственный педагогический университет, Луганск, ЛНР

[1] darenskiy1972@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5551-6066

Аннотация: В статье рассмотрены основные компоненты программы православно-монархического возрождения России генерала М.К. Дитерихса, выразившего глубокую идейную основу Белого движения – восстановление Православной монархии – как в своих текстах, так и в своей практической деятельности. Его историософские идеи опередили труды монархических мыслителей русского Зарубежья, а также их современных последователей.

Ключевые слова: Гражданская война в России, М.К. Дитерихс, белое движение, белая армия, монархизм, офицерство, генералитет, имагология.

Россия не может быть ни пролетарской,
ни крестьянской, ни рабочей, ни служилой, ни боярской.
Россия может быть только – Россией Христа.

М.К. Дитерихс

Постановка проблемы. Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс (5.04.1874 – 8.10.1937) является одним из наиболее талантливых русских полководцев Первой мировой и Гражданской войн – как один из авторов стратегии Брусиловского прорыва, командующий наступлением русско-сербских войск на Салоникском фронте (награжден союзниками золотым оружием и французским орденом Почетного легиона), а затем последней удачной Тобольской операции Белой армии. Однако в русскую историю он вошел в первую очередь не своими военными заслугами, а в первую очередь своим нравственным подвигом – возвращением Белого движения к монархическим основам русской государственности. А его книга «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале» (в 2-х томах), изданная в 1922 г. во Владивостоке – это не только анализ совершенного большевиками ритуального убийства Помазанника Божиего, но и ценный историософский труд, во многом опередивший мысль профессиональных философов и богословов русского Зарубежья. Как справедливо отметил первый исследователь его наследия А. Хва-

лин, этот труд «навсегда вошел в золотой фонд русской монархической мысли» [1]. В отдельных работах [2; 3; 4] его мировоззрение рассматривается лишь фрагментарно. Целью данной статьи является краткий анализ идейного наследия М.К. Дитерихса – не только на материале его книги, но и на материале текстов его приказов в период боевых действий, отражающих идейный смысл Белого движения.

Основная часть. М.К. Дитерихс еще в 1919 г., находясь в армии А.В. Колчака, высказывался о необходимости созыва Земского Собора на основе сословного, а не по партийного представительства, с участием рабочих и крестьян, но только как беспартийных представителей народа. Он надеялся, что Земский Собор санкционирует возврат России к династическому правлению, как в 1613 году. Когда он вступил в должность командующего белыми силами в Приморье, то быстро организовал Приамурский Земский Собор, который состоялся с 10/23 июля по 28 июля / 10 августа 1922 г. во Владивостоке. Собор признал Династию Романовых царствующей несмотря на смуту восстановил в Приамурье Основные законы Российской империи. Административной единицей Южного Приморья был установлен церковный приход. Собор постановил, что права на осуществление Верховной власти в России принадлежат династии Дома Романовых, т.е. признал Династию Романовых царствующей несмотря на смуту и на краткое время восстановил в Приамурье Основные законы Российской империи. Было решено, что свободное от большевиков Приамурское государственное образование должно быть возглавлено представителем Династии. Однако самозванно выпущенное Великим Князем Кириллом Владиміровичем в последние дни Собора объявление себя Блюстителем престола (26.7/8.8.1922) было проигнорировано; обращения Собором были направлены Великому Князю Николаю Николаевичу и вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. Почетным председателем Собора был единогласно избран находившийся в Москве Патриарх Тихон. Ответную приветственную телеграмму Собору прислала вдовствующая Императрица Мария Феодоровна.

Собор избрал М.К. Дитерихса правителем Приамурского края, и после оглашения Грамоты Собора генерал в окружении тысячной толпы горожан проследовал в Успенский Собор, где принял присягу, в которой были слова: «Отнюдь не ища и не преследуя никаких личных выгод, я обязуюсь свято выполнять пожелание Земского Собора, им высказанное, и приложить по совести всю силу разумения моего и самую жизнь мою на высокое и ответственное служение Родине нашей России, – блюдя законы ее и следуя ее историческим исконним заветам, возвещенным Земским Собором, помятуя, что я во всем том, что учиню по долгу Правителя, должен буду дать ответ перед Русским Царем и Русской Землей. В удостоверение сей моей клятвы я, перед алтарем Божиим и в присутствии Земского Собора, целую Слова и Крест Спасителя моего.

Аминь» [6, С. 64]. Государственное образование получило наименование Приамурский земский край, а его вооруженные силы – Земская Рать, Воеводой которой стал Дитерихс.

М.К. Дитерихс, возглавив последнюю часть Белой России – Приморье, с помощью созыва Земского собора свершил акт преемственности России исторической и России грядущей. На заседании Собора 8 августа 1922 г. он говорил: «В несчастную ночь с 27-го на 28-е февраля под влиянием дурмана Россия встала на революционный путь… Теперешние призванные правители для этой борьбы, кем бы они ни были, даже хотя бы из Династии Романовых, не могут смотреть на себя в данную минуту как на Верховных Помазанников будущей России, ибо вопрос сей опять разрешается не нами. Династия Романовых могла быть Помазанниками, но для нас, смертных, нельзя и мечтать о том, чтобы принять на себя звание Правителей всей России. Мы – Правители борьбы с Советской властью и Правители тех Государственных объединений, которые для этого рождаются… Я безусловно и смело могу сказать, что на этих принципах пойдет и сильнейшее объединение наших вооруженных сил, на этих принципах пойдет и сильнейшее объединение народа здешней земли с народом Советской России, который остался таким же, каковы и мы есть» [6, С. 65]. Как видим, с одной стороны, Дитерихс, как и ранее все Белое движение, не считает себя верховной властью, а только временной властью для борьбы с большевиками; но с другой стороны, здесь с самого начала говорится о будущем восстановлении законной монархии как политической цели этой борьбы, которую завершит лишь Земский Собор.

Фактически была провозглашена программа восстановления монархии по каноническому образцу 1613 г., и Приморский Земский Собор во Владивостоке уже фактически стал началом этого процесса, который должен продолжиться уже после освобождения России от большевиков и любых других самозванцев. В Указе № 1 от 8 августа 1922 г. М.К. Дитерихс писал: «По грехам нашим против Помазанника Божия, мученически убиенного советской властью Императора Николая II со всей Семьею, ужасная смута постигла народ Русский и Святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству безбожных русских и иноплеменных воров и грабителей, руководимых изуверами из еврейского племени, отрекшихся и от своей иудейской веры... Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на Земский Собор, едину мысль и едину веру: России Великой не быть без Государя, не быть без преемственно наследственного Помазанника Божия. И перед собравшимися здесь, в маленьком телом, но сильном верой и национальным духом Приамурском [государственном] объединении, последними людьми земли Русской стоит задача, долг и благой крест направить все служение свое к уготованию пути Ему – нашему будущему Боговидцу…

Далее – это уже не мы. Далее это будущий Земский Собор… После этого мы можем сказать Господу Богу: “Ныне Ты нас отпускаеши. Будут работать другие”. Третий принцип – это идеология, установленная Земским Собором, говорит то, что теперешние призванные правители для этой борьбы, кем бы они ни были, даже хотя бы из династии Романовых могут смотреть на себя в данную минуту как на верховных Помазанников будущей России, ибо вопрос сей опять разрешается не нами. Династия Романовых могла быть Помазанниками, но для нас смертных нельзя и мечтать о том, чтобы принять на себя звание Правителей всей России. Мы Правители борьбы с советской властью» [6, С. 66-67].

О некоторых практических шагах государственного строительства на последнем клочке свободной от большевиков Русской земли писал генерал-майор В. А. Бабушкин, помощник Правителя на правах министра внутренних дел: «Только религиозные люди могут принять участие в строительстве Приамурского государства. За основание берется церковный приход. Каждый гражданин по вере его должен быть приписан при приходе своего вероисповедания. Церковные приходы объединяются в совет церковных приходов города и земских районов... Соединения церковных приходов должны будут заменить собой то, что теперь называется городским и земским самоуправлением. Все граждане должны приписаться к приходам... В назначенный день прихожане собираются в храме. После молитвы в церкви устанавливается урна, в которую прихожане опускают свои личные номера. Затем священник вынимает необходимое количество из них; таким образом составляется совет прихода. Во главе приходов будут стоять лица по назначению верховной власти. Лица недостойные и несоответствующие будут заменяться следующими, получившими очередной жребий. Благодаря этому в принцип будущих самоуправлений будут положены усмотрение и воля Божия… Никакой милиции, вероятно, не будет. Гражданам будет предоставлено право организации самообороны под контролем церковных приходов» [5, С. 455]. Тем самым, восстановление «народной монархии» (И. Солоневич) как исконной формы государственного правления в России здесь, в Приморье начиналось «снизу» – с самоорганизации народа на уровне церковных общин-приходов. И Земский Собор, созванный не по партийному, а по всесословному принципу – тоже часть этой самоорганизации народа.

Среди первых шагов нового правления была замена смертной казни для большевиков их высылкой в пределы Приамурского края. 17 августа начался вывод японских войск, а 4 сентября 1922 г. начались переговоры между ДВР, Советской Россией и Японией в г. Чанчуне. Дитерихс приветствовал вывод войск. Как писал Б. Филимонов, «по оставлении японцами г. Спасска, в оный не замедлил пожаловать сам Правитель и Воевода… растроганный, со слезами на глазах, Воевода припал к “освобожденной от интервентов русской земле”, после чего тут же произнес перед толпой встречавших его официальных лиц

и народа речь на эту тему. В тот же день Воевода отдал приказ, в коем опять упоминал его “радость” по поводу вступления ногой на “освобожденную от интервентов русскую землю”… “Воины! Настал час, когда Богу стало угодно поставить нас снова перед лицом изуверов советской власти. Японцы уходят, и мы можем теперь с чистой совестью и горячей верой идти выполнять национальный долг перед нашей Великой и Святой Родиной» [6, С. 91]. 2 сентября 1922 г. Штаб Земской Рати приказал войскам перейти в наступление вдоль Уссурийской железной дороги в направлении на Хабаровск. Началось последнее наступление Белой армии в России. Основной удар наносили каппелевцы, ижевцы и воткинцы Поволжской группы (Рати) генерал-майора (земского воеводы) В.М. Молчанова. Белые заняли ст. Шмаковка, но овладеть мостом через р. Уссури так и не удалось. Дитерихс добился эвакуации семей военных на судах японцев, а также привлек для вывоза раненых и больных Красный Крест.

Эти действия на первый взгляд могут показаться странными, если не учитывать их духовный смысл. Во-первых, уход японцев, договорившихся с большевиками, означал близкий захват ими Владивостока – но, тем не менее, М.К. Дитерихс высказывает радость по этому поводу. Почему? Потому что белые знали, что были обречены, но хотели дать последний бой сами, без мнимой «поддержки» якобы «союзников». Это был очень важный моральный шаг, необходимый уже не для участников событий, а для будущих поколений – *в качестве нравственного примера*. Во-вторых, с этой же целью была проведена и наступательная операция под Хабаровском, хотя практического смысла она уже не имела в силу подавляющего превосходства красных.

Армия ушла в Китай пешим ходом через г. Посьет. В последнем указе Правителя 17 октября 1922 г. говорилось: «Силы Земли Приамурской Рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода без пополнения, без патронов решили участь Земского Приамурского края. Скоро его уже не станет. Он как тело – умрет. Но только как тело. В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии, – он никогда не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси. Семя брошено. Оно сейчас упало на еще не подготовленную почву. Но грядущая буря ужасов советской власти разнесет это семя по широкой ниве Великой Матушки Отчизны. И приткнется оно в будущем через предел нашего раскаяния и по бесконечной милости Господней к плодородному и подготовленному клочку Земли Русской и тогда даст желанный плод. Я верю в эту благость Господню; верю, что духовное значение кратковременного существования Приамурского края оставит даже в народе края глубокие, неизгладимые следы. Я верю, что Россия вернется к России Христа, России – Помазанника Божия, но что мы были недостойны еще этой милости Всевышнего Творца…» [5, С. 486].

М.К. Дитерихс видел возможность возрождения России в построении русской государственной власти на принципах «идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма». В своем письме неизвестному адресату 1924 г., которое фактически стало политическим и идейным завещанием генерала, он писал: «Так как в основе русской идеологии о своей государственности стоит Христос, то и начинать всякое возрождающее движение, в том числе и монархическое, необходимо с поднятия в русском народе основ чистоты и святости законов Христа и его наставлений. Мне отвечают на это: все это так, но это слишком долгий и сложный путь, и другие успеют использовать современное шаткое положение советской власти. Не разбирая, насколько шатко ее положение, на первое отвечаю с глубокой и горячей верой: пусть. Ничто не удержится в русском народе, что не со Христом и не от Христа. Рано или поздно, если только Господу угодно простить временное отклонение русского народа от Христа, он вернется прочно только к началам своей исторической, национально-религиозной идеологии, идущей от Христа и со Христом. А что я не увижу это спасение, а только мои потомки… Так разве для себя я вел братоубийственную войну и готов снова к ней? Разве для восстановления своих генерал-лейтенантских привилегий и для владения хутором Фоминским под Москвой?.. Что же из того? Была бы Русь Святая и торжествовала бы предопределенная ей от Бога цель» [5, С. 559-550]. Такое понимание природы русской государственности полностью соответствует церковному учению о природе власти в России (ранее сформулированной свт. Филаретом Дроздовым на языке современной политической мысли). Тот факт, что генерал, не будучи профессиональным мыслителем, высказывает такую же каноническую точку зрения, показывает не только то, насколько высокообразованными были русские офицеры, но и глубокую укорененность православно-монархического сознания в самом народе.

В книге «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале» он раскрыл общий историософский смысл новой русской Смуты как новой *религиозной войны* следующим образом: «одним из устоев русской народной массы является ее Православная Церковь, ее преданность Христианскому учению и глубокая, историческая любовь и привязанность к своей религии. Как масса малокультурная, русский народ способен временами, под влиянием случайных обстоятельств, терять критерии добра и нравственности и падать в невероятную бездну саморазрушения и оплевания своего настоящего существа. Однако падение такое в прошлом было всегда сравнительно кратковременным и небольшой толчок, толчок именно духовного характера, быстро выносил его из бездны и выводил нравственно очищенным снова на арену христианской жизни. Подорвать эти-то устои, предотвратить на ближайшее время духовное пробуждение – вот идеи, которые руководили советскими главарями» [7, С. 11]. При-

чины Смуты и будущий выход из нее генерал определял следующим образом: «Мы все повинны в бедствиях, постигших нашу Родину; мы все повинны в том, что еще до революции между нами, интеллигентами, и народом оказалась пропасть; мы все повинны в том, что народ оказался не с нами, а с пришлыми, ему совершено чужими нехристями»; это и «порвало последней нити между Царем и народом, связывавшей их духовной идеологией. В этом окончательном разрыве повинно исключительно наше время, и последнюю ступень исторической нисходящей лестницы к большевизму перешагнули мы, бросив народ в рабство правителям религии Лжи. Но твердо верится, что русский народ, даже придушенный гнетом, голодом, разорением и террором… сознав свое роковое заблуждение в путях истинного Христова учения, снова найдет в себе ту, Богом данную ему, Святую искру веры и любви для начала своего будущего возрождения, которая во все серьезные времена его исторического прошлого являлась путеводной звездой для новой, светлой жизни во Христе» [7, С. 21]. «Религией лжи» М.К. Дитерихс называет то, что русские философы назвали «человекобожием» – поклонением человеческому Я как идолу: «постепенное, историческое искажение чистых заповедей учения Христа привело к тому, что новая, материалистическая религия личного “Я” могла заглушить в душе людей и деятелей России все прежние святыни и символы религии единого Бога, подготовляя почву для насаждения в мире безумного царства *религии Лжи*» [7, С. 415]. Стоит отметить удивительную для военного человека, не имеющего специального философского и богословского образования, глубину религиозной и исторической мысли – фактически эти же идеи, высказанные здесь генералом, затем будут разрабатываться в русской философской мысли.

Особое историософское и даже пророческое значение М.К. Дитерихс видел в убиении Царской Семьи. Он завершает свою двухтомную книгу следующими словами: «*Мудростью Всевышнего Промысла,* руководившей действиями людей вопреки их свободной воле, *путь агонии Царской Семьи направлялся к тому великому служению Помазанника Божья своему народу “до конца”, который может явиться светочем к воскресению Великой Державной России во Христе*» [8, С. 218]. В этом определении уже четко выражено то понимание мученического духовного подвига страстотерпцев, которое впоследствии и легло в основание и их канонизации Православной Церковью, и их широкого почитания в православном народе.

Результаты исследования. М.К. Дитерихс ярко выразил изначальную идейную основу Белого движения – восстановление Православной России. В первый период Гражданской войны массовое православно-монархическое сознание белых воинов не имело своего политического выражения в силу того, что «по инерции» политическая сфера была еще занята февралистами, а также в

силу диктата «союзников» по Антанте. Генерал выразил массовое народное сознание в своих текстах и в своей практической деятельности. Его историософские идеи опередили труды монархических мыслителей русского Зарубежья – свт. Серафима Соболева, архим. Константина Зайцева, А.В. Карташова, Н.Д. Тальберга и др., а также их современных последователей.

Список источников и литературы:

1. Хвалин А. Генерал Дитерихс и его книга // https://ruskline.ru/analitika/2011/03/09/general_diterihs_i_ego_kniga (дата обращения 10.10.2021).

2. Цветков В.Ж. Михаил Константинович Дитерихс // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 34–58.

3. Болотин Л. Идеология документов Земского Собора и Земского Правительства Приморья в июле-октябре 1922 года // https://ruskline.ru/analitika/2012/02/04/ideologiya_dokumentov_zemskogo_sobora_i_zemskogo_pravitelstva_primorya_v_iyuleoktyabre_1922_goda/ (дата обращения 10.10.2021).

4. Гончаров А. Михаил Дитерихс. Последний крестоносец Российской Империи // https://rusnasledie.info/mixail-diterixs-poslednij-krestonosec-rossijskoj-imperii/ (дата обращения 10.10.2021).

5. Генерал Дитерихс / Сост. В.Ж. Цветков. М.: Посев, 2004. 438 с.

6. Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. Вашингтон. Издание Русского книжного дела в США Victor Kamkin, Inc., 1971. 376 с.

7. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Т. I. М.: Скифы, 1991. 416 с.

8. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Т. II. М.: Скифы, 1991. 224 с.

Для цитирования: Даренский В.Ю. Генерал М.К. Дитерихс как идеолог Белого движения // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 64–71.

© Даренский В.Ю., 2021

УДК 94(571.13) «1918»+070.23(1–21)«1918» +084.3

ВИЗИТ В ОМСК Е.К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ В ОТРАЖЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ

Наталья Владимировна Елизарова [1]

[1] Исторический архив Омской области, Омск, Россия

[1] elizarova_nv@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2505-0953

Аннотация: в статье анализируется прибытие в Омск в августе 1918 г. известного деятеля революционного движения, одного из лидеров и основателей партии эсеров Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской, отражённое на страницах сибирских периодических изданиях Белой столицы (1918–1919 гг.), находящихся на хранении в Историческом архиве Омской области.

Ключевые слова: Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, сибирская пресса, политическая культура, Гражданская война, Белая столица, бабушка русской революции, эсеры.

Постановка проблемы. Истории общественно-политического движения в Сибири посвящены научные труды известных российских историков М.В. Шиловского [1], А.А. Штырбула [2], В.Г. Кокоулина [3], Н.П. Курусканової [4] и др., в которых в частности проанализировано развитие политической активности партии эсеров после Октября 1917 г. Изучением вопроса организации встреч бывших политических ссыльных после амнистии 1917 г. занималась Н.М. Таирова [5].

Личность Е.К. Брешко-Брешковской для исследователей представляет особый интерес. В эпоху социально-экономических и политических катаклизмов, которыми отличался XX в., среди российских лидеров революционного движения было не так много долгожителей: несмотря на крайне радикальные политические взгляды и активное участие в революционной борьбе, Екатерине Константиновне удалось пережить как многих своих соратников, так и оппонентов, умереть своей смертью в уютном местечке под Прагой в возрасте 90 лет, и войти в историю «бабушкой русской революции».

Основная часть. С Омском эту легендарную женщину связывает несколько коротких поездок, которые она совершил в наш город (или проезжая мимо него) в разные годы при различных обстоятельствах. В Историческом архиве Омской области в архивном фонде Главного управления Западной Сибири за 1878–1882 гг. имеются циркуляры МВД дел генерал-губернатору Западной Си-

бири о высылке в Западную Сибирь государственных преступников, среди которых упомянуто имя дворянки Екатерины Брешковской, 33 лет, сосланной на каторжные работы за «преступную пропаганду в империи» [6, Л. 34] и проследовавшей в составе арестантской партии через Тюмень в Восточную Сибирь в августе 1878 г. [6, Л. 1]. Согласно отношения иркутского губернатора № 1429 от 28 февраля 1879 г. в феврале 1879 г. поручиком Санкт-Петербургского жандармского дивизиона Петровым преступники были доставлены до места назначения [6, Л. 48]. О составе совершённого преступления Е.К. Брешко-Брешковской упомянуто в приговоре Суда особого присутствия Сената от 23 января 1878 г. – организация «противозаконного сообщества с целью низвержения правительства», «распространение сочинений, побуждающих к явному неповиновению верховной власти»: «…дворянка Екатерина Брешковская с целью возбудить крестьян к бунту отправилась в сентябре 1874 г. под именем крестьянки Фёклы Косой в Подольскую губернию для распространения имевшихся у неё прокламаций, но не успела привести своего намерения в исполнение потому, что была задержана в местечке Тульчина» [6, Л. 53об.]. Согласно приговору, Е.К. Брешко-Брешковская была приговорена к 5 годам каторжных работ на Карийской каторге (район Забайкалья), став первой женщиной-политкаторжанкой.

Мы не будем упоминать о дальнейших перипетиях судьбы профессиональной революционерки – на эту тему написано немало исследований. Скажем только, что авторитет Е.К. Брешко-Брешковской как профессионального политического деятеля за годы борьбы с самодержавием был чрезвычайно высок. Поэтому когда в 1917 г., после падения царского режима, она совершала победоносный вояж по городам России вместе с другими борцами за свободу, возвращавшимися из эмиграции или мест заключения, её принимали торжественно, со всеми почестями, оказываемыми VIP-персонам. Омск Е.К. Брешко-Брешковская посетила 11 марта 1917 г. Её встретили овациями, разместили в бывшем дворце генерал-губернатора, где она принимала горожан. Приезд широко освещался в местной прессе.

Не менее пышный приём был оказан Е.К. Брешко-Брешковской в Омске в августе 1918 г. Если анализировать материалы местной прессы указанного периода, то этому событию уделено больше внимания, чем, к примеру, расстрелу царской семьи и бывшего императора Николая II, о котором стали писать в конце июля – начале августа 1918 г. небольшие заметки, размещённые в рубрике «Хроника». Сразу отметим, что визит Брешковской в Омск совпал с трагическим событием – 1 августа 1918 г. взорвался стоявший на обходных путях против здания Управления Омской железной дороги поезд со снарядами, который должен был отправиться на фронт. По данным предварительного следствия, взрыв произошёл при следующих обстоятельствах: за несколько дней до

случившегося, напротив здания железнодорожного управления были привезены ящики с чёрным порохом, которые разгружались пленными австрийцами и отправлялись на местный артиллерийский склад. «Взрыв произошёл благодаря неосторожному обращению рабочих австрийцев с порохом… Австрийцы при погрузке часто просто бросали ящики с порохом. Взрыв был огромной разрушительной силы. Силою взрыва автомобиль, производивший погрузку, разорван на куски. На том месте, где он стоял, образовалась воронка сажени три в диаметре и аршина два в глубину. В дно этой воронки вбита нижняя часть автомобиля. Несколько вагонов разнесено в щепки… Рельсы согнуты, как тростинки. Силою взрыва выбиты все окна и сорвано несколько дверей в здании ж.д. управления, ж.д. городской ветки, у здания Яхт-клуба вылетела верхняя часть стены» [7, С. 3]. Согласно предварительным данным, число убитых при взрыве составляло 20–30 человек: «Несколько человек, находившихся в непосредственной близости от места взрыва, разнесено просто на атомы, другие, находившиеся несколько подальше, искалечены до неузнаваемости. Оторваны и обезображены головы, руки, ноги, вырваны внутренности. Силой взрыва эти части человеческих тел разметаны на большое расстояние. Так, на крыше бани Мариупольского (сажен 80 от места взрыва) найдена голова одного из убитых» [7, С. 3].

Мы не случайно так много внимания уделили трагическому инциденту, произошедшему 1 августа на железной дороге, потому что именно в этот день, в третьем часу дня, в Омск из Тобольска прибыла на пароходе «Товарпар» «бабушка русской революции» Брешковская и «дедушка сибирского областничества» Потанин, как остроумно написали об этом в прессе. Газета «Заря» самым подробным образом описала все детали путешествия Е.К. Брешко-Брешковской: «В Сибирь бабушка приехала через Тюмень. В Тюмень она прибыла 12 июля, когда там ещё сидели большевики. С 12-го по 21-е июля ей вместе с товарищем по путешествию гр. Т. пришлось жить нелегально. 21-го июля в Тюмень вошли войска Сибирского Правительства и бабушка перешла на легальное положение. Из Тюмени они отбыли 21-го июля на пароходе «Сухотин». При этом тюменцами были ей устроены тёплые проводы. В Тобольске пароход с бабушкой был встречен тысячной толпой. Бабушку закидывали цветами. Здесь она пробыла сутки и 28-го июля на пароходе «Товарпар» отправилась в Омск. На этом же пароходе ехал и Г.Н. Потанин. Бабушка часто выходила на палубу и беседовала с пассажирами. Особенно частые и продолжительные беседы велись ею с группой учеников Омского сельскохозяйственного училища, пробиравшейся в Омск с летних работ. В большинстве темою для беседы служила одна наболевшая тема – как спасти Родину. Где выход из того ужасного положения, в котором очутилась Россия. Во время пути бабушка так же не раз беседовала с Потаниным, и их можно было видеть сидящими на залитой солнцем палубе парохода»

[8, С. 3]. К слову, два редакционных материала – о взрыве на железной дороге и о приезде Брешковской – располагались на одной газетной полосе и вызывали контрастный эффект.

В Омске у Е.К. Брешко-Брешковской была насыщенная программа, которая подробнейшим образом освещалась в прессе. 2 августа, в 6 часов вечера, в помещении «Земля и Воля», расположенного на углу улиц Гасфортовской и Второго Взвоза, состоялся торжественный приём в честь легендарной революционерки. Запланированный повесткой дня доклад городского комитета социалистов-революционеров о работе партии во время большевизма был снят по требованию публики, которой в первую очередь хотелось послушать бабушку. В переполненном помещении, где яблоку негде было упасть, Брешковская изложило своё видение дальнейшего развития партии эсеров, поделилась своими впечатлениями о свершившейся Февральской революции, посетовав на то, что народ не проявляет инициативы при решении исторических задач – «ждёт избавителя для себя, а сам ничего не предпринимает» [9, С. 3]. Корреспондент газетной заметки обратил внимание на присутствовавших на встрече членов комитета Союза возрождения, представителей земства, которые пришли засвидетельствовать почтение Брешковской. Встреча, носившая «тёплый, семейный характер», длилась два с половиной часа, после чего бабушка отправилась в земское собрание.

Обратим внимание на употреблённые в публикации эпитеты – «тёплый, семейный характер». Подобные выражения будут встречаться и в других газетных материалах: «встреча носила характер интимной беседы», «дружно приветствовали гостью», «создалась удивительно радостная атмосфера доверия и любви», «чувство глубокого уважения к бабушке и благодарность за её тёплое, любовное отношение к народу», «за чашкой чая продолжалась задушевная беседа», «бабушка перецеловалась со всеми слушательницами, слушателями и лекторами» и т. п. Как видим, авторы материалов не скупились на лучезарные краски для представительницы одной из самых радикальных политический партий, существовавших в рассматриваемый нами период, члены которой в своих выступлениях не гнушались жёсткой, безапелляционной и агрессивной риторики. Зададимся вопросом – действительно, такой ли ангельский характер имела г-жа Брешковская, который буквально очаровывал окружающих, или же в рассматриваемых нами газетных материалах не обошлось без изрядной доли лукавства? Приведём короткий отрывок из воспоминаний революционерки, где она делилась впечатлениями от дискуссий с А.Ф. Керенским: «Сколько раз я говорила ему [Керенскому – прим. авт.]: „Возьми Ленина!“ А он не хотел. Всё хотел по закону. Разве это было возможно тогда? И разве можно так управлять людьми? Вот грибы растут – есть хорошие, а есть поганки. Поганки надо выбрасывать. Разве нет дурных, злых людей? Посадить бы их на баржи с пробка-

ми, вывезти в море – и пробки открыть. Иначе ничего не сделаешь. Это как звери дикие, как змеи – их можно и должно уничтожать. Страшное это дело, но необходимое и неизбежное» [10, С. 204]. Как видим, такая философия имеет мало сходства с мировоззрением «божьего одуванчика». Очевидно, определённые политические силы были заинтересованы в сближении с партией эсеров, для чего показывали открытую лояльность к их старейшему члену. Поэтому в материалах прессы, касающихся Брешковской, основным лейтмотивом проходила публичная демонстрация тёплых объятий холодной Сибири, в которых защитница народных интересов, столько лет проведшая в тюрьмах и ссылках, смогла, наконец, «отогреться».

Судя по материалам периодических изданий, другие омские встречи Брешковской не обошлись без пафоса. Апофеозом визита бабушки стало выступление на чешском съезде, на котором она назвала представителей чехословакского корпуса «друзьями моими, детьми родными», показавшими многомиллионному русскому народу «пример поведения сознательных и добрых граждан, записавших имя чехословаков на одной из прекраснейших страниц всемирной истории человечества» [11, С. 2]. Публика, присутствовавшая на съезде, не осталась скупа на комплименты: так, один из солдат попросил Брешковскую «считать себя не только бабушкой русской революции, но и всего чешско-словакского войска» [12, С. 3.].

Несмотря на изрядную долю мелодраматизма, которым грешили газетные репортажи при описании встречи русской революционерки с иностранными союзниками, отметим всё же органичность журналистского отображения материала, который целиком и полностью укладывался в канву политического официоза находившихся у власти летом-осенью 1918 г. Временного Сибирского правительства и Директории – формировать в прессе положительный образ иностранных антибольшевистских сил, оказывавших военную помощь белому движению.

Анализируя образ иностранных союзников в СМИ, историк-архивист М.М. Стельмак подчеркнул злободневность данной тематики, рефреном кочующей с одной газетной полосы на другую: «Тема иностранных союзников не сходила с полос официальных газет. Помощь России подавалась как главная задача союзников во исполнение данных ранее обязательств. Для презентации образа союзников представлялись их военный потенциал и демократические идеи. Приводились слова представителей союзников об уважении суверенитета России. А действия союзников против РСФСР показывались как продуманные шаги. Осенью 1918 г. «Сибирский вестник», как и другие антибольшевистские газеты, показывал единение русского народа и чехословацких солдат. Образ легионеров в прессе Сибири ассоциировался со стремлением к независимости, способностью к долгой борьбе за свободу, что в итоге привело к краху Герма-

нии и Австро-Венгрии. Газеты писали, что для легионеров Россия – заступница славян, и поэтому они готовы ей искренне служить» [13, С. 21–22]. При этом, как справедливо указал историк, «взгляды ведущих политиков антибольшевистского движения на роль союзников далеко не всегда соответствовали материалам в печати. Создание образа союзников как идеальных друзей было вынужденным, он не совпадал с реальными взглядами ряда руководителей антибольшевистского движения» [13, С. 17]. Научные исследования Д.И. Петина позволяют увидеть, что помощь союзнических сил российскому белому движению была отнюдь не бескорыстна и потребовала от последних проведение масштабных мероприятий по реорганизации экономической сферы [14].

Вечером 3 августа Е.К. Брешко-Брешковская почтила своим присутствием Лермонтовское училище, где проходили курсы подготовки по внешкольному образованию. Слушательницы курсов встретили её букетами цветов и овациями. Приводя, как пример, опыт собственной просветительской деятельности, бабушка говорила «о громадной роли женщины в деле культуры масс, рекомендовала обратить особенное внимание на просвещение девочек, девушек и женщин крестьянского населения» [15, С. 3]. Визитом в Лермонтовское училище революционерка осталась довольна, о чём свидетельствовали огромное количество оставленных в записных книжках курсисток автографов и запись в журнале посещений: «Лучшие два посещения в Омске – это на собрании учителей-внешкольников и на съезде чехословаков. Две задачи, достойные подражания со стороны всех честных сердец и умов» [15, С. 3].

Результаты исследования. Подводя итоги, можно констатировать, что материалы периодических изданий Белой столицы, в которых освещался визит Е.К. Брешко-Брешковской в Омск, носят специфический, не всегда объективный и беспристрастный характер. Образ «бабушки русской революции» с каждой новой печатной публикацией подвергался всё большей мифологизации. Печатные издания Белой столицы позволяют увидеть в динамике эволюцию создания и развития этого мифа: идеализировались человеческие качества Е.К. Брешко-Брешковской, характер её взаимоотношений с общественностью, её роль в историческом процессе. Причём, в данном контексте уместнее говорить не об искажении или фальсификации образа конкретного политического деятеля, а о его ретушировании, лакировке. Отметим при этом, что в своих публичных выступлениях с трибуны или в интервью прессе бабушка не скрывала своей категоричной позиции и называла политических противников – «немцев и большевиков» [16, С. 3].

В эпоху кровавой смуты, коей была Гражданская война, Россия отчаянно нуждалась в новых героях и пребывала в поиске источников для формирования их образов. Проблематика образов и сформированных ими исторические мифы, является сегодня одним из вопросов, активно изучаемых академическим сооб-

ществом. Яркий пример тому современный Омск, где военно-революционный период 1917–1919 гг. уверенно держит пальму первенства среди тем, выбираемых к изучению историками [17; 18].

В условиях обострения политической конфронтации в обществе, в ситуации ведения военных действий, появление того или иного мифа являлось закономерностью, а колоритная, харизматичная фигура бабушки как нельзя лучше для этого подходила. Исследователь И. Архипов связал феномен бабушки с неизжитым православно-монархическим менталитетом россиян: «Бабушка» – это и неистовый подвижник веры в революцию и «светлое будущее народа», можно сказать, пророк «новой религии». «Бабушка» – символ «исторического чуда», которое переживает Россия, сбросившая «прогнившее самодержавие». «Бабушка» – носитель высших моральных ценностей и заветных идеалов, которыми должны руководствоваться все «граждане Свободной России». «Бабушка» – это и наглядное воплощение идеологемы о «всенародной», «национальной» революции. Последнее особенно примечательно. Брешковскую представляли даже некой «надклассовой царицей»…» [19].

По мнению историка Ю.В. Иванишкиной, Брешковская смогла стать «духовным лидером и примером для подражания эсеровской молодежи», прежде всего, благодаря своим личным незаурядным качествам: «преданности революционным идеалам, готовности к подвигу, личной жертвенности» [20, С. 3].

Профессиональный революционер Е.К. Брешко-Брешковская сполна отыграла свою роль в отведённый ей исторический отрезок времени, но потом о ней надолго забыли. В новой стране народились новые герои. И, фигурально выражаясь, «бабушка русской революции» оказалась своим внукам не нужна.

Список источников и литературы:

1. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Вып. 3. Социалисты-революционеры. Новосибирск, 1996. 136 с.

2. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века): моногр. Омск: Наука, 2008. 612 с.

3. Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). Новосибирск: Офсет-ТМ, 2017. 528 с.

4. Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2012. 48 с.

5. Таирова Н.М. Организация встреч политических амнистированных – ссыльных и эмигрантов // Клио. 2007. № 3. С. 54–63.

6. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15477.

7. Взрыв поезда со снарядами // Заря (Омск). 1918. 3 авг. С. 3.

8. Приезд бабушки русской революции и Г.Н. Потанина // Заря (Омск). 1918. 3 авг.

9. Чествование бабушки русской революции // Заря (Омск). 1918. 4 авг.

10. Брешковская Е. 1917-й год // Новый журнал. Кн. 38. Нью-Йорк, 1954. С. 197–206.

11. Письмо бабушки Брешковской дорогим внукам чехословакам // Сибирский вестник (Омск). 1918. 22 авг.

12. Бабушка русской революции Е.К. Брешковская на чешском съезде // Заря (Омск). 1918. 3 авг.

13. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 32 с.

14. Петин Д.И. Иностранные союзники сибирского антибольшевистского движения и пути решения национального валютного вопроса летом 1918 г.: взгляд сквозь призму аналитической записки // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2018. № 1. С. 264–271.

15. Бабушка на курсах внешкольников // Заря (Омск). 1918. 7 авг.

16. Беседа с Бабушкой // Заря (Омск). 1918. 3 авг.

17. Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 4. С. 38–49.

18. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.

19. Архипов И. Е.К. Брешко-Брешковская: «бабушка» русской смуты // Звезда. URL: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1913 (дата обращения 19.08.2021).

20. Иванишкина Ю.В. Е.К. Брешко-Брешковская: общественно-политические взгляды и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 32 с.

Для цитирования: Елизарова Н.В. Визит в Омск Е.К. Брешко-Брешковской в отражении периодических изданий Белой столицы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 72–79.

© Елизарова Н.В., 2021

УДК 929

К БИОГРАФИИ БОРЦА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА БАРАНОВА

Анна Александровна Ермакова [1]

[1] Администрация Исилькульского муниципального района, Исилькуль, Омская область, Россия

[1] ermakovaa@ismr.omskportal.ru

Аннотация: Данная публикация ставит перед собой цель обзорного изучения биографии коммуниста Михаила Ивановича Баранова – рядового участника Гражданской войны в Западной Сибири. Работа подготовлена в процессе исследования комплекса исторических источников, выявленных автором в Историческом архиве Омской области и Исилькульском историко-краеведческом музее.

Ключевые слова: революция, Красная Гвардия, Гражданская война, советское подполье, советская власть, практическая генеалогия, Исилькуль.

Постановка вопроса. Современные историки, изучающие период Гражданской войны в России, все чаще стали обращаться в своих исследованиях к биографическим реконструкциям. Причем, взор ученых падает не только на тех, кто занимал некие управленческие, лидерские позиции, судьба «маленького человека» – рядового участника событий, подчас, не менее показательно иллюстрирует ту непростую эпоху. И такой подход к объяснению событий прошлого вполне оправдан: «человеческое видение», так или иначе, ближе некого обезличенного взгляда. Корни этого явления лежат в сущности людской психологии [См. об этом: 1, С. 137; 2, С. 246–248].

Омский регион столетие назад стал средоточием главных политических событий. Вполне объяснимо, что в текущее время появилось достаточно большое число работ в историко-биографическом ключе, посвященных участникам Гражданской войны, имевших связь с Омском. В центре внимания таких работ – «человек воюющий» и его личность в условиях армейского социума или войны [3].

Сегодня и в кругах профессиональных историков, и в краеведческой общественности все еще отмечаются суждения, тяготеющие к однобокому рассмотрению истории в пользу некой белогвардейской апологетики. На наш взгляд, несмотря на то, что в советский период о большевистских деятелях говорилось

достаточно много, остается как ряд неосвещенных биографий (особенно в масштабах локальной истории), так и некоторые описанные судьбы овеяны непроверенными фактами, нуждающимися в дополнительной проверке[1].

Также предваряя наш рассказ, подчеркнем, что среди других административных центров южной части современной Омской области применительно к событиям Гражданской войны особое место занимает Исилькуль. Столетие назад, как и сейчас, это была крупная железнодорожная станция и плотно населенный поселок. Такое обстоятельство придавало Исилькулю в те годы весомый статус [См. подр.: 17].

Основная часть. Поводом к нашему исследованию стало то, что в 2019 г. автор этих строк вошла в число участников проекта «Сквозь годы и вихри Гражданской войны», организованного под эгидой редакции газеты «Знамя» (печатный орган Исилькульского муниципального района Омской области), Исилькульский муниципальный архив и Исилькульский историко-краеведческий музей. В рамках названного проекта нам открылись вехи биографии красногвардейца и коммуниста Михаила Ивановича Баранова.

В настоящее время исилькульцы вряд ли назовут его имя в ряду тех, кто стоял у истоков Советской власти. Впервые какая-либо информация об этом человеке (правда, весьма краткая) появилась более полувека назад. В упомянутой газете «Знамя» за 7 ноября 1969 г., к очередной годовщине восстановления советской власти в Омском Прииртышье была опубликована небольшая заметка «Скрывался под фамилией Бушняк». Эта небольшая статья заканчивается таким утверждением: «Михаил Иванович умер, но жива Советская Родина, за которую он боролся, и она помнит имя своего сына» [18].

«А мне обидно, что фамилии деда нет на памятнике Борцам за Советскую власть на улице Деповской. Я одна из последних осталась в нашем роду и своим долгом считаю сохранить о нём память у исилькульцев..,» – со столь невеселым посылом обратилась в редакцию газеты «Знамя» Наталья Валентиновна Баранова – внучка Михаила Ивановича Баранова. С сожалением признала она, что и сама, к сожалению, почти ничего о нём не знает: «Только самые обрывочные сведения, что он был связным между исилькульским и омским подпольем, когда тут белочехи и колчаковцы хозяйничали. И что хоронил его весь город именно на том партизанском кладбище, у памятника. У меня и фотографии есть».

Это обращение послужило отправной точкой к нашим поискам. Выяснилось, что небольшое количество документов М.И. Баранова (как например, фотографии, удостоверения, листок Всероссийской переписи членов РКП(б)) находятся на хранении в фондах Исилькульского историко-краеведческого музея [19].

В Историческом архиве Омской области в фонде Исилькульской комиссии по делам бывших партизан имеется личное дело бывшего красного партизана

и красногвардейца М.И. Баранова с немногочисленными документами за период 1931–1933 гг., связанными с получением социальных льгот участниками Гражданской войны [20]. Буквально по крупицам удалось собрать факты из биографии нашего героя, сопоставляя документально подтвержденные сведения с устной историей, транслируемой в семье.

Он был родом из Поволжья, появился на свет в 1887 г. в деревне Бараново Зыковской волости Яранского уезда Вятской губернии. Со слов Н.В. Барановой узнаем, что окончив трехклассную сельскую школу, Михаил Иванович освоил плотницкое ремесло и уже с семнадцати лет жил на собственные доходы. Из тех же краев, только из самого города Яранска, была и его супруга Прасковья Степановна (в девичестве тоже Баранова). Дату переезда их в Омский регион установить не удалось. Можно полагать что, это могла быть одна из волн переселенцев, связанная со столыпинской аграрной реформой или Первой мировой войной.

Ключевые перемены в жизнь Михаила Ивановича внесла Гражданская война. В противостоянии он выбрал большевистский лагерь; причем, его идеологические убеждения были достаточно основательными. Во всяком случае, об этом говорит его включенность в политическую борьбу. Как свидетельствуют документы, он остался на территории, занятой белогвардейскими силами.

В заверенной районной партийной организацией официальной справке-характеристике, составленной Н.С. Качановым в начала 1930-х гг., читаем: «Знаю тов.[арища] Баранова Михаила и также его семью с 1918 года, с августа месяца. По поручению подпольной конспирации завода Ом[ского]механ[ико-]лит[ейного завод]а – Лагерного городка – Омск[2] (так в тексте – А.Е.), пришлось обследовать его семью. Оказалось, что Баранов Михаил скрывался от гонений контрохранки (так в тексте, речь идет о белых спецслужбах – А.Е.) Колчака, как красногвардеец, и семья его с четырьмя детьми находилась в крайне тяжелом материальном состоянии – гонимая агентами Колчака. Мне пришлось из средств наших сборов выдать семье Баранова на пропитание денежное пособие. По опросу соседей живущих с Барановым было установлено, что за семейством Баранова следили день и ночь, как за большевиком, и преследовали тех, кто приходил к нему в квартиру. Баранов Михаил скрывался под чужой фамилией, дабы не быть пойманным. Принимал участие в боях под Кошулем – Барабинский фронт, как красногвардеец».

В ранее упомянутой газетной заметке 1969 г., говорится, что позже, дабы обеспечить безопасность М.И. Баранову и его семье подпольщики решили вывезти и спрятать в деревне под Омском красногвардейца и его близких. Здесь же сообщается, что Михаил Иванович являлся связным подпольного областного партийного комитета от Исилькульского ревкома [18]. К сожалению, каких-либо иных сведений о подпольной и революционной деятельности нашего героя в документах обнаружить не удалось.

В анкете начала 1930-х гг. в графе «ваше занятие в настоящее время» М.И. Баранов сообщил, что является председателем Исилькульского райпрофсовета, что на местном уровне было неплохой административной должностью. В семейном архиве сохранилась фотография 1931 г., на которой Михаил Иванович запечатлен с группой профсоюзных активистов в Ливадийском дворце – бывшей южной резиденции российских императоров, расположенной на черноморском берегу в Крыму; в 1925 г. там открыли санаторий для крестьян.

Жизненный путь Михаила Ивановича Баранова был относительно недолог. В 1934 г. в возрасте 47 лет он скончался и был похоронен в Исилькуле. Стоит полагать, что в числе причин, подорвавших его здоровье, оказались далеко не лучшие бытовые условия и иные тяготы военно-революционного периода.

Любопытен момент: на историческом некрополе Исилькуля (южной части города), где был предан земле прах М.И. Баранова, впоследствии был воздвигнут памятник (с 1978 г. гранитная стела) под названием «Братская могила 10 красногвардейцев». В этом же месте в те же годы похоронили и некоторых жертв ответного красного террора. Причем о данном факте в силу определенной политической конъюнктуры ранее широко не говорилось. Таким образом, существующий памятник олицетворяет идею некоего всеобщего мемориала – и красным, и белым, боровшимся за светлое будущее своей страны, которое каждый видел по-своему.

Как нам стало известно из беседы с Натальей Валентиновной Барановой, вдова советского деятеля М.И. Баранова – Прасковья Степановна – не раз становилась специально приглашенной гостьей юбилейных торжественных мероприятий по случаю годовщин Октябрьской революции. Она, в годы Гражданской войны разделившая с мужем непростую участь, как живой свидетель прошлого регулярно выступала перед земляками у памятника Борцам революции. Могила П.С. Барановой также находится в Исилькуле.

Старшая дочь Александра Михайловна и младший сын Валентин Михайлович Барановы жили в Исилькуле до конца своих дней. Дочь Таисия добровольцем ушла на фронт в Великой Отечественной войны, после контузии была демобилизована. Двое сыновей, Павел Михайлович и Иван Михайлович Барановы, призванные в ряды РККА Исилькульским районным военкоматом, погибли на фронте.

Результаты исследования. Согласимся, что в силу отрывочности сведений, которые нам представилось возможным выявить, проделанный поиск не обрел законченного характера. Однако рассмотренная судьба – яркий пример все же относительно благополучного выживания «маленького человека» в условиях социальных катаклизмах. Кроме того, мы полагаем, что наша работа может в дальнейшем послужить основой полновесной реконструкции жизненного пути М.И. Баранова, а также общим руководством к действию при прове-

дении подобных генеалогических поисков, связанных с красногвардейцами, партизанами и подпольщиками рядового звана.

Примечания:

[1] Одними из ключевых популяризаторов данной проблематики в Омске являются сегодня историки-архивисты Д.И. Петин и М.М. Стельмак, опубликовавшие (лично и в соавторстве) достаточно большое число подобных работ. Что считаем важным, наши коллеги пропагандируют «равновесный взгляд», посвящая свои исследования представителям каждого из политических лагерей, противостоявших друг другу в период Гражданской войны. В то же время среди героев их статей, преимущественно, лица, сыгравшие в те годы некую значимую роль именно в условиях Омска. Ряд подобных судеб, изученных нашими коллегами, парадоксален: отдельные исторические персонажи отметились на службе и у красных и у белых [См., напр.: 4–13]. Подготовленный в 2020 г. этими авторами мартиролог жертв Гражданской войны в регионе – уникальный справочно-информационный проект, отражающий указанную «примирительную позицию» [14] высоко, оценили эксперты [15–16]. С уверенностью полагаем, что данное издание может стать основой смежных наработок в рамках каждого из муниципальных районов Омской области.

[2] Омский механико-литейный завод и Лагерный городок располагались в пригородной тогда части Омска. Ныне это территория 16-го Военного городка Министерства обороны России [См. подр.: 21–22].

Список источников и литературы:

1. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень : ТюмГУ, 2003. 208 с.

2. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239–262.

3. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук : сб. материалов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М. : РГГУ, 2011. С. 319–328.

4. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. ГришинаАлмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073.

5. Сушко А.В., Петин Д.И. Чекист, железнодорожник, архитектор Петр Петрович Зутис // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 923–938.

6. Бодрова Л.А., Петин Д.И. Из Вольмара в Омск дорогами службы: к биографии действительного статского советника Г.Я. Галкина (1861–1919 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 67–74.

7. Бакшт Д.А., Петин Д.И. Заведующий агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Караулов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 366–380.

8. Петин Д.И. Евгений Береговой (1891–1920): судьба офицера разведки белой армии в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 117–124.

9. Петин Д.И. «Вполне подчинялся требованиям властей и условиям…». Вехи биографии военного юриста генерал-майора Н.М. Сеницкого // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1241–1254.

10. Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

11. Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов и последняя провокация омских жандармов (январь 1917 года) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 8–27.

12. Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3. С. 168–182.

13. Стельмак М.М. Авенир Загребин: жизнь бывшего офицера Генштаба в советском Омске//Омские социально-гуманитарные чтения – 2018: мат-лы XI междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 24–26 апр., 2018 г.). Омск: ОмГТУ, 2018. С. 252–256.

14. Жертвы Гражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.): науч.-справ. изд. / Авт. предисл., отв. сост. и науч. ред. Д.И. Петин; сост.: М.М. Стельмак / М-во культуры Ом. обл., БУ ИсА. Омск: Амфора, 2020. 232 с.

15. Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5. № 1. С. 30–38.

16. Олихов Д.В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы гражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141–159.

17. Исиль–Куль – Исилькуль: Избранные страницы истории города и района. Омск: Духовное наследие, 2020. 556 с.
18. Скрывался под фамилией Бушняк // Знамя (Исилькуль). 1969. 7 ноября.
19. Исилькульский историко-краеведческий музей. Фотофонд.
20. ГИАОО. Ф. Р–1958. Оп. 1. Д. 1.
21. Наумов С.С., Петин Д.И. Из истории 16-го Военного городка в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4. С. 120–138.
22. Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215.

Для цитирования: Ермакова А.А. К биографии борца за Советскую власть Михаила Ивановича Баранова // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20-21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 80–86.

© Ермакова А.А., 2021

УДК 947 (571.1)

АРХИТЕКТОР ДМИТРИЙ ВЕРНЕР: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Светлана Владимировна Изотенко [1]

Наталья Святославовна Храпова [2]

[1] Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, Омск, Россия
[2] Исторический архив Омской области, Омск, Россия

[1] schernook@mail.ru
[2] nataliya_h2001@rambler.ru

Аннотация: Данная публикация посвящена финальному этапу биографии Д.А. Вернера, прибывшего в Омск в период Гражданской войны, впоследствии служившего в должности Омского губернского архитектора. Впервые обнародуется уточненная по неопубликованным документам архива дата его смерти. Рассматриваются основные вехи деятельности Д.А. Вернера в Омске, его влия-

ние на последующее развитие омской городской архитектуры и градостроительства, наименования и планировку городских улиц.

Ключевые слова: Гражданская война, архитекторы, градостроительство, городская архитектура, Д.А. Вернер актовая запись, Омск.

Постановка проблемы. События Гражданской войны в России отразились на судьбах многих представителей интеллигенции. По причине давления военных и социальных обстоятельств им вместе с семьями приходилось в кратчайшие сроки менять свое место жительство, оказываясь вдали от родных мест в самых разных городах страны. Многие бесследно, в итоге, исчезали, некоторые волею случая все же оставались в профессии, продолжали свою деятельность на новых местах, адаптируясь под постоянно изменяющиеся условия эпохи социальных катаклизмов.

Данная публикация посвящена уточнениям отдельных фрагментов биографии известного Нижегородского (позднее – Самарского) архитектора Дмитрия Александровича Вернера, который, приехав в город Омск с семьей в 1918 г., остался здесь до конца своей не столь продолжительной жизни.

О деятельности этого архитектора в нашем городе упоминается в работах ряда омских исследователей–культурологов И.Г. Девятьяровой, Г.Ю. Мысливцевой, Н.И. Лебедевой, В.Г. Рыженко и др. [1; 2; 3, С. 74–75]. Однако некоторые фрагменты биографии оставались неизвестными. В частности, не было известно точных и документально подтвержденных сведений в отношении даты и обстоятельств ухода из жизни Дмитрия Александровича.

Основная часть. Вернер Дмитрий Александрович родился в 1873 г. в городе Орле в семье служилого дворянина [4, Л. 1]. Окончив Институт гражданских инженеров в Петербурге в 1896 г., он начал свою карьеру с должности городского архитектора в Нижнем Новгороде, каковую занимал по 1906 г. Затем стал разъездным страховым инспектором. В 1909 г. получил пост городского архитектора в Самаре; с 1914 г. (и весь период Первой мировой войны, до 1918 г.) состоял главным инженером по постройке Самарского Сергиевского завода взрывчатых веществ [5, Л. 1].

После ликвидации завода Дмитрий Александрович с отступающими частями белой армии был эвакуирован из Поволжья на восток, оказавшись в результате, в Омске осенью 1918 г., со своей многочисленной семьей – супругой Анной Дорофеевной, детьми Александром, Ольгой, Анной, Николаем, Сергеем, Натальей и Дмитрием. В 1917 г. родная сестра нашего героя, Ольга Александровна, навсегда покинула Россию, позднее обосновавшись в Нью-Йорке, давала частные уроки музыки [5, Л. 5].

В Омске Дмитрий Александрович, как глава семейства, сразу же поступил на службу в местную городскую управу. По-видимому, в архитектурно-стро-

ительном отделе вакантных должностей не было, городским архитектором в то время был Павел Филиппович Горбачев (1859–1921), поэтому Вернеру была предложена должность инженера дорожно-технического отдела, в ведении которого находились вопросы благоустройства города [4]. Отныне мощение улиц, устранение многочисленных аварий в центральном отоплении и водопроводе, установка фонарных столбов, уборка улиц и тротуаров около городских зданий, благоустройство городских садов и решение других бытовых проблем переселенного города были возложены на Дмитрия Александровича.

К авторитетному мнению опытного архитектора прислушивались, его предложения поддерживались и воплощались в жизнь. Один эпизод нашел свое отражение в воспоминаниях служащего Омской городской управы Митрофана Алексеевича Столповского: «В декабре 1919 г. мною и заведующим отделом благоустройства инженером Д.А. Вернером был внесен в коллегию Омского коммунального отдела доклад о сносе всех лавок на Центральном базаре. Доклад мой, поддержанный Вернером, коллегией был принят, и весною 1920 г. все лавки, лари были снесены» [6, Л. 23].

Именно Дмитрию Вернеру принадлежит инициатива массового переименования улиц города. К 1919 г. Омск стремительно разросся, появились крупные кварталы, новые улицы. Архитектором отмечалось, что при их наименовании использовался способ случайных наименований. В докладной записке члену Омской городской управы А.И. Шкоде от 20 февраля 1919 г. он делится конструктивным мнением: «Дело наименования улиц и площадей городов является если и не делом первостепенной важности, то все же оно имеет значение и немалое (если правильно поставлено) для удобства жителей <…>.

Способ случайных наименований, способ очень употребительный в русских новых (а отчасти и старых) городах. В последнем случае улицы в память писателей переплетаются с улицами, названными по имени какого-нибудь грозного губернатора или полицмейстера, здесь же рядом случайные, совершенно бессмысленные наименования и, наконец, как результат полной бедности фантазии крестного отца города, целый список имен всех соседних уездных городов. Способ этот, в полной мере применяемый в Омске, некрасив, неудобен и сильно затрудняет нахождение адресата <…>.

Я не предрешаю вопроса, какая система должна быть принята в Омске: историческая, чисто деловая, смешанная, или будут найдены еще лучшие способы, но думаю, что вопросом этим следовало бы заняться теперь же, следовало бы избрать систему и придерживаться ее на будущее время, имея в виду, как вопросы красоты, так и логичность, и удобство в применении тех или иных названий» [7, Л. 24–24об.].

При этом особое внимание Дмитрий Александрович обращал на улицы именно с неустановившимися названиями. Понимая, что крупные изменения

внесут путаницу и серьезные затруднения, он предлагал оставлять все старые «более или менее приемлемые» названия [8, Л. 182].

Вопрос необходимого для развития города упорядочения наименования улиц и нумерации домов не раз обсуждался, однако, только к 1924 г. произошла массовая переадресация. Многие предложения Дмитрия Александровича нашли отражение на карте Омска.

С приходом советской власти Д.А. Вернер фактически сохранил свою прежнюю должность, переименованную в коммунального инженера в Омском губернском коммунальном отделе [5]. В 1922 г. наш герой был назначен губернским архитектором.

Благоустройство и озеленение города в первые послереволюционные годы являлось насущнейшей жизненной необходимостью. В степном Омске, страдающем от пыли и сурового климата, получила свое развитие идея города-сада. Известно, что в июле 1921 г. на Отчетной выставке деятельности отделов Омского губисполкома, приуроченной ко 26-му Губернскому съезду Советов, архитектор Д.А. Вернер и его коллега архитектор А.В. Линецкий представили проект перепланировки Омска.

Тогда на исторически сложившуюся городскую застройку авторы предлагали наложить радиально-кольцевую схему города-сада популярного английского социолога-утописта Э. Говарда. За центр бралась крепость (как административный центр) и театральная площадь, которые должны были стать садом, окруженным стильными зданиями. Остальные имеющиеся сады и скверы образовывали кольцевые аллеи, с переброской их через реку Омь. Посадки деревьев планировались вдоль основных улиц, что и было впоследствии осуществлено. Новая заиртышская часть Омска также получала концентрически-радиальную систему планировки [2, С. 60-61, 63].

Параллельно основной деятельности с 27 мая 1920 г. по 21 октября 1921 г. работал в Первой Сибирской художественной школе (Сибирский художественно-промышленный практический институт), преподавал специальные дисциплины на архитектурном отделении [9, Л. 1].

Однако воплощению многочисленных профессиональных планов Дмитрия Александровича Вернера не суждено было состояться. Его жизнь оборвалась по причине продолжительной болезни 10 мая 1925 г., о чем свидетельствует актовая запись из книги ЗАГС 2-го района города Омска. Причиной смерти стал сахарный диабет [10, Л. 66–66об.]. Архитектора похоронили на Казачьем кладбище (на тот момент главном и наиболее старом городском некрополе Омска), которое закрыли для захоронений в 1942 г.; в результате полного сноса кладбищав 1960–1970-х гг могила Д.А. Вернера оказалась утраченной.

Вся многочисленная семья нашего героя в том же 1925 г., лишившись кормильца, покинула Омск, переехав к старшим детям в Ленинград. В личном деле

учащегося строительного отделения Омского механико-строительного техникума младшего сына – Дмитрия Дмитриевича Вернера (родился 28 августа 1907 г.) в прошении на поступление на 2 курс Ленинградского индустриального техникума указано: «В виду смерти отца и переезда всей семьи в Ленинград Вернер не может остаться в Омске, и по материальным условиям ему необходим переезд в Ленинград к семье» [11, Л. 2].

Результаты исследования. Несмотря на короткое пребывание в Омске, Дмитрий Вернер сумел значительно повлиять на внешний вид нашего города. Воплотив в жизнь ряд творческих замыслов, он смог вписать свое имя в историю омской архитектуры и градостроительства, предначертав в определенной степени ее перспективное развитие. Идеи Д.А. Вернера, так или иначе, получили реализацию в советские годы в обновлявшемся послевоенном облике Омска, совершенствовании его инфраструктуры.

Список источников и литературы:

1. Материалы к словарю инженеров и архитекторов, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XX века / Сост.: И.Г. Девятьярова // Поэзия знакомого ландшафта. Омск, 2000. С. 224.

2. Отражение социокультурных воззрений раннего социализма в практике архитекторов-преподавателей Сибирского художественно-промышленного техникума имени М.А. Врубеля // Территория мечты: Сб. тр. Г.Ю. Мысливцевой / Сост.: Е. Дорохов, А. Мысливцева, Е. Груздов, Г. Гурьянова. Омск, 2010. 383 с.

3. Омск. «Город на границе государства Российского…». Историческая мозаика / Н.И. Лебедева, В.Г. Рыженко. СПб., 2001. 109 с.

4. ГИАОО. Ф. Р–286. Оп. 2. Д. 106.

5. ГИАОО Ф. Р–28. Оп. 1. Д. 388.

6. ГИАОО.Ф. Р–2200. Оп. 2. Д. 1883.

7. ГИАОО. Ф. Р–74. Оп. 1. Д. 8.

8. ГИАОО. Ф. Р–74. Оп. 1. Д. 9.

9. ГИАОО Ф. Р–300.Оп. 2. Д. 82.

10. ГИАОО. Ф. Р–580. Оп. 3Б. Д. 21.

11. ГИАОО. Ф. Р–606. Оп. 3. Д. 341.

Для цитирования: Изотенко С.В., Храпова Н.С. Архитектор Дмитрий Вернер: штрихи к биографии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 86–90.

© Изотенко С.В., Храпова Н.С., 2021

УДК 929

ОТРАЖЕНИЕ СУДЕБ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ГЕРОЕВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРАХ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ СИБИРСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА ЗАЛМАНА ЛОБКОВА)

Оксана Владимировна Ищенко [1]

[1] Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

[1] iovfu@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7193-6082

Аннотация: в статье рассматриваются отраженные в мемуарах основные этапы судеб членов семьи известного сибирского революционера Залмана Лобкова – жены Ольги Гержеван и сына Льва Лобкова. На основе анализа большого количества опубликованных и неопубликованных воспоминаний делается вывод о типичности жизненного пути О.Д. Гержеван (Сосновской), ставшей под влиянием мужа активной участницей гражданской войны и расстрелянной по ложному обвинению в подготовке совершения теракта против руководителей страны в 1941 г.

Ключевые слова: мемуары, революция, Гражданская война, Ольга Сосновская-Гержеван, Залман Иудович Лобков, практическая генеалогия.

Постановка проблемы. Биографии героев Гражданской войны, прежде всего, погибших на полях сражений, широко публиковались и в первые годы после установления советской власти, и в последующие десятилетия. Необходимость формирования идеального образа пламенного революционера для его трансляции последующим поколениям обусловила активный сбор мемуаров участников событий комиссией Истпарта в 1920–1930-е гг. Однако, как отмечается в исследовательской литературе, самым слабо освещённым сюжетом в них оставалась личная жизнь героев, описание которой чаще всего сводилось к упоминанию о наличии (либо отсутствии) жены или мужа, детей [1, С. 95]. Впрочем, чаще всего это можно отнести к опубликованным вариантам биографий героев, написанных на основе воспоминаний. Оригинальные же документы, хранящиеся в архивных фондах, сохраняют интересные подробности не только частной жизни видных участников Гражданской войны, но и дальнейших судеб членов их семей, наглядно характеризуя перипетии личности в «русской смуте XX века».

Основная часть. Ярким примером в этом отношении может стать проведенная по мемуарным источникам реконструкция биографий жены и сына из-

вестного сибирского революционера Залмана Лобкова – члена РСДРП-РКП(б), активного участника установления советской власти в Омске, организатора обороны города во время мятежа белочехов, участника подпольной работы на Урале и в Сибири в период колчаковщины. Основные вехи его жизни достаточно детально исследованы в многочисленных публикациях. Написанные историками и публицистами книги, статьи и очерки рисуют портрет несгибаемого революционера, героя гражданской войны, до последней капли крови сражавшегося за Советскую власть и погибшего в возрасте 20 лет [2, С. 315]. Воспоминания же, содержащие эпизоды личной жизни З. Лобкова, позволяют заметно разнообразить сложившийся образ.

Согласно воспоминаниям о З. Лобкове З.И. Могилевской, молодой Залман в период учебы в коммерческом училище был убежденным толстовцем. За выпуск в 1914 г. антивоенной прокламации он вместе со своими единомышленниками был арестован и оказался в тобольской тюрьме. Для установления связи с заключенными ученица акушерско-фельдшерской школы Ольга Гержеван-Латти (доп. – в ряде источников вторая часть фамилии указана как Лати. – О.И.), стала его «тюремной невестой», а «впоследствии по выходу из тюрьмы Залман Лобков женился на Ольге и очень горячо ее полюбил» [3, Л. 36].

Следует отметить, что практика появления подобных «тюремных невест» была вполне обычной для того времени. Так, например, в воспоминаниях Молодова о революционных событиях в Сибири содержится эпизод его свидания с незнакомой ранее гимназисткой, «которая, имея сочувствие к революционному движению, пришла навестить заключенных и оказать им всевозможную помощь – хотя бы просто тем, что приятно заключенному поговорить с кем-либо с воли» [4, Л. 9]. Согласно воспоминаниям известной революционерки К. Чудиновой, тюремные «невесты» «в жизни … подпольной работы играли очень большую роль, многие невесты потом становились женами освободившихся из тюрьмы товарищей… Невесты эти, целуясь со своими мнимыми женихами, ухитрялись передавать записки с воли и даже пилки для распиливания решеток при побегах, во всяком случае их роль очень большая в организации побегов и установлении связей с партийной организацией, с волей» [5, Л. 133].

В случае с заключенным в тюрьму Лобковым «тюремная невеста» тоже могла способствовать его выходу на волю. По свидетельству З.И. Могилевской, выдать Ольгу за невесту Залмана посоветовал его родителям их близкий друг, директор акушерско-фельдшерской школы доктор Григоржевский, который для освобождения заключенного предложил ему симулировать психическое заболевание. Через Ольгу передавались указания врача как себя вести, возбуждающие медицинские препараты и деньги для подкупа. В результате спустя некоторое время Лобков был выпущен на поруки отца [3, Л. 36-37]. Частые встречи на свиданиях привели к тому, что молодые люди полюбили друг друга. К. Чудинова вспоминала: «Ольга Гержеван часто ходила на свидание к Зяме Лобко-

ву, когда он сидел в Тобольской тюрьме, а когда он вышел, то они поженились и вообще были замечательной парой» [5, Л. 134].

Авторы воспоминаний отмечали красоту тюремной невесты Залмана. З.И. Могилевская пишет: «Ольга была очень красивая девушка, среднего роста, хорошо сложена, особенно хороши были ее глаза – черные, с большими длинными ресницами. Отец Ольги по национальности был грек» [3, Л. 39]. Согласно воспоминаниям сестры З. Лобкова Анны Лобковой-Лебедевой, Ольга Даниловна Гержеван-Латти, действительно имела какую-то смешанную кровь (возможно, черкесскую): «Она была очень культурная женщина, училась в фельдшерской школе, не окончила один год. Она была очень и очень красивой. Я не знаю даже почему так случилось, но Залмана она очень любила и смотрела ему прямо в глаза» [3, Л. 9].

При этом З.И. Могилевская, сама учившаяся в то время в Тобольской акушерско-фельдшерской школе, довольно скептически описывала политические взгляды Ольги: «Училась она посредственно, политикой … не интересовалась, и мы считали ее малоразвитым человеком. В 1913–1914 гг. в Тобольске под руководством ссыльных социал-демократов был организован нелегальный марксистско-ленинский кружок, куда вошли учащиеся тобольских учебных заведений: слушательницы фельдшерской школы, учащиеся духовной семинарии, мужской ветеринарной школы и двое из мужской городской гимназии. Всего нас было 14 человек. Ольга в этом кружке участия не принимала и даже не знала о его существовании» [3, Л. 36]. Подруга же Ольги К. Чудинова, напротив, писала, что они обе в период обучения в акушерско-фельдшерской школе вместе участвовали в ученических кружках в Тобольске [5, Л. 115].

После выхода из тюрьмы Залман женился на Ольге, причем воспоминания не содержат никаких данных о том, был ли этот брак заключен официально. Сомнения в возможности его официального заключения вызваны как разной конфессиональной принадлежностью молодых людей, так и возрастом молодого мужа. Сестра Залмана А. Лобкова-Лебедева пишет о скандалах в семье, вызванных появлением у 16-летнего Залмана невесты, которая была на 9 лет его старше [3, Л. 7]. Однако по данным, имеющимся в других источниках, разница в возрасте между Залманом, родившимся в 1898 г., и Ольгой 1894 года рождения была все же не такой значительной. В 1916 г. у Залмана и Ольги родился сын Лева, названный так в честь кумира юношества Лобкова – Льва Николаевича Толстого. Жить молодой семье было трудно, но, как пишет сестра, «от родителей он ничего не брал и присланные продукты отправлял обратно» [3, Л. 8].

Все мемуаристы свидетельствуют о том, что Залман очень любил жену и сына. И. Урманский, описывая бурную деятельность Лобкова после Февральской революции в Омске, отмечал, что несмотря на постоянную занятость борьбой за построение социалистического общества, «урывками приходил он

в семью к маленькому сыну» [6, Л. 46]. В опубликованных в 1925 г. воспоминаниях так же подчеркивалось, что «последнее завещание Лобкова, переданное спокойным голосом, было о сыне. Он просил, чтобы нашли его мальчика и воспитали его» [6, Л. 26].

Сведения о жизни и деятельности З. Лобкова и О. Гержеван после сдачи Омска отрывочны и заметно разнятся. Так, согласно воспоминаниям З.И. Могилевской, в 1918 г. Залман был в Москве и просился на нелегальную работу в Екатеринбург, в том числе и потому, что его жена находилась там в тюрьме. Он даже обращался к врачам, чтобы ему ввели парафин и изменили форму характерного для представителей его национальности носа, но врачи отказались, т.к. шла эпидемия тифа и можно было заразиться во время операции. До Екатеринбурга Залман не добрался, был арестован в Уфе, а его жене удалось бежать из тюрьмы [3, Л. 37-38]. По свидетельству В.М. Косарева, после отступления из Сибири, Лобков принял активное участие в партийной работе и строительстве Красной армии на Урале, но все время рвался в Сибирь, поскольку «у своего отца, в Тобольске, Лобков оставил ребенка. Белые узнали об этом и угрожали убить его. Жена Лобкова долго грустила о сыне, не выдержала, ушла в Сибирь и попалась в руки белой банды, которая приговорила ее к 20 годам каторги» [7].

Несколько иная информация содержится в других источниках. Так, согласно сведениям, представленным на биографическом сайте «Генеалогия семьи Абрамзон», в 1918 году Ольга Гержеван находилась на подпольной работе в Екатеринбурге. К этому времени она уже была членом партии. Через нее передавались денежные средства товарищам, находившимся на нелегальном положении, проходила закладка тайников, осуществлялась связь с курьерами из партийных ячеек Урала и Сибири. Залман после ареста по принуждению написал записку на имя жены, чем воспользовалась контрразведка белых. В конце марта – начале апреля 1919 г. произошел крупный провал большевистского подполья. В результате Ольга Гержеван была арестована и приговорена к бессрочной каторге [8]. Средний сын Ольги В. Сосновский в своих воспоминаниях пишет о том, что его матери, осужденной колчаковским военно-полевым судом на пожизненные каторжные работы, удалось бежать в лесу с этапа и добраться до Екатеринбурга [9].

Оказавшись в Екатеринбурге, Ольга вышла замуж за известного революционера, журналиста, партийного, советского, профсоюзного деятеля Льва (Лейбу) Семеновича Сосновского и впоследствии переехала с ним в Москву. При этомОльга, по словам К. Чудиновой, очень любила первого мужа, и когда он погиб тяжело пережила эту утрату [5, Л. 134]. Однако в воспоминаниях сестры З. Лобкова содержится совсем другая информация: после смерти Залмана Ольга приезжала к его родителям, говорила и плакала, что очень его любит, а сама была уже беременна от Сосновского, и потом выяснилось, что жила

с ним, когда еще Залман был жив [3, Л. 9]. В 1920 г. в новом браке у Ольги появился сын Владимир, названный так в честь В.И. Ленина, с которым Сосновский был очень близок, в 1926 г. – сын Андрей, получивший имя по партийному псевдониму Я.М. Свердлова.

Вероятно, старший сын Ольги Гержеван не сразу стал жить с матерью, поскольку в ряде воспоминаний говорится о том, что в 1921 г. во время Западно-Сибирского антибольшевистского восстания в Тобольске белогвардейцами был зверски убит отец Залмана Лобкова, а мать, сестер и сына спрятали соседи, поскольку враги советской власти искали мальчика, чтобы взять его в заложники [3, Л. 38; 9].

Некоторое время семья Сосновских жила в Кремле. Несмотря на высокое положение мужа, Ольга не забывала своих сибирских подруг, общаясь и с Ксенией Чудиновой, и с Евгенией Мельтцер – вдовой лучшего друга З. Лобкова Вениамина Тверитина [10, С. 23]. Новый муж Ольги усыновил Леву Лобкова, и до 1937 г. он носил фамилию Сосновский, причем, по словам Владимира Сосновского, «различия между нами никогда не делалось, и я лишь юношей узнал, что мой отец Леве отчим» [9].

Именно воспоминания Владимира являются основой для описания дальнейшей жизни семьи Сосновских. В силу малого возраста автора в них нет сведений о том, чем занималась его мать в первые годы в Москве: «Может, в то время, а может, несколько раньше – была она чекисткой – в детской комиссии ЧеКа. Но ничего конкретного об этом факте я не помню» [9]. Л.С. Сосновский в это время являлся главным редактором газеты «Беднота», в 1921 г. входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции, после которой находился с семьей в длительной командировке в Германии. Однако уже с 1923 г. он начинает активную работу в рядах оппозиции действующей власти, за что в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) был исключен из партии. В это же время партийного билета лишилась и его жена.

Активная поддержка супругами Л. Троцкого привела к ссылке Л.С. Сосновского в Барнаул, куда к нему, согласно воспоминаниям Владимира Сосновского, в 1928 г. приехала семья. В 1929 г. Л.С. Сосновский был арестован и направлен в Челябинскую тюрьму, а затем в Томский политизолятор. Ольга же с детьми возвратилась в Москву. Жить им было негде, поэтому семья поселилась на даче. «Мы часто мерзли, сидели дома в пальто. Лева брал ножовку – и шел пилить какую-нибудь сухую сосенку, рискуя быть пойманным лесником. … Мама вела хозяйство, как-то добывала денег, что-то продавала, вероятно, позже куда-то устроилась в Москве на работу», – так описывает нелегкую жизнь семьи автор [9].

Благодаря стараниям хорошего знакомого семьи С.И. Сырцова, занимавшего в то время пост председателя Совнаркома РСФСР, семья получила ма-

ленькую квартиру, а Ольга Даниловна Сосновская-Гержеван устроилась на работу организатором лекций в политпросветсектор Московского зоопарка. О старшем брате Владимир пишет следующее: «Лева в старших классах был самым большим авторитетом признанным лидером, – и за разносторонние знания, и как лучший физкультурник, гимнаст, легкоатлет, – и вероятно, по темпераменту, силе характера. Кончив семь классов … , он поступил на завод слесарем, потом в техникум» [9].

В 1934 г. Л.С. Сосновский официально отрекся от оппозиции, что позволило ему вернуться в Москву, где он стал опять заниматься журналистской работой и был даже восстановлен в партии. Но в 1936 г. он вновь был арестован и в июле 1937 г. расстрелян [11]. Спустя несколько дней на глазах старшего сына была арестована О.Д. Сосновская-Гержеван, которая как член семьи изменника родины была приговорена к 8 годам пребывания в исправительно-трудовом лагере в Мордовии. Какое-то время ее сыновья жили втроем, старший Лева работал инструктором физкультуры и на свою небольшую зарплату содержал своих братьев, но вскоре самого младшего – Андрея забрали в детский дом [9].

В 1937 г. старший сын Ольги Лев отказался от фамилии отчима, вновь став Львом Залмановичем Лобковым. Трудно сказать, было ли вызвано это решение осознанным восприятием Льва Сосновского как контрреволюционера или попыткой избежать репрессий, но можно только предположить, каким серьезным душевным потрясением стал этот шаг для молодого человека. В дальнейшем, по некоторым сведениям, Лев Лобков участвовал в обороне столицы в годы Великой Отечественной войны, затем работал в Москве учителем физкультуры, скончался в 1968 г.

Ольга Даниловна Сосновская-Гержеван в 1939 г. была вновь доставлена в Москву, где вместе с женами бывшего председателя СНК СССР С.И. Сырцова и военачальника И.П. Уборевича была подвергнута пыткам для получения признания в организации группы для совершения теракта против руководителей страны с целью отомстить за казнь своих мужей [9]. Несмотря на попытку во время суда отказаться от показаний, данных «под моральным и физическим воздействием», 6 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР за участие в контрреволюционной террористической организации О.Д. Сосновская-Гержеван была приговорена к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в июле (по иным данным – в сентябре) 1941 г. В 1956 г. посмертно реабилитирована [12].

Результаты исследования. Судьба Ольги Даниловны Гержеван-Латти (Сосновской) к сожалению, представляется достаточно типичной для той эпохи. Начав свой путь с почти случайного вхождения в революцию, но став убежденным борцом за новую власть и поднявшись вместе со вторым мужем Л. Сосновским к вершинам политического Олимпа, в итоге она была уничто-

жена той самой властью, за утверждение которой погиб ее первый муж З. Лобков. Вряд ли в период следствия и суда хоть кто-то вспомнил об участии Ольги в событиях революции и Гражданской войны. Эта страница жизни О.Д. Сосновской-Гержеван была давно перевернута. Разные времена требовали разных образов врагов и героев, но зачастую это были одни и те же люди.

Список источников и литературы:

1. Ищенко О.В. Герои и мифы российской революции: формирование образа революционера в биографической и мемуарной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9. С. 91–96.
2. Ищенко О.В. Биография революционера З.И. Лобкова: формирование образа героя // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие / Сб. ст. Всеросс. науч. конф. (Сургут, СурГУ, 24–25 ноября 2017 г.). Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2017. С. 315–325.
3. ГИАОО. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 443.
4. ГИАОО. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 406.
5. ГИАОО. Ф. П-411. Оп. 3. Д. 805.
6. ГИАОО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 177.
7. Косарев В. Три года борьбы // Уральский коммунист. 1922. № 6. С. 40.
8. Генеалогия семьи Абрамзон. URL: http://mishpoha.ru/history/lobkov.htm (дата обращения 09.09.2021).
9. Сосновский В.Л. Записки. Бийск: Науч.-издат. центр БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002. URL: https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9062 (дата обращения - 09.09.2021).
10. Мельтцер Е.Л. Комментарии к жизни. Публикация С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. № 20. 1996. С. 7–70.
11. Сосновский Лев Семенович (1886–1937) // Материалы Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова «Мемориальный музей Следственная тюрьма НКВД». URL: https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/sosnovskij-lev-semenovich/ (дата обращения 09.09.2021).
12. Москва, расстрельные списки – Коммунарка. URL: http://lists.memo.ru/d31/f111.htm (дата обращения 09.09.2021).

Для цитирования: Ищенко О.В. Отражение судеб членов семей героев Гражданской войны в мемуарах (на примере семьи сибирского революционера Залмана Лобкова) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 91–97.

© Ищенко О.В., 2021

УДК 94 (571.15)

ИСТОЧНИКИ ОЦЕНКИ ДОХОДНОСТИ ЗЕМЕЛЬНО-ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В 1917–1919 ГГ.

Андрей Алексеевич Калашников [1]

[1] Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

[1] astralnykeks@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 2506-4205

Аннотация: Статья посвящена характеристике источников оценки доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа как показателя функционирования управленческой модели. Автор выделяет 4 группы источников оценки доходности округа в революционный период. По мнению автора, общая оценка доходности Алтайского округа возможна лишь при комплексном анализе источников всех выделенных им групп. Автор приходит к выводу, что наиболее полные сведения о доходности земельно-лесного хозяйства округа представлены в обобщенных сведениях о доходах, создававшихся администрацией округа на основе отчетной документации подведомственных учреждений.

Ключевые слова: Алтайский округ, земельно-лесное хозяйство, революция, Гражданская война, доходы, исторический источник.

Постановка проблемы. В дореволюционный период земли Алтайского округа находились в собственности правящего монарха и управлялись Кабинетом Е.И.В. С начала XX в. основу хозяйственной деятельности Кабинета Е.И.В. в округе составляло земельно-лесное хозяйство. Доходы, получаемые от эксплуатации природных ресурсов региона, обеспечивали поддержание монархии как государственного института, в связи с чем, ее падение поставило под вопрос само существование громадного административно-хозяйственного комплекса. Постановлением Временного правительства от 27 марта 1917 г. все земли и леса Алтайского округа были переданы в собственность государства. Хозяйственные и административно-территориальные преобразования, проводившиеся в округе на протяжении революционного периода, были обусловлены не столько сменой политических условий в стране и регионе, сколько проистекавшим из них ухудшением экономической конъюнктуры.

Тема доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1919 гг. является неизученной в историографии. Одной из причин этого является крайне хаотичное и фрагментарное состояние источниковой базы – многие первичные отчетные документы были безвозвратно утеряны в процессе адми-

нистративных преобразований, а также нападений на канцелярии лесничеств. Кроме того, была уничтожена значительная часть документов «первой советской власти», а в период установления «белой» власти на территории округа не велась комплексная статистическая работа, результатом чего стало отсутствие развернутых статистических данных [1, С. 71, 73]. Ранее нами был выявлен комплекс проблем в функционировании Алтайского округа в революционный период и определены причины необходимости реорганизации управления им [2; 3; 4]. Исследование доходности земельно-лесного хозяйства позволит проанализировать работу аппарата управления округом в годы Русской революции, оценить взаимосвязь проводившихся (а также нереализованных проектов) преобразований в управлении округом и их результатов с показателями доходов хозяйственного комплекса. Цель нашей статьи – характеристика источников, содержащих сведения о доходах земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1919 гг.

Основная часть. Источники, содержащие сведения о земельно-лесных доходах Алтайского округа в годы революции можно разделить на 4 формальные группы: 1) первичные отчетные сведения, создававшиеся в административно-хозяйственных единицах округа (лесничества, арендные районы); 2) результаты внешней и внутренней контрольно-ревизионной деятельности; 3) обобщенные сведения о доходах, создававшиеся администрацией округа на основе вышеуказанной отчетной документации и других финансовых документов, формировавшихся в ходе работы подведомственных учреждений (для внутреннего пользования и предоставления вышестоящим учреждениям); 4) отчетные сведения, создававшиеся администрацией округа как ответы на запросы извне.

К источникам первой группы следует отнести документы, фиксировавшие характер, время и размеры пользований населения земельно-лесными ресурсами округа: лесорубочные билеты, билеты побочных земельно-лесных пользований, различные квитанции, арендные договоры и пр. Обнаружение данных источников – большая редкость, так как обычно они хранились в канцеляриях лесничеств и высылались Управлению округа лишь по мере надобности (как правило, для решения спорных вопросов, возбуждения уголовных дел или периодической поверки отчетности). Сами по себе данные источники откровенно слабо информативны, почему мы и не будем акцентировать на них внимание, однако именно они являлись первоосновой для создания всей отчетной документации лесничеств – каждое договорное обязательство, заключенное между округом и населением, юридическим подтверждением которого был билет или иной вышеуказанный документ, тщательно фиксировалось в специальных конторских книгах лесничеств.

К первой разновидности отчетной документации, создававшиеся в лесничествах, относятся акты ежемесячного свидетельства касс. Данные источники

содержали информацию о соотношении доходной и расходной частей, а также о количестве выданных лесничеством билетов. Каждый месяц акты высылались бухгалтерии округа, на основе чего затем формировалась годовая финансовая отчетность по округу. Выявленные нами ежемесячные свидетельства касс, составленные в 1917 г., с одной стороны, являются свидетельством непрекращающейся хозяйственной работы аппарата лесничеств, с другой – иллюстрируют весьма неблагоприятные тенденции, выражавшиеся в росте зависимости административно-хозяйственных единиц от внешнего кредитования. Акты свидетельства касс революционного периода демонстрируют отсутствие стабильности финансовых поступлений, обусловленное сезонностью земельно-лесного хозяйства, а также комплексом других внутренних и внешних факторов, влиявших на спрос населения (в том числе, издержек революционного периода). Даже в предреволюционный период некоторые административно-хозяйственные единицы округа в финансовом отношении работали «в ноль» [5, Л. 132]. В одном и том же лесничестве от месяца к месяцу ситуация могла кардинально меняться, и если в одном месяце доходы превышали расходы на тысячи рублей, то уже в следующем могли оказаться в 9–15 раз меньше расходной части [6, Л. 12, 13об., 14, 22, 23, 26].

Другой разновидностью отчетной документации лесничеств были годовые финансовые и материальные отчеты, подводившие итог их годовой деятельности. Эти документы содержали наиболее важные и полные сведения не только о доходах земельно-лесного хозяйства, но и содержали ценную информацию об арендаторах, недоимках, взаимодействии с земельными комитетами (арендные отчеты 1917 г.), годовом расходе лесоматериалов (материальные отчеты). Обладающие наиболее значительным информационным потенциалом среди документов низовых единиц округа, данные отчеты, несомненно, заслуживают рассмотрения в отдельной публикации.

Уникальным информационным потенциалом обладают рапорты лесничих Алтайского округа, причем нередко данные документы являются первоисточником информации о ситуации на местах [7]. В рапортах лесничих мы можем встретить сведения об арендаторах [8, Л. 48–50], о величине, как планируемых, так и реально поступавших доходов, уплате штрафных такс [9, Л. 356].

К источникам второй группы, в первую очередь, относятся донесения, рапорты и отчеты старших лесничих/инструкторов/лесных ревизоров (наименование зависит от времени составления документов) о поездках в подведомственные районы. В данных документах можно обнаружить развернутый анализ положения административно-хозяйственных единиц, содержание которого диктовалось целями поездки. Одной из важнейших тем, традиционно затрагиваемых в отчетах, было состояние хозяйства подведомственных единиц, оцениваемое на основе анализа денежных поступлений определенного периода. Су-

щественными плюсами отчетов старших лесничих являются: 1. возможность соотнесения данных нескольких административно-хозяйственных единиц (если речь идет о поездке в подведомственный район, а не конкретное лесничество); 2. наличие обобщенных данных, как по земельному, так и по лесному хозяйству (годовые отчеты формировались отдельно по лесному и земельному хозяйству, по каждому из них имелось несколько форм); 3. аналитическая составляющая, позволяющая оценить факторы падения спроса со стороны населения, а также причины повышения или понижения дохода административно-хозяйственных единиц. К существенным недостаткам данных документов следует отнести ситуативность применения составителями конкретных числовых значений доходности, из-за чего в большей части таких отчетов мы не обнаруживаем интересующих нас данных. В других, как, например, в отчете лесничего Прииртышского района, составленном летом 1917 г., напротив, содержатся исчерпывающие данные. Доходы лесничеств района в отчете представлены за первые полгода 1917 г., разделены помесячно и по видам поступлений, соотнесены с аналогичным периодом прошлого года [10, Л. 53–54]. В докладе старшего лесничего Борсукова Кузнецкому уездному земельному комитету на заседании 2-й сессии, проходившем 7 января 1918 г., были представлены сметные предположения доходности Верхо-Томского лесничества на 1917 г. с разделением на виды поступлений, а также их сравнение с реально поступившими за год доходами. Старший лесничий отметил усилившийся спрос населения на земельно-лесные ресурсы округа, по оценке чиновника, в 1917 г. округ недополучил более 2000 руб. арендной платы, а ущерб от самовольных порубок составил не менее 10000 руб. (впрочем, сумма поступивших арендных доходов, указанная старшим лесничим, была более чем на тысячу рублей меньше суммы из годового отчета, а также сведений бухгалтерии) [11, Л. 17; 12, Л. 33].

К источникам третьей группы следует отнести различного рода сводные ведомости доходности, составлявшиеся в 1918–1919 гг. На сегодняшний день нами выявлены сводные ведомости доходности земельно-арендного хозяйства за 1917 и 1918 гг. [12, Л. 20об.–25, 27–31, 44об.–48] Данные документы, объединяющие информацию годовых отчетов по земельно-арендному хозяйству, высылаемых лесничими 3-му делопроизводству (арендному), выполнены от руки и содержат значительное количество исправлений, кроме того, в них отсутствуют указания на авторство, а также на время составления. Вероятными целями составления данных сводных документов являлись оценка общей годовой доходности земельного хозяйства Алтайского округа, а также определение размеров земского обложения казенных земель (что прямо вытекало из предыдущего). Сведения об арендной доходности представлены составителем в форме таблиц, в первом столбце им отмечались административно-хозяйственные единицы округа, а в последующих, с разделением по дачам – размеры годовой

аренды, денежных поступлений и недоимок. Здесь же следует заметить, что в сводные данные не включены доходы от побочных земельно-лесных пользований. Если в сведениях за 1917 г. есть информация о доходах почти всех административно-хозяйственных единиц Алтайского округа за исключением Локтевского, Чулымского и Ново-Николаевского лесничеств, то данные за 1918 г. куда более скромные и освещают доходность лишь 32 лесничеств и арендных районов (данные о 29 отсутствуют). Сопоставление сведений о доходности из имеющихся в нашем распоряжении годовых отчетов за 1917 г. и значений, вошедших в сводные таблицы, подтверждает их взаимообусловленность (данные о доходности из годовых отчетов не совпали со сведениями сводной таблицы лишь в 5 из 25 случаев, что, на наш взгляд, связано с дальнейшим уточнением сведений годовых отчетов, продолжавшимся вплоть до первой половины 1919 г.). Группировка административно-хозяйственных единиц в таблице осуществлена по управлениям земледелия и государственных имуществ, в ведение которых переходили лесничества и арендные районы Алтайского округа в ходе административно-территориального размежевания земель бывшего округа во второй половине 1918 г. – первой половине 1919 г., что также свидетельствует в пользу того, что данные сводные документы были подготовлены на ранее 1919 г.

При анализе представленных сведений о поступлении доходов по отдельным административно-хозяйственным единицам следует обратить внимание на встречающееся частичное несоответствие исходных данных, используемых составителем для последующего расчета, и внесенных итоговых значений доходности. Так, нами выявлены как мелкие и откровенно несущественные отличия в составлявшихся документах (например, данные об общей доходности Черно-Курьинского арендного района, Барнаульского и Петровского лесничеств за 1917 г. отличаются в 1 коп., Озерского – в 2 коп., Солоновского – в 9 коп., Чумышского – в 10 коп., Суминского арендного района – в 4 коп.), так и достаточно серьезные. Доходы от лесных дач Бийского лесничества за 1918 г. определены в документе в 18,89 руб. Однако согласно этому же документу, только за аренду лесных дач и за уплату штрафов в Бийском лесничестве было уплачено 630,26 и 1,2 руб. соответственно. Появление же числа 18,89 непонятно. На наш взгляд, целесообразнее в данном случае использовать сумму в 631,46 руб. Или, например, общие доходы Гатского лесничества определены составителем в 2585,30 руб., в то же время согласно данным таблицы мы видим, что в эту сумму входят лишь доходы от земельных дач, доходы лесных дач лесничества по неизвестной причине проигнорированы, хотя с их учетом получается сумма почти в два раза большая – 4797,75 руб. Непонятно появление данных об общей доходности Лялинского арендного района: несмотря на то, что доходы от земельных дач определены в 9640,47 руб., а данные о доходах с земельно-лесных и лесных дач отсутствуют – общие доходы района за 1917 г. были определены в 9987,47 руб.

При этом даже имеющиеся сведения весьма неполные, что затрудняет оценку соотношения доходности земельно-лесного хозяйства округа в революционный период: у одних единиц остается неизвестной информация о доходах от земельных дач, у других – от земельно-лесных или лесных. Если отсутствие данных о доходах от земельно-лесных дач может быть объяснено спецификой ведения хозяйства в округе (к указанным дачам относились и земли совершенно непригодные ни для лесного, ни для земельного хозяйства) [13, С. 31–32], то недостаток остальных сведений вызывает серьезные вопросы. Так, в отношении Коростелевского лесничества составителем было отмечено, что аренды в 1918 г. не поступало, так как «*все* (курсив наш – А.К.) об[рочные] ст[атьи] находятся в самовольном пользовании» [12, Л. 46об.–47]. С одной стороны, трудно поверить, что неучтенные административно-хозяйственные единицы не принесли за год ни копейки, с другой – сведения о доходах того же Коростелевского лесничества отсутствуют и в документах бухгалтерии Управления.

Также к третьей группе источников мы относим сводные данные бухгалтерии округа. Наиболее интересными документами являются «Сличительные ведомости» [12, Л. 33–33 об., 37–37 об., 38–39 об.], в которых представлены данные о доходности земельно-арендного хозяйства лесничеств в 1917–1918 гг. на основе документов 3-го делопроизводства (годовых арендных отчетов) и документов бухгалтерии. Существенным достоинством сведений о доходности, составленных на основе документов бухгалтерии округа, является то, что по ряду административно-хозяйственных единиц аналогичные данные из других источников просто отсутствуют (по всей видимости, из-за непредоставления годовых финансовых отчетов Управлению), в то время как годовая сумма доходности просчитывалась бухгалтерией на основе ежемесячных отчетов лесничеств (финансовые отчеты лесничеств должны были высылаться Управлению не позднее 5 числа следующего за отчетным месяца) [14, С. 1110; 15, С. 1111]. Впрочем, указанные расчеты также не были безупречны, что было связано с тем, что ряд арендных платежей, поступавших уже в следующий за отчетным год, могли быть зачислены в счет предыдущего. Проблема несоответствия годовых отчетов лесничих и финансовых отчетов бухгалтерии Управления поднималась еще в 1913 г. Л.Л. Масловым, тогда заступавшим на место начальника Алтайского округа [16, С. 872–873]. В отличие от предыдущих сводных документов, в «Сличительной ведомости» также содержатся данные бухгалтерии о доходности побочных земельно-лесных пользований. Существенным недостатком сведений 3-го делопроизводства и бухгалтерии является отсутствие данных о доходах лесного хозяйства, а также хронологическая ограниченность, схожие сведения за 1919 г. не выявлены.

Последней разновидностью источников, относящихся к выделенной нами третьей группе, являются сметные документы. Наиболее полные сведения о до-

ходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917 г. содержатся в смете доходов Алтайского управления земледелия и государственных имуществ на 1919 г. [17, Л. 29–50] В ней же имеются сведения о доходности за 1915 и 1916 гг., что позволяет оценить доходность 1917 г. путем сопоставления с предшествующим революции периодом. Существенным минусом данных, указанных в смете, является отсутствие сведений о доходах коммерческих лесных операций, которые нами так не сегодняшний день и не выявлены. К сожалению, данных за 1918 г. в смете нет, так как на момент ее составления (декабрь 1918 г.) Управление еще ими не располагало. Впрочем, как минимум часть из них (в области земельно-арендного хозяйства) компенсируется вышеуказанными сведениями 3-го делопроизводства и бухгалтерии.

Четвертая группа источников о доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа представлена документами, создававшимися администрацией округа в качестве ответов на запросы иных ведомств. Например, таковыми являются отчетные сведения, предоставляемые Алтайскому губернскому земству. Земский сбор с казенных земель и лесов исчислялся с их валовой доходности за последнее трехлетие. В идеале, при наличии данных за другие годы, мы могли бы примерно оценить доходность интересующих лет. Однако, как нами было отмечено выше, на начало 1919 г. Алтайское управление земледелия и государственных имуществ все еще не располагало данными о доходности за 1918 г., что значительно затрудняло и работу других учреждений. Поэтому Алтайским губернским земством были приняты раскладки земского сбора с казенных земель и лесов, основываясь на данных 1915–1917 гг. [18, Л. 69, 83]. Данная практика относится не только к Алтаю, но и ко всей Сибири, как отмечает А.К. Кириллов, в 1918–1919 гг. использование устаревших оценок обуславливалось невозможностью переоценки налогооблагаемой базы [19, С. 47].

Тем не менее, согласно заверениям чиновников, к лету 1919 г. указанные данные у Алтайского УЗиГИ были. Так, в отношении АлтУЗиГИ от 21 мая 1919 г. в Алтайскую губернскую земскую управу было отмечено, что в ведение Управления входят как земли Томской, так и Алтайской губерний, а разделить этот доход по губерниям и уездам оно не может, потому что не имеет точных данных о границах Алтайской губернии и ее уездов [18, Л. 75]. Управление также заявило, что предоставить сведения о валовой доходности земель и лесов Алтайской губернии, а также о долгосрочной аренде будет возможно только после высылки земской управой подробного описания границ губернии и входящих в нее уездов со списками всех крестьянских, переселенческих участков и казенных земель с разбивкой их по волостям и уездам. Учитывая то, что к моменту установления советской власти в декабре 1919 г. окончательное пограничное размежевание губерний на территории бывшего округа оказалось незавершенным, мы можем заключить, что ни те, ни другие сведения учреждени-

ями так получены и не были. Тем не менее, если для Управления округом в 1919 г. вопрос пограничного территориального размежевания был настолько острым, что не позволял предоставить требуемые земством сведения, то зреет справедливый вопрос: каким образом данные расчеты осуществлялись в 1917 г., когда соответствующий запрос земства был удовлетворен? По данным Управления Алтайского округа, предоставленных Алтайскому губернскому исполнительному комитету (земству) для расчета обложения земель губернии земским сбором, средняя валовая доходность земель и лесов округа в пределах Алтайской губернии за трехлетие 1914–1916 г. составляла 1 247 023,93 руб. Из них по Барнаульскому уезду 407 974,05 руб., по Бийскому – 186 306,88 руб., Змеиногорскому – 278 925, 86 руб., Каменскому – 202 186,14 руб., Славгородскому – 171 631 руб. [20, Л. 83] Данные обстоятельства ставят под вопрос реальное наличие обобщенных отчетных сведений о доходности земельно-лесного хозяйства к лету 1919 г., вполне вероятно, что чиновники могли воспользоваться формальным поводом, для объяснения невозможности их предоставления. Данные о лесных доходах Алтайского округа в 1918 г. остаются не выявленными.

Оценить доходность земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1919 г. не представляется возможным в силу отсутствия обобщающих отчетных сведений. Это неудивительно: к лету 1919 г. на территории Алтайской губернии образовались крупные очаги партизанского движения, а с августа того же года – начались крупномасштабные боевые действия. Ограбления канцелярий лесничеств на десятки тысяч рублей, уничтожение документов вкупе с убийствами «бумагомарателей-дармоедов» [21, С. 115] из числа служащих едва ли могли положительно сказаться на доходах хозяйства бывшего округа. Некоторые общие сведения о положении окружного хозяйства мы можем почерпнуть из уже ранее затронутых нами сметных документов [22, Л. 3], а также в единичных сохранившихся помесячных отчетных ведомостях лесничеств (например, ведомости по кассе специального сборщика) [12, Л. 2в].

Результаты исследования. Таким образом, оценка доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1919 гг. представляет собой большую сложность. Каждая из выделенных нами групп документов имеет свои преимущества и недостатки перед другими, в связи с чем, общая оценка доходности хозяйства округа возможна лишь при их комплексном анализе: недостатки одних источников с легкостью могут быть компенсированы данными других. Наиболее полные сведения о доходности земельно-лесного хозяйства округа мы можем почерпнуть из источников третьей выделенной нами группы, к тому же, данные источники являются взаимообусловленными с первичными отчетными сведениями, создававшимися в административно-хозяйственных единицах округа, что открывает возможность их сопоставления, проверки и конкретизации.

Список источников и литературы:

1. Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 496 с.

2. Афанасьев П.А., Калашников А.А. Административно-хозяйственное деление Алтайского округа и проблемы функционирования лесничеств в революционных условиях 1917–1918 гг. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: сб. ст. по мат–лам V Всеросс. науч. конф. (с междун. участием), Барнаул, 29–30 июня 2018. Барнаул: «Пять Плюс», 2018. С. 68–76.

3. Калашников А.А. «Осколки» округа: создание Алтайской губернии и проблемы административной и хозяйственной подчиненности лесничеств Алтайского округа в 1917–1918 гг. // Вопросы истории Сибири: сб. научн. ст. Омск: ОмГПУ, 2019. Вып. 16. С. 83–89.

4. Калашников А.А. Причины реорганизации управления Алтайским округом (декабрь 1917 – июнь 1918 г.) // Мат–лы Междунар. молодеж. науч. форума «ЛОМОНОСОВ–2021». М.: МАКС Пресс, 2021.URL: https://lomonosov-su.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_16_22297.htm (дата обращения 04.09.2021).

5. ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 2.

6. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4657.

7. Калашников А.А. Рапорты лесничих Алтайского округа 1917–1919 гг. как исторический источник // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат–лов Всерос. молодежн. научн. школы–конф.. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 21–32.

8. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3906.

9. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4778.

10. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4721.

11. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4729.

12. ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 29.

13. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.): с краткой исторической справкой за предшествующее время. Барнаул: Тип. Упр. Алт. округа, 1916. С. 31–32.

14. Цирк. распоряж. Нач. Алт. окр. о своевременном представлении месячных финансовых отчетов. 4 июня 1913 г. №49 // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета ЕИВ величества. Т. 2. Барнаул, 1913. С. 1110.

15. Цирк. распоряж. Нач. Алт. окр. о предельном сроке представления в Управление округа денежных отчетов. 10 сентября 1913 г. № 66 // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета ЕИВ. Т. 2. Барнаул, 1913. С. 1111.

16. Цирк. Нач. Алт. окр. об учете арендных доходов и о классификации земель округа. 4 мая 1913 г. № 41 // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета ЕИВ. Т. 2. Барнаул, 1913. С. 872–874.

17. ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 264.

18. ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 16.

19. Кириллов А.К. Земские налоги в Сибири: до и после 1917 года // Муниципальная экономика. 2007. № 4. С. 44–48.

20. ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 6.

21. Голев В.М. Четвертая партизанская группа // Сибирские огни. Книга пятая. Сентябрь-октябрь. Новосибирск, 1929. С. 112–132.

22. ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 15.

Для цитирования: Калашников А.А. Источники оценки доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 98–107.

© Калашников А.А., 2021

УДК 93/94

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ «БЕЛЫХ» ВОЖДЕЙ

Владимир Витальевич Калиновский [1]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

[1] v.kalinovskyi@yandex.ru; SPIN-код (РИНЦ) 2005-9860

Аннотация: Статья посвящена вопросу религиозности лидеров Белого движения. По мнению автора, данное обстоятельство имеет большое значение для определения религиозного фактора в Гражданской войне в России. На основании различных источников осуществлена попытка характеристики религиозных взглядов А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова, П.Н. Врангеля, А.В. Колчака.

Ключевые слова: Гражданская война, религиозный фактор, религия, А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, П.Н. Врангель, А.В. Колчак, имагология.

Постановка проблемы. Известный исследователь церковно-государственных отношений в России, доктор исторических наук С.Л. Фирсов в одной из своих монографий заметил, что «без оценки «религиозного фактора» достаточно проблематично говорить о морально-нравственных коллизиях, сопровождавших Гражданскую войну в России, оценить ее последствия и результаты» [1, С. 4]. И действительно, понимание феномена событий «Русской Смуты» невозможно без учета религиозного фактора, который в значительной степени объясняет масштабы противостояния в России. В ряде регионов страны, например, на Северном Кавказе оно приобретало непосредственно формы религиозной войны, а в других областях проявлялось в поддержке или репрессиях по отношению к духовенству различных конфессий. Религиозный фактор Гражданской войны, который на протяжении ряда лет находился вне сферы интересов историков (в том числе из-за идеологических установок советской эпохи), в последние десятилетия получил принципиально новое и объективное осмысление. Достаточно очевидно, что противоречия между большевиками и их оппонентами касались всех вопросов будущего устройства России – не только политического и экономического, но и идеологического и культурного, где вере и религии (а в большевистской трактовке – борьбе с ними как с отживающими явлениями) уделялось не последнее место. В этой связи особый интерес вызывает вопрос об отношении религии и Церкви лидеров противоборствующих сторон. За последние годы в историографии, связанной с данной проблематикой, произошла своеобразная ревизия в оценках и концепциях. Во-первых, сегодня отношение В.И. Ленина к религии не сводится к его известной формуле «Всякий боженька есть труположство» [2, С. 226], а представляется более сложным феноменом. Во-вторых, сегодня Гражданская война в России крайне редко трактуется сегодня как противостояние атеистов-большевиков и верующих-монархистов из «белого» лагеря (как вариант – отошедших от веры «февралистов»), что также далеко от объективности.

Основная часть. В мемуарах «На рубеже двух эпох» один из самых известных православных иерархов XX в. митрополит Вениамин (Федченков) так охарактеризовал состояние религиозности в стане «белых»: «У многих эта вера была прохладная, как проявление традиции, старого быта, ушедшего строя и, конечно, как противоположение безбожным большевикам. Это была, так сказать, одна из официально-государственных форм Белого движения» [3, С. 268]. Иерарх вспоминал об известном ему со слов генерала А.П. Кутепова обсуждении руководителями Белого движения некоего программного документа, в ходе которого состоялась дискуссия о целях войны. Затрагивались в ней и вопросы веры. Когда в документ было предложено включить формулу «За Веру, Царя и Отечество», А.И. Деникин (по оценке митрополита – «как честный солдат»)

запротестовал, полагая, что «это было бы ложью, фальшивою пропагандой, на самом деле этого нет в движении». Из этого Вениамин (Федченков) делал вывод, что «в Белом движении этого религиозного пункта не было, а если пользовались им после, то лишь в качестве антибольшевистской пропаганды», резюмируя, что «Не религия двигала белых. Это факт» [3, С. 268]. При этом Вениамин (Федченков) не отрицал того, что многие представители «белых» отличались религиозностью и в качестве примера называл все того же А.И. Деникина.

Действительно, есть огромное количество свидетельств, демонстрирующих искреннюю религиозность А.И. Деникина. Многие из них приведены им самим в воспоминаниях. Между православием отца и католичеством матери он выбрал именно первое. Для мальчика, росшего в Царстве Польском, этот выбор означал не только принадлежность к определенной традиции, но и «русскость», которая закалялась в иноязычном и иноверческом окружении. Услышав обращенное к матери предложение ксендза о воспитании в католичестве, А.И. Деникин еще в юном возрасте отверг подобное предложение. Напротив, небольшая «убогая полковая церковка» воспринималась им как нечто «родное, близкое». Это убеждение он пронес через всю жизнь. В годы Гражданской войны в риторике генерала присутствовали евангельские образы, регулярными были упоминания Церкви, известно и о покровительственном отношении А.И. Деникина к православному духовенству. Неслучайно проведенный в Ставрополе в 1919 г. Юго-Восточный Русский Церковный Собор в советской пропаганде именовался «деникинским». В появившемся по итогам Собора приказе Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России об амнистии подчеркивалось, что «Велико должно быть значение мудрого голоса Церкви и в настоящую, тяжелую для государства годину, когда во многих местах его под напором большевизма и низменных страстей рухнули основы религии, права и порядка, и русские люди, забыв стыд и долг свой, глумятся над растерзанной и истекающей кровью Родиной. В такое тяжелое время глубоко отрадно вновь услышать голос Православной Церкви, и я верю, что по молитвам ее Господь Бог укрепит нас в нашем трудном подвиге и Десницею Своею благословит наше правое дело на благо и величие горячо любимой Матери России» [4, С. 243]. Подобных оборотов довольно много и в других выступлениях генерала. Большое количество характеристик об А.И. Деникине как о верующем человеке содержится в отзывах его современников, среди которых были православные иерархи. Даже умеренный в хвалебных характеристиках митрополит Антоний (Храповицкий) отзывался о генерале как о «сыне Православной Церкви», который никогда не стыдился открыто исповедовать свои убеждения. Для А.И. Деникина как последовательного и стойкого христианина ослабление веры в народе и в армии стало предвестником бед и потрясений, обрушившихся на

Россию. Неслучайно уже в первой главе «Очерков русской смуты» – одной из самых глубоких и фундаментальных работ о Гражданской войне – А.И. Деникин рассуждает об устоях старой армии, которые сводились к словам «За Веру, Царя и Отечество». Генерал отмечал, что к началу XX века религиозность в народе заметно пошатнулась, а в армии «все – и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов – имело характер официальный, обязательный, часто принудительный», что не могло «создать надлежащего настроения». Несколько изменилась ситуация в годы Первой мировой войны, когда у воинов, находившихся в условиях смертельной опасности, обострялось чувство веры, однако все это нивелировалось свойственными для боевых действий моральным огрубением и ожесточением. В этом А.И. Деникин видел контуры будущей катастрофы: «Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов». Подобные наблюдения, свойственные верующему человеку, довольно широко представлены на страницах «Очерков русской смуты». Неслучайно хорошо знавший военного писатель И.С. Шмелев, также известный своей религиозностью, констатировал: «Генерал Деникин был православный, глубоко религиозный человек. Эта «православность» вела его — вождя, солдата, государственника, политика. Это великая сила: совесть, несение Креста и — непреклонность: как на посту, до смены разводящим» [5].

Религиозностью отличался и другой лидер Белого движения – Л.Г. Корнилов. С раннего детства под влиянием родителей и брата Автонома он полюбил православие, отличался успехами в освоении школьного курса Закона Божия. Во время обучения в военных учебных заведениях Лавр Георгиевич не забывал о молитве, регулярно посещая богослужения – причем, в отличие от многих своих однокашников, не по принуждению. Многие события в своей жизни, такие как побег из немецкого плена в годы Первой мировой войны, он трактовал как свидетельства божьего Промысла. Так, в письме к Омскому епископу Сильвестру (Ольшевскому), он, говоря от принятых от сибирского казачества подарках, включавших и нательный крест, писал: «я с сердечной признательностью и чувством глубокого благоговения приму высылаемые мне молитвенные знаки, с твердою верою, что являемая в них сила Господня, сохранившая меня в стольких боях и выведшая меня среди великих опасностей из тяжелого плена, сохранит меня целым и невредимым в предстоящих боях и даст мне новый запас сил для служения Царю и Родине». Даже во время «Быховского сидения», несмотря на тяжелое ранение в ногу, Л.Г. Корнилов, вместе с А.И. Деникиным, посещал богослужения и, превозмогая боль, выстаивал их полностью – даже не переступая с ноги на ногу [6].

Вопрос о религиозности П.Н. Врангеля не имеет однозначного ответа. Из его известных мемуаров видно, что для барона превыше всего стояли вопросы офицерской чести. Разбирая девиз «За Веру, Царя и Отечество», он на первое место все же выводил служение царю, с падением которого он связывал и крушение идеи власти в понятии русского народа. Вместе с тем, и во время своей беспрецедентной «крымской эпопеи», и в эмиграции барон регулярно посещал богослужения, продолжал свое духовное общение со священнослужителями. Накануне избрания руководителем Русской армии П.Н. Врангель встречался с иерархами – Вениамином (Федченковым) и Феофаном (Быстровым) – и получил от них благословение. В изданном от имени П.Н. Врангеля обращении «За что мы воюем», которое стало программным документом Белого движения, отдельной строкой отмечалось, что «белые», помимо прочего, воюют «за поруганную веру и оскорбленные ее святыни». Однако в какой степени этот пассаж был личной позицией барона, а в какой степени отражал позиции его окружения, в какой степени был пропагандистским или политическим – трудно сказать определенно.

Наиболее сложным остается вопрос о религиозности и степени воцерковленности А.В. Колчака. В известном исследователям документальном и эпистолярном наследии адмирала практически нет упоминаний об этом. Поэтому об отношении Верховного правителя России к вере и Церкви можно судить по ряду косвенных деталей. Как и другие лидеры Белого движения, родившиеся в военно-дворянских семьях, он воспитывался в православной традиции. Его родители, Василий Иванович и Ольга Ильинична, отличались религиозностью, стараясь передать ее и сыну, но взросление Александра Васильевича пришлось на время, когда в молодежной среде все более модными и востребованными становились различные мистические учения, в первую очередь – индийские и китайские. А.В. Колчак как человек мистического склада не прошел мимо этой молодежной увлеченности, при этом, не порывая с православной традицией. В 1904 г. он венчался с С.Ф. Омировой в иркутском храме во имя святого Харлампия. Однако отношения адмирала с А.В. Тимирёвой говорят о том, что это таинство было в большей степени данью традиции, а не воспринималось им как серьезное и важное событие в духовной жизни. При этом в своей административной работе (в особенности – во время командования Черноморским флотом) он уделял большое внимание вопросам религиозной жизни. Любопытное свидетельство об этом содержится в воспоминаниях последнего протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского. Священнослужитель познакомился с А.В. Колчаком в Ставке, при назначении его командующим флотом. Протопресвитер, посетив его в Севастополе, назвал адмирала «полным хозяином Черного моря». Руководитель военного и морского духо-

венства больше часа беседовал с ним, преимущественно по вопросам организации «духовного дела во флоте» и так охарактеризовал свое впечатление от общения: «Серьезность и деловитость никогда не оставляли его» [7, С. 200].

При этом важно отметить, что Г.И. Шавельский в мемуарах никак не обмолвился непосредственно о духовных качествах адмирала. Хотелось бы обратить внимание еще на одну деталь. Старейшая и авторитетная севастопольская газета «Крымский вестник» в своих хроникальных материалах указывала на присутствие А.В. Колчака на торжественных богослужениях, которые происходили в городских храмах в период его командования флотом, что, безусловно, можно списать на выполнение служебных обязанностей и дань традиции. Однако на страницах газеты есть и упоминания о том, что адмирал присутствовал на богослужениях и после падения монархии, когда это перестало быть обязательным. Когда адмирал стал Верховным правителем России, он посещал православные храмы и общался с архиереями, однако содержание этих бесед остается неизвестным. В риторике адмирала как политика упоминания веры и Бога единичны, тем не менее, так называемый «Манифест Колчака», появившийся вскоре его прихода к власти, завершается следующим пассажем: «Да поможет нам Господь Бог Всемогущий, которого многие из нас в годы великих испытаний забыли, выполнить свои обязательства и долг перед родиной и принести труд наш к ее возрождению, счастью, свободе». Даже в обстоятельствах последних дней и смерти А.В. Колчака одни исследователи видят христианское смирение, а другие – едва ли ни проявление самурайских черт.

Заметим деталь, как показывает деятельность в современном Омске публичных исторических площадок, в массовом сознании устоялся миф о глубокой религиозности А.В. Колчака в статусе Верховного правителя, что повлекло в наши дни его некую «сакрализацию». Это усложнило и без того непростую обстановку с увековечиванием исторической памяти об этом деятеле в городе, некогда бывшем столицей Белой России [8]. Действия адмирала в политике вовсе не определялись его религиозными воззрениями, каковые можно назвать вполне традиционными для среды российского офицерства рубежа XIX–XX вв. – такое суждение высказывает историк Русской Православной Церкви прот. Димитрий Олихов [9, С. 41].

Результаты исследования. Таким образом, вопрос о религиозности «белых» вождей требует дополнительного научного осмысления. Это позволит лучше понимать их политические решения в качестве руководителей антибольшевистских формирований и, в определенной степени, объяснять их действия и, в конечном итоге, объективно охарактеризовать религиозный фактор в Гражданской войне.

Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Список источников и литературы:

1. Фирсов С.Л. Время войне и время миру: Православная Российская церковь и Гражданская война в России: очерки истории и историографии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 168 с.

2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 48: Письма: ноябрь 1910 – июль 1914. Москва: Издательство политической литературы, 1970.

3. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 2016. 704 с.

4. Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года / Сб. документов под ред. Ю.А. Бирюковой. М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2018. 372 с.

5. Шмелев И.С. Памяти «непреклонного» // URL: http://www.pravoslavie.ru/5298.html (дата обращения 10.09.2021).

6. Цветков В.Ж. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Часть вторая. // URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/12/15/general_lavr_georgievich_kornilov_chast_vtoraya/ (дата обращения 10.09.2021) .

7. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. 414 с.

8. Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17.

9. Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.

Для цитирования: Калиновский В.В. К вопросу о религиозности «белых» вождей // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 107–113.

© Калиновский В.В., 2021

УДК 93/94

«СИЛЬНОЙ ВОЛИ СУРОВЫЙ ВОИН»: К БИОГРАФИИ А.Н. СЕЙФУЛИНА – ОФИЦЕРА БРИГАДЫ АТАМАНА КРАСИЛЬНИКОВА

Леонид Геннадьевич Капустин [1]

[1] независимый исследователь, Муром, Россия

[1] kapustin.09@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции биографии одного из офицеров частей атамана И.Н. Красильникова, чья биография, с одной стороны, была типичной для офицера военного времени и в то же время в своем роде уникальной, поскольку А.Н. Сейфулин сделал почти невозможную в мирное время военную карьеру – пройдя за несколько лет путь от рядового до полковника и став кавалером двух высших наград старой армии – ордена Святого Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, белое движение, белая армия, офицерство, Георгиевские кавалеры, советская власть, политические репрессии.

Постановка проблемы. За последние годы исследователи не раз обращались к реконструкции биографий офицеров частей атамана И.Н. Красильникова [1, 2, 3, 4]. Продолжая эту практику, представляется актуальным реконструировать биографию и личностный портрет офицера бригады атамана И.Н. Красильникова, командира батальона 1-го Сибирского стрелкового (с 18 июля 1919 г. – егерского) полка Аркадия Николаевича Сейфулина, чей жизненный путь и судьба являются типичным срезом эпохи и в то же время достаточно уникальным примером боевой карьеры офицера из нижних чинов.

Основная часть. Отряд Особого Назначения имени есаула (впоследствии – генерала) И.Н. Красильникова начал складываться на основе подпольной военной организации, возникшей в январе 1918 г. в Омске. Летом 1918 г. отряд имел в своем составе штаб, пехотную роту, кавалерийский взвод, пулеметную команду, действуя в июне – августе 1918 г. в составе 1-го Средне-Сибирского корпуса от Омска до Бодайбо и Читы (отдельным подразделением – во 2-м Степном Сибирском корпусе – в Западной Сибири и на Урале). Осенью 1918 г. Отряд был реорганизован в Партизанскую бригаду (стрелковый полк, кавалерийский дивизион, пулеметная команда); с 18 июля 1919 г. – 1-я Отдельная Егерская бригада (1-й и 2-й Егерские полки, 3-й Конно-егерский полк, егерский

батальон, артиллерийский и инженерный дивизионы). В сентябре 1919 г., будучи переброшена на основной фронт на р. Тобол против РККА, бригада понесла большие потери и после Великого Сибирского Ледяного похода зимы 1919 – 1920 гг. прекратила существование как отдельное соединение. Одним из примечательных офицеров бригады был полковник А.Н. Сейфулин.

Аркадий Николаевич Сейфулин происходил из потомственных дворян Акмолинской области (Омска), родился 24 декабря 1891 г. в семье местного чиновника – титулярного советника (с 1913 г. – коллежского асессора) Николая Викторовича Сейфулина, занимавшего в 1908–1916 гг. последовательно должности помощника и старшего помощника делопроизводителя Акмолинско-Семипалатинского Управления Земледелия и Государственных имуществ. Кроме Аркадия, который был старшим, в семье были другие дети: Виктор (1893 г.р.), Раиса, Петр (1896 г.р.), Георгий. Аркадий Николаевич окончил Омское 5-классное городское училище и служил том же учреждении что и отец, где в 1911 – 1912 гг. числился на должности канцелярского служителя без классного чина [5, С. 78; 6, С. 35], а в 1913 г. – в той же должности в чине коллежского регистратора [7, С. 17, 85]. В том же году, 24 октября 1913 г. А.Н. Сейфулин был призван на военную службу нижним чином [8, Л. 44]; служил каноиром в 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде (в той же дивизии служил тогда поручик, а впоследствии генерал и будущий командир А. Сейфулина в 1922–1923 гг. Анатолий Николаевич Пепеляев).

Жизнь А.Н. Сейфулина, как и миллионов людей в России и мире, в одночасье изменила начавшаяся мировая война. 11-я Сибирская стрелковая дивизия начала боевой путь на Юго-Западном фронте, а в сентябре 1914 г. была переброшена на Северо-Западный фронт, где вплоть до весны 1915 г. воевала в составе 10-й, 1-й, 12-й армий. Весной 1915 г., Аркадий Сейфулин, очевидно, как имевший достаточный образовательный ценз, был замечен командованием и направлен на обучение в 7-ю Московскую школу прапорщиков пехоты, в которой был произведен сначала в унтер-офицеры, а затем приказом главного начальника Московского военного округа 15 августа 1915 г. был произведен в прапорщики армейской пехоты (производство было утверждено Высочайшим приказом 14 марта 1916 г.) [9, С. 16]. В январе 1916 г. офицер был направлен в 6-й стрелковый полк, где сумел отличился, будучи представлен 2 июля 1916 г. к награждению Орденом Св. Георгия 4-й степени.

Согласно рапорту командующего 8-й армией от 24 сентября 1916 г. №739794 наградной лист № 17012 о награждении высокой наградой Сейфулина был направлен по команде и только при Временном Правительстве по удостоению Петроградской Георгиевской Думы Приказом Армии и Флоту о чинах военных от 11 августа 1917 г. награждение было, наконец, утверждено официально со следующей формулировкой подвига: «В бою 23 Мая 1916 г. у м. Олык,

командуя, в чине прапорщика, полуротой 16-й роты 6-го стрелкового полка, под сильным неприятельским обстрелом идя впереди своей полуроты и увлекая людей примером самоотвержения и неустрашимости быстро занял четыре линии неприятельских окопов, при взятии второй линии, будучи ранен в живот, строя не оставил и продолжая движение вперед, атаковал два отдельно стоящих неприятельских орудия, перебив прислугу и прикрытие при них, захватил их, при этом, будучи вторично ранен в руку, остался в строю и отбил несколько яростных контратак противника, и когда положение упрочилось, истекая кровью, был вынесен из боя» [10, Л. 206; 11, С. 2].

В ходе войны Сейфулин был неоднократно ранен[1]. Так, после боя у м. Олык он был отправлен в Белостокский военный госпиталь [12, С. 3], в августе того же года проходил лечение в лазарете Ташкентской железной дороги в Оренбурге [13].

Заслуженным было и повышение в чинах – на основании Приказа по Военному Ведомству 1915 г. № 563 Высочайшим Приказом от 1 августа 1916 г. А.Н. Сейфулин был произведен из прапорщиков в подпоручики со старшинством с 18 мая 1916 г. [14, С. 8]. Приказом от 9 апреля 1917 г. установлено старшинство в чине с 18 мая 1915 г. [15, С. 19]. А уже на следующий день, 10 апреля 1917 г. А.Сейфулин был произведен в чин поручика (со старшинством с 10 января 1917 г.) [8, Л. 44].

Очевидно, после развала фронта А. Сейфулин возвращается на родину, в Омск, где вступает в офицерское подполье, а после свержения власти большевиков в Омске 7 июня 1918 г. вступает в ряды Сибирской армии. На данный момент точных сведений о том, как проходила жизнь Сейфулина летом 1918 г., обнаружить пока не удалось, однако, скорее всего, он поступил в отряд есаула И.Н. Красильникова, участвуя в его составе в июне – августе в боевых действиях от Омска до Бодайбо. Отозванный в сентябре 1918 г. в Омск отряд принял участие в подавлении забастовки железнодорожников 18 – 19 октября и политических событиях в столице Белой Сибири 18 ноября, связанных с приходом к власти адмирала А.В. Колчака и низложении Директории. Осенью 1918 г. согласно приказу по 2-му Степному корпусу №188 от 2 ноября 1918 г. происходит реорганизация Отряда особого назначения атамана И.Н. Красильникова в Партизанскую бригаду его имени. Осенью 1918 г. мы находим А.Н. Сейфулина командиром батальона 1-го Сибирского стрелкового имени атамана Красильникова полка в Омске (куда при развертывании в бригаду вошла вся пехота отряда Красильникова) [16, С. 245]. Очевидно, вместе со своим батальоном Сейфулин прошел боевой путь частей бригады. В декабре 1918 г. большая часть бригады была переброшена в Иркутск, разместившись в городе и на окрестных станциях Транссиба. Предполагалась, что она примет участие в «походе на атамана Семёнова», отказавшегося признать А. Колчака Верховным

Правителем, однако союзники атамана – японцы дали понять, что не допустят силового варианта решения вопроса, и конфликт перешел в состояние постоянных переговоров. С января по июнь 1919 г. бригада была задействована на Тасеевском и Нижнеудинском антипартизанских фронтах. Тогда же, летом 1919 г., Сейфулин производится Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим на основании Приказа по Военному Ведомству от 1915 г. №563 «за отличия в делах против неприятеля» 24 июня в штабс-капитаны (со старшинством с 15 июля 1917 г.), а 11 июля 1919 г. – в капитаны (со старшинством с 6 июля 1918 г.), оставаясь по-прежнему командиром батальона 1-го Сибирского стрелкового имени атамана Красильникова полка [17, Л. 189, 211].

Осенью полк, как и почти вся бригада, был переброшен на основной фронт против РККА, на Тобол. Здесь А.Н. Сейфулин снова отличился в бою. В ходе наступления Российской армии Верховного правителя на Тоболе в ночь с 9 на 10 сентября 1919 г. части Конно-Егерского полка бригады заняли село Медведевское (7 верст восточнее ст. Голышманово) и разгромили штаб 2-й бригады 29-й стрелковой дивизии и находившиеся здесь же тыловые учреждения, захватив в ходе короткого боя с бригадным эскадроном 500 пленных. Комиссар бригады А.А. Юдин был расстрелян; в плен захвачены были командир бригады Н.П. Захаров, начальник штаба бригады Бирилев, помощника начальника штаба бригады (начальника разведки) Ю.Н. Янов. Егеря заняли также ст. Голышманово, разгромив тыловые части и обозы. Вероятно, в этом же районе позднее действовал и батальон Сейфулина, т.к. за бой 29 сентября 1919 г. на станции Голышманово одним из последних приказов Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака Аркадий Николаевич был награжден Георгиевским Оружием. По всей видимости, тогда же Сейфулин был произведен в подполковники (точная дата пока не установлена, однако в этом чине его упоминает в своих показаниях на допросе в феврале 1920 г. капитан А.В. Шемякин – начальник штаба бригады). Однако, в ходе сменившего наступательный порыв отступления и катастрофы белого Восточного фронта осени 1919 – 1920 гг. приказ просто не дошел до адресата. О награждении Сейфулин узнал лишь в Чите, в Забайкалье, куда пришли из Сибири после Сибирского Ледяного похода остатки колчаковской армии.

Очевидно, после окончания Сибирского Ледяного похода согласно приказа генерала С.Н. Войцеховского от 12 февраля 1920 г. о производстве в следующие чины «всех штаб- и обер-офицеров войск фронта, следовавших из района Красноярска и прибывших за Байкал походом в составе колонн генералов К.В. Сахарова, Г.А. Вержбицкого, Р.К. Бангерского и штаба фронта» А.Н. Сейфулин в числе прочих офицеров (кроме полковников и генералов, которых по своему статусу командующий фронтом не мог производить в генеральские чины) получил чин полковника.

Приказом командующего Дальневосточной армией генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого от 20 мая 1920 г. А. Сейфулин утвержден членом постоянной Георгиевской Думы при штабе командующего Дальневосточной армии. А приказом Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины генерал-лейтенанта Г.М. Семёнова за № 68/а от 7-го августа 1920 г. был оглашен приказ адмирала А.В. Колчака о награждении Георгиевским Оружием командира батальона 1-го Сибирского егерского полка полковника Сейфулина [18, С. 71, 74]. Таким образом, А.Н.Сейфулин является формально последним (фактически – одним из последних) кавалером Георгиевского Оружия в истории русской армии[2]. Помимо Георгиевских наград А.Н. Сейфулин был награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» [8, Л. 44].

Осенью 1920 г. Дальневосточная армия под натиском партизан оставила сначала Читу, которую обороняла и Уфимская дивизия, должность помощника начальника которой занимал А. Сейфулин, а потом вынуждена оставить Забайкалье и через полосу отчуждения КВЖД прибыла в Приморье. Во Владивостоке в 1922 г. А.Н. Сейфулин вступает в Сибирскую добровольческую дружину, которая формировалась генералом А.Н.Пепеляевым для похода в Якутию по приглашению местной власти – Якутского Областного Народного Управления, с которой отправляется на помощь местным повстанцам и в надежде снова продолжить борьбу в Сибири. После высадки в порту Аян 6 сентября 1922 г. Сейфулин был назначен начальником гарнизона порта и командиром 3-го (Якутского) батальона дружины, формировавшегося в Аяне из якутов-повстанцев [19, С. 68].

После неудачи похода на Якутск и возвращения Сибирской добровольческой дружины на охотское побережье весной 1923 г. А.Н. Сейфулин в надежде получить помощь пытался связаться с командующим Сибирской флотилией адмиралом Г.К. Старком. Предполагалось погрузиться на корабли и захватить Николаевск-на-Амуре – при высадке десанта флотилия Старка смогла бы прикрыть пепеляевцев со стороны моря [20, Л. 326–328 об.)]. Однако внезапный десант красных под командованием С.С. Вострецова заставил капитулировать остатки дружины во главе с А.Н. Пепеляевым в порту Аян 17 июня 1923 г. Аркадий Николаевич попал в плен, и, по делу пепеляевцев, был осужден военным трибуналом 5-й армии 3 февраля 1924 г., «по обвинению его в преступлении, предусмотренном ст. 60-й У.К». Полковник Сейфулин был приговорен к расстрелу, но, как и большинству обвиняемых, замененному на 10 лет лишения свободы. Последнее на сегодняшний момент упоминание об Аркадии Николаевиче Сейфулине – 1937 г. – в Семипалатинске (Восточно-Казахстанской области) он работал кассиром на руднике; был арестован 25 августа 1937 г. УНКВД и приговорен тройкой УНКВД 4 декабря 1937 г. по обвинению в антисоветской деятельности (ст. 58-10 УК РСФСР) к 8 годам ИТЛ. Дальнейшая его

судьба неизвестна. А.Н. Сейфулин был реабилитирован 27 апреля 1989 г. Семоблпрокуратура Указ ПВС СССР ОТ 16.01.1989 г. [21]. Из обвинительного заключения на процессе 1924 г. известно, что Аркадий Николаевич был женат, имел дочь.

Примечательны несколько штрихов, указывающих на личность полковника А.Н. Сейфулина как человека. Так, вышеупомянутый начальник штаба бригады А.Н. Красильникова – А.В. Шемякин на допросе, упоминая об офицерах части, называет Сейфулина как стоявшего «во главе протестующих и недовольных контрразведкой [отряда Красильникова – Л.К.] и застенков». В описи документов к материалам процесса 1924 г. над участниками Сибирской добровольческой дружины генерала А.Н. Пепеляева упоминается тетрадь стихов полковника Сейфулина, однако сам артефакт был утерян.

Трагически сложились судьбы двух следующих за Аркадием братьев, также офицеров. Виктор (окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков 1 июля 1915 г.) служил, как и Аркадий, поручиком в бригаде И.Н. Красильникова. Но не смог или не захотел уходить из Омска и остался в городе, будучи арестован 4 августа и расстрелян в Омске 9 августа 1920 г. «за службу в белой армии» [18]. Та же участь постигла и его жену Марию Антоновну (арестована 22 августа 1920 г. и расстреляна «за контрреволюционную деятельность» 22 сентября 1920 г.) [21]. Другой брат – Петр (окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков 1 января 1916 г.), также служивший поручиком в белой армии в Омске был арестован 21 августа 1920 г. и расстрелян 23 октября 1920 г. «за контрреволюционную деятельность». Все они были реабилитированы в 1992–1993 гг. [21].

Результаты исследования. Биография полковника А.Н. Сейфулина была типичной для офицера военного времени. Происходя из среднего класса дореволюционного общества, он сделал в ходе событий 1914–1922 гг. военную карьеру от нижнего чина до штаб-офицера, находясь постоянно в боях и заслужив свои чины кровью и личной храбростью. В то же время личность А.Н. Сейфулина достаточно неоднозначна. Командир Сибирской добровольческой дружины генерал А.Н. Пепеляев говорил о нем: «Храбр, подвержен чувству преувеличения своих способностей»; командиры батальонов дружины полковник И.Г. Сивко: «Презирает опасность, чистосердечен, хозяйственный»; полковник А.Я. Рейнгардт: «Сильной воли суровый воин».

Находки новых документальных свидетельств позволят в дальнейшем уточнить, исправить и дополнить биографию А.Н. Сейфулина.

Примечания:

[1] А.Н. Пепеляев в показаниях на процессе 1924 г. по делу Сибирской добровольческой дружины вспоминал о 27 ранениях А.Н. Сейфулина в 1914–1922 гг.; документальных подтверждений о таком числе ранений пока нет.

[2] По материалам следственного дела в отношении чинов Сибирской добровольческой дружины 1923–1924 гг. А.Н. Сейфулин был полным Георгиевским кавалером, но пока этот факт не нашел прямых подтверждений.

Список источников и литературы:

1. Вебер М.И. К вопросу о биографии капитана Герке // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. В 2-х томах. 2020. С. 459–469.

2. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста 2016. № 2. С. 249–282.

3. Шулдяков В.А. Выдающийся разведчик Сибирского казачьего войска Петр Яковлевич Бурков // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Мат–лы III Всеросс. науч.-практ. конф. Омск: ОмГТУ 2019. С. 325–333.

4. Гончаров Ю.И. Один город – три судьбы // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2017, №24. С. 111–127.

5. Главное Управление Землеустройства и Земледелия // Весь Омск. Справочник-указатель на 1911 г. Омск, 1911.

6. Главное Управление Землеустройства и Земледелия // Весь Омск. Справочник-указатель на 1912 г. Омск, 1912.

7. Главное Управление Землеустройства и Земледелия // Весь Омск. Справочник-указатель на 1913 г. Омск, 1913.

8. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9031.

9. Высочайший приказ от 14 марта 1916 г. Петроград, 1916.

10. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27353.

11. Дополнение к Приказу Временного правительства Армии и Флоту о чинах военных от 11 августа 1917 г. Петроград, 1917.

12. Русское слово (Москва), 1916, 1 июня.

13. РГВИА. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 7397-С.

14. Высочайшие приказы о чинах военных от 1 августа 1916 г. Петроград, 1916.

15. Приказы Временного Правительства Армии и флоту о чинах военных от 9 апреля 1917 г. Петроград, 1917.

16. Протокол № 4 опроса капитана А.В. Шемякина от 12 марта 1920 г. // Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009.

17. РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 26.

18. Буяков А. Последние кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия в Забайкалье и на Дальнем Востоке: 1919–1920 гг. // Сибирь в период

гражданской войны. Сибири. Материалы Межд. научн. конфер. (6–7 февраля 2007 г., г. Кемерово). Кемерово: ГОУ «КРИРПО», 2007. С. 70–74.

19. Вишневский Е.Н. Аргонавты белой мечты. Харбин, 1933.

20. Архив УФСБ России по Новосибирской области. АУД. 17137. Т. 1.

21. Жертвы политического террора в СССР (Электронный ресурс). Режим доступа: http://lists.memo.ru/index18.htm (дата обращения 27.04.2021).

Для цитирования: Капустин Л.Г. «Сильной воли суровый воин»: к биографии А.Н. Сейфулина – офицера бригады атамана Красильникова // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 114–121.

© Капустин Л.Г., 2021

УДК 94(47).084.3

ЖИЛИЩНЫЕ РЕКВИЗИЦИИ В ТОМСКЕ В 1918-1919 ГГ. КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА

Максим Константинович Карпачев [1]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия

[1] smolso@yandex.ru, Science Index: 1935-0805

Аннотация: В статье рассматривается роль жилищных реквизиций Чехословацкого корпуса в Томске. Выявлено представление о военнослужащих легиона, сложившееся в начале Гражданской войны. Изучены факты жилищных реквизиций под нужды Чехословацкого корпуса в Томске. Проанализирована трансформация образа легионеров. Сделан вывод о влиянии данного фактора на изменение образа представителей легиона в глазах жителей Томска.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, Томск, Чехословацкий корпус, жилищный вопрос, реквизиции, повседневность.

Постановка проблемы. В изучении Чехословацкого корпуса сегодня внимание уделяется не только военным и политическим аспектам, но и истории повседневности – работы Е.П. Серапионовой [1,2], ряд исследований технической помощи легионеров на территории России в годы Гражданской войны

[3,4]. Это представляется актуальным и важным для истории данного периода в Сибири, позволяет расширить проблемное поле, переосмыслить известные сюжеты. Целью работы мы ставим выявить особенности влияния жилищных реквизиций на трансформацию образа чехословаков.

Основная часть. В середине июля 1918 г. в губернский центр прибыли две чешские роты, тогда же ожидалось появление ещё 4000 человек [5, С. 3]. Ко второй половине 1918 г. в Томске была расквартирована 2-я чешская дивизия [6, С. 103]. Вместе с частями в городе стали появляться и сопутствующие им организации: лазареты и госпитали. Чехи были и среди слушателей эвакуированной Академии Генерального штаба. Участие корпуса в свержении советской власти и фактор этнической близости обусловили положительное отношение населения к иностранному военному формированию, которое поддерживалось официальными лицами и газетами с целью сохранения значительных военных сил для борьбы с большевиками. Комплементарное мнение жителей пресса формировала ещё до прихода эшелонов легиона [7, С. 2] и продолжила после июня 1918 г. Военнослужащие наделялись положительными чертами в соответствии с принадлежностью к славянам и положением, которое они заняли после падения власти большевиков. Легионеры неоднократно участвовали в парадах, которые сопровождались случаями братания [8, С. 3]. Представители корпуса присутствовали на торжественных политических мероприятиях, принимали участие в работе разных съездов, конференций и совещаний. Для чешских частей, расположившихся в Томске, в течение 1918 г. организовывались сборы средств [9, С. 3].

К моменту появления частей корпуса в городе уже сложилась напряженная жилищная ситуация. После начала Первой Мировой войны тыловой Томск стал пополняться населением, что вызвало рост цен на жильё при ухудшении его качества. После февраля 1917 года началось выселение старых квартирантов, новым помещения сдавались за повышенную плату [10, С. 143]. Невзирая на борьбу арендаторов за свои права, к сентябрю снять любой вид жилья стало практически невозможно [10, С. 143]. Установление советской власти принципиально не изменило ситуацию, наблюдалось только медленное ухудшение квартирного вопроса.

Первоначально легионеры старались находить жильё путём аренды помещения через объявления в газетах [11, С. 4]. Многие части сосредотачивались на вокзалах Томск-I и Томск-II. Затем начались реквизиции. Главным образом, под постой брались здания разных учебных заведений [6, С. 103]. Школа Томского государственного университета была перемещена в здание Духовной семинарии [12, Л. 67]. Чешский госпиталь расположился в здании Томского политехнического училища [13, С. 3]. Было реквизировано женское епархиальное училище, при занятии которого применили «силу» [6, С. 104]. За освобождение

здания первой мужской гимназии от чешского лазарета ходатайствовали директор, педагогический совет, родительский комитет и представители самоуправления, но по итогам нескольких разбирательств было принято решение о выселении всех её работников, проживавших там после передачи госпиталю [14, Л. 6, 18]. Уже в июле 1918 года поднимались вопросы об отсутствии квартир [15, С. 3], в августе ситуация была признана кризисной [16, С. 3]. В дальнейшем общее состояние городской среды ухудшалось: продолжилось прибытие военных формирований, с середины 1919 года начался наплыв беженцев. По данным на 13 ноября 1919 года, в городе без учёта воинских чинов и лиц, не имевших продовольственные карточки, находилось 211.825 человек [17, С. 3]. Распространялись эпидемии и антисанитария. 23 августа 1919 года в «Сибирской жизни» была опубликована анонимная статья «Почему?», где автор задавал вопрос о неиспользовании под размещение вновь прибывающих Красных казарм и женского епархиального училища [18, С. 3], занятых чехами (в статье они, однако, не назывались). Реквизиции легиона создавали сразу две проблемы. Во-первых, не давали полностью заселять большие помещения типа казарм, во-вторых, не давали использовать по назначению занятые учебные заведения. Ещё большее ухудшение наступило с прибытием в город частей русской армии. Помещения, первоначально предназначенные для них, занимались чехами [6, С. 103-104], что вынуждало реквизировать иные [19, С. 3]. С постепенным откатом фронта на восток в Томск потянулись многочисленные беженцы. Прибывавшие в город уплотняли квартиры [20, С. 1], что вызывало неблагоустройство и антисанитарию. Вместо использования готовых к принятию людей помещений приходилось выделять средства на строительство новых домов [21, С. 1]. Так, фактор реквизиций легиона наряду с переполненностью города сыграл роль в том, что жилищная проблема к осени 1919 г. стала катастрофической.

С созданием русских частей формирования корпуса перестали принимать активное участие в боевых действиях, перейдя в тыл. Их поведение вызывало у населения ненависть, доходившую до клича «Бей жида и чеха. Спасай Россию…» [6, С. 104]. Трансформация отношения фиксируется и в Томске. В мае стали вестись разговоры о постепенной эвакуации корпуса из России, следствием чего стало недовольство, выразившееся в идее возвращения чехов на фронт [22, С. 2] и распространении слухов о восстании чешских частей [23, С. 1]. 26 июля 1919 г. в «Сибирской жизни» была опубликована статья профессора Аносова «Об отношении к иностранцам», где автор указывал на раздражение обывателей из-за пребывания легионеров не на фронте, их критику, тайную вражду и недоверие [24, С. 3]. К сентябрю вариант ухода чехов из Сибири стал реальностью. Нежелательность эвакуации была выражена в материале от 17 сентября [25, С. 2], скрытое недовольство проступало в статье А.В. Адрианова «К уходу чехов» [26, С. 3].

Результаты исследования. Таким образом, занятие чехами помещений, которые полностью не использовались, хотя способны были вместить больше людей, служило фактором кризисной ситуации в городе, что усиливало озлобление против легионеров населения, недовольного их нахождением в тыловых районах.

Научный руководитель Конев Кирилл Александрович

Список источников и литературы:

1. Серапионова Е.П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. / отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб., 2011. С. 120-136.
2. Серапионова Е.П. Словаки в России в годы Первой Мировой и Гражданской войн (состояние историографии и проблемы исследований) // Запад–Восток. 2017. № 10. С. 79-87.
3. Дмитриев Н.И. К вопросу о роли чехословацкого корпуса в хозяйственной жизни белого Востока России // История белой Сибири: тезисы IV научной конференции (6-7 февраля 2001 года). Кемерово, 2001. С. 155-158.
4. Захаров А.М. «Теход»: хозяйственно-техническая деятельность Чехословацкого корпуса на территории России в 1918-1920 гг. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 1. С. 266-270.
5. Прибытие чехов в Томск // Сибирская жизнь. 1918. № 62. С. 3.
6. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М., 2018. 610 с.
7. Адрианов А.В. Чехо-словаки – наши братья // Сибирская жизнь. 1917. № 162. С. 2.
8. Чехословацкий эшелон в Томске // Сибирская жизнь. 1918. № 29. С. 3.
9. В пользу раненых чехо-словаков // Сибирская жизнь. 1918. № 39. С. 3.
10. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Томска в 1917-1919 гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т 9, выпуск 1: История. С. 141-150.
11. Дома. Квартиры. Дачи // Сибирская жизнь. 1919. № 7. С. 4.
12. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 3. Д. 35.
13. К эвакуации чехов // Сибирская жизнь. 1919. № 253. С. 3.
14. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 118.
15. Жилищный вопрос // Сибирская жизнь. 1918. № 59. С. 3.
16. Квартирный кризис // Сибирская жизнь. 1918. № 82. С. 3.
17. Количество населения в Томске // Сибирская жизнь. 1919. № 241. С. 3.
18. Почему? // Сибирская жизнь. 1919. № 177. С. 3.

19. Постой войск // Сибирская жизнь. 1919. № 86. С. 3.
20. Аносов И.И. К «уплотнению» квартир» // Сибирская жизнь. 1918. № 104. С. 1.
21. Жилищная политика // Сибирская жизнь. 1919. № 22. С. 1.
22. К выступлению чехов // Сибирская жизнь. 1919. № 153. С. 2.
23. К слухам о восстании в чешской армии // Сибирская жизнь. 1919. № 130. С. 1.
24. Аносов И.И. Об отношении к иностранцам // Сибирская жизнь. 1919. № 154. С. 1.
25. К уходу чехо-словаков из Сибири // Сибирская жизнь. 1919. № 196. С. 2.
26. Адрианов А.В. К уходу чехов // Сибирская жизнь. 1919. № 206. С. 3.

Для цитирования: Карпачев М.К. Жилищные реквизиции в Томске в 1918–1919 годах как фактор трансформации образа Чехословацкого корпуса // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 121–125.

© Карпачев М.К., 2021

УДК 93/94+908

ВЗРЫВ 1 АВГУСТА 1918 Г. В ОМСКЕ В ОБЗОРЕ ГОРОДСКОЙ ПРЕССЫ

Елена Ивановна Каткова [1]

Дмитрий Игоревич Петин [2, 3]

[1] Омская государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина, Омск, Россия
[2] Исторический архив Омской области, Омск, Россия
[3] Омский государственный технический университет, Омск, Россия

[1] sbolib@mail.ru
[2, 3] dimario86@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9987–3347,

Аннотация: В работе представлен аналитический обзор публикаций из региональной периодической печати, посвященных трагическому событию в Омске 1 августа 1918 г. – взрыву артиллерийских боеприпасов на Омской городской железнодорожной ветке. Данный инцидент ранее не получал освеще-

ния в историографии. Цель нашей работы – не претендуя на абсолютную полноту раскрытия вопроса, обозначить его для подготовки в будущем академическими специалистами обстоятельного исследования, базирующегося на широком круге источников.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, Омская железная дорога, взрыв, 1918, халатность, белое движение, белая армия, белый Омск, повседневность, периодическая печать.

Постановка проблемы. К лету 1918 г. в условиях разгоравшейся полномасштабной Гражданской войны Омск, находившийся под контролем антибольшевистских сил, получил самый высокий в своей истории административный статус. Город стал столицей не только для белого востока России, формально его первенство признали и некоторые антисоветские политические режимы других регионов распавшейся империи Романовых. Жизнь военно-революционного Омска в 1917–1920 гг. до сих пор является одной из наиболее популярных проблематик российской историографии, получившей на современном этапе значительное развитие с применением разнообразных методологических формул [См. об этом: 1–3].

При внимании историков к вопросу повседневности «третьей столицы» в указанный период и наличии обобщающих работ [См., напр.: 4–5] из внимания полностью выпала резонансная трагедия, имевшая место в окраинном районе Омска на грузовом дворе городской железнодорожной ветки 1 августа 1918 г. Предваряя повествование, подчеркнем, что, несмотря на стремительно выросшие тогда официальные позиции города, жизнь обывателя в Омске продолжала носить провинциальный характер. Поэтому описываемый случай справедливо можно назвать исключительным событием, всколыхнувшим сознание омичей.

Несколько слов стоит сказать о месте трагедии. Грузовой (товарный) двор городской железнодорожной станции располагался в полукилометре от южной границы черты города. Железнодорожную ветку, особо важную для обеспечения жизнедеятельности омичей проложили в 1903 г., соединив вокзал и деловую часть города. Железнодорожный путь ветки ограждался деревянным забором от дороги с одной стороны, а с другой находился берег Иртыша. На станционном дворе, имевшем необходимую инфраструктуру, разгружались составы, доставлявшие продовольствие, топливо, промышленные и иные товары. Ближе к реке располагалась пассажирская станция; движение по городской ветке от вокзала до центра Омска осуществлялось без остановок. В 1953 г. на месте упраздненной станции разбили сквер им. 30-летия ВЛКСМ [6].

Основная часть. Круг известных нам опубликованных источников, повествующих об изучаемом событии, крайне скуп. Единственное немногослов-

ное упоминание находим в записках С.И. Голошубина [7, С. 243]. О взрыве, произошедшем в третьем часу дня 1 августа 1918 г. первым из омских изданий на следующий день кратко сообщила газета «Заря», указав, что детали случившегося (причины, число жертв) пока выясняется. В заметке говорилось, что во всех зданиях, расположенных вблизи, были выбиты стекла [8].

Данные предварительного следствия гражданских и военных властей подробно представила упомянутая «Заря» в номере от 3 августа 1918 г. Заметка позволяет в общих чертах оценить масштабы произошедшего. Оказалось, что уже несколько дней производилась разгрузка вагонов с дымным порохом, направляемым на один из местных артиллерийских складов. К 1 августа 1918 г. остались неразгруженными 1–2 вагона. Утром этого дня здесь приступили к погрузке снарядов (тип и калибр не указаны – авт.) из грузовых автомобилей в вагон, который к вечеру должен был отправиться на фронт. Занимались погрузочными работами военнопленные-австрийцы. По показаниям оставшихся в живых рабочих в момент взрыва у поезда находился один грузовой автомобиль, из которого закончили выгрузку снарядов и начали грузить порох. «Есть основания предполагать, что взрыв произошёл благодаря неосторожному обращению рабочих-австрийцев с порохом. Один из офицеров <…> показал, что австрийцы при погрузке часто просто бросали ящики с порохом. <…> Силою взрыва автомобиль, производивший погрузку, разорван в куски. На том месте, где он стоял, образовалась воронка сажени три (6,4 м – авт.) в диаметре и аршина два (1,4 м – авт.) в глубину. <…> Несколько вагонов разнесло в щепки. Один скат колес вагона (вес порядка 300–400 кг – авт.), в котором, по-видимому, находился порох, отброшен саженей на 10 (21 м – авт.), а другой заброшен на соседний вагон. Рельсы согнуты, как тростинки. Силою взрыва выбиты все окна и сорвано несколько дверей в здании управления ж.[елезной] д.[ороги] и городской ветки, у здания Яхт-клуба (ныне снесено, территория бывшего завода «Электроточприбор») вылетела часть северной стороны» [9].

Что касается человеческих жертв, то их точное число так не смогли выяснить: «Можно предполагать, что убитых не свыше 20–30 человек и ранено, не считая лёгких ранений стеклами, также несколько десятков человек. Число убитых подсчитывать чрезвычайно трудно. Несомненно, несколько человек, находившиеся в непосредственной близости от места взрыва, разнесено просто на атомы, другие, находившиеся несколько подальше, искалечены до неузнаваемости. Оторваны и обезображены головы, руки, ноги, вырваны внутренности. Силою взрыва эти части человеческих тел разметаны на большое расстояние. Так, на крыше бани Мариупольского (саженей 80 от места взрыва, 170 м – авт.) найдена голова одного из убитых» [9]. Число пострадавших могло быть гораздо больше; здесь стоит учесть, что место трагедии являлось относительно удаленным от плотно населенных кварталов Омска.

Несомненно, что большая разрушительная сила взрыва обуславливалась следующими факторами и обстоятельствами. Во-первых, взрывов, по очевидной логике, было несколько: первый при нарушении правил погрузки пороха или снаряда послужил причиной серии остальных. Во-вторых, при пожаре, возникшем от взрыва, произошла детонация неустановленного числа артиллерийских снарядов и емкостей с порохом, что при отсутствии высотных преград, на открытой местности усилило дальность разлета поражающих элементов, распространения ударной волны. В-третьих, наличие в непосредственной близи от места взрыва конструкций и предметов, изготовленных из металла и дерева, дополнительно увеличило и без того огромный поражающий эффект.

Событие закономерно породило в общественной среде различные (в том числе, политизированные) толкования. Как показывает публикация со страниц газеты омских кадетов «Сибирская речь» от 4 августа 1918 г., правые консервативные силы трактовали инцидент с присущей им антибольшевистской риторикой, уходя в конспирологические суждения и используя трагедию в идеолого-пропагандистских целях. «Взрыв 1-го августа, разрушения, растерзанные в клочья люди, которых, быть может, придется считать десятками, и раненые, которых, вероятно, несколько сотен – бедствие тяжкое. От еще более тяжкого бедствия город был спасен милостью случая, разумом и отвагою людей, ограничивших распространение огня. Естественны поиски причины несчастья. Но ее не так-то легко обнаружить. Все, что находилось вблизи взорвавшихся вагонов, было растерзано. Свидетели, ближайшие очевидцы — измельчены в такие жалкие лохмотья мяса и раздробленных костей, которые подбирались в кучи, прикрытые брезентами. Сами вагоны взлетели на воздух и от них остались погнутые, исковерканные тележки платформ. Загорелся ли автомобиль или бросали неосторожно опасный груз или заранее заготовленный для взрыва прибор исполнил свою задачу, если нашелся своего рода герой шпионажа, который пожертвовал собой для исполнения ценного замысла,— кто теперь может сказать с надлежащей определенностью? <…> улики в области обнаружения виновников взрыва неизбежно неустойчивы и невнятны. Мы ни на минуту не должны забывать, что враги России – немцы и их верные друзья интернационалисты-большевики – зорко следят за происходящим в Сибири и ценят уничтожение каждого вагона военного снабжения борющихся против них бойцов. Поэтому было бы слишком самонадеянно полагаться на возможную неосторожность, как причину взрыва. Что случилось, то случилось, но необходимо принять все меры к обеспечению Армии на будущее время от подобных случайностей. Враг не дает пощады ни пленникам, ни детям, ни старикам, ни служителям церкви, идет на все средства разрушения и провокации. Враг исключительно опасен и бесчестен. Право и обязанность власти оградить Армию и население от происков такого врага не условными, но безусловными по действительности мерами борьбы <…>» [14].

Газета «Заря» от 9 августа 1918 г. сообщила, что согласно официальным данным при взрыве были тяжело ранены 18 человек, легко – 66, умерло от ран двое. Установить точное число убитых не представлялось возможным. Многочисленные разрозненные останки сложили в четыре гроба [15]. При просмотре метрических книг омских церквей, были установлены имена пяти погибших православных и двух католиков. Учитывая крайнюю степень тяжести ранений, полученных жертвами, а также условия летнего сезона останки были преданы земле буквально в ближайший день после взрыва [16, Оп. 6. Д. 1382. Л. 621об.–622; Оп. 11. Д. 124. Л. 218об.–219, Д. 125. Л. 530об.–531; 17, Л. 73–73об.].

Заявлений о диверсии, а равно каких-то иных публичных комментариев, официальные власти не делали, молчаливо «подтверждая» вывод о несчастном случае. Нельзя исключать и сознательного запрета на дальнейшее освещение следственных мероприятий. Это могло исходить лично от военного министра Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова, который ревностно пресекал обсуждения прессой любых аспектов, ронявших имидж Сибирской армии [См.: 18–20]. Ужесточить внимание властей к прессе требовала и одна из директив по линии «омского» МВД, изданная в тот период [21, С. 185].

В конечном счете, следственные органы не нашли состава преступления в случившемся инциденте. Дело, возбужденное 1 августа 1918 г. Омским окружным судом с версией о том, что взрыв имел умышленный характер, в течение девяти месяцев вели поочередно три следователя[2]. Но в итоге, к концу мая 1919 г. правоохранительные органы прекратили дознание, очевидно убедившись в том, что злого умысла и участия неких просоветских сил в этой истории не было. Причиной трагедии признали несоблюдение банальных мер безопасности (как например, курение рабочих при погрузке боеприпасов), а также халатность со стороны тех, кто контролировал этот процесс непосредственно, на грузовом дворе городской железнодорожной ветки [22, Л. 152об.].

Результаты исследования. Мы склонны считать, что активизация политической жизни в Омске осенью 1918 г., зиждившаяся на «салонном монархизме», попросту переключила внимание властей с трагедии, которая, несмотря на масштабы жертв, стала восприниматься как некое локальное происшествие. Есть убежденность, что детальное изучение следственных материалов, а также иных источников[3], позволит уточнить новые подробности события[4]. Однако, что важно для общей оценки политической атмосферы Омска – даже исходя из обзора прессы, становится очевидным броская реакция консервативного крыла (как официальных властей, так и общественности), стремившегося использовать трагедию в своих интересах, заранее «обеспечивая» трактовку случившегося своей риторикой. В связи с чем, актуален тезис о критичном отношении исследователя к историческим источникам и умению снять налет идеологии, дабы увидеть истинные факты.

Примечания:

[1]Владельцы Яхт-клуба в конце июня 1918 г. объявили о его открытии в обновленном виде: «Помещения клуба расширены и вновь отделаны, устроено электрическое освещение» [10]. Но уже меньше, чем через месяц вынужденно организовали «грандиозный вечер бал-кабаре», 25% от чистого сбора которого, планировали направить на «покрытие расходов по восстановлению разрушенного взрывом» строения [11]. Позже вновь не повезло и зданию Управления Омской железной дороги, когда почти половина стекол в его окнах была выбита после сильной снежной бури в середине февраля 1919 г. [12–13].

[2]Вторым из трех следователей являлся знаменитый Н.А. Соколов, передавший в начале 1919 г. ведение дела о взрыве, в связи с убытием в Екатеринбург для расследования убийства семьи Романовых.

[3]К примеру, как показывают общие академические тенденции, в том числе, текущий опыт работы омского историко-архивного сообщества, таким источником могут быть церковные актовые записи, материалы церковного делопроизводства и т.п., рассматриваемые в качестве источника по военной и социальной истории [23–27]. Это укладывается в общую парадигму междисциплинарного гуманитарного знания, в котором уверенно утверждается военная антропология [28].

[4]Так, известны устные свидетельства и фотография из частного архива, подтверждающие то, что еще в середине 1960-х гг. вблизи бывшего здания Омской железной дороги (ныне ОмГУПС) с северо-западной стороны стоял памятник (вероятно, кенотаф) братьям Косарчукам – двум мальчикам, погибшим при взрыве. В историографии (в том числе, в литературе по локальной истории) каких-либо упоминаний об этом памятном знаке не выявлено.

Список источников и литературы:

1. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей — антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы…» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9.

2. Ходяков М.В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.

3. Стельмак М.М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 3. С. 222–235.

4. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 386 с.

5. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.): монография. Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.

6. Алимова Л.И. Памятный сквер // Вестник культуры (Омск). 2015. № 1. С. 12.

7. Белоглазова Ю.Н. Из воспоминаний С.И. Голошубина // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 239–248.

8. Взрыв поезда со снарядами // Заря [Омск]. 1918. 2 авг.

9. Взрыв поезда со снарядами // Заря [Омск]. 1918. 3 авг.

10. В воскресенье 23 июня // Заря [Омск]. 1918. 23 июня.

11. [Объявление] // Заря [Омск]. 1918. 18 авг.

12. Буря в Омске // Сибирская жизнь [Томск]. 1919. 28 февр.

13. Ураган // Правительственный вестник [Омск]. 1919. 18 февр.

14. К взрыву 1 августа // Сибирская речь [Омск]. 1918. 4 авг.

15. Жертвы взрыва в Омске // Заря [Омск]. 1918. 9 авг.

16. ГИАОО. Ф. 16.

17. ГИАОО. Ф. 348. Оп. 2. Д. 26.

18. Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195.

19. Пученков А.С. «Одесский Наполеон»: из биографии А.Н. Гришина-Алмазова // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.). Омск, 2017. С. 282–291.

20. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное…»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073.

21. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): дис. … канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

22. ГИАОО. Ф. Р–346. Оп. 1. Д. 187.

23. Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С. «Деникинский» Церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 4. С. 28–34.

24. Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5. № 1. С. 30–38.

25. Олихов Д.В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы гражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям

метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918 - декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141–159.

26. Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

27. Сушко А.В. Сибирский Церковный Собор: опыт новейшей археографии // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 939–945.

28. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук: сб. мат–лов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.

Для цитирования: Каткова Е.И., Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске в обзоре городской прессы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 125–132.

© Каткова Е.И., Петин Д.И., 2021

УДК 93+930.23

СОЖЖЕНЫ ИЛИ СОКРЫТЫ? СУДЬБА ОСТАНКОВ НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ В ЗЕРКАЛЕ СЛУХОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Марк Андреевич Князев [1]

[1] Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

[1] kn.mark.nn@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ): 1454-3171

Аннотация: Впервые в историографии судьба останков погибших в 1918 г. в Екатеринбурге Николая II и его семьи рассматривается через призму слухов. Источниками исследования выступили материалы белогвардейского следствия о гибели семьи, советские мемуары, а также слухи, собранные в конце 1980-х гг. в среде екатеринбургских старожилов. Комплексный анализ слу-

хов приводит автора к выводу о том, что останки Царской семьи были уничтожены в районе рудника Ганина яма, а не захоронены в Поросёнковом логу.

Ключевые слова: Николай II, гибель Царской семьи, екатеринбургские останки, слухи, исторический источник, руморология

Постановка проблемы. Вопрос об обстоятельствах гибели Императора Николая II и его семьи на Урале в 1918 г. давно привлекает внимание исследователей [1–4]. Большинство современных ученых полагают, что в ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге погиб не только царь, как считалось изначально, но и вся Царская семья. Однако вопрос о посмертной судьбе их останков до сих пор является предметом широкой дискуссии, в рамках которой можно выделить два направления.

Первая версия была сформулирована белогвардейским следователем Н.А. Соколовым в книге «Убийство царской семьи» (1925) [5]. Согласно Соколову, тела убитых в доме инженера Н. Ипатьева членов семьи были вывезены в направлении северо-востока от Екатеринбурга в заброшенный рудник Ганина яма, где в течение 17 и 18 июля 1918 г. были уничтожены огнем и серной кислотой.

Вторая версия принадлежит руководителю убийства Я.М. Юровскому, оставившему серию воспоминаний (1920, 1922, 1934) [6–8] об этом событии. В своих мемуарах он рассказал, что трупы Романовых были вывезены в заброшенный рудник, сокрыты в одной из шахт, однако затем они были изъяты оттуда и перезахоронены в нескольких километрах от рудника в местечке Поросёнков лог, на проезжей дороге, при этом два трупа были сожжены.

В июле 1991 г. предполагаемое место захоронения было вскрыто, в результате чего были обнаружены останки 9 человек, идентифицированные позднее как принадлежащие членам Царской семьи и их слугам. В 1998 г. т. н. «екатеринбургские останки» были перезахоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, тем не менее, дискуссия об их принадлежности Николаю II и членам его семьи продолжается до сих пор.

Обращает на себя внимание то, что версия Я.М. Юровского находит свое подтверждение в воспоминаниях только двух непосредственных участников сокрытия – чекистов Г.И. Сухорукова (1928) [9] и И.И. Родзинского (1964) [10]. Но является ли наличие лишь двух источников, подтверждающих рассказ Юровского, достаточным для того, чтобы поставить точку в этом вопросе? Учитывая же то, что все указанные мемуаристы были в 1918 г. членами Уральской областной ЧК, нельзя исключать и их возможного сговора о том, как описывать события, последовавшие за убийством Романовых.

В связи с этим представляется интересным взглянуть на вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, с точки зрения слухов о судьбе останков Царской семьи. Слухи, по своей природе не предназначенные для какой-либо фиксации, включают в себя большое количество свидетельств, версий, деталей, интерпретаций, трактовок, которых лишены мемуарные тексты. Выявление и анализ слухов открывает для исследователя возможность «услышать» тех, кто был так или иначе близок к очевидцам преступления, однако не оставил личных воспоминаний в форме мемуаров.

В широком смысле, можно выделить три этапа формирования слухов. Первый этап ограничен 1918–1919 гг., когда сведения об обстоятельствах гибели семьи собирались и фиксировались белогвардейским следствием. Вторая этап – 1920–1960-е гг. – связан с оформлением источникового корпуса советских мемуаров о гибели Романовых, который наряду с воспоминаниями очевидцев содержал в себе слуховой материал по теме. И, наконец, третий этап – конец 1980-х гг. – слухи, собранные исследователем О.А. Платоновым от екатеринбургских старожилов. По мере временного отдаления от событий июля 1918 г. слухи, как в количестве, так и в качестве теряли свою источниковую ценность, поэтому основное внимание в статье будет уделено слухам, полученным в 1918–1919 гг.

Основная часть. Расследование цареубийства было начато белыми властями сразу же после взятия Екатеринбурга 25 июля 1918 г. Одним из ключевых вопросов, стоявших перед следствием, было определение местонахождения останков бывшего царя и его семьи. В связи с тем, что следствие не смогло найти и допросить ни одного участника сокрытия останков, основное внимание было приковано к тем, кто мог что-либо знать или слышать о случившемся. Итак, что же показали свидетели?

Охранник Дома особого назначения (далее – ДОН) М.И. Летемин со слов шофера грузовика, отвозившего трупы, С.И. Люханова, сообщил, что «трупы он вывозил в лес, и там было застряли в трясине» [11, С. 75]. На другом допросе Летемин уточнил, что затем Люханов «кое-как выбрался: темно, да пеньки на дороге» [11, С. 110].

М.Д. Медведева, жена П.С. Медведева, начальника внешней охраны ДОНа, где содержалась Царская семья, со слов мужа сообщила: «В тот же 17 июля день все трупы были вывезены в лес и сброшены в ямы в шурфы» [11, С. 76]. На допросе П. Медведев показал, что узнал об этом от участника захоронения П.З. Ермакова: «Ермаков говорил, что он отвез их в шахту за Верх-Исетским заводом, там свалили все трупы в шахту, и затем будто бы взорвали эту шахту, бросая туда бомбы, чтобы она засыпалась землею» [11, С. 153].

К.А. Агафонова, со слов брата А.А. Якимова, охранника ДОНа, показала: «После убийства тела убитых перенесли в автомобили и увезли в лес, где и по-

хоронили в заранее приготовленную общую яму» [11, С. 121]. На допросе А.А. Якимов также сообщил источники своих сведений: «Трупы умерших, как он, Якимов, позднее слышал, свезли на автомобиле куда-то в болото за Верх-Исетский завод и схоронили в яму. Дорога к тому месту была настолько плохая, что автомобиль застрял в грязи. Кто ему, Якимову, об этом говорил, он не припомнит, но кажется, это говорил Павел Медведев» [11, С. 286]. На другом допросе Якимов подтвердил основную канву изложенных им событий, добавив некоторые детали: «В один из последующих дней [после убийства] или же сам Медведев, или же кто-либо с его слов, говорил мне, что увез Люханов трупы за Верх-Исетский завод. Автомобиль шел лесистой местностью. Почва пошла, по мере дальнейшего следования автомобиля, мягкая, болотистая, и автомобиль стал останавливаться: колеса его тонули. С трудом, но все-таки автомобиль дошел до места, где оказалась заранее вырытая яма. В нее положили, в одну, все трупы и зарыли. Я прекрасно помню, Лесников говорил, что лопаты брались тогда Юровским с собой из дома Ипатьева, когда он поехал с трупами» [11, С. 343].

Совокупность свидетельских показаний определенно указывала место сокрытия останков – это был старый рудник Ганина яма, находившийся севернее Екатеринбурга, за Верх-Исетским заводом, невдалеке от деревни Коптяки. В 1918 г. рудник уже не использовали по назначению, он был усеян большим количеством воронок, ям, шурфов, оставшихся еще с конца XIX в. в результате разведки руды. Именно на Ганиной яме, у открытой шахты № 7 (так она была обозначена следствием), были найдены вещественные доказательства преступления: остатки сожженной одежды, обуви, отсеченный человеческий палец и вставная челюсть, принадлежавшая погибшему вместе с семьей лейб-медику Е.С. Боткину [5, С. 206–218]. Все эти находки свидетельствовали об имевших место на руднике манипуляциях с останками.

Итак, трупы были сброшены в яму (шахту, шурф). Судя по ее описаниям в мемуарах Я.М. Юровского [6, С. 238] и И.И. Родзинского [10, С. 333], это была выработка, обозначенная следствием как шахта №7. Однако курировавший работу следствия генерал М.К. Дитерихс полагал, что тела Романовых были сброшены не в шахту № 7, а в шахту № 3, располагавшуюся в нескольких метрах [12, С. 254–255, 273]. На эту мысль генерала навело то обстоятельство, что из 33 заброшенных шахт на руднике лишь шахта № 3 имела следы свежей осыпи на ее южном склоне [12, С. 250–251]. Обратим внимание, что в слухах говорится именно о том, что шахту осыпали, а не обваливали, то есть искомая шахта не имела деревянного сруба (какой имела шахта № 7), а была земляной. Судя по всему, для того, чтобы засыпать шахту и были взяты лопаты. Примечательно, что одна из лопат со следами глины и пятнами, напоминавшими кровь, была позднее найдена белым следствием в колодце шахты № 7 [11, С. 123, 198–199].

Таким образом, скорее всего, трупы были сокрыты в шахте № 3, а не в шахте № 7, как это описывалось мемуаристами. Аргументированная критика «советской» версии о сокрытии останков в шахте №7 представлена в работе судмедэксперта Ю.А. Григорьева [2, С. 232–244].

Однако слухи, собранные белым следствием, предлагают нам и другие версии событий. Так, некий молодой человек в частном разговоре утверждал, что Николай II после расстрела был «увезен к Шартажу» [11, С. 67]. В разговоре каких-то двух солдат в поезде прозвучала информация, что «Царь расстрелян на генеральской даче и что труп его сожжен в смоляном бочонке по направлению к Шартаку» [11, С. 92]. В беседе участников захоронения, собравшихся в рабочем клубе Верх-Исетского завода, подслушанной завхозом клуба П.В. Кухтенковым, «было сказано, что сначала их похоронили в двух местах за вторым Екатеринбургом, а затем увезли дальше и похоронили в разных местах» [11, С. 115–116]. В.В. Голицын, со слов человека, назвавшего себя поручиком Прасловым, сообщил следствию, что «трупы были увезены за какой-то разъезд, похоронены там и потом снова перехоронены» [11, С 472]. А машинист П.И. Логинов, со слов некоего «латыша», комиссара телеграфа, члена Уральского областного совета, сообщил следствию: «После расстрела тела убитых были завернуты в палатки и увезены на двух грузовых автомобилях по Сибирскому тракту в направлении к ст. Баженово — Богдановичи. В районе этой местности были вырыты две ямы: одна — ложная, оставшаяся пустой и вновь засыпана, а в другую яму сложили тела убитых и залили раствором извести и цементом, так что все тела заключены в одной глыбе и по одному их вырыть нельзя. Сделано это было с той целью, чтобы «контрреволюционеры» не могли, в случае нахождения трупов, устроить никаких похорон» [11, С. 135].

Может показаться, на первый взгляд, что приведенные выше слухи мало связаны между собой и даже противоречат друг другу. Однако обращение к карте Екатеринбурга снимает это видимое противоречие, так как речь идет об одном и том же географическом месте, вернее, направлении станций Шарташ (Екатеринбург II) – Баженово – Богдановичи, располагавшихся параллельно Сибирскому тракту. При этом указанная железнодорожная ветка направлена на восток от Екатеринбурга, то есть в другую сторону от Ганиной ямы. Таким образом, эти слухи указывали ложное направление сокрытия останков, что было обусловлено политикой дезинформации, проводившейся большевиками с целью запутать следы.

Примечательно, но в данной группе слухов наряду с уже разобранной выше версией о сокрытии останков в яме появляется новая версия о сожжении тела царя в «смоляном бочонке». Безусловно, сам по себе разговор двух солдат еще не доказательство. Однако в распоряжении белого следствия оказались и другие свидетельства использования огня. Так, В.В. Мутных, секретарь Ура-

облсовета, рассказал своей сестре, что «сам Николай и Наследник расстреляны и трупы их сожжены за городом Екатеринбургом», а женская часть семьи отправлена в Пермь [11, С. 189]. А большевик А. Валек показал, что по разговору с большевиками в Перми у него сложилось мнение, что «вся семья убита и сожжена» [11, С. 291]. Бежавшие из Екатеринбурга красноармейцы отряда П.З. Ермакова бахвалились коптяковским крестьянам, что «мы вашего Николку и всех там пожгли» [12, С. 259]. Итак, слуховые источники говорят как о сокрытии останков, так и о сожжении их – где же правда?

Снова обратимся к показаниям машиниста П. Логинова, давшего наиболее подробную картину происшедшего со слов «комиссара телеграфа». Отметим для себя, что комиссар – не вымышленное лицо, в списке членов Уралоблсовета он обозначен как Медведев [3, С. 172]. «Латыш» рассказал, что было приготовлено две ямы – фиктивная, затем засыпанная, и настоящая, где трупы были залиты раствором извести и цемента. На первый взгляд, рассказ кажется малоправдоподобным, тем не менее, некоторые детали повествования Медведева нашли свое подтверждение, но только не около станции Богдановичи, а на Ганиной яме.

В 2001 и 2010 гг. невдалеке (около 100 метров) от открытой шахты № 7, при закладке храмов монастыря св. Царственных страстотерпцев были случайно обнаружены «целая яма» и «траншея» с известью. Ее происхождение доподлинно неизвестно, однако, согласно заключению генетиков, в ней присутствовали следы органики [13]. Могла ли иметь эта известь отношение к сокрытию (а учитывая ее агрессивный характер и уничтожению) останков Царской семьи? Обращает на себя внимание то, что подобная практика захоронения трупов в ямах с использованием негашеной извести и воды с целью их уничтожения активно использовалась большевиками в 1920-е гг. [14, С. 181]. Более того, может иметь место и определенная историческая коннотация – тела казненных в 1793 г. короля и королевы Франции Людовика XVI и Марии-Антуанетты были брошены в общую могилу в слой негашеной извести [15, С. 81]. Впрочем, до проведения комплекса соответствующих научных экспертиз этот вопрос пока останется открытым.

Но как в таком случае объяснить другую часть рассказа комиссара о наличии «ложной» ямы, затем засыпанной? Можно предположить, что в данном случае речь шла о шурфе, или шахте № 3, в котором изначально были сокрыты останки. К тому же ее действительно пытались осыпать лопатами.

Сделаем попытку суммировать полученные слуховые сведения и, опираясь отчасти на результаты белого расследования, предложить возможную реконструкцию летних событий 1918 г. на Ганиной яме. Утром 17 июля трупы Царской семьи и ее слуг были сброшены в шахту № 3; однако останки оказались под тонким слоем земли, так что их нахождение в будущем белогвардейцами

или даже местными жителями было лишь вопросом времени. Для того чтобы не допустить их обнаружения, большевистская верхушка Урала приняла решение об уничтожении останков. Как было установлено следствием, с вечера 17 июля на рудник прибыло большое количество бензина и серной кислоты, с помощью которых разрубленные на части останки были сожжены на кострах. Слабо поддававшиеся действию огня части тела разрушались серной кислотой [5, С. 218]. Можно предположить, что не полностью сгоревшие остатки костей и были погребены в яме в 100 м от шахты № 7, для надежности залитые раствором извести (думается, упоминание о цементе имело целью придать рассказу нарочито-гротескный характер). Впрочем, нельзя исключать и того, что останки были частично сожжены, а частично захоронены в яме с известью – однако подтвердить это предположение пока не представляется возможным.

Обращает на себя внимание то, что товарищ председателя Уральской областной ЧК В.А. Сахаров в беседе с Логиновым подтвердил рассказ комиссара [11, С. 136]. Но, впрочем, и подтвердил его только потому, что Медведев указал ложный след.

Примечательно, что в слуховом поле нашли отражение некоторые версии, неявно, косвенно отражавшие это событие. Так, еще за месяц до гибели семьи распространялись сведения, что «Царя расстреляют, а затем увезут на мельницу и измелют» [11, С. 91]. А гимназист Б.М. Ченцов, проживавший в Перми совместно с большевиком П.Г. Никулиным (под ним угадывается помощник коменданта ДОНа Г.П. Никулин) и комиссаром снабжения Урала Н.С. Шипицыным, заявлял, что «Царь изрублен и полит ядом» [11, С. 354]. Несмотря на всю осторожность в оценке подобного рода слухов, можно предположить, что они имели под собой реальную основу. Под «ядом» в данном случае можно понимать как раз серную кислоту (или известь), которая способна измельчить останки, превратить их в прах.

Второй группой источников, из которых нами были выделены слухи о судьбе останков Романовых, стали советские мемуары 1920–1960-х гг.

В.Н. Нетребин, бывший охранник ДОНа, в воспоминаниях (1925) писал: «В сожжении трупов я не участвовал» [16, Л. 171об.]. А пулеметчик А.А. Стрекотин (1934) вспоминал, что слышал в Вятке в декабре 1918 г. от «брата» шофера автомашины (С.И. Люханова), на которой были увезены убитые, о том, что «трупы были сожжены в ямах около деревни Коптяки, в окрестностях г. Екатеринбурга» [17, Л. 11]. Уже упоминавшийся выше помощник коменданта ДОНа Г.П. Никулин (1964) рассказывал со слов Я.М. Юровского о том, что останки были изначально сокрыты в шурфе, а затем сожжены [18, Л. 20, 21]. Удивительно, но со слов того же Юровского и Родзинского чекист М.А. Медведев-Кудрин в воспоминаниях (1957, 1963) [19, Л. 36; 20, Л. 55–57] сообщал о том, что на Ганиной яме была лишь попытка сожжения останков,

а затем они были захоронены в Поросёнковом логу, на дороге по направлению к Екатеринбургу. Учитывая то, что и Никулин, и Медведев имели одного информатора, возникает вопрос: а кому же Юровский говорил правду о судьбе останков? Добавим лишь, что вскрытие предположительного захоронения Царской семьи в Поросёнковом логу в июле 1991 г. не подтвердило версии Медведева-Кудрина о попытке сожжения трупов, так как на скелетированных останках не было обнаружено следов воздействия огня [21, С. 89].

Особенностью третьего этапа (1980-е гг.) формирования слухов о судьбе останков Царской семьи являлось то, что их «носители» получали ту или иную информацию уже не от непосредственных очевидцев, а из третьих рук. О.А. Платонов отмечал, что в среде старожилов бытовали различные слухи о сокрытии останков, как, например, что царь был «у Гати расстрелян и потоплен в болоте» или что «у Царских Ям [Ганина яма] только шубы да платья зарыты, а тела их в болотах спрятаны» [22, С. 477]. Тем не менее, слухи подобного рода были единичными, а «сведения о полном уничтожении царской семьи путем сжигания наиболее распространены и среди старожилов деревни Коптяки и прилегающих к ней населенных пунктов» [22, С. 469].

Результаты исследования. Подводя итоги нашего исследования, нельзя не отметить богатый источниковый потенциал слухов, который в полной мере раскрывается при их сравнительном анализе с иными историческими источниками, свидетельствами. Слухи не только позволяют максимально погрузиться в контекст изучаемого периода, но и выявить нечто иное, неявное, другое, не отразившееся в письменных (мемуарных) памятниках эпохи. Учитывая то, что обстоятельства гибели Николая II и его семьи до сих пор покрыты завесой тайны, особую роль в исследовании этого вопроса приобретает ретроспективное изучение слухов.

Итак, сожжены или сокрыты были останки Царской семьи в 1918 г.? Опираясь на полученные результаты анализа слухов, мы можем сделать определенный вывод в пользу первого варианта событий. Но кому же в таком случае могли принадлежать найденные в 1991 г. «екатеринбургские останки»? Возможный ответ на этот вопрос снова дают нам слухи: «По рассказам старожилов, чекисты возили сюда [в Коптяковский лес и его окрестности – К.М.] свои жертвы с первых месяцев советской власти. Расстреливали и поодиночке, и группами, и семьями» [22, С. 479].

Безусловно, представленный руморологический анализ не претендует на всеохватность и конечность его выводов, а исследование данного вопроса может быть продолжено как в русле выявления иных слухов по теме, так и в поиске новых подходов к их изучению.

Научный руководитель Селезнев Федор Александрович

Список источников и литературы:

1. Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. М.: ТЕРРА, 1997. 400 с.

2. Григорьев Ю. Последний император России: Тайна гибели. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб; Владимир: ВКТ, 2009. 380 с.

3. Жук Ю.А. Вопросительные знаки в «Царском деле». СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 640 с.

4. Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии / Отв. ред. А. Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2020. 192 с.

5. Соколов Н. Убийство Царской Семьи. Берлин: Слово, 1925. 297 с.

6. Записка Я.М. Юровского о расстреле царской семьи и сокрытии трупов // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. III. Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2001. С. 236–239.

7. [Юровский Я.М.] Слишком все ясно было для народа. Исповедь палача // Источник. 1993. № 0. С. 107–116.

8. Выступление Я.М. Юровского на собрании старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале. 1/II–34 г. // Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения. Т. 2. М.: ООО ТД «Белый город», 2015. С. 397–421.

9. Из воспоминаний чекиста Г.И. Сухорукова, одного из участников уничтожения трупов царской семьи // Алексеев В.В. Гибель Царской Семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. С. 117–118.

10. «Конечно, самое-то ответственное было, чтобы укрыть, чтобы следов не осталось»: воспоминания чекиста И.И. Родзинского о сокрытии останков Царской семьи под Екатеринбургом в 1918 г. / вступ. ст., публ. и прим. М.А. Князева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 318–340. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-318-340.

11. Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (август 1918 – февраль 1920) / сост. Н.Г. Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. 644 с.

12. Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Т. 1. Владивосток: Типография военной академии, 1922. 442 с.

13. «Когда мы научимся любить и благодарить Царскую семью, вопрос с останками решится сам собой»: Беседа с митрополитом Ташкентским и Узбекистанским Викентием // Сайт «Русская народная линия». URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/08/23/kogda_my_nauchimsya_lyubit_i_blagodarit_carskuyu_semyu_vopros_s_ostankami_reshitsya_sam_soboj (дата обращения: 09.04.2021).

14. Антонов-Овсеенко А.В. Берия. Сухум: ГПП «Дом печати», 2007. 452 с.
15. Пименова Л.А. Людовик XVI // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 62–83.
16. ЦДООСО. Ф. 41 Оп. 1 Д. 149 Л. 167–174 (с об.).
17. ЦДООСО. Ф. 221 Оп. 2 Д. 849. Л. 2–17.
18. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 13. Л. 1–71.
19. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 12. Л. 1–36.
20. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 12. Л. 39–58.
21. Покаяние: Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи: Избранные документы / Сост. В. Аксючиц. М.: Выбор, 1998. 288 с.
22. Платонов О.А. Николай II. Жизнь и царствование. СПб.: Общество святителя Василия Великого, 1999. 506 с.

Для цитирования: Князев М.А. Сожжены или сокрыты? Судьба останков Николая II и его семьи в зеркале слухов: к постановке проблемы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 132–141.

© Князев М.А., 2021

УДК 94(470)

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ АРМИИ А.В. КОЛЧАКА В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

Владимир Леонидович Кожевин [1]

[1] Омский государственный университет, Омск, Россия

[1] ww_kozhevin@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5352–1479

Аннотация: В статье в источниковедческом ракурсе рассматривается отражение причин краха армии А.В. Колчака в дневниках и воспоминаниях «белых» генералов участников – участников Гражданской войны на востоке России. Автор анализирует комплекс мотивов и исторических условий, определявших особенности содержания соответствующих текстов, анализирует зависимость позиций мемуаристов от личностных характеристик, статуса и специфики деятельности того или иного персонажа. Автор приходит к выводу о том,

что, несмотря на некоторую схожесть выводов у ряда авторов, каждый из исследуемых источников личного происхождения по-своему уникален и заслуживает тщательного изучения.

Ключевые слова: Гражданская война, А.В. Колчак, белое движение, белая армия, генералитет, белогвардейцы, большевики, мемуары, дневники, эго-документы.

Постановка проблемы. Рефлексия участников антибольшевистского движения по поводу краха «белых» армий на востоке России, в особенности генералов, непосредственно вовлеченных в процессы жизнедеятельности вооруженных сил, а также хорошо осведомленных о политической «кухне» Омского правительства, представляет особый интерес в контексте понимания характера установок и взглядов верхов армии А.В. Колчака относительно особенностей военно-политического противостояния «белых» и «красных» в зауральских регионах страны. Кроме того, в целом материалы воспоминаний и дневников генералитета, так или иначе ответственного за гибель Белого дела, позволяют выявить основные черты идейной оснастки, оценить «человеческий потенциал» военного крыла антибольшевистского движения.

Историография данной проблемы отражает общую нацеленность исследователей на то, чтобы более или менее полно охарактеризовать комплекс взглядов участников Белого движения, включая генералитет, на разнообразные причины поражения армий А.В. Колчака и всех антибольшевистских сил в противостоянии с Советской Россией, проанализировать логику аргументации авторов, пытавшихся разобраться в сути проблемы [1-4]. Однако, психологическая подоплека рассуждений генералов, связанная с конкретной ролью того или иного персонажа в драме Белого движения на востоке России, а также иерархия и взаимосвязь факторов, на которые обращали внимание мемуаристы из антибольшевистского лагеря, чаще всего оставались за рамками внимания исследователей. В данном контексте локальный аспект изучения документов, относящихся к проблеме поражения антибольшевистских сил в Гражданской войне, по-прежнему остается актуальным.

Основная часть. Необходимо отметить, что объем и содержание текстов белогвардейских генералов в зависимости от жанра и целей, которые ставились в той или иной работе, существенно разнятся. Так в дневниковых записях причины поражения армии А.В. Колчака запечатлены довольно отрывочно, суждения, относящиеся к данной проблеме, скорее представляют некую мозаичную картину и усложняют целостное восприятие позиции автора. Это в значительной степени объясняется жанровыми особенностями источника, но не только. Акцентированная и системная критика, в которую с неизбежностью должен

был облечься авторский анализ, могла быть сочтена за отсутствие беспристрастности, либо вызвать подозрение читателя в существенной переделке текста дневника по прошествию времени.

Например, бывший верховный главнокомандующий войсками Директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, потерявший свой пост в результате переворота 18 ноября 1918 г. и постоянно сохранявший неприязненное отношение к установившейся власти, в то же время заявлял, что его книга «чужда предвзятой хулы или восторга» [5, С. 21]. Возможно, сыграло определенную роль и то обстоятельство, что лишь недавно освобожденный из заключения, находясь в СССР, автор не решался помещать, либо сохранять в тексте предстоящей публикации (1925 г.) фрагменты, которые при случае могли быть истолкованы не в его пользу. В итоге на страницах дневника В.Г. Болдырева мы встречаем только разрозненные замечания по поводу промахов и ошибок белогвардейской власти в Сибири. Пожалуй, наиболее тяжелым обвинением в ее адрес стала цитата из еще не оконченного письма автора Н.В. Чайковскому, приведенная в записи от 28 октября 1919 г.: «Новой власти … не удалось не только победить большевиков, но даже установить прочных симпатий среди населения» [5, С. 345].

Военный министр Российского правительства, генерал-лейтенант барон А.П. Будберг – свидетель и участник событий Гражданской войны на востоке России хорошо известен своей острой критикой сложившейся при А.В. Колчаке системы военного управления и командования армией. В своем дневнике он с позиций профессионала яростно обвинял в некомпетентности тех, кому досталось «высшее руководство белыми вооруженными силами Сибири» [6, С. 309]. Не приходится сомневаться в искреннем сочувствии А.П. Будберга Верховному правителю А.В. Колчаку, имевшему негодных, по мнению генерала, помощников.

Но автор не снимает с А.В. Колчака личной ответственности за неудачи антибольшевистских сил. «Своего анализа, своего твердого критерия, – писал о Верховном правителе А.П. Будберг, – у него нет, и это делает его беспомощной игрушкой в руках тех, которые приобрели его доверие и овладели его волею» [6, С. 332]. Наконец, важнейшим результатом размышлений генерала о причинах краха «белого» режима на востоке России стала, на наш взгляд, фраза автора из заключительной части дневника, которая помечена 26 – 31 октября 1919 г.: «Власть должна была быть сильной и ею не была; она должна была быть глубокой, т. е. близкой, полезной и нужной населению – этого и в помине не было» [6, С. 329].

Среди трудов мемуарного характера, созданных участниками Белого движения на востоке России можно отыскать и такие, где вопрос о причинах поражения антибольшевистских сил вообще не затрагивается. Такова автобиография генерал-майора М.М. Иванова (как он сам определил жанр своего труда),

фактически представляющая воспоминания, доведенные до 1914 г., и продолжающий их дневник, заканчивающийся ноябрем 1919 г. [7]. Последний содержит краткие поденные записи с описанием служебных дел, быта и развлечений автора. Этот труд не предназначался для публикации, а только для прочтения еще малолетней на момент создания документа дочери М.М. Иванова. Судя по тексту работы, генерал не интересовался политикой. Он не принадлежал к высшим кругам белогвардейского военного руководства, проведя годы Гражданской войны на тыловых должностях на Дальнем Востоке. Очевидно, этими обстоятельствами и объясняется отсутствие в содержании труда (что скорее исключение из общего правила) следов каких-либо размышлений о неудачах Белого движения.

Крайне скупыми в этом отношении являются мемуары генерал-майора К.И. Гоппера (Карлиса Гоппера) [8]. Занимавший при Директории пост главного коменданта Ставки после переворота 18 ноября 1918 г. генерал некоторое время оставался не у дел, затем оказался на фронте и вернулся в Омск лишь накануне эвакуации города. К.И. Гоппер не поделился с читателем какими-либо широкими обобщениями, но отдельные фрагменты его мемуаров, например, описания нравов и поведения некоторых должностных лиц (интриги, коррупция), упоминание, полученной им информации об отсутствии у А.В. Колчака представлений о реальной обстановке на фронте и в тылу, свидетельствуют о том, что главный источник поражения «белых» К.И. Гоппер скорее всего усматривал во внутренних изъянах режима.

В отличии от большинства белогвардейских мемуаристов генерал-лейтенант Г.И. Клерже в своих воспоминаниях среди важных факторов, обусловивших успехи большевиков в противостоянии со своими противниками называет успешное строительство и преобразование Красной армии «на европейских началах», высокие темпы роста ее численности и эффективную роль партийного руководства в налаживании дисциплины и консолидации усилий войск Советской России [9, С. 301]. В отношении критики организации и ошибок командования «белой» армии Г.И. Клерже не оригинален. Но вот личность и усилия адмирала А.В. Колчака вызвали у мемуариста только искреннее одобрение. «Можно одно лишь сказать, – подчеркивал Г.И. Клерже, – что единственно стоявшим на высоте был Колчак. Я не знаю человека, видавшего его и не проникнувшегося к нему безграничным уважением, преклонением к его рыцарской личности» [10, С. 339].

Генерал-майор Генерального штаба П.П. Петров, прошедший в годы Гражданской войны трудный путь от берегов Волги до Тихого океана, подытоживая результаты «белой» борьбы на востоке России пришел к выводам, перекликавшимся с мнениями ряда других мемуаристов. В частности, он подчеркивал, что решающим в отношении исхода противостояния с большевиками стал

1919 год, когда одновременно ситуацию определяла совокупность взаимосвязанных факторов: «Сказалась слабость центра (Омска – В.К.) во всех отношениях, сказалось отсутствие творческих сил, отсутствие твердого управления, отсутствие авторитетности; подняли голову тайные и явные враги. В чисто военном отношении весенние операции не были подчинены руководящей идее… Население, не испытавшее всей прелести коммунистического хозяйства и в то же время местами взбаламученное действиями «белых» – типа атаманов, сочувствует скорее красным, чем белым» [11, С. 257].

Воспоминания генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, занимавшего в 1919 г. посты командующего Западной (3-й) армией и главнокомандующего Восточным фронтом «Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.)», впервые увидели свет в Мюнхене в 1923 г. и привлекли пристальное внимание как русской эмиграции, так и советских историков. Одной из причин этого повышенного интереса являлось то, что книга К.В. Сахарова почти целиком была посвящена животрепещущей для многих проблеме поражения армии адмирала А.В. Колчака. Как и принято в работах мемуарного характера, изложение материала осуществлялось в хронологическом порядке. Однако именно такой подход позволял автору избежать определения иерархии факторов, приведших к краху «белого лагеря. Среди важных причин неудач антибольшевистских сил К.В. Сахаров выделил унаследованную от Директории традицию строить масштабный и раздутый аппарат министерств и ведомств. «Люди, которые пришли к Верховному Правителю и получили его доверие и полномочие, – писал автор, – принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно неработоспособную машину» [12, С. 178].

Другой серьезной причиной поражения белогвардейцев, по мнению генерала, была подрывная работа социалистов-революционеров, организовавших восстания в тылу армии А.В. Колчака. Досталось от мемуариста и чехословакам, и союзникам по Антанте. Ко всему добавились и транспортные проблемы, нехватка продуктов и даже погода, которая играла на руку большевикам. В отличии от других авторов воспоминаний К.В. Сахаров не счел нужным в качестве важного фактора, повлиявшего на исход борьбы на востоке России, указать на ошибки высшего командования «белых». Это и неудивительно. Ведь в таком случае автору пришлось критиковать самого себя. Между тем он, как мог, выдвигал оправдания своей деятельности, не забывая и о похвалах начальнику штаба ставки Верховного главнокомандующего генералу Д.А. Лебедеву, с которым тесно сотрудничал. Впрочем, о допущенных ошибках позднее довольно аргументированно высказался другой генерал – М.А. Иностранцев, посвятивший специальную работу критике книги К.В. Сахарова [13].

Результаты исследования. В задачу нашего исследования не входит верификация выводов «белых» генералов – авторов мемуарных трудов. Поэтому

в заключение отметим лишь тот факт, что представления о причинах поражения белогвардейцев на востоке России, получившие отражение в их воспоминаниях и дневниках, в целом довольно схожи и охватывают самые разные аспекты и сферы вооруженного противостояния белогвардейцев и большевиков. Как всегда в источниках личного происхождения мы найдем и попытки самооправдания, и критику действий тех, кто выступал в качестве соперника и конкурента в рамках одного военно-политического лагеря. Реже мы встретим признание достоинств своего врага. Но в любом случае авторская позиция участников и современников событий во многом носила отпечаток личности, зависела от статуса и характера деятельности того или иного персонажа, времени и обстоятельств создания текстов. В итоге каждое из дошедших до нас свидетельств, подобных тем, что стали предметом данной работы, отличается своей неповторимостью и заслуживает тщательного изучения.

Список источников и литературы:

1. Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М.: Русский Мир» 1998. 320 с.

2. Домнин И.В. Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М.: Военный университет, «Русский путь», 1999. С. 458–538.

3. Зимина Д.В. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917 – 1920 гг. М.: РГГУ, 2006. 467 с.

4. Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск: ТГУ, 1991. 133 с.

5. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. М.: Центрполиграф, 2017. 735 с.

6. Будберг А.П. Дневник (окончание) // Архив русской революции: В 22 т. Т. 15-16 (репринт). М.: «Терра», 1993. 293 с.

7. Иванов М.М. Воспоминания генерала Российской армии: 1861–1919. М.: Кучково поле, 2016. 448 с.

8. Гоппер К. Начало и конец Колчака // Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М.: АСТ: Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. С. 129–174.

9. Клерже Г.И. Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 262–325.

10. Клерже Г.И. Записки белогвардейца // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 325–354.

11. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М.: Айрис-пресс, 2011. 544 с.

12. Сахаров К. Белая Сибирь // Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М.: АСТ: Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. С. 175–230.

13. Иностранцев М.А. История, истина и тенденция. По поводу книги генерал-лейтенанта К.В. Сахарова «Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.)» // Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. М.: Кучково поле; Издательский центр «Воевода», 2017. С. 871–907.

Для цитирования: Кожевин В.Л. Причины поражения армии А.В. Колчака в дневниках и воспоминаниях белогвардейских генералов // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 141–147.

© Кожевин В.И., 2021

УДК 070.15

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧАПАЕВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Владислав Геннадьевич Кокоулин [1, 2]

[1] Научно-исторический журнал «Сибирский Архив», Новосибирск, Россия
[2] Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия

[1, 2] kwladislaw@yandex.ru, SPIN-код: 3666-8595

Аннотация: В статье рассматривается трансформация образа легендарного военного, участника Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева в исторической памяти постсоветской России. Выявлены факторы, формировавшие историческую память о нём в советский и постсоветский периоды. Делается вывод о том, что, несмотря на попытки переформатировать образ красного командира, он остаётся главным положительным героем Гражданской войны в массовом историческом сознании.

Ключевые слова: Гражданская война в России, РККА, В.И. Чапаев, историческая память, коммеморации, исторические мифы, массовое сознание, массовая культура, имагология.

Постановка проблемы. В настоящее время ведутся активные исследования по изучению проблем Гражданской войны в публичном пространстве, неизбежно связанной с её мифологизацией, мемориализацией и коммеморативными практиками [см., напр.: 1; 3; 4; 5].

Гражданская война в России сразу же после её окончания приобрела ярко выраженное мифологическое измерение. Она стала трактоваться как героическая борьба рабочих и крестьян (РККА и партизан) под руководством коммунистической партии против интервентов и белогвардейцев и их приспешников – меньшевиков, эсеров, а также анархистов. В 1930-е гг. из числа «красных» постепенно исключались те, кто попал под каток репрессий. В итоге в числе «героев» остались Ленин и Сталин в качестве главных руководителей РККА, а также Будённый, Ворошилов, умерший в 1925 г. Фрунзе и «народные герои» – Чапаев, Щорс, Котовский, Лазо. Главные белогвардейцы оставались без изменений весь советский период – Корнилов, Краснов, Алексеев, Деникин, Колчак, Юденич, Врангель, атаманы Дутов и Семёнов, барон Унгерн.

Но, закончившись в начале 1920-х гг., Гражданская война вновь оживилась в мифологическом и символическом пространстве в период Перестройки. В эти годы наряду с активной публикацией мемуаров и документов белых произошло переформатирование фундаментального мифа, который лежал в основе политики исторической памяти в советский период – «процветающий советский народ» превратился в «страдающий советский народ». Соответственно, Гражданская война из героического и почти эпического события трансформировалась в событие трагического характера.

Главные белогвардейцы по-прежнему оставались в том же составе, что и в советский период. Но в мифологическом пространстве белых в силу разных причин стал символизировать адмирал Колчак. А противостоять ему со стороны красных в мифологическом пространстве стал Василий Иванович Чапаев. Характерно, что в Саратовском областном музее краеведения на стенде, посвящённом главным участникам Гражданской войны, размещены именно эти две персоналии. Любопытно также отметить, что именно В.И. Чапаев является олицетворением красных у руководителя современного российского государства. Статуэтку с изображением Чапаева на коне президент В.В. Путин подарил на 70-летие многолетнему лидеру КПРФ Г.А. Зюганову.

Попробуем выяснить причины, по которым В.И. Чапаев стал главным красным в мифологическом пространстве постсоветской России, а также характерные черты его мифологического образа и механизмы формирования этих черт.

Основная часть. В советское время популярность В.И. Чапаеву обеспечивали несколько факторов. Во-первых, известная книга Д.И. Фурманова, посвящённая Чапаеву.

Во-вторых, художественный кинофильм «Чапаев», снятый по этому роману Георгием и Сергеем Васильевыми и вышедший в прокат в 1934 г. [2]. Хотя этот фильм впоследствии неоднократно критиковали за его ярко выраженный пропагандистский характер, но зрителям он нравился за интересный динамичный сюжет, прекрасную игру актёров, а многие реплики (хотя трудно сказать в соответствии с замыслом авторов сценария и режиссёров, или вопреки им) вроде «Белые придут – грабят, красные придут – грабят. Куда бедному крестьянину податься?» настолько мощно вскрывали глубинные пласты представлений о Гражданской войне в массовом сознании советского времени, что они становились, по сути, теми концептами, которые противостояли официальной трактовке этого события.

В-третьих, присутствие Чапаева в публичном пространстве СССР. Его именем были названы города, десятки небольших населённых пунктов в Саратовской, Самарской и Оренбургской областях, реки, улицы многих городов. Ему ставились памятники в Самаре (в 1932 г.), Ленинграде (в 1933 г.), в Пугачёве (в 1957 г.), Чебоксарах (1960 г.). Его именем называли боевые и пассажирские корабли, 25-я стрелковая дивизия, участвовавшая в обороне Одессы и Севастополя, интернациональный батальон в Испании, партизанские отряды в годы Великой Отечественной войны.

В-четвёртых, его сподвижники и потомки активно участвовали в формировании не только музейных экспозиций в разных музеях Поволжья и Приуралья, но и образа Чапаева в документальных передачах, публицистике и книгах, посвящённых легендарному комдиву. Его внучка Татьяна и правнучка Евгения в своих публикациях дополнили военную биографию Чапаева бытовыми подробностями и деталями, что вызывало ещё большие симпатии к его образу.

В-пятых, у Чапаева появилось и фольклорное измерение – вместе со своими сподвижниками – Петькой и Анкой-пулемётчицей он был героем бесчисленных анекдотов и подростковых игр «в Чапаева» (весьма популярных наряду с играми «в индейцев»). В анекдотах Чапаев изображался хотя и немного простоватым, но храбрым и неординарным выходцем из простого народа, а его «смешные черты» придавали ему человеческий облик, чем опять же вызывали к нему симпатии. Следует отметить и то, что наряду с реальными чертами и событиями, в анекдотах Чапаев наделялся вымышленными чертами и оказывался героем событий, в которых реальный Чапаев никогда не участвовал.

В постсоветское время официальная политика исторической памяти не решилась ликвидировать память о Чапаеве в публичном пространстве России, как это произошло, например, с памятниками Чапаеву на Волыни (Украина) или в Гродно (Беларусь). По-прежнему работают музеи советского времени, посвящённые Чапаеву, сохраняются памятники Чапаеву, чапаевская топонимика также сохраняется практически в неизменном виде. Вместо ликвидации па-

мяти официальная и либеральная политика исторической памяти прибегает к её деформированию.

Следует напомнить, что в белогвардейской мемуаристике (воспоминаниях атамана Уральского войска В.С. Толстова, уральского казака Л.Л. Масянова и т.д.) чапаевцы изображаются в виде «красной банды» садистов, мучителей и палачей уральского казачества и простого населения территории Уральского казачьего войска. Эта литература, практически не известная в советское время, получила широкое распространение в 1990-е гг., «работая» на переформатирование памяти о Гражданской войне из героического события российской истории в трагическое.

Это сказывается и на трактовке событий Гражданской войны в некоторых музейных экспозициях. Яркий пример – экспозиции о Чапаеве и Фрунзе в доме-музее М.В. Фрунзе в Самаре. Параллельно с Фрунзе и Чапаевым главным героем Гражданской войны становится адмирал Колчак. Так, рассказывая об участии Фрунзе в событиях начала XX в., в экспозиции оказывается фотография Колчака в костюме полярника и подписью «Александр Васильевич Колчак участник полярной экспедиции барона Толя. 1903 г.» (написание подлинника. – *В.К.*). В данном контексте не так существенно, что фамилия Эдуарда Васильевича была Толль, а Колчак был направлен для поисков его пропавшей экспедиции. А следом идёт фотография Колчака с подписью «Александр Васильевич Колчак – адмирал, командир минной дивизии Балтийского флота. 1915–1916 гг.». Оставим без комментариев тот факт, что адмиралом в это время Колчак не был. Следом идёт рассказ об участии Фрунзе в революционных событиях 1917 г. и тут же размещаются две фотографии «Революционный Черноморский флот. 1917» и «А.В. Колчак – вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. 1917 г.». В этом же контексте появляется и фотография «Василий Иванович Чапаев (1887–1919) унтер-офицер кавалерии». Гражданская война трактуется именно как трагедия. Так, рядом размещаются фотографии «Похороны чехов, погибших во время мятежа. 1918 г.» и «Расстрел членов Александро-Гайского Совета казаками атамана Дутова. 1918 г.».

В мае 2012 г. в городе Пугачёве Саратовской области (где расположен мемориальный дом-музей В.И. Чапаева и установлен памятник скульптора П. Баландина «Чапаев на коне», перевезённый из павильона «Поволжье» на ВДНХ к 40-летней годовщине Октябрьской революции) был установлен памятный знак чехословацким легионерам на месте их так и не обнаруженного захоронения. В октябре 2020 г. в селе Красное Оренбургской области был установлен памятник уральскому казаку Тимофею Сладкову, под командованием которого в 1919 г. казаками был разгромлен штаб 25-й стрелковой дивизии и убит её командир В.И. Чапаев. Характерно, что памятник был установлен на улице Чапаева.

Можно привести и другие подобные примеры, но пока в публичном пространстве эти памятники не играют особой роли в силу того, что они не входят ни в число достопримечательностей, которые необходимо посетить туристам, ни в места, куда водят школьников.

В 2012–2013 гг. на экраны российских кинотеатров вышел художественный фильм «Страсти по Чапаю» режиссёра Сергея Щербина. Отметим, что сценаристом этого фильма был Эдуард Володарский, создатель скандального сериала «Штрафбат». Фильм, очевидно, задумывался как антипод «Чапаеву» 1934 г. Достаточно сравнить образ Д. Фурманова в фильмах. В фильме 1934 г. Фурманов поднимал авторитет Чапаева, в сериале 2012–2013 гг. Фурманов пишет доносы на Чапаева, стреляет ему в спину (правда, промахивается). Известная сцена с картошкой, при помощи которой Чапаев в фильме 1934 г. объяснял действия командира в различных ситуациях боя, теперь полностью переворачивается. Чапаев демонстративно сбрасывает широким движением руки разложенную кем-то картошку с карты и громко возмущается: «Сколько раз говорил, не кладите картошку на карту боевых действий».

В этом сериале сошлись несколько мифов постсоветской России. Один из них – «Россия, которую мы потеряли». В 1-й серии показана царская Россия – зажиточная и благолепная во главе с царём-батюшкой и сытым счастливым народом, который мирно живёт и честно трудится, добротно одевается и сытно кушает. Другой миф – о глубокой и основательной религиозности российского населения до революции. Герои фильма постоянно крестятся, вся 1-я серия посвящена строительству церкви, показан священник с мудрым смиренным взором и соответствующими рассуждениями. Зато убийство священника красными показано, как отвратительная сцена. Молодой Чапаев не только строит церковь, но и совершает первый поступок – устанавливает крест на купол церкви, рискуя при этом жизнью. С купола он в итоге срывается, но благополучно оказывается в телеге с сеном, которое смягчает удар. Когда уже в ходе революции его брат – председатель Совета – сообщает, что церковь он сжёг, то Чапаев бьёт его, а затем отправляется в церковь, где находит икону, креститься и возмущается, зачем же сожгли храм. В ответ брат пишет донос в политотдел на Чапаева, что тот «контра» и верует в Бога.

Красноармейцы в сериале – постоянно напиваются до безобразия и скотского состояния. Гнусным персонажем показан и «демон революции» – Л.Д. Троцкий, который буквально измывается над боевым командиром дивизии, выплёвывая ему шелуху семечек на начищенные до блеска сапоги и вообще позволяет себе оскорблять боевого командира, который в ответ на приказ о сдаче командования начинает причитать, что об него «ноги вытерли», потому что он «академиев не кончал». Дополняет картину красных неизменный чекист – сексуально озабоченный, умеющий только расстреливать и бить попавших

в его кровавые лапы. Характерно, что и белые изображаются в том же ключе. Звероподобные казаки символизируют белую армию. Хотя и в ней попадаются «благородные» офицеры, но они – большая редкость.

Сериал антисоветский, что в наше время не удивительно. Но в такой трактовке Гражданской войне не оказалось ни победителей, ни побеждённых, ни смысла. Любопытно отметить ещё один момент – трактовку образа Анки-пулемётчицы. Это был полностью вымышленный мифологичный персонаж в фильме «Чапаев» 1934 г. За роль прообраза спорили жена Фурманова Анна Стешенко и санитарка Мария Попова. Мифологичная героиня «Чапаева» 1934 г. прибыла с комиссаром Фурмановым в дивизию в составе отряда иваново-вознесенских ткачей, смело проявив себя. Ординарец Чапаева Пётр Исаев обучил её стрелять из пулемёта и в итоге у них возник роман. Кстати, любовный треугольник Чапаев, Петька и Анка был частым сюжетом советских анекдотов. В сериале «Страсти по Чапаю» Анка становится Анной Стешенко – женой комиссара Фурманова и у неё возникает любовная связь не с Петькой, а с самим Чапаевым, из-за чего Фурманов от ревности и стреляет Чапаеву в спину. Отметим, что мифологичный Чапаев данного сериала копирует реального адмирала Колчака, который завёл любовную связь с женой своего подчинённого капитана 1-го ранга (впоследствии контр-адмирала) Сергея Тимирёва. Таким образом, в мифологической картине данного сериала красный Чапаев оказывается зеркальным отражением белого Колчака, а белые казаки – чапаевских бойцов.

Несмотря на попытки переформатировать образ Чапаева в постсоветской России, он так и остался народным героем, который боролся за справедливость. Сыграло роль и то, что реальный Чапаев не сразу стал коммунистом, а долгие годы колебался между разными партиями. А став коммунистом – не был фанатиком. А его мифологические слабости (любовь к выпивке и женщинам) только добавляют ему популярности у современных россиян.

Результаты исследования. Несмотря на попытки переформатировать образ Чапаева, он по-прежнему остаётся одним из главных положительных героев в массовом сознании современных россиян. Этому способствует несколько факторов. Во-первых, нарастающая ностальгия по советскому прошлому в современной России.

Во-вторых, Чапаев остаётся в публичном пространстве – сохранилась практически вся советская топонимика, связанная с его именем. Работают музеи Чапаева (помимо упоминавшихся выше музеев в Саратове, Пугачёве и Самаре) действуют музеи в Чебоксарах, Балаково, Белебее и Красном Яре. На зданиях, связанных с Чапаевым и его дивизией, сохраняются установленные в советские времена памятные доски. Например, в Уфе на здании, известном как особняк купца П.И. Костерина, установлена памятная доска на башкирском

и русском языках «В этом здании с 9 по 25 июня 1919 года помещался политотдел 25-й стрелковой дивизии во главе с комиссаром Д.А. Фурмановым». Об этом событии написано во многих путеводителях по Уфе. Однако только специалистам известно, что до этого в этом же здании помещался штаб М.В. Ханжина – командующего Западной отдельной армией в составе Восточного фронта Русской армии адмирала Колчака.

В-третьих, имя Чапаева используется в маркетинговых стратегиях. Так, один из сортов томатов называется «Чапай», на упаковке которого написано, что это сорт – «для новичков и профи, несложный и урожайный, плоды которого славятся отменным вкусом и универсальностью». Использование фамилии Чапаева для популяризации томатов способствует его известности у садоводов, которые «Чапая» садят, выращивают и с удовольствием кушают.

В итоге попыткам официальной и либеральной политики исторической памяти так и не удалось трансформировать образ легендарного красного командира периода Гражданской войны.

Список источников и литературы:

1. Вибе П.П. Мифологизация публичной истории Гражданской войны в Сибири // Два цвета – две правды? Мат–лы круглого стола в ООМИИ им. М.А. Врубеля. Омск, 2020. С. 13–22.

2. Леготина Н.А. Отражение исторического материала в художественном кино, или «Чапаев» и «Адмирал»: смена эпох – смена героев // Время культуры в региональном пространстве. Курган, 2010. С. 122–126.

3. Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 4. С. 38–49.

4. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.

5.Стельмак М.М. Омские архивисты – к знаковым датам военной истории России // Сибирский архив. 2020. №4. С 100–123.

Для цитирования: Кокоулин В.Г. Василий Иванович Чапаев в исторической памяти в современной России // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 147–153.

© Кокоулин В.Г., 2021

УДК 94(47) 084.3(571)

СТРАНЫ АНТАНТЫ И США В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 ГГ.): ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

Кирилл Александрович Конев [1]

[1] Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия

[1] kk.tsu@yandex.ru, SPIN-код: 3508-3819

Аннотация: В работе выявляются идеологические и тематические контексты формирования образа врага в лице иностранных интервентов в содержании советской печатной пропаганды и наглядной агитации в период с января 1918 г. по январь 1920 г. В качестве предмета исследования выступает образ Антанты (Великобритания, Франция, Япония) и США, осуществлявших интервенцию в Россию в данный период. Автор приходит к выводу о том, что оптика классового подхода позволяла большевикам осуществлять презентацию образа враждебного «Другого» в лице «бывших союзников» как многомерной сущности, характерные особенности которой проявлялись в зависимости от контекстов, к которым следует отнести поддержку антибольшевистских сил и правительств, военные операции и экономическую экспансии.

Ключевые слова: Антанта, Великобритания, Япония, Франция, США, Советское правительство, пропаганда, пресса, плакат, образ врага, имагология.

Постановка проблемы. Участие России в мировой войне стало одной из причин революционных потрясений 1917 г. Военный фактор, влияя на ход революции, подталкивал страну к расколу и внутреннему конфликту, в результате чего неизбежным становилось вмешательство внешних сил в русскую смуту. Страны германской коалиции и Антанта, участвуя в Гражданской войне в России, оказывали влияние на мотивы, действия и воззрения ее участников. Анализ образов интервентов, являвшихся для участников Гражданской войны враждебным или дружественным «Другим», представляется актуальным, поскольку позволяет выявить и изучить ключевые идеологемы, на которые опирались красные и белые, а также в некоторой степени реконструировать их идентичность.

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к анализу формирования образов врагов и союзников в советской пропаганде,

используя для своих реконструкций письменные и визуальные источники. В работах А.В. Голубева, О.С. Поршневой, Е.С. Сенявской рассматриваются особенности формирования образа иностранных союзников и противников в контексте мировых войн. Интерес представляют результаты изучения визуальных образов внешнего мира, представленные в исследованиях В.Б. Корецкого, Г.А. Демосфеновой, Н.И. Бабуриной, К. Вашика, сочетавших искусствоведческий анализ образов и символов с реконструкцией контекста и условий создания пропагандистской продукции. Специалисты, занимающиеся изучением особенностей формирования образов «Других» (как союзников, так и врагов) в советской пропаганде, в большей степени обращаются периоду 1920–1930-х гг., Великой Отечественной войне и эпохе Холодной войны. Период Гражданской войны в этом смысле изучен в меньшей степени. Слабо исследованными остаются особенности работы большевистской пропаганды на локальном уровне.

Цель данной работы – выявление идеологических и сюжетных контекстов формирования образа врага в лице иностранных интервентов в содержании советской печатной пропаганды и наглядной агитации в период с января 1918 г. по январь 1920 г. В качестве предмета исследования выступает образ Антанты (Великобритания, Франция, Япония) и США, осуществлявших вооруженную интервенцию в Россию в данный период. В качестве источников использованы большевистские периодические издания, выпускавшиеся в Москве и Петрограде, Поволжье, на Урале и в Сибири. Территориальные рамки исследования, таким образом, ограничиваются в основном востоком России (от Поволжья до Приморья), а также столицами в силу использования центральных газет большевиков. Выбор хронологических и территориальных рамок обусловлен периодом интервенции на востоке России и контекстом боевых действий между Советским правительством и правительствами в Сибири, которые с осени 1918 г. претендовали на всероссийский статус.

Основная часть. Рассматривая внутрироссийские и мировые события через призму классового подхода, большевики переформатировали образы внешнего мира, а также бывших союзников и противников. Внешний мир являлся одновременно источником угроз и позитивных перемен, что зависело от исхода конфликта между «трудящимися» и «эксплуататорами». Угрозу, по мнению большевиков, представляли империалисты всех стран – как Антанты, так и германской коалиции. Существовавшая до революции в государственной пропаганде бинарная оппозиция «свои» (Антанта) – «чужие» (германцы) перестраивалась. Противник переставал быть носителем иной культуры, веры или языка, превращаясь в воплощение пороков капиталистической системы. Новую оппозицию «свои – чужие» иллюстрировал, к примеру, текст Декларации прав народов России. В ней «рабочие и крестьяне народов России», как революци-

онная сила, противопоставлялись «империалистско-аннексионистской буржуазии» [1, С. 40]. В то же время рабочие стран-участниц мировой войны, рассматривались как потенциальный союзник в грядущей борьбе за новый, справедливый порядок. Пролетариат за рубежом воспринимался как сила, способная помочь революционному движению в России, а также как авангард, внесший вклад в его развитие [1, С. 15–16].

Анализ материалов советской периодической печати, листовок и плакатов, позволяет выделить ряд содержательных контекстов, в рамках которых формировался образ враждебного «Другого» в лице бывших союзниц России по мировой войне.

Политическая поддержка антибольшевистских сил и правительств. Прекращение мировой войны не знаменовало собой окончание борьбы, предполагая лишь изменение ее вектора и цели. Призывая рабочих и крестьян к защите социалистического отечества от внешних агрессоров в начале 1918 г., большевики, вместе с тем, говорили о продолжении классовой борьбы, которая, возможно, затянется на годы [2, С. 2]. Внешние и внутренние противники большевиков сливались в единый образ классового врага, главная цель которого – уничтожение власти Советов. В обращении верховного главнокомандующего указывалось на единство контрреволюционных сил: «Американские и французские капиталисты дают деньги на вооружение Калединым. Немецкая буржуазия готова войти в союз с ними, чтобы душить Русскую Революцию» [3, С. 2]. Социалисты также были отнесены к сонму врагов как «прислужники банкиров, капиталистов и помещиков, союзники Каледина, Дутова, холопы американского доллара, убийцы из-за угла…» [4, С. 1]. На фоне заключения Брестского мира в прессе помещались сведения о возможной агрессии Японии на Дальнем Востоке, где в январе 1918 г. появились союзные военные корабли. Русские капиталисты при этом обвинялись в предательстве Сибири с целью добиться власти [5, С. 3].

Советская печать, сообщавшая о выступлениях против власти большевиков весной – летом 1918 г., подчеркивала разнородность контрреволюционных сил, указывая на единство их целей и зависимость от Антанты [6, С. 1]. Высадка войск, которую союзники осуществили на востоке России осенью 1918 г., характеризовалась не только как акт агрессии империалистических держав, но и очередное свидетельство предательства русской буржуазии, одинаково действующей по указке и в интересах иностранцев, как на Севере, так и на Дальнем Востоке [7, С. 2].

Приход к власти правительства А.В. Колчака, по мнению большевиков, являлся закономерным итогом политики умеренных социалистов, принявших поддержку «штыков иностранного империализма» и вместо «учредилки» при-

шедших к «реакции» [8, С. 1]. Неудачи и конфликты в стане белых могли интерпретироваться как отражение противоречий стоявших за их спиной союзников. Так, конфликт Колчака и Семенова, трактовался как отражение соперничества США и Японии [9, С. 1]. Внутреннее положение на территориях, подконтрольных Верховному правителю, рисовалось в самых мрачных красках. В ноте трудящимся союзных стран нарком Г.В. Чичерин указывал – «…бешеный разгул реакции господствует в царстве Колчака, ставленника ваших правителей, в Сибири, где собрались наиболее последовательные и крайние из числа русских монархистов» [10, С. 1]. Таким образом, вина за переживаемое бедствие возлагалась на бывших союзников, на которых большевики призывали обрушиться иностранный пролетариат. Слабость правительства А.В. Колчака не вызывала сомнений у большевистских агитаторов. Падение Омска и стремительное продвижение РККА на восток подкрепляли доводы пропагандистов, отмечавших, что у буржуазии «не было внутренней силы», а иностранной поддержки, от которой зависела судьба белых, оказалось недостаточно – «иноземные штыки зашатались и скоро оказались небоеспособными» [11, С. 1].

Таким образом, в годы Гражданской войны был заложен тезис о полной зависимости антибольшевистских сил и правительств от их иностранных союзников. Впоследствии он стал одним из краеугольных камней в описании событий данного периода в советской историографии. Основанием для этого служили доводы о единстве классовых интересов русской и иностранной буржуазии. Данный тезис также позволял рассматривать «империалистов» как прямых виновников эскалации Гражданской войны в России.

Участие Антанты и США в боевых действиях Гражданской войны. Отрицательный образ врага складывался из новостных публикаций, публицистики и агитационных материалов, сообщавших о боевых операциях, осуществлявшихся чехословаками и интервентами. Формируя образ обманутого капиталистами чехословацкого легиона, большевики подчеркивали, что «…мятеж», превратившийся в открытую войну против Советской власти, является осуществлением плана захвата Сибири и Урала союзным капиталом…» при поддержке антибольшевистских сил [12, С. 3]. Конструирование образа врага подкреплялось сообщениями о терроре чехословаков [13, С. 2], и негативном отношении населения к новоявленным «освободителям». Вместе с тем, легионеры могли позиционироваться как единственная боеспособная сила, способная удержать фронт белогвардейцев.

Появление в Приморье союзных войск осенью 1918 г., помимо очевидных для советского правительства угроз, потенциально вело к возобновлению войны с немцами, что, по мнению большевиков, повлекло бы полное разорение страны и, разумеется, реставрацию монархии [14, С. 1]. Для придания образам

бывших союзников зловещих черт, большевики уделяли внимание изображению методов борьбы, присущих «империалистам». Подчеркивалась беспринципность иностранцев, готовивших покушения, диверсии, взрывы и крушения поездов. «Англо-французские капиталисты» были названы фактическими убийцами Володарского, Урицкого и организаторами покушений на Ленина и Зиновьева [15, С. 1]. Характеризуя войска интервентов на территории России, большевики ситуативно могли указывать на их хорошую оснащенность и дисциплину, для того, чтобы подчеркнуть ответственность и сложность борьбы, и ценность побед РККА [16, С. 1]. Элементами отрицательного образа становились поступавшие в печать сведения о терроре и грабежах, чинимых интервентами в России.

Вместе с тем, в силу слабой вовлеченности британских, французских и американских отрядов в бои на востоке России, советские авторы заостряли внимание на стремлении союзников «душить пролетариат» чужими руками, будь то белые, чехословаки, поляки или колониальные подразделения. Причиной этого называлось желание сохранить свои армии для борьбы с западным революционным пролетариатом, а также стремление уберечь войска от «заражения» большевизмом [17, С. 1]. В этом контексте публикации о братании иностранных солдат с большевиками или случаях неповиновения становились очевидными свидетельствами приближения революции за рубежом, и силе идей большевизма. Сообщая о переговорах американцев и красных партизан в Приморье, омская советская газета использовала данный факт как свидетельство того, что «…идея пролетарской революции, по-видимому, стала проникать и в толщу американской демократии» [18, С. 3].

Контекст войны и боевых действий, позволял формировать яркий и эмоционально заряженный образ врага в лице бывших союзников. Но он продолжал репрезентироваться в логике классового подхода, что позволяло рассматривать солдат противника, как потенциальных товарищей, способных превратиться из орудия уничтожения Советской России в ее уже не бывших, а настоящих союзников и «могильщиков» капитализма. Этот контекст позволял обрисовать и образ «настоящего врага» – банкиров, промышленников и генералов, заинтересованных, по мнению большевиков, в продолжении войны.

Экономическая экспансия и разграбление России. Стремясь обозначить для своих читателей и слушателей причины войны и интервенции, советские пропагандисты и журналисты неизменно касались данного тематического контекста. Сохранение экономических преференций и интересов в России являлось одной из причин стремления союзных держав не допустить победы большевиков, не желавших мириться с прежними порядками. Большевики в многочисленных публикациях подчеркивали, что союзники априори не могут быть бес-

корыстными в оказании своей «помощи» России. «Только путанные головы и безнадежные тупицы могут верить в “бескорыстную любовь” союзной буржуазии к русскому народу: бескорыстно она не даст и веревку, чтобы повесить этот народ и не ней постарается “заработать”», – характеризовали политику держав пензенские большевики [19, С. 1]. Борьба за восток России делала тему экономической экспансии союзников особенно актуальной. Малоосвоенный, но богатейший регион привлекал внимание всех стран, а ослабление России делало возможность потери территорий и ресурсов вполне реальной. С 1918 г. большевистская пресса писала о возможной опасности со стороны Западных стран и Японии. Начало интервенции на востоке страны осенью 1918 г. лишь подтверждало опасения большевиков, писавших о том, что «богатства Сибири и Дальнего Востока давно привлекают аппетиты иностранных толстосумов» [20, С. 2].

Подтверждениями выводов большевистских авторов о «грабительских» целях союзников могли служить любые подходящие сведения, циркулировавшие в прессе. Так, в Симбирске со ссылкой на самарскую прессу в сентябре 1918 г. сообщали о вывозе 800 тыс. пудов сибирского хлеба через Обскую губу в Архангельск для союзных войск [21, С. 2]. Ижевские большевики в декабре того же года писали о скупке японцами предприятий в Восточной Сибири и Приморье [22, С. 4] – теме, всколыхнувшей также и небольшевистскую прессу в этот же период.

При этом советские публицисты неизбежно касались и противоречий между союзниками. Конкуренция держав, в частности, японо-американская борьба за доминирование на Тихом Океане являлась для большевистских публицистов доказательством опасности империализма, ведущего мир к новой войне. Но в то же время большевики признавали – отсутствие согласованной политики в силу противоречий между союзными лидерами, давало советской республике передышку и шансы на победу. Так, накануне интервенции на страницах иркутской советской газеты рассуждения о конкуренции Японии и США подытоживались выводом о том, что политика Америки, придерживающейся принципа «открытых дверей», менее опасна для Сибири, и поможет сдержать захватные устремления японцев, способных отрезать Приморье от России [23, С. 1]. В декабре 1919 г. на фоне разгрома войск Колчака, газета «Беднота», сообщая читателям о соперничестве США и Японии, указывала на заинтересованность японцев в сохранении власти Верховного правителя, для дальнейшего использования России как союзницы в рамках противостояния с американцами [24, С. 3].

Независимо от прогнозов и выводов большевистских авторов неизменным оставался тезис о стремлении империалистов извлечь выгоды из войны в России. Это позволяло перманентно актуализировать отрицательный образ союзников в лице «буржуя», фокусируя при этом внимание аудитории на конечной

цели борьбы с ним – уничтожении несправедливого политического и экономического строя, порождающего угрозы для независимости социалистического отечества и благополучия всего мира.

Результаты исследования. Выделенные и рассмотренные контексты, таким образом, позволяют говорить о многомерности отрицательного образа стран Антанты и США. «Бывшие союзники» проявляли сущность враждебного «Другого», являясь в интерпретации большевиков, и инициаторами войны, и ее непосредственными участниками, и основными ее бенефициарами. Оптика классового подхода позволяла рассматривать и репрезентировать «союзников» двояко. Одновременно они являлись монолитной сущностью, цель которой уничтожение советской власти и возврат России к исходному, дореволюционному состоянию. С другой стороны, образ союзников был дискретен, включая в себя разные роли и проявления в зависимости от обозначенных выше контекстов – «буржуй-империалист», банкир, политик, генерал, солдат-интервент. Созданный образ лег в основу интерпретаций Гражданской войны в более поздние периоды советской эпохи, что отчетливо прослеживается на примере тезиса о подчиненности антибольшевистских политических режимов союзным политикам и дипломатам.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 20–78–00094)

Список источников и литературы:

1. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. XII, 626 с., 1 л. портр.

2. К перспективам 1918 года // Правда (Петроград). 1918. 17/4 янв.

3. Обращение Верховного главнокомандующего // Известия Пермского губернского исполнительного комитета (Пермь). 1918. 22/9 янв.

4. Правда (Петроград). 1918. 19/6 янв.

5. Предатели Сибири // Знамя революции (Томск). 1918. 28 мая.

6. Воззвание // Петроградская правда (Петроград). 1918. 1 июня (19 мая).

7. Иностранные заговорщики // Известия Совета трудящихся Амурской социалистической федеративной республики (Благовещенск). 1918. 22/9 авг.

8. Сибирь – Украина // Ижевская правда (Ижевск). 1918. 25 декабря.

9. Стервятники грызутся. Ижевская правда (Ижевск). 1919. 15 января.

10. Нота трудящихся России // Волжская коммуна (Самара). 1919. 4 мая.

11. 18 ноября 1919 г. // Известия Омского революционного комитета (Омск). 1919. 18 ноября.

12. К выступлению чехословаков // Известия Пермского губернского исполнительного комитета (Пермь). 1918. 22/9 июня.

13. Работа чехословаков // Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов (Симбирск). 1918. 27/14 июня.

14. Между двух станов // Голос Кунгурского Совета рабочих и крестьянских депутатов (Кунгур). 1918. 14 авг.

15. Ко всему цивилизованному миру // Деревенская коммуна (Петроград). 1918. 4 сент.

16. Красный офицер // Волжская коммуна (Самара). 1919. 23 февр.

17. Империалисты решили воспользоваться Польшей // Ижевская правда (Ижевск). 1919. 18 янв.

18. Американцы и в Сибири и советская власть // Известия Омского революционного комитета (Омск). 1919. 20 ноября.

19. Доблестные союзники // Известия Пензенского совета рабочих и крестьянских депутатов (Пенза). 1918. 21 июля.

20. Благовещенск, 13 августа // Известия Совета трудящихся Амурской социалистической федеративной республики (Благовещенск). 1918. 13 авг. / 31 июля.

21. Пуля рабочим, хлеб – английскому империалисту // Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов (Симбирск). 1918. 29 сент.

22. Скупают фабрики япошки, а учредиловцы продают // Ижевская правда (Ижевск). 1918. 5 дек.

23. Сибирь и Америка // Сибирская рабоче-крестьянская газета (Иркутск). 1918. 3 апреля / 21 марта.

24. На Дальнем Востоке // Беднота (Москва). 14 дек.

Для цитирования: Конев К.А. Страны Антанты и США в советской пропаганде периода Гражданской войны (1918–1920 гг.): формирование образа врага // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 154–161.

© Конев К.А., 2021

УДК 908

СУДЬБЫ ЛИДЕРОВ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1921 Г. В ИШИМСКОМ УЕЗДЕ

Игорь Владимирович Курышев [1]

[1] Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал Тюменского государственного университета), Ишим, Россия

[1] i.v.kuryshev@utmn.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2402-3339

Аннотация: Автор рассматривает малоизученные биографические материалы лидеров антикоммунистического повстанческого движения 1921 года в Ишимском уезде. В докладе затрагиваются вопросы, связанные с самоопределением в Гражданской войне, идеологией повстанчества в Ишимском уезде, основными боевыми операциями мятежников под командованием Г.Д. Атаманова, П.С. Шевченко, И.Л. Сикаченко, П.Л. Пужевского против регулярных частей РККА, обстоятельствами их гибели.

Ключевые слова: повстанцы, крестьянское движение, советская власть, Гражданская война, Западносибирское восстание, Ишимский уезд, коммунисты, политические репрессии.

Постановка проблемы. Судьбы вождей повстанческо-партизанского движения в Сибири, вместившие в себя трагические коллизии социальных потрясений 1918–1921 гг., и сегодня остаются малоизученными. Безусловно, фронтовой и социальный опыт Первой мировой войны оказал решающее влияние на формирование важнейших личностных, социально-психологических характеристик народных вожаков антикоммунистического повстанчества, их дальнейшее участие в вооруженной борьбе с политическим режимом большевистского правительства.

По распространенному сегодня мнению, бывшие фронтовики Первой мировой войны подверглись значительной маргинализации, отучились от крестьянского труда, не стали специалистами других профессий, умели только воевать и решать свои проблемы силой [1, С. 85]. Однако данный социальный слой российского общества был неоднороден. Среди бывших фронтовиков выделялись и личности, готовые самоотверженно сражаться за социально-политические идеалы крестьянства, принимать самое деятельное участие в хозяйственно-экономических, социально-культурных преобразованиях пореволюционной деревни [2, С. 14].

Рассмотрение малоизученных биографий таких руководителей повстанческого движения 1921 г. в Ишимском уезде, как Г.Д. Атаманов, П.С. Шевченко, И.Л. Сикаченко, В.Л. Пужевский позволит выявить ряд характерных особенностей повстанческого движения в Ишимском уезде в период Западносибирского восстания 1921 г.

Основная часть. В советский период биографии лидеров антикоммунистического повстанчества практически не изучались, лишь изредка о них упоминали [3, С. 71; 4, С. 194]. Подборки некоторых архивных документов с необходимыми к ним комментариями об участии в повстанческой борьбе Г.Д. Атаманова, П.С. Шевченко, И.Л. Сикаченко, В.Л. Пужевского впервые была опубликованы в сборнике документов В.И. Шишкина [5, С. 593, 660]. Некоторые биографические сведения были введены в научный оборот краеведами [6, С. 46–48]. На основе изучения комплекса исследований и документов попытаемся рассмотреть судьбы этих руководителей повстанческой борьбы.

Атаманов Григорий Данилович (Денисович) родился 29 января 1898 г. в селе Смирновском Ишимского уезда Тобольской губернии, воспитывался родителями. Отец – зажиточный крестьянин, открыл маслодельный завод в селе Смирновском Ишимского уезда; занимался торговлей маслом, жировым товаром, железными изделиями. За пожертвования в пользу церкви Покрова Пресвятой Богородицы в марте 1908 г. получил благодарность от руководства Тобольской епархии. Старшие его братья – Иван, Петр, Владимир Атамановы. Причем, родной брат Иван Данилович был коммунистом и в составе отряда ЧОН сражался в 1921 г. против повстанцев.

В 1916 г. Атаманов был призван на службу в действующую армию, принимал участие в Первой мировой войне; по имеющимся данным, в политических партиях не состоял. О военной службе в годы Гражданской войны до момента возникновения Ишимского антикоммунистического восстания 1921 г. ничего не известно.

С 11 февраля 1921 г. Григорий Атаманов стал командиром 1-го корпуса народно-крестьянской армией Ражевского района Ишимского уезда. В марте 1921 г. штаб главнокомандующего Ишимским фронтом Атаманова производил мобилизацию крестьян в возрасте от 16 до 45 лет. Активную помощь оказывали жители окрестных сел и деревень. Так, женщины шили халаты для лыжных команд, в сельских кузницах изготовлялись пики. Были организованы ружейные мастерские в селах Ражевском, Истошинском, Бердюжском, где чинили шашки, револьверы, пулеметы, винтовки, изготовляли заряды для дробового оружия, трещотки для имитации пулеметных выстрелов и деревянные макеты орудия.

Одним из приказов Атаманов пытался устранить наблюдавшиеся случаи мародерства убитых и раненых красноармейцев, виновных в самосудах и жестокостях привлекать к ответственности и наказывать теми же способами, что

и пострадавших; призывал принимать их по-братски. Несмотря на этот приказ, раненые и больные красноармейцы очень часто подвергались зверствам со стороны повстанцев: им выкалывали глаза, отрезали пальцы, носы и прочие части тела.

Четкая политическая программа у повстанческих формирований под командованием Г.Д. Атаманова отсутствовала. Однако до установления твердой государственной власти провозглашался прежний принцип власти советов, устранялась лишь диктатура.

Вследствие фронтовых неудач, под натиском регулярных красноармейских частей повстанцы заподозрили Г. Атаманова в измене и, согласно постановлению собрания представителей Уктузского, Петуховского, Песьяновского отряда, отрядов Холкина, Плотникова, Глушникова, отстранили от должности, отправив под надзор в Уктузский штаб. Очевидно, Атаманову удалось оправдаться, и в конце февраля он опять вступил в командование повстанческими отрядами. Однако 4 марта 1921 г. На собрании представителей Огнёвского штаба, отрядов Орлова – Губы, прибывших из Налобинской волости, ему было вновь отказано в доверии. Несмотря на это весьма существенное обстоятельство, Григория в третий раз избрали командиром, причем на этот раз он взял гарантию, что все его приказы будут исполняться беспрекословно. Базовые села повстанческих отрядов Атаманова – Локтинское, Окунево.

По рассказам деревенских стариков, Г. Атаманова арестовали в селе Окунево Ишимского уезда. Поздно ночью он вывел за околицу двух запряженных лошадей: решил незаметно скрыться. Но, вероятно, за ним следили, и побег не удался. Атаманова в возрасте 23 года расстреляли в селе Уктузе Ишимского уезда предположительно в марте 1921 г.

Шевченко Петр Семенович родился в бедняцкой крестьянской переселенческой семье. Жил в селе Большой Кусеряк Ишимского уезда. По свидетельству старожилов, называвших его «генералом», отличался физической силой и большим ростом. У П.С. Шевченко было две сестры – Евгения и Елизавета и три брата – Илья, которого убили в самом начале восстания, Василий, потерявшийся еще при белых, и Яков, служивший в Красной Армии, но расстрелянный за какую-то провинность. Сестра Елизавета по прозвищу «Митька-бегунец», переодевшись в мужскую одежду, находилась в повстанческом отряде Шевченко до февраля 1922 г. скрывалась вместе с мятежниками, пока не была схвачена красными. После подавления восстания была арестована, осуждена на 1 год, затем уехала на Дальний Восток, работала на военном заводе, незадолго до своей смерти вернулась на родину в село Большой Кусеряк Аромашевского района.

Инициировал мятеж в Большом Кусеряке 8–9 февраля 1921 г., проведя мобилизацию в свой отряд около 1 тысячи человек. Являлся организатором одно-

го из наиболее крупных повстанческих соединений на севере Ишимского уезда («повстанческий полк Народной армии»), действовавшего в районе сел Кротово, Большой Кусеряк, Ново-Березовка. Пользовался поддержкой местного населения, снабжавшего его продовольствием и снаряжением.

Характеризую идеологию и политические лозунги повстанчества севера Ишимского уезда можно сослаться на обращение повстанцев полка П.С. Шевченко к коммунистам, датированное первой половиной июля 1921 г. В нем, в частности, повстанцы ратовали за свободную, вольную жизнь, «когда не будет ни одного грабителя – коммуниста». Они выдвинули такие лозунги: «Да здравствует бескоммунистическая жизнь! Да здравствует народная армия!» [5, С. 501].

В конце февраля 1921 г. с ликвидацией «голышмановской пробки» советские войска начали наступление на этот район. В упорных ночных боях за Евсино и Аромашево 28 апреля, 1 мая 1921 г. под ударом красноармейских частей мятежники понесли огромные потери (около 700 чел. погибшими и ранеными, 5700 чел. пленными). 1–3 мая 1921 г., преследуя бежавших повстанцев, красные взяли села Овсово, Кротово, Большой Кусеряк и Покровку, завершив разгром основных сил Северо-Ишимского фронта. Однако Шевченко удалось сохранить костяк основных сил и продолжить борьбу с частями 29-й стрелковой дивизии РККА.

Готовясь к зиме, в начале августа 1919 г. отряды П. Шевченко заняли села Кротово, Аромашево, Большое Сорокино и Пинигино Ишимского уезда, захватили красноармейский обоз, провели мобилизацию, которую поддержало большинство населения. Командир 85-й стрелковой бригады Г.А. Бриченков вынужден был создать штаб и выдвинуть 25 августа сводный отряд в угрожаемый район [7, С. 3].

Сводным отрядом командующего советскими войсками Тюменской губернии Г.А. Буриченкова 26 августа 1921 г. большая часть повстанческих сил Шевченко, несмотря на отчаянное сопротивление, была разбита. По одной из версий Петр Шевченко, оборонявшийся на местном острове «Плита», находившимся среди непроходимых болот, был застрелен красными, по другой застрелился сам, не желая отдаться в руки своих противников. По утверждению комбрига Буриченкова, Шевченко был зарублен, и вместе с ним было зарублено 111 бандитов. Чтобы быстрей покончить с остатками бандитизма в северной части Ишимского уезда, по распоряжению местных властей тело самого Шевченко в качестве доказательства его гибели возили по окрестным селениям [7, С. 3].

Разгром группировки Петра Шевченко и его убийство под Балахлеем Ишимского уезда внесли расстройство в ряды повстанческих сил численностью в 500-700 чел., которые разбились на мелкие отряды. Эти отряды, которыми ру-

ководили Юриков, Шарапов, Акимов и Сикаченко, уклоняясь от боев, скрывались в районе Малышенской, Евсинской, Аромашевской, Кротовской, Больше-Сорокинской волостей. Мелкие группы повстанцев на севере Ишимского уезда совершали вылазки против Советской власти вплоть до поздней осени 1922 г., убивали местных коммунистов и советских работников [8, Л. 14об, 82].

Сикаченко Иван Лукьянович (1893–[1921]) – житель села Аромашево той же волости Ишимского уезда; крестьянин-середняк, бывший председатель волисполкома. В период Гражданской войны служил в РККА. По воспоминаниям старожилов, «высокий, стройный, русоволосый и очень отчаянный 28-летний парень». Ушел в повстанческий отряд вместе с Иваном Семеновичем Букариным, который приехал агитировать местных крестьян против коммунистов в село Аромашево.

В конце мая 1921 г. под селом Кротово соединился с отрядом П.С. Шевченко, стал его заместителем. Ведущими политическими лозунгами мятежного крестьянства являлись: «Долой коммунистов!», «Да здравствуют свободные советы без коммунистов!», «Свободная торговля». Повстанческий отряд Сикаченко действовал в Кротовской, Евсинской, Аромашевской волостях Ишимского уезда; принимал участие в боях в Тобольском уезде, в апреле 1921 г., отступая, вынужден был вернуться в Аромашевскую волость; поддерживал связь с отрядом Зломанова, рейдирующего в Ялуторовском уезде Тюменской губернии.

По сводке Тюменской губЧК о состоянии бандитизма в губернии на 22 октября 1921 г., «банда отряда Сикаченко и Зломанова, убитого в перестрелке с коммунистическим отрядом, в количестве 100 вооруженных всадников скрывается в лесах Плетневского района, не проявляя активности. По сведениям, Сикаченко направляется в Ишимский уезд. Между повстанческими отрядами Вараксина и Сикаченко связи не установлено.

Часть крестьян сочувственно относится к бандитам, благодаря срыву продналога, часть – апатично, часть – ищет выхода, выезжая из волостей, объятых бандитизмом» [5, С. 540]. По сведениям Ишимского уездного комитета РКП (б), со слов пяти повстанцев, добровольно сдавшихся в руки Советской власти, в отряде Сикаченко на конец октября 1921 г. насчитывалось 55 человек, из которых – 40 красноармейцев, остальные – крестьяне-убийцы, которые никогда не явятся добровольно [5, С. 541].

Согласно другой сводке Тюменской губЧК от 6 ноября 1921 г., в банде Сикаченко, численностью до 60 чел., находилось 6 красноармейцев, имевших большое влияние и запрещавших распустить Сикаченко свой отряд, который намеревался это сделать, очевидно, понимая бесперспективность дальнейшей борьбы с Советской властью.

2 декабря 1921 г. И.Л. Сикаченко был взят в плен вместе со своей женой, Матреной Никитичной, и денщиком красноармейцами роты 506-го полка во время облавы в лесу около села Малиновка Тобольского уезда, будучи раненным в левую руку [5, С. 563]. По приговору Тюменского губревтрибунала приговорен к расстрелу.

После ареста И.Л. Сикаченко красными командиром его малочисленного отряда стал Николай Семенович Григорьев, по кличке «Махно», бывший командир второго эскадрона. Отряд под командованием Григорьева просуществовал не более двух недель. Мужики с оружием в руках стали уходить из отряда со словами: «Ты нам не командир, раз нет командира, то и мы уходим». Начавшийся голод окончательно выгнал повстанцев из лесов. В январе 1922 г. Григорьева арестовали.

Пужевский Вацлав Леопольдович родился в 1898 г. в Ковенской губернии в семье крестьянина, образование получил дома, занимался хлебопашеством. В феврале 1915 г. был призван в царскую армию, службу проходил в должности старшего писаря 354-го транспорта 71-го обозного батальона (подчиненность и место дислокации неизвестны).

В марте 1918 г. «по освобождению» уехал в Сибирь с тем, чтобы переждать необходимое время и при первой же возможности вернуться на родину, в Польшу. В ноябре 1920 г. зарегистрирован по месту жительства в Ишимском уезде Тюменской губернии, как беженец империалистической войны, подданный Литовской республики. До возникновения крестьянского восстания работал счетоводом Соколовского кооператива Ишимского уезда. Партийно-политическая принадлежность его неизвестна.

11 февраля 1921 г. В.Л. Пужевский был назначен на должность начальника штаба Петропавловского боевого района, 22 февраля 1921 г. стал начальником главного штаба Сибирского фронта под командованием В.А. Родина, после ареста которого, в марте 1921 г., оставлен в этом же штабе на должности адъютанта.

С начала подавления восстания в Ишимском уезде в марте 1921 г. отдельный отряд повстанцев, в составе которого находился и Вацлав Пужевский, отступал с боями на юг, в казахские степи, попытки мобилизовать местное крестьянское население терпели неудачу. В апреле–мае 1921 г. оставшаяся в живых группа повстанцев из 22 чел., в том числе и Пужевский пыталась через степи Казахстана уйти в Монголию, однако была захвачена конным красноармейским разъездом. В. Пужевский был арестован и доставлен в г. Омск, в распоряжение Омской губЧК для следствия.

По постановлению Омской губЧК, был осужден за активное участие в антикоммунистическом повстанческом движении и приговорен к расстрелу. 27 мая 1921 г. приговор приведен в исполнение в Омске; место захоронения не-

известно. Реабилитирован 19 октября 1995 г. заключением Прокуратуры Омской области.

Результаты исследования. Наша работа не претендует на исчерпывающий характер, обозначая применительно к проблеме актуальные биографические сюжеты. В то же время, рассматривая судьбы лидеров антисоветского мятежа 1921 г. в Ишимском уезде Г.Д. Атаманова, П.С. Шевченко, И.Л. Сикаченко, В.Л. Пужевского, отметим важную прослеживающуюся особенность – характерные черты повстанческой идеологии. Таковыми являлись отсутствие четкой политической программы, разрозненность действий, а также деморализующее влияние на повстанцев фронтовых неудач.

Список источников и литературы:

1. Скипина И.В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: Историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. 208 с.

2. От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. ст. и мат–лов / Под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2014. 624 с.

3. Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. 108 с.

4. Бударин М.Е. Чекисты. Омск: Омское книжн. изд-во, 1987. 284 с.

5. За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сб. документов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 744 с.

6. Проскурякова Н.Л. Колючий январь двадцать первого // Коркина слобода. 2006. Вып. 8. С. 46-48.

7. Г. Б-ков. К бандитизму в Ишимском и Ялуторовском уездах // Серп и молот (Ишим). 1921. 8 окт., 18 окт.

8. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учета и использования архивных документов МКУ «УИ и ЗР г. Ишима. Ф. 755. Оп. 1. Д. 2.

Для цитирования: Курышев И.В. Судьбы лидеров повстанческого движения 1921 г. в Ишимском уезде // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 162–168.

© Курышев И.В., 2021

УДК 94(571.122Сургут)"1921" + 908(571.122Сургут)

ПАДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ВЕСНОЙ 1921 ГОДА В ПРИКАЗАХ СУРГУТСКОГО РЕВКОМА

Елена Владимировна Лешукова [1]

[1] Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

[1] leshukova1971@ mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7654-5897

Аннотация: В статье на основании источниковедческого анализа приказов Сургутского военно-революционного комитета (ревкома), отложившихся в фондах архива города Сургута, а также сравнительно-исторического метода изучения версий событий заключительного этапа Гражданской войны на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа, изложенных в современной исторической литературе, представлена уточнённая картина падения советской власти в Сургутском уезде во время Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.

Ключевые слова: Гражданская война, советская власть, Западно-Сибирское крестьянское восстание, Сургут, ревком, делопроизводственная документация.

Постановка проблемы. За время Гражданской войны на удалённых от центра страны периферийных территориях советская власть устанавливалась и свергалась неоднократно по несколько раз. Не избежал этого и Сургутский уезд. Очередное падение советской власти, произошедшее в конце февраля – начале марта 1921 г. в ходе Западно-Сибирского крестьянского восстания, нашло отражение в приказах Сургутского военно-революционного комитета (далее – ревкома), отложившихся в Сургутском городском архиве. Все сохранившиеся документы являются машинописными копиями, заверенными секретарём ревкома Петром Башмаковым. Но некоторые расхождения в оформлении текстов, наличие нескольких одинаковых копий некоторых документов и содержащийся вместе с ними в деле единственный рукописный приказ более позднего времени 6 января 1922 г., также подписанный П.Е. Башмаковым, ставшим уже начальником Сургутского гарнизона, позволяют предположить, что подлинники приказов Сургутского ревкома 1921 г., вероятно, были рукописные и хранились во время восстания у П.Е. Башмакова, сделавшего после его подавления машинописные копии.

С момента получения известия 20 февраля 1921 г. о захвате восставшими противниками советской власти бывшего губернского центра Тобольска и до 9 марта, когда коммунисты и работники советских учреждений покинули Сургут, прошло чуть более двух недель. За это время Сургутский ревком издал 22 приказа, 18 из которых, дошли на нас. Благодаря сохранившимся документам мы имеем возможность уточнить подробности падения советской власти в городе и уезде.

Основная часть. Первые 8 приказов, датированные 20–24 февраля, подписаны уездным военкомом Михаилом Хорохориным, ставшим председателем созданного уездного ревкома. Однако вскоре сургутский военком был назначен «Помглавкомом Всеми Вооруженными Силами Тобсевревкома» и отбыл к месту военных действий с повстанцами. С 26 февраля в должности предуезревкома его сменил Антонин Зырянов. Дальнейшие судьбы этих людей сложилась по-разному. Через две недели Антонин Петрович Зырянов погиб у села Нижне-Вартовское (на левом берегу Оби, в настоящее время деревня Вампугол) [1, С. 59]. Михаил Васильеивич Хорохорин, пережив перипетии борьбы за власть на Тобольском севере, вернулся в Сургут 6 августа 1921 г. После окончания Гражданской войны и демобилизации из рядов РККА в конце 1920-х гг. сделал успешную карьеру на юридическом и научном поприще. Прожил долгую жизнь, став персональным пенсионером союзного значения. Написал многочисленные воспоминания о событиях заключительного этапа Гражданской войны в Тюменской губернии. Но в 1964 г. незадолго до своего 70-летия был исключён из КПСС [2, С. 142].

Как описывает Хорохорин М.В., ночью 20 февраля он «был вызван на почту к телеграфному аппарату» своим коллегой, военкомом Березовского уезда Даниловым В.А. и таким образом, первым из сургутских коммунистов узнал о том, что бывший губернский центр был оставлен советскими работками. Тобольские коммунисты и красноармейцы под руководством председателя уездного исполкома А.Ф. Демьянова отошли на восток вверх по течению Иртыша до села Загвоздино [3, С. 151]. Причём части РККА, «находившиеся в Тобольске, оставили город без сопротивления, в то время когда противник находился еще далеко» [4, Л. 22]. На сторону восставших «перешел батальон Казанского полка с пулёметами, винтовками и другим вооружением. Остальные роты этого полка оказались небоеспособными и были отведены с позиции» [4, Л. 23]. Ссылаясь на председателя Тюменской ГубЧК П.И. Студитова, Хорохорин М.В. уточняет, что «перебежчики сдали неприятелю 500 винтовок, 200 гранат и 6 пулеметов «Максима» и «Шосса»[4, Л. 36]. Таким образом, северные уезды Тюменской губернии оказались изолированы противниками советской власти от губернского центра и регулярных частей РККА и, по сути, предоставлены сами себе.

В трёх отрезанных Тобольским фронтом от юга Тюменской губернии северных уездах местными коммунистами для спасения советской власти, а значит и самих себя, вновь были созданы чрезвычайные органы советской власти – военно-революционные комитеты. В Березове в состав ревкома вошли Сирота А, Данилов В.А., Пензин и Попов, в Обдорске – Протасов-Жизнев А.В., Сосунов П.И., Волков И.П. Обдорский ревком под руководством Протасова-Жизнева 19 февраля 1921 г. провозгласил себя военно-революционным комитетом всего Тобольского Севера – Тобсеввоенревком, подчинившим себе Березовский и Сургутский уездные ревкомы [3, С. 152] и объявившим весь Тобольский север «Красным лагерем» [5, Л. 13].

В Сургуте уездный военно-революционный комитет под председательством военкома Хорохорина М.В. и членов Зырянова А.П., Зорина А.А., Томингаса Т.Г. и Ключарева был сформирован 20 февраля 1921 г. В этот же день приказом № 1 Сургутский ревком ввёл в городе и уезде военное положение. Все советские органы исполнительной власти – уездисполком, волисполкомы и сельсоветы также были переименованы в ревкомы «каковые являются высший орган Советской власти в своих районах», все распоряжения которых объявлялись «обязательными к исполнению в боевом порядке и не подлежащими обсуждению» [5, Л. 1]. Согласно приказу № 2, 20 февраля выезд из города был закрыт «по всем направлениям». Покинуть Сургут «всем гражданам по служебным и не служебным надобностям» можно было только имея пропуск уездревкома, аннулировавшего «все ранее выданные пропуска и наложенные визировки на право выезда» [5, Л. 2]. В следующих приказах № 3 и № 5 от 21 и 22 февраля, население уведомлялось, что «все граждане, оставившие черту города, а по уезду села деревни и юрты в которых проживают, с целью бегства или укрывательства, будут разысканы погоней и без суда расстреляны на местах, как явные враги советской власти, наводящие панику на население» [5, Л. 4, Л. 6]. Помимо запрета покидать места постоянного проживания, ревком также приказал сургутянам в 3-х дневный срок разоружиться, то есть, сдать охотничьи ручья и «огнестрельные припасы» на хранение в военный комиссариат (в городе), волревкомы и сельревкомы (в уезде).

Понимая, что «непопулярные» меры вызовут негативную реакцию у населения, Сургутский ревком с одной стороны, предупреждал, что «всякия контрреволюционныя выступления, кулацкие восстания против Власти Советов и не исполнение распоряжений будут рассматриваться как измена Рабоче-Крестьянскому правительству и караться самым безпощадным образом вплоть до применения высшей меры наказания» [5, Л. 1]. С другой стороны, выражая надежду, «что население Сургутского уезда учтет ценность завоеваний Октябрской революции вполне сознательно отнесется к своим обязанностям граждан рабоче-крестьянского Государства и примет меры к выдаче врагов Советской

власти, чем будет способствовать укреплению пролетарского Государственного аппарата и мирного строительства страны, обеспечивая себе спокойное существование» [5, Л. 3], коммунисты призвали жителей северных уездов: «помочь нашим славным красноармейцам северного Революционного отряда». В связи с чем, согласно приказа № 10, 28 февраля было объявлено «первым днем помощи широких народных масс товарищам красноармейцам», когда «всякий гражданин должен своей лептой оказать внимание Красной Армии: деньгами, одеждой, продуктами и так далее» [5, Л. 13].

Выполняя распоряжение Тобсеввоенревкома, в Сургуте 21 февраля были арестованы заложники, их список приведён в приказе № 3: 1/ Павел Галактионович Клепиков; 2/ Александр Галактионович Клепиков; 3/Андрей Иванович Кондаков; 4/Федор Иванович Голов; 5/Вячеслав Георгиевич Кайдалов; 6/Леонид Андреев Силин; 7/Александр Ефимов Тетюцкий; 8/Иван Иванович Тетюцкий; 9/Николай Дмитриевич Бучельников; 10/Алексей Петрович Дождев; 11/ Чечеткин Иван Павлович [5, Л. 4].

Примеру уездревкома предписывалось последовать всем семи волревкомам Сургутского уезда, которые также должны были «по получении настоящего приказа, немедленно провести таковой в жизнь, осуществив систему заложников из кулацкого политически-неблагонадежного элемента» [5, Л. 4]. Необходимо отметить, что практика заложничества и казни без суда не приветствовалась большевистским руководством Тюменской губернии. Так председатель губчека П.И. Студитов в разосланной на места радиограмме, обращал внимание представителей советской власти, что «к повстанцам следует относиться гуманно. Захваченных главарей не расстреливать, а оставлять до суда...» [3, С. 153]. Однако самопровозглашённым Тобсеввоенревкомом и подчинявшимися ему ревкомами Березовского и Сургутского уездов эти предостережения губернского центра игнорировались.

Первыми в списке заложников Сургутского ревкома значатся двое из 4-х сыновей одного из наиболее успешных торгующих мещан Сургута, выходца из казаков Галактиона Степановича Клепикова. Клепиков Г.С., умерший в 1915 г., торговал галантереей, пушниной, рыбой, бакалеей, изделиями из железа, стали и чугуна и был весомой фигурой в деловых кругах уездного города и за его пределами. В заложники Сургутским ревкомом были взяты старший сын купца Клепикова Александр 1884 г.р. и Павел 1889 г.р. Самый младший из братьев Клепиковых Алексей 1893 г.р., как следует из приказа № 8 от 24 февраля, нарушил запрет Сургутского ревкома и покинул город, он примкнул к восставшим противникам советской власти, служил адъютантом в штабе повстанцев [6, С. 29]. Через несколько дней после бегства Алексея Клепикова его старший брат Клепиков Павел Галактионович вместе с Сосуновым Иваном Ильичем были расстреляны в 6 часов утра 27 февраля «за злоумышленное повреждение те-

леграфного провода между г. Сургутом и селом Самаровским» [5, Л. 15] неизвестными «врагами Рабоче-Кретьянской власти». Хотя, как следует из приказа № 11, порыв телеграфной связи уже был исправлен, за что Сургутским ревкомом «от лица Рабоче-Крестьянской Красной АРМИИ и Советской власти» была объявлена благодарность «Тундринскому Волревкому в лице Председателя, тов. Кошкарова, членов тов. тов. Федулова, Захарова и Молокова и всем товарищам, оказавшим содействие» [5, Л. 14]. Ещё одна благодарность была объявлена ревкомом в приказе № 14 «Юным Красным ОРЛАМ – Членам Сургутского Союза Коммунистической молодёжи, вступившим добровольно в ряды Красноармейских Коммунистических частей Сургутского гарнизона» [5, Л. 17]. Учитывая, что по меньшей мере 20 сургутских комсомольцев погибли весной 1921 г. при взятии уезда повстанцами, вызывает сожаление отсутствие в сохранившемся документе конкретных имён молодых сургутян, смелость и мужество которых вызывает уважение.

Как следует из приказов Сургутского ревкома № 6, 7 и 15, расстрелы заложников с 22 февраля по 1 марта по приказу Тобсеввоенревкома также производились Берёзовским и Самаровским ревкомами, «дабы все негодяи знали, что северные коммунары издают приказы и проводят их в жизнь» и «пусть трепещут душенки наших врагов» [5, Л. 8]. Так 22 февраля в Березово был расстрелян, а затем утоплен Шахов Семён Прокопьевич за то, что неизвестным лицом «в 1 час утра 22 Февраля с/г в Березове было брошенное в ограде, где помещаются красноармейцы провакационное воззвание к возстанию, аресту и расстрелу березовских комендантов следующего содержания: «товарищи, Сарампул занят и вчера была разведка. Вам грозит опасность ежели вы не арестуете своих комендантов и не перебьете, то Вас дня через три возьмут и расстреляют. Тюмень пала. Товарищи настал момент думайте и решайте» [5, Л. 7]. После казни заложника Шахова «за точное беспрекословное выполнение приказа Тобсеввоенревкома Березовский Увоенревком занесен первым на боевую красную доску и ему от имени славных коммунаров Севера приносится благодарность, в частности Предревкому тов. Сироте, Главкому Данилову и всем тов. помогающим выполнить приказ. Об этом будет донесено Совнаркому и Предвоенсовету, тов. Троцкому» [5, Л. 7]. Тем не менее, через несколько дней, 25 февраля «скрылся из села Самарово заложник завед. почтово-телеграф. к-рой Алексеев Константин Константинович» [5, Л. 16], имущество которого было конфисковано, а жена арестована как заложник. В Самарово (ныне Ханты-Мансийск) «за порчу государственных сооружений связей на территории Березов, Самарово и Сургут, за побег заложника из Самаровска» [5, Л. 19] 1 марта были расстреляны 7 заложников, среди них 2 женщины Соскина Анфиса Адександровна и Сипина Ольга Александровна. Таким образом, можно сказать, что среди других северных ревкомов Сургутский ревком отличался относительной «мягкостью».

Из дошедших до нас 18-ти приказах Сургутского ревкома в 7-ми говорится о заложниках. Упоминание в них 19-ти имён конкретных людей позволяет судить о том, что практика заложничества в северных уездах Тюменской губернии широко применялась сторонниками советской власти на заключительном этапе Гражданской войны. Но силовые методы воздействия на население, несмотря на зимнее время, не останавливали самовольные побеги из объявленных на военном положении городов и деревень, а также способствовали пополнению рядов противников советской власти. Так из 9-ти сургутских заложников, взятых 21 февраля вместе с двумя сыновьями купца Клепикова Г.С., 5 – Бучельников Н.Д., Дождев А.П., Кондаков А.И., Силин Л.А., Тетюцкий А.Е. после бегства коммунистов из города вступили в ряды повстанцев и даже вошли в число руководителей восстания [1, С. 259, 263, 269, 270].

В массиве сохранившихся документов Сургутского ревкома особый интерес вызывают приказы № 4, 15 и 16, отражающие специфику борьбы с повстанцами на Тюменском севере. Приказ № 4 от 21 февраля содержит 2 инструкции «По организации летучей почты и дорожной сети» и «Курьерам летучей почты». В условиях значительных расстояний между населёнными пунктами в чрезвычайных обстоятельствах возникновения угрозы для советской власти сургутские коммунисты придавали особое значение регулярности и бесперебойности сообщения. С этой целью на «каждой советской станции при советской квартире устанавливается пост Летучей почты, наряжается двойка курьеров, из членов или кандидатов Р.К.П. /большевиков/», а также две лошади и «два легких экипажа из них одна кошева и одна нарта». [5, Л. 5].

И люди, и животные должны были в течение 24 часов постоянно находиться в состоянии повышенной готовности. «Двойка дежурство чередует между собой по соглашению, но обязуется неотлучно быть в советской квартире одновременно, за исключением случаев выезда со служебным поручением». При этом «дежурный обязывается не спать ни под каким предлогом не оставлять советской квартиры, находится одетым и исправным к выезду». Лошадей также следовало «держать на дворе Советской квартиры, покрытыми попонами или рогожами при чем одна должна быть впряжена в полной исправности, а вторая одетая в хомут и привязана к экипажу, экипажи и упряжь надлежит держать в полной исправности. В обоих случаях лошадям разрешается давать корму, но отнюдь не уводить на водопой, а напаивать у экипажей». Ямщики обязаны были также «не отлучно находится в советской квартире, при чем владельцы дежурных впряженных лошадей должны быть одетыми и не под каким предлогом не отлучаться, а также и не спать, ежеминутно наблюдая за исправностью лошадей и экипажей» [5, Л. 5], то есть, быть готовыми буквально сорваться в путь в любое время дня или ночи.

Требование всегда быть «на чеку» и для людей, и для животных было утомительно и не помогло сохранению советской власти в Сургутском уезде, как и создание на севере Тюменской губернии медицинско-санитарного обеспечения советских защитников. С этой целью согласно приказа № 15 от 1 марта необходимо было «весь женский персонал из состава отрядов особых назначений изъять назначить их на санитарные должности как на фронте, так в тылу разъясняя тов. тов. женщинам, что ихняя работа в санитарных отрядах также незаменима» и в «свободные от занятий часы производить с ними занятия при санотрядах, подготовляя их на должность сестёр милосердия при лазаретах Березове, Самарово, Обдорске и Сургуте» [5, Л. 19]. По приказу № 16 от 3 марта «в течение 24 часов» в указанных городах должны были быть оборудованы 4 военных госпиталя на 25 коек каждый, а между ними 15 санитарных эвакуационных питательных пунктов и 5 перевязочных пунктов [5, Л. 21]. Но в условиях разгрома в ночь с 28 февраля на 1 марта у деревни Цингалы основных военных сил коммунистов под командование военкомов Данилова В.А. и Хорохорина М.В., и начавшегося поспешного отступления разбитых коммунистических отрядов на Самарово (Ханты-Мансийск) и Берёзов, а затем за Урал, своевременность появления данных приказов, а тем более их исполнения вызывает большие сомнения.

Результаты исследования. Приказы Сургутского ревкома являются уникальными свидетельствами событий конца февраля — начала марта 1921 г. на Тюменском севере. Они служат важным доказательством широкого применения практики заложничества защитниками советской власти и её массового характера, а также отражают особенности организации борьбы с повстанческим движением на севере Тюменской губернии. Но предпринимаемые коммунистами северных уездов «твердые решительные меры к установлению революционного порядка» для сохранения советской власти на Обь-Иртышском севере показали свою неэффективность. Угрозы, аресты и расстрелы заложников, а также организация чрезвычайными методами «летучей почты», медико-санитарного обеспечения советских защитников и т.д. отнюдь не способствовали росту симпатий, а только усиливали неприязнь к советской власти среди жителей Сургутского уезда, усугубляя драматизм обстановки. Таким образом, изучение приказов Сургутского ревкома способствует более глубокому пониманию трагедии Гражданской войны на просторах Западной Сибири.

Список источников и литературы:

1 Цысь В.В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тобольском Севере: проблемы взаимодействия власти и общества в условиях политического кризиса. Нижневартовск: НВГУ, 2018. 285 с.

2. Лешукова Е.В. «Светлое будущее» по-советски (на примере биографий активных борцов за советскую власть в Ишимском уезде Тюменской губернии) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конференции. Омск, 2019. С. 137–143.

3. Петрушин А. А. На задворках гражданской войны: Книга вторая. Тюмень: Мандр и Ка, 2004. 272 с.

4. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 307.

5. Муниципальный архив города Сургут. Ф. 158. Оп. 1 Д.72.

6. Белобородов В.К. Другая Сторона // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 1. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 20–42.

Для цитирования: Лешукова Е.В. Падение советской власти весной 1921 года в приказах Сургутского ревкома // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 169–176.

© Лешукова Е.В., 2021

УДК 94 (57)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОЙ ПОВЕРОЧНОЙ ПАЛАТЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ТОМСКЕ

Илья Вадимович Макаров [1]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия

[1] makarov.ilyamakarov@yandex.ru, SPIN-код: 2452-4628

Аннотация: в статье рассматриваются обстоятельства создания Российским правительством А.В. Колчака первой поверочной палаты в Западной Сибири в Томске в условиях Гражданской войны. При работе были использованы неопубликованне источники, материалы сибирской периодической печати, рассматриваемые в контексте исследовательских наработок по истории сибирских центров стандартизации и метрологии.

Ключевые слова: Гражданская война, история науки и техники, история метрологии, поверочное дело.

Постановка проблемы. Метрическая реформа 1920-х гг. являет собой один из самых малоизученных в отечественной историографии сюжетов, относящихся к социально-экономической модернизации СССР. Между тем в значительной степени именно введение единой метрической системы, имеющей чёткое научное обоснование и основанной на десятичной системе счисления, а также введение на её основе единых стандартов в торговле и промышленности, стало одной из важных предпосылок для успешной индустриализации Сибири и СССР в целом.

Применительно к Сибири важным представляется отметить и то, что к 1918 г., когда Советским правительством было объявлено о начале перехода на метрическую систему, на территории Азиатской России не имелось ни специализированной технической (в качестве инженеров-метрологов), ни кадровой (в форме поверочных палат) базы, каковая была сформирована на территории Европейской России в начале XX в. в ходе метрологической реформы Д.И. Менделеева.

В связи с этим представляется важным рассмотреть, каким образом происходило становление на территории Сибири первых поверочных органов, на которые в 1920-е гг. и выпала основная тяжесть проведения в жизнь метрической реформы.

Основная часть. Соображения о создании поверочных палаток на территории Сибири звучали задолго до Гражданской войны. В 1904 г. «Сибирская жизнь» писала о скором обустройстве на Сибирской железной дороге вагонов-палаток, которые бы осуществляли поверку мер и весов вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали [1, С. 2], однако в конечном итоге на территории всей Российской империи была спроектирована только одна такая палатка, известная как вагон-палатка № 2 (позднее получившая наименование Второй передвижной поверочной палатки – под таким названием она фигурирует в некоторых документах уже начала 1920-х гг.) [2, Л. 1].

Вопрос о создании поверочной палатки непосредственно в Томске также поднимался ещё до Первой мировой войны, на уровне местных властей. Так, в «Сибирской жизни» в одном из номеров за 1911 г. можно найти заметку следующего содержания: «Томская городская управа уведомила отдел торговли, что возложение на городские общественные управления ближайшего надзора за правильностью мер и весов городская управа находит вполне целесообразным и соответствующим интересам местного населения и полагает, что в Томске, как торговом центре Западной Сибири, имеющем до 2000 торговых заведений, должны быть открыты постоянные палатки для выверки новых мер и повторительной проверки бывших в употреблении измерительных приборов. Заключе-

ний же каких-либо по поводу представленных законопроектов городская управа не имеет» [3].

К 1 января 1915 г. на территории Российской империи действовали 25 поверочных палат и одно поверочное отделение, преимущественно образованные в 1900–1906 гг. Территория, находившаяся в их ведении, включала в себя 51 губернию, 6 областей, 2 градоначальства, 1 округ и 1 уезд. Все они находились на территории европейской части империи; Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия не имели поверочных учреждений, что делало практически невозможным качественную и своевременную поверку мер и весов, задействованных как в торговле и промышленности, так и в быту [4, С. 248]. В итоге первые шаги в направлении создания сети поверочных органов за Уралом выпали уже на период Гражданской войны, когда в 1919 г. были учреждены поверочные палаты на территории Западной (в Томске) и Восточной (в Чите) Сибири.

Первая установленная попытка организации поверочного дела в Сибири относится к 1918–1919 гг., когда на её территории власть осуществляло Российское правительство во главе с адмиралом А.В. Колчаком. Одним из первых сообщений на данную тему можно считать заметку, вышедшую в декабре 1918 г. в «Правительственном вестнике» и «Жизни Алтая»: «Министерство торговли и промышленности обратилось в [Всероссийский] совет съездов [торговли и промышленности] с предложением высказаться «…», в каких пунктах необходимо в первую очередь устроить учреждения по поверке мер и весов, обращающихся в торговле и промышленности. Принимая во внимание, что Екатеринбургская палатка «…» не может использовать в полной мере имеющегося в её распоряжении личного состава и технического оборудования, министерство «…» предполагает, выделив из указанной палатки достаточное количество измерительных приборов и необходимый технический персонал, открыть отделение таковой в одном из крупнейших городов Сибири «…» Намечая «…» в качестве желательного для открытия поверочного учреждения пункта в г. Омске министерство просит совет съездов высказать по этому поводу своё мнение» [5, 6].

Можно предположить, что определённая дискуссия по этому вопросу велась, поскольку в конце декабря 1918 – начале января 1919 гг. в том же «Правительственном вестнике», а также в газетах «Заря» и «Русская речь» можно обнаружить следующую публикацию:

«Совет Съездов представителей промышленности и торговли обратился во Всероссийский Совет Съездов Торговли и Промышленности с ходатайством об открытии в Красноярске пробирной палатки и палатки мер и весов при Красноярской золотосплавочной лаборатории «…» Мотивом ходатайства является то обстоятельство, что открытие палаток в Красноярске «…» является необходи-

мым, так как ближайшая пробирная палата находится в г. Екатеринбурге, куда ювелирам приходится отсылать для наложения проб все изделия, что вызывает значительные затруднения…» [7, 8, 9].

В публикациях правительственной и местной периодической печати первого полугодия 1919 г. (проверялись такие издания, как «Правительственный вестник», «Сибирская жизнь», «Заря», «Русская речь» и «Жизнь Алтая») не прослеживается, какое решение было принято Всероссийским советом съездов торговли и промышленности в отношении открытия поверочных палат; также отсутствует какой-либо законодательный акт в официальной части «Правительственного вестника» по этому вопросу. Отсутствуют сведения и о том, какие варианты (кроме Омска и Красноярска) предлагались для местопребывания поверочной палаты.

Учитывая то, что решение данного вопроса было в ведении Всероссийского Совета съездов торговли и промышленности, можно предположить, что какие-либо сведения о решениях, принятых съездом, могли бы содержаться в его специализированном издании «Торгово-промышленный вестник» (которое отсутствует в сибирских архивах и библиотеках), издававшемся в г. Омске в 1919 г.

Спустя полгода, в одном из номеров журнала «Сибирская жизнь» за июнь 1919 г., можно найти заметку следующего содержания: «Министерством торговли и промышленности открывается в Томске поверочная палата мер и весов. Учреждение это *переведено из Омска* [курсив наш – И.М]. Служащие её выехали 20 июня. Городской жилищной комиссии предписано для нужд палаты мер и весов реквизировать соответствующее помещение» [10].

1 июля 1919 г. поверочная палата в г. Томске была открыта за № 15 [11, С. 22] и не позднее конца августа 1919 г., согласно сообщению Министерства торговли и промышленности, начала свою деятельность. Её деятельность распространялась в это время на Томскую, Алтайскую и Енисейскую губернии, а также Томскую и Алтайскую железные дороги [12, С. 4].

Изначально палата вместе с приборами для поверки разместилась в помещениях, выделенных для неё Сибпромразведкой и Томским технологическим институтом; отдельного помещения или здания палата не получила. Штат палаты в это время составлял 4 человека: 1. Е.В. Николаев – заведующий; 2. Г.И. Пузанков – старший поверитель; 3. И.С. Самойлов – младший поверитель; 4. В.А. Завьялова – и. о. письмоводителя.

В работе «Государственной службе мер и весов Башкортостана – 100 лет (1902–2002)» [13], на которую в своей монографии «Золотой стандарт» ссылается С.И. Никифоров [14], указывается, что в период с 1904 по 1917 гг. титулярный советник в отставке, выпускник Московского университета Е.В. Николаев входил в число сотрудников Уфимской поверочной палатки, по-

следовательно занимая должности младшего поверителя (1904–1906 гг.), старшего поверителя (1906–1915 гг.) и заведующего палаткой (1915–1917 гг.) [13, С. 20; 14, С. 33]. Г.И. Пузанков также присутствует в числе сотрудников Уфимской поверочной палатки, а именно как старший поверитель (1915–1919 гг.) [14, С. 40].

Ссылаясь на фонды Российского государственного архива экономики, Г.М. Емельянов приводит следующую статистику, относящуюся к числу измерителей, поверенных Томской поверочной палатой в период с 1 июля 1919 г. по 30 сентября 1924 г.:

1919 г.: всего 977; заклеймено 896; забраковано 81;

1920 г.: всего 79; заклеймено 15; забраковано 64;

1921 г.: всего 832; заклеймено 475; забраковано 357;

1922 г.: всего 186; заклеймено 149; забраковано 37;

1923 г.: всего 31847; заклеймено 29573; забраковано 3275;

1924 г.: всего 50065; заклеймено 45927; забраковано 4138 [11, С. 64–65].

Крайне незначительное число измерителей, поверенных в 1920–1922 гг. можно приписать тому, что в этот период времени Томская поверочная палата, скорее всего, работала, во-первых, не имея своего помещения, во-вторых, без какой-либо поддержки, как от местных властей, так и от Главной палаты мер и весов, в т. ч. информационной, в-третьих, попросту не была востребована среди населения. Большая часть поверителей, поверенных за эти три года, выпала на 1921 г., причиной чего, скорее всего, стала объявленная Всероссийская поверка мер и весов, и только с 1923 г. фактически начинается восстановление работы палаты в полном её объёме. Также в качестве одной из возможных причин бездействия палаты в литературе называлось отсутствие исправных образцовых приборов, из-за чего поверка была фактически невозможна [4, С. 264].

Результаты исследования. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что Томская поверочная палатка фактически являла собой эвакуированную Уфимскую поверочную палатку, вывезенную из Уфы в Омск после оставления города войсками А.В. Колчака, а затем перемещённую в Томск. Основу кадров Томской поверочной палаты также составили бывшие сотрудники Уфимской поверочной палаты, а именно её заведующий Е.В. Николаев и старший поверитель Г.И. Пузанков.

Также можно сделать вывод о том, что указанный в работе «Сто лет государственной службы мер и весов в СССР» год открытия Томской поверочной палаты (а именно – 1918 г.) [4, С. 264], является ошибочным, подтверждением чего служат статьи и объявления, опубликованные в сибирской периодической печати в конце 1918 и в течение 1919 гг.

Научный руководитель Шевцов Вячеслав Вениаминович

Список источников и литературы:

1. Сибирская жизнь. 1904. № 52. 6 марта.

2. ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 177.

3. Меры и веса // Сибирская жизнь. 1911. № 32. 10 февр. С. 2.

4. Сто лет государственной службы мер и весов. М.-Л.: ОГИЗ, 1945. 376 с.

5. Пробирные палатки // Правительственный вестник. 1918. № 18. 10 дек. С. 4.

6. Пробирные палатки // Жизнь Алтая. 1918. № 141. 17 дек. С. 4.

7. Пробирные палатки // Правительственный вестник. 1919. № 36. 1 янв. С. 4.

8. Пробирные палатки // Заря. 1918. № 156. 28 дек. С. 3.

9. Пробирные палатки // Русская речь. 1918. № 71. 28 дек. С. 4.

10. Палата мер и весов // Сибирская жизнь. 1919. № 127. 24 июня. С. 3.

11. Емельянов Г.М. В прошлом и настоящем: из истории Новосиб. центра стандартизации, метрологии и сертификации с момента его образования до сегодняшних дней. Новосибирск : [б. и.], 1997. 431 с.

12. Правительственный вестник. 1919. № 217. 23 августа.

13. Государственной службе мер и весов Башкортостана – 100 лет (1902–2002) / [Сост.: Р.А. Аюпов]. Уфа: Виртуал, 2002 (Екатеринбург: ГИПП Урал. рабочий). 158 с.

14. Никифоров С.И. Золотой стандарт: посвящается 100-летию основания Томского центра стандартизации, метрологии и испытаний. Томск: Дарт-Ком, 2019. 174 с.

Для цитирования: Макаров И.В. Возникновение первой поверочной палаты Западной Сибири в Томске // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 176–181.

© Макаров И.В., 2021

УДК 93/94

ПРОБЛЕМА РЕАБИЛИТАЦИИ УЧАСТНИКОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ВОССТАНИЯ В СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Сауле Зейнуллиновна Маликова [1]

[1] Северо-Казахстанский государственный архив,
Петропавловск, Республика Казахстан

[1] malikova_saule@mail.ru

Аннотация: Судьбы жертв политических репрессий, практиковавшихся в СССР уже несколько деятилетий являются актуальной проблемой для историков из Казахстана и России. Цель данной работы – раскрыть текущее состояние и перспективы работы архивистов по сохранению исторической памяти о жертвах советского политического террора в Северо-Казахстанской области. В заключении автор акцентирует внимание на работе по созданию электронной базы данных жертв политических репрессий, проводимой казахстанскими архивистами.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Западно-Сибирское восстание, Алаш, советская власть, политические репрессии, террор, реабилитация, архивное дело.

Постановка проблемы. Судьбы жертв политических репрессий практиковавшихся в Советском Союзе в течение 1920-х – 1950х гг. (в том числе, на территории современной Республики Казахстан) уже в течение трех десятилетий являются актуальной проблемой не только для политиков, но также для историков и архивистов из Казахстана и России. Несмотря на то, что в предыдущие годы властями двух государств было уже достаточно много сделано в отношении реабилитации жертв коммунистического террора и для сохранения исторической памяти, данная проблема продолжает быть актуальной. Об этом свидетельствует Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 г. В соответствии с данным документом была образована Государственная комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий [1].

Одним из событий завершающего этапа Гражданской войны в России, повлекшее широкий террор со стороны советского государства было Западно-Сибирское (Ишимское) восстание. Ареол его распространения включал в себя и

территории современного северного Казахстана. Началом Западно-Сибирского восстания стало выступление крестьян против советской власти в Челноковской и Чуртанской волостях Ишимского уезда 31 января 1921 г. Восстание стремительно распространилось по южной территории Западной Сибири. С 7 по 9 февраля 1921 г повстанческое движение охватило почти весь Ишимский уезд, Петропавловский и Кокчетавские уезды Акмолинской губернии. В феврале–марте 1921 г, повстанцы были на огромной территории – от Обдорска на севере до Каркаралинска на юге, от станции Тугулым на западе до Сургута на востоке и уходили в пределы Монголии и Китая. В подавлении восстания были задействованы регулярные части РККА 255-й полк 21-й дивизии ВНУС города Петропавловска, 29-я дивизия, кавалерийский полк «Кубанцы», бронепоезда, отряды ЧОН, добровольческие коммунистические отряды [2]. Крестьянские выступления полностью удалось подавить к поздней осени 1921 г.

К 13 февраля 1921 г. шедшими со стороны Новопавловки отрядами повстанцев, возглавляемыми бывшими белогвардейскими офицерами, был занят Петропавловск, а 23 февраля – Кокчетав. В Петропавловске восставшие захватили тюрьму и базарную площадь. Первый удар приняли на себя местные милиционеры. Во главе с начальником уездной милиции Колесниковым они вместе с красногвардейцами гарнизона держали отчаянную оборону на Ново-Мечетной улице. Несколько командиров гарнизона из числа бывших офицеров перешли на сторону повстанцев. [3, Л. 92]. Повстанцы без боя захватили 7 пулеметов, 3 орудия вместе с расчетами. На рассвете 14 февраля из Омска в Петропавловск вышел бронепоезд «Красный сибиряк», 15 февраля прибыли эшелоны с солдатами 249-го полка. На Соборной площади разгорелся последний бой. 16 февраля советским силам повстанцев удалось выбить из города. К ноябрю 1921 г. в Петропавловском концентрационном лагере содержалось 356 заключенных, 256 из них были «хлебопашцами», из которых 197 человек были осуждены за «контрреволюционную деятельность». В конце зимы 1921 г. отряд ЧОН захватил Архистратиго-Михайловский женский монастырь. Обвинив монахинь в том, что они снабжали оружием повстанцев, чоновцы арестовали и расстреляли игуменью Евпраксию и других настоятелей. В монастыре разместили социалистическую сельхозартель «Труд», позднее – детский дом имени Ленина, где находились дети «врагов народа».

На всей охваченной восстанием территории, действия мятежников были направлены на уничтожение советской администрации и продработников, уничтожение разверсточных списков, разграбление сельских Советов, складов. Расправы над коммунистами сопровождались крайней жестокостью: их заживо топили в Ишиме, обезображивали тела. Так, один из участников боев за освобождение Петропавловска писал о том, что ответственному секретарю, члену

Президиума уездного исполкома, коммунисту т. Гозаку казаки станицы Новопавловской отрезали ноги поперечной пилой, райпродкомиссару Петуховского района коммунисту т. Соловейчик разрезали живот, куда насыпали пшеницу, на груди вырезали цифру 100%. Сабит Муканов в своих воспоминаниях рассказывал о жизни и трагической гибели при защите Петропавловска одного из талантливейших казахских поэтов Баймагамбета Изтулина. В начале 1921 г. Изтулин вступил в отряд по борьбе с бандитизмом и активно участвовал в подавлении мятежа в феврале 1921 г. Был схвачен и зверски замучен повстанцами. Его прах покоится в братской могиле на площади Памяти у Вечного огня [4].

Но каждая из воевавших сторон во время восстания практиковала террор. Сначала повстанцы расправлялись с ненавистными им коммунистами. Затем победившие представители советской власти, карали побежденных противников, используя всю мощь государственного аппарата.

Основная часть. Во исполнение Указа Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 г. в Северо-Казахстанской области (СКО) сформировали региональную комиссию по реабилитации жертв политических репрессий, каковая руководствуется «Методологией по организации деятельности региональных комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессии». В состав данного коллегиального органа вошли 17 человек. Это ученые, историки Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева, сотрудники архивных учреждений, государственных (в том числе, правоохранительных) органов, представители общественных организаций и средств массовой информации.

Архивисты принимают активное участие в работе данной комиссии. При подготовке материалов для реабилитация важна не только юридическая, но и научно-историческая экспертная оценка материалов на репрессированных граждан. В СКО действует 8 рабочих групп. Каждую из них возглавляют опытные специалисты. В настоящее время ученые проекта начали научно-исследовательскую экспедицию в 13 районах области и городе Петропавловске, призваную выявить новые имена лиц, подлежащих реабилитации. По итогам этой работы будет составлена карта массовых захоронений репрессированных лиц в регионе.

В Северо-Казахстанском государственном архиве (СКГА) создана рабочая подгруппа из 5 чел. по созданию базы данных по нереабилитированным жертвам политических репрессий на основе документов госархива и спецархивов региона. Архивисты СКГА проводят поиск, сбор документов нереабилитированных жертв политических репрессий по 10 категориям. На август 2021 г. общее количество выявленных нереабилитированных жертв политических репрессий – 8597 чел. Из них по 58-й статье количество жертв политических репрессий – 586 чел.

В результате проводимой исследовательской работы составлен список участников восстания 1921 г. на территории Северного Казахстана. В списке указаны фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место службы и род занятий, политическое прошлое, род деятельности участников восстания. Кроме крестьян, участвовали бывшие белогвардейцы (офицеры, занимашие руководящие должности у повстанцев, и рядовые солдаты), матросы, казаки, торговцы, кузнецы, учителя и другие.

На сегодняшний день в списке представлены данные о 794 участниках восстания из документов Акмолинского губернского административного отдела [5], губернской прокуратуры [6], губернского суда [7], губернского ревтрибунала [8].

Участниками восстания и, соответственно, жертвами коммунистического террора являлись представителями разных социальных груп и национальностей. Так по нашим сведениям, общее количество нереабилитированных крупных баев – 94 чел. Общее количество репрессированных кулаков – 980 чел. Примеры биографических сведений об участниках Западно-Сибирского восстания приведены ниже в таблице.

ФИО	**Наименование фондообразователя**	**Год рождения**	**Место рождения**	**Место службы, род занятий**	**Полит. прошлое**
Богданов Андрей Дмитриевич	Мамлютский райисполком	1891	Ново-Михайловский с/с, Приишимскогор.	Крестьянин кулак	Лишенец, участник восстания 1921 г.
Брух Яков	Милиция 4 района Кокшетауского уезда Акмолинской губернии	1882	Кокшетауский уезд с. Карамышево	торговец	Руководитель-участник восстания 1921 г.
Бухбиндер Давид Маркович	Кокшетауская уездная милиция	1899	г. Киев	Начальник экспедиционного отряда Киевской губмилиции	Участник восстания 1921 г.
Бутов Иван Платонович	Милиция 2 района Кокшетауского уезда	1882	Кокшетауский уезд.	Комендант с. Доволного	Участник восстания 1921 г.
Васютин Иван Иванович	Акмолгубсуд	1898	с. Петровское, Петропавловского уезда.	Хлебопашество	Активный участник восстания 1921 г.
Вдовин Ефрем Прокопьевич	Милиция 2-го районаКокшетауского уезда	1864	Кокшетауский уезд, с. Мариинское.		Участник восстания 1921 г. Кулак
Васильев Ефим Прокопьевич	Токушинский волвоенкомат, Петропавловского уезда.	1893	с. Токуши, Петропавловского уезда.	Конюх пимокатного завода	Участник восстания 1921 г.

ФИО	Наименование фондообразователя	Год рождения	Место рождения	Место службы, род занятий	Полит. прошлое
Горбачев Федор Семенович	Акмолгубернский ревтрибунал	1887	с. Лосевское, Кокшетауского уезда.	Старший унтер -офицер	участник восстания и расстрелов
Гапченко Федор Никитич	Акмолгубсуд	1875	ст. Кутуркуль, Кокшетауского уезда.	Хлебопашество	Активный участник восстания 1921 г.
Гальцов Емельян Захарович	Милиция 2-го района Кокшетауского уезда	1885	Мариинская волость, с. Сергеевское.	фельдфебель при Колчаке	Участник восстания 1921 г, командир отряда

Повстанцами было создано несколько «армий» – Ишимская народная армия в районе между Ишимом и Петропавловском, Курганская дивизия – в Курганском уезде, Восточная группа – в районах к востоку от Петропавловска, Первая Сибирская кавалерийская дивизия – в районах к югу от Петропавловска. Был сформирован «Главный штаб Сибирского фронта» в селе Налобинском. Главнокомандующим был назначен поручик Владимир Алексеевич Родин, бывший учитель (впоследствии он был заподозрен повстанцами в измене и расстрелян), а начальником штаба – называвший себя полковником Генерального штаба Алексей Федорович Кудрявцев. [9, Л. 24]. Один из руководителей восстания – Иванов, перешел на сторону повстанцев, будучи начальником 39-й дивизии РККА. Арестованный лишь в 1924 г. он был расстрелян по приговору военного трибунала [10, Л. 30].

В числе участников восстания были и представители духовенства. Так из села Токуши в восстании приняли участии священники: Гова Василий Иосифович, Арсениев Рафай Арсеневич. Вознесенский Михаил Иванович, Заварин Николай Егоров [11, Л. 89]. Были в повстанических рядах и несовершеннолетние – родственники мятежников. Так, 16-летний Зиновий Шевченко из села Глубокое Соколовской волости из крестьянской многодетной семьи из 9 человек обвинен в выдаче коммунистов в селе Глубокое во время прихода повстанцев. [12, Л. 1–7].

В повстанческих военных формированиях оказывались и женщины. Так, по обвинению в выдаче повстанцам начальника милиции Малярчука советские представители арестовали 16-летняя Тамару Ящук, которую освободили белобандиты из Петропавловского концентрационного лагеря, куда она была помещена на 7 суток за уклонение от трудовой повинности [12, Л. 1-8].

Проведение органами местной власти семенной разверстки послужило поводом к восстанию на территории современной СКО. Недовольство крестьян усиливалось и из-за отправки хлеба в Россию. Первый сигнал о надвигающейся катастрофе в Петропавловском уезде поступил из Всесвятского района, где по-

явился отряд из 200 «зеленых», которые разогнали уполномоченных по продразверстке, требуя ввести свободную торговлю. В первых числах сентября 1921 г. силы мятежников были сокрушены частями РККА [6].

Архивные документы подтверждают, что в числе участников восстания были представители казахского населения. Архивные источники указывают на участие в восстании деятелей Алаш–Орды Жумагали Тлеулина (выслан в 1932 г.), Ахмета Жанталина (в 1932 г. выслан на 5 лет), Акура Есенова (расстрелян в 1942 г.) и др. Впоследствии все они были реабилитированы.

Сподвижником Кожедуба, одного из командиров повстанческого отряда в Акмолинском уезде, был Балташ Даутов. Руководство повстанцев предоставило этому человеку широкие полномочия. Факт участия в повстанческом движении казахского населения, недовольного большевистской политикой, объясняется значительной социально-экономической напряженностью. Как русские крестьяне и казаки, будучи недовольны политикой военного коммунизма, они (главным образом, сельские жители) активно поддержали антисоветское выступление. Казахами использовались своеобразные формы противодействия: нападения на обозы, сопровождаемые продовольственными работниками, скотокрадство, создание самостоятельных вооруженных отрядов, стихийные вступления в повстанческие формирования крестьян, массовые откочевки в пределы границ РСФСР или в южном направлении.

Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что после окончательного подавления восстания многие его участники на некоторый период находили убежище в казахских аулах. В разведывательной сводке по Явленскому району Петропавловского уезда от 24 июня 1921 г. указывалось, что беглецы находились на старых зимовках и на джайляу [13, Л. 124].

Результаты исследования. Западно-Сибирское восстание, наряду с Тамбовским и Кронштадтским, вынудило советское руководство отказаться от политики военного коммунизма и заменить продразверстку продналогом, а в рамках НЭПа разрешить свободную торговлю. На территории современного Северного Казахстана восстание носило практически всеобщий характер. В нем участвовали представители большинства социальных групп и представители разных этнических общностей. Следует подчеркнуть, восстание было одним из финальных событий братоубийственной Гражданской войны в России. Каждая из сторон проявила откровенную жестокость, практикуя террор в разных формах. Но если террор повстанцев носил стихийный характер, то их противники – коммунисты – проводили карательные мероприятия системно.

Не все участники восстания могут быть реабилитированы. Многие из них в условиях кровавой Гражданской войны в ответ на несправедливую политику военного коммунизма совершили тяжкие и особо тяжские преступления. При

этом казахстанское общество заинтересовано в основательном изучении трагических событий столетней давности и в сохранении исторической памяти о них. Рабочая группа продолжает работу по определению численности участников восстания 1921 г. Ближайшей перспективой работы видится создание информационного ресурса, облегчающего поиск сведений о жертвах советского политического террора в Северо-Казахстанской области.

Список источников и литературы:

1. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан // Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/ (дата обращения 08.09.2021).

2. Гривенная Л.А. Крестьянское повстанчество в начале 20-х годов XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 2007. 34 с.

3. СКГА. Ф. 38. Оп. 3. Д. 47.

4. Трусов В. Новое о Зтулине // Ленинское знамя. 1988. 4 мая.

5. СКГА. Ф. 8.

6. СКГА. Ф. 9.

7. СКГА. Ф. 351.

8. СКГА. Ф. 930.

9. СКГА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 60.

10. СКГА. Ф. 158. Оп. 1. Д.56.

11. СКГА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6.

12. СКГА. Ф. 2. Оп. 4. Д. 6.

13. СКГА. Ф. 930. Оп. 1. Д. 13.

Для цитирования: Маликова С.З. Проблема реабилитация участников Западно-Сибирского восстания в Северо-Казахстанской области Республики Казахстан // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 182–188.

© Маликова С.З., 2021

УДК 94(477-25)

КУРЕНЁВСКОЕ ВОССТАНИЕ (КИЕВ, АПРЕЛЬ 1919 Г.): МОТИВАЦИЯ, МАСШТАБ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Стефан Владимирович Машкевич [1]

[1] Институт теоретической физики им. Н.Н. Боголюбова, Киев, Украина

[1] mash@mashke.org, ORCID: 0000-0001-5063-1247, ResearcherID: AAN-3911-2021

Аннотация: В работе рассматривается Куренёвское восстание апреля 1919 года в Киеве. Актуальность темы обусловлена уникальным характером восстания (имевшего целью захват столицы Украины) и отсутствием в литературе неупреждённого исследования его мотивации и масштаба. Выполнен критический анализ материалов периодической печати, мемуаров очевидцев, сводок советских органов власти; выяснено, какие из этих источников не заслуживают доверия и почему. Установлены основные мотивы восстания, его масштаб (приблизительное количество повстанцев и противостоявших им) и сделан вывод о том, что восстание не достигло цели.

Ключевые слова: Гражданская война, Украина, Киев, Куренёвское восстание, крестьяне, крестьянское движение, атаманы, Илья Струк.

Постановка проблемы. Куренёвское восстание (иначе известное как Куренёвский мятеж) 9–11 апреля 1919 г. в Киеве — малоизвестный эпизод Гражданской войны. Однако оно уникально в своём роде — тем, что целью повстанцев был захват столицы (УССР на тот момент была номинально независимым государством), и тем, что войти в столицу им удалось (хотя, как мы увидим ниже, далеко не во всю и очень ненадолго).

В советский период это восстание неоднократно упоминалось в мемуарах и публицистике [1, С. 25–26; 2, С. 91–111; 3; 4, С. 30–37] и реже — в специализированной исторической литературе [5, С. 84]. Как это бывало при освещении антисоветской деятельности, сильный акцент — часто в ущерб фактам — делался на разнообразные дисфемизмы в адрес участников «мятежа» («бандиты», «кулаки», «подлецы» и т. п.); заодно их нередко причисляли к «белогвардейцам», что, разумеется, бессмысленно.

В современной украинской историографии больший упор сделан на фактаж, но и здесь присутствуют оценочные суждения вполне предсказуемой направленности. Восстание теперь характеризуется как «эпизод из долговременной борьбы украинского народа за независимость» [6, С. 59], при этом

никаких свидетельств в пользу такой оценки (допустим, соответствующих лозунгов его участников) не приводится. Однако «против советской власти» никоим образом не синонимично «за независимость Украины», тем более в тот исторический период.

Цель данного исследования — опираясь в значительной мере на первоисточники и отстраняясь от каких бы то ни было идеологем, выяснить:

– Какова была основная мотивация участников восстания? На какой результат они рассчитывали?

– Каков был реальный масштаб восстания, силы сторон, характер их действий?

– Каких (промежуточных) результатов удалось добиться участникам, прежде чем восстание было подавлено?

Основная часть. Весной 1919 г. на Украине крестьянские восстания были явлением весьма частым. По советским подсчётам, в апреле этого года было зарегистрировано 93 таких восстания, а с апреля до середины июня — 328 «вооруженных контрреволюционных мятежей» (советская терминология) или «вооруженных выступлений» (украинская терминология) [7, С. 399; 6, С. 59]. Почему же крестьяне были недовольны «властью рабочих и крестьян» и выступали против неё?

Тогдашние настроения украинского крестьянства не ускользнули от внимания советских «органов» — в частности, НКВД УССР. Если в «Сводке о положении на местах к 1-му апреля» (1919 г.), составленной информационно-инструкторским подотделом отдела местного управления НКВД, в разделе «Киевская губерния», читаем шаблонное: «Настроение крестьян бодрое. Крестьяне выражают пожелание образовать коммунистическое хозяйство», и далее: «В некоторых волостях <…> в волостных советах засели кулаки, с которыми деревенской бедноте с трудом приходится бороться», то в аналогичной сводке, по той же губернии, к 11 апреля (когда Куренёвское восстание было уже подавлено) находим практически противоположную — и, видимо, адекватную — оценку: «Сведения, поступающие с мест[,] рисуют тяжелую картину сельско-хозяйственной разрухи <…> Во многих местах не хватает посевных материалов, земледельческих орудий и рабочего скота. <…> Падеж скота увеличивается. По всей губернии развит бандитизм и контр-революционное повстанничество [sic]. Крестьяне собираются бандами и терроризируют население. <…> Ведется погромная агитация. В районе Межигорья и Новых Петровичей [правильно «Новых Петровцев». — С. М.] устроена резня всего мужского еврейского населения. <…> Г о с т о м е л ь. 31/III. Продовольственный вопрос сильно обострен. Сахару и хлеба нет. Крестьяне частично вооружены» [8, Л. 1об., 4об.].

Таким образом, одна из причин недовольства — чисто экономическая. Винить в трудностях текущую власть — обычная практика (хотя в данном случае

понятно, что и предшествовавшие годы не могли способствовать процветанию). Но дело было не только в отсутствии сахара и хлеба. Представляется достаточно корректным суждение, сформулированное в воспоминанях И.Ф. Слизкого, опубликованных в 1929 г. — post factum, но в период, когда негативные оценки деятельности советской власти можно было обнародовать с большей откровенностью, чем в последующие годы: «Упорная классовая политика Соввласти, в частности расслоение села, решительная ее борьба с кулачеством и поповством, а также запрет свободной частной торговли, с чего больше всего жило здешнее крестьянство, [такое] как садоводы, кустари и другие, вызвали большое возмущение Советской Властью и к тому же не только зажиточных слоев деревни». Отметим последнюю фразу. Хотя в следующем же предложении автор подчёркивает, что «[з]ажиточное крестьянство с помощью попов начало проводить бешеную агитацию против советских органов» [2, С. 101], представляется очевидным, что если бы «не только зажиточные слои деревни» были всем довольны, то такая агитация едва ли имела бы успех. Таким образом, позднесоветская характеристика восстания как кулацкого тенденциозна (как минимум).

И.Ф. Слизкий также упоминает два противоречия на национальной почве, которые, по его мнению, способствовали восстанию.

Во-первых: «советские работники, выехав из центра на места, часто проявляли в своей работе „русотяпские [т. е. русские шовинистические — С. М.] тенденции”» [2, С. 102]. Примерами это утверждение не иллюстрировано; вполне возможно, что оно сделано в духе тогдашней линии партии на «большевистскую украинизацию». Современный украинский исследователь А. Лысенко не упоминает о «русотяпстве», однако подчёркивает, что земельная политика правительства Украины, которое в то время возглавлял Х.Г. Раковский, была инспирирована «всё более стойкими требованиями Москвы» [6, С. 55]. То, что «генерировала идеи» в основном Москва, разумеется, верно. Но то, что это было существенным фактором, не доказано.

Во-вторых, антисемитские настроения в крестьянской среде (наличие которых сомнений не вызывает). Вышеупомянутая агитация со стороны кулаков, согласно Слизкому, включала распространение слухов о том, что национализированная земля может не достаться бедноте: «„Может[,] будет вам, а может[,] и жидкам“, — говорили кулаки». О погромной агитации шла речь и в вышеупомянутой сводке НКВД. Факт тот, что непосредственным прологом к Куренёвскому восстанию стал еврейский погром в сёлах Новые и Старые Петровцы, к северу от Киева, в ночь на 7 апреля 1919 г., сопровождавшийся убийствами [2, С. 101, 103].

В какой момент у повстанцев появилась цель завладеть Киевом? По версии того же Слизкого, подготовка к восстанию в Старо-Петровской волости нача-

лась в марте, и уже тогда своего рода координационным центром будущего восстания мыслилась Куренёвка (предместье Киева, сейчас район города), а одной из целей было «выслать Соввласть из Киева». 7 апреля из Новых Петровцев в близлежащие сёла отправили делегатов, причём, согласно бюллетеню НКВ[Д?], «[в]осставшие крестьяне Ст.-Петровской волости прислали в Гостомель депутатов с требованием присоединиться к ним для совместного наступления на Киев» [2, С. 102–103].

В любом случае, погром и реакция на него запустили механизм положительной обратной связи (реакция на реакцию, приводящая к усилению начального возмущения). В ответ на погром из Киева 8 апреля послали в разведку конный отряд, около 25 человек, во главе с чекистом Фёдором Николаенко [3, 9]. Крестьяне разбили отряд, а самого Николаенко зверски убили. (В публицистическом очерке В.Д. Голиченко, изданном в 1966 г., этот эпизод ошибочно представлен как реакция на уже начавшееся Куренёвское восстание [4, С. 34–35]). В ночь на 9 апреля повстанцы «арестовали» еще около ста евреев и утопили их в Днепре. В свою очередь, из Киева в Вышгород (вверх по Днепру, в том же направлении, что Межигорье и Петровцы, но ближе) отправили бронепароходы, которые обстреляли Вышгород. Повстанцы не замедлили использовать этот момент в своей агитации, причём своеобразно: «Крестьяне, приглядитесь к большевикам, разве не жидовская это власть, если за какой-то десяток утопленных жидков расстреливают из пушек всё село Вышгород», а также включили другой мотив: «Кто не пойдёт наступать на Киев, у того завтра заберём землю» [2, С. 103–105].

Поход на Киев начался вечером 9 апреля. Заметим, что еще за несколько дней до того атаман Зелёный (настоящее имя — Даниил Терпило, 1886–1919) двинулся в направлении Киева с юга; 5 апреля его отряды заняли Васильков, 6 апреля — блокировали путь на город снизу по Днепру [6, С. 57]. Но основной удар был нанесён с севера, силами отрядов под общим командованием атамана Ильи Струка (1896–1969). Эти отряды двигались двумя приблизительно параллельными путями: группа В. Дорошенко (бывшего унтер-офицера) — от Вышгорода на Подол, ближе к Днепру; группа Клименко (бывшего офицера) — по чернобыльской дороге, на Приорку и Куренёвку. Еще одна деталь, говорящая о дополнительной мотивации участников: «Повстанцы шли двумя линиями: передняя — была боевая, задняя с мешками, которая думала поживиться после завоевания Киева» [2, С. 104]. Рано утром 10 апреля повстанцы появились в городе.

Каковы были их силы? Оценки различаются на три порядка (!).

В заметке в газете «Красная армия» от 11 апреля — «по горячим следам» — упоминается «3—4 группы, каждая в 20—30 человек» [10]. На следующий день та же газета дала более трезвую оценку: «Утром [10 апреля. — С. М.] на Куреневке появилась вооруженная толпа до 300 человек» [11].

Нарком внутренних дел УССР К.Е. Ворошилов в разговоре с газетным корреспондентом, опубликованном 13 апреля, рассказал: получив сведения о «белогвардейском [sic] гулиганском [sic] выступлении» на Подоле, он вместе с головой ЦИК Г.И. Петровским поехал на место событий. «Прибыв туда, мы застали вооруженную гулиганского цвета [sic] массу человек около 60» [12]. По контексту ясно, что речь о части повстанцев — возможно, небольшой.

Председатель Всеукраинской ЧК М.Я. Лацис в 1920 г. утверждал, что повстанцев насчитывалось до 500 человек [1, С. 26]. Председатель Киевской губернской ЧК П.М. Дегтяренко в воспоминаниях, напечатанных в 1937 г., оценивал их количество как «свыше трёх тысяч» (добавляя, правда: «под командой деникинских офицеров», что снижает уровень доверия к этому источнику) [3]. Такую же цифру, 3000, называет И.Ф. Слизкий [2, С. 108].

Наконец, атаман Струк в воспоминаниях, продиктованных им в октябре 1921 г., заявлял, ни много ни мало, следующее: «Перед походом мы сделали мобилизацию местного населения и собрали армию в составе тридцати пяти тысяч челов[ек] <…> с собой имели тридцать пулемётов и шесть пушек. Армия состояла из пяти полков: 1 и 2го пеших, 3го конного, 4го пушечного и 5го пулемётного. Конницы у нас было около пяти тысяч мужей. В таком составе армия двинулась на Киев» [13, Л. 42–42об]. Вопрос о том, где были эти тридцать пять тысяч человек, которых никто, кроме Струка, не заметил, отнесём к разряду риторических.

Для подавления восстания было задействовано много сотен представителей власти. По утверждению П.М. Дегтяренко, «тотчас же было мобилизовано около 300 сотрудников всеукраинской и киевской чрезвычайных комиссий» [14], а современный исследователь Л.Н. Маймескулов с соавторами полагают, что «[н]а борьбу с восставшими были мобилизованы все сотрудники ВУЧК, Киевской губернской ЧК, чекисты-железнодорожники, сформирован боевой отряд из рабочих заводов, а также отряд милиции» [15, С. 238]. И.Ф. Слизкий упоминает, что в ликвидации восстания принимал участие Интернациональный полк [2, С. 108], а ветеран ЧК Ф.Т. Фомин говорит об отряде китайцев (называя имя командира отряда — Ли Сю-Лян) и матросах Днепровской флотилии во главе с А.В. Полупановым, которые также сражались с повстанцами [16, С. 57].

Учтём, что сами повстанцы наверняка не выступали одной общей массой (часть их, безусловно, «отвлеклась» на локальные грабежи). В свете вышесказанного, согласимся с мнением А. Лысенко о том, что «повстанцев было не только не несколько десятков, а даже не несколько сотен» [6, С. 58] и сформулируем нашу оценку: порядка тысячи повстанцев, активно действовавших в самом Киеве, и схожее количество противостоявших им.

Чего удалось достичь повстанцам? Все авторы сходятся на том, что они 10 апреля захватили Куренёвку (в частности, районный отдел милиции [11]; К.Е. Ворошилов уточнял, что «милиция этого района вела себя наиболее позорным и предательским путём <…> эти провокаторы и подлецы, которые пробрались в милицию, тотчас перешли на сторону этих гулиганов [sic]» [12]) и убили какое-то количество оказавшихся там евреев [12, 14] (возможно, около 15 человек [11]). Также нет сомнений, что они овладели значительной частью Подола [12], дойдя до Житнего базара [2, С. 108] (это северо-западная часть Подола, дальше от центра города). Но эти районы вместе взятые — это лишь небольшая часть Киева. Сообщалось также о «выступлени[ях] хулиганов в районе Печерска, где они пытались устроить погром» [17] и о погроме на Лукьяновке [10]; но погром — это далеко не овладение районом. Таким образом, до того, чтобы взять весь город в свои руки, повстанцам было далеко.

На этом фоне опять-таки выделяется рассказ Ильи Струка. Он безапелляционно заявляет: «Победа была на моей стороне» и приводит следующие подробности: «Часть людей из нашей армии села на трамваи и прибыла на Царскую площадь [ныне Европейская площадь, в начале Крещатика. — С. М.], а часть двигалась походом, первыми вступили на Крещатик конные разъезды. <…> В Киеве Украинская Управа по моему приказу вывесила на помещении Городской Думы украинский флаг. Издано было несколько приказов, объявлений и призывов к населению, чтобы сохраняли спокойствие, за подписями — моей, начальника Штаба, Есаула и членов Управы» [13, Л. 42об–43]. Ни о чём подобном никто другой из очевидцев не упоминает. Такого органа, как «Украинская Управа», в Киеве никогда не существовало; излишне говорить, что вышеупомянутые приказы и т. п. исследователям неизвестны. Нам представляется, что Струк, дипломатически выражаясь, перепутал. «Украинскую Управу» он мог выдумать с оглядкой на то, что воспоминания свои диктовал в украинской эмигрантской среде. Эпизод с вывешиванием флага на здании Городской думы мог быть аллюзией на события 30 августа 1919 г., когда такой флаг там действительно вывесили [18, С. 121] (правда, отнюдь не бойцы Струка).

Уже 10 апреля правительственные силы перешли в наступление, и к утру 11 апреля город был очищен от повстанцев; сообщалось, что «грабительские банды были погнаны за Пущу-Водицу» [17] (на северо-запад от Киева), а часть погромщиков, около 200 человек, была «загнана в Голосеевский лес» [10] (на юго-запад). Струк в очередной раз оригинален: «Свежие большевистские части, которые спешно прибыли из Москвы, нас из Киева через два дня выбили» [13, Л. 43]; на наш взгляд, это ещё раз подтверждает, что верить его рассказу не следует.

Газета «Красная армия» сообщала, что «с нашей стороны было убито 6 человек и ранено около 10» [9]; с учётом воспоминаний об «ожесточённых

сражениях» [6, С. 58], не приходится сомневаться, что эта цифра весьма занижена. Там же сообщалось, что к ночи (с 10 на 11 апреля) было арестовано около двухсот человек, участвовавших в восстании, что выглядит существенно реалистичнее. По утверждению В. Д. Голиченко, «более 150 бандитов предстало перед советским судом» [4, С. 37], а М. Я. Лацис сообщал, что около 10 участников восстания было расстреляно. Он же утверждал, что «в городе имелся штаб из боевых офицеров, которые руководили операциями» [1, С. 26], но этот момент требует дополнительного исследования.

Результаты исследования. Таким образом, Куренёвское восстание апреля 1919 года в Киеве было мотивировано недовольством крестьян тяжёлым экономическим положением и мероприятиями советской власти, на чём умело сыграла пропаганда. Целью восставших был (как минимум) захват Киева, столицы Украинской ССР. В Киеве один день, 10 апреля, оперировало не менее тысячи повстанцев, против которых было мобилизовано схожее количество сил, лояльных власти (но не регулярной армии). Восстание было подавлено приблизительно в течение суток и, таким образом, не достигло своей цели.

Список источников и литературы:

1. Лацис (Судрабс) М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Москва: Государственное издательство, 1920. 88 с.

2. Слизький І. Ф. Куренівське повстання // Літопис революції. 1929. № 5–6. С. 91–111.

3. Дехтяренко П. Рік дев’ятнадцатий. 4. Наступ банд // Більшовик. 1937. 28 октября.

4. Голиченко В. Д. Вартові революції. Київ: Політвидав України, 1966. 164 с.

5. История Киева (в 3-х томах). Т. 3. Киев социалистический. Кн. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 496 с.

6. Лисенко А. Куренівські події 1919 року // Нова політика. 1999. № 4. С. 54–59.

7. Історія Української РСР (у восьми томах), Т. 5. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні (1917–1920). Київ: Наукова думка, 1977. 592 с.

8. ЦГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18.

9. Подробности набега // Красная армия. 1919. 11 апреля.

10. Набег бандитов // Красная армия. 1919. 11 апреля.

11. К белогвардейскому выступлению // Красная армия. 1919. 12 апреля.

12. Про білогвардійсько-хуліганський виступ на Подолі // Вісти Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету Рад Робітничих, Селянських і Чер-

воноармійських Депутатів і Виконавчого Комітету Київської Ради Робітничих Депутатів. 1919. 13 апреля.

13. ЦГАВО. Ф. 3504. Оп. 1. Д. 2.

14. Дехтяренко П. Рік дев'ятнадцатий. 5. Розгром банди // Більшовик. 1937. 31 октября.

15. Маймескулов Л. Н. и др. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков: Основа, 1990. 345 с.

16. Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. Москва: Политиздат, 1964. 255 с.

17. Ликвидация погромной вспышки // Красная армия. 1919. 12 апреля.

18. Машкевич С. В. Два дня из истории Киева. Киев: ВАРТО, 2010. 160 с.

Для цитирования: Машкевич С.В. Куренёвское восстание (Киев, апрель 1919 г.): мотивация, масштаб, результаты // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 189–196.

© Машкевич С. В., 2021

УДК 93/94+327.5

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ

Бернард Пануш [1]

Милан Мойжиш [1]

[1] Чехословацкое Общество Легионеров, Прага, Чехия.

Константин Брыляков (перевод на русский язык)

Аннотация: В начале марта 2020 г. мы отметили 100-летие передачи Золотого запаса Российской Империи представителям советской власти – события, которое завершило эвакуацию Чехословацких легионеров из Сибири. Несколько лет назад наш собрат по ČsOL Бернард Пануш опубликовал на сайте Общества Легионеров статью «Клуб друзей подполковника Карела Вашатки – 2-я рота, 1-й Чехословацкий Стрелковый полк» с кратким обзором перемещения Золотого запаса в период пребывания чехословацких солдат в России. Эта статья, которая, по словам автора, не ссылается на какие-либо недавно обнару-

женные архивные материалы, а скорее обобщает выдержки из уже имеющейся литературы, теперь представлена вам в специально подготовленном и дополненном виде.

Ключевые слова: Золотой запас Российской Империи, Чехословацкие легионеры, Чехословацкий корпус, интервенция, Гражданская война, эго-документы, Комуч, Уфимская Директория.

Постановка проблемы. Начиная с 1920-х гг. по настоящее время, судьба Золотого запаса Российской империи, в период Первой мировой и впоследствии Гражданской войны в России, вызывает большой интерес не только русских и чешских специалистов, но и любителей истории по всему миру. В этой связи, звучат обвинения в краже части или даже всего Золотого запаса Чехословацким корпусом и чехословаками. К этому обвинению присоединяются все новые и новые голоса.

Основная часть. Однако, по данной теме имеется достаточно литературы, которая описывает данные события на основе исторических фактов и документов. Среди последних работ – прекрасная книга Даниэлы Брадлеровой «Солдаты или предприниматели» [1], автор которой лично представила ее нам на последней исторической конференции ČsOL в ноябре 2017 г.

В Главе 7 этой книги сказано: «Царский Золотой запас целенаправленно аккумулировался с конца Крымской войны (1853–1856) в качестве государственного финансового стандарта. По данным на 1 января 1914 г. его стоимость равнялась 1 млрд. 695 млн. золотых руб. Во время Первой мировой войны царское правительство использовало его для финансирования своих военных операций и для покупки продуктов питания и необходимых военных товаров». Таким же образом действовало и Временное правительство, Даниела Брадлерова пишет: «К октябрю 1917 г. из России в общей сложности было вывезено 643 360 000 рублей золотом. Сверка баланса, проведенная 1 ноября 1917 г., показала, что стоимость запаса на тот момент равнялась в общей сумме 1 101 690 000 рублей золотом.» После Октябрьской большевистской революции (7 ноября 1917 г.) контроль над Золотым запасом достался Советскому правительству. Чтобы сокровища не попали в руки наступающих немецких и австро-венгерских войск, весной 1918 г. запас был перевезен в отделения Российского государственного банка внутри страны, в том числе в Казань. В соответствии с условиями заключенного большевиками так называемого Брест-Литовского мира, на основе Берлинского соглашения от 27 августа 1918 г. Советское правительство в сентябре 1918 г. вывезло в Германию 120 799 000 золотых рублей в качестве компенсации за военные потери.

Летом 1918 г. большая часть государственного Золотого запаса России хранилась в Казанском отделении Государственного банка России. Его стои-

мость оценивается по-разному, исходя из учета только собственно золота, хранившегося в сокровищнице, либо также с учетом других имевшихся там ценностей. В книге «О золотых сокровищах России и Чехословацких легионах» [2] автор доктор Й. Кудела ссылается на «Вестник финансов» Омского правительства, где говорится, что из Казани было вывезено: 523 458 484 руб. 42 коп. в российских золотых монетах, 38 065 322 руб. 57 коп. в иностранных золотых монетах, 90 012 027 руб. 65 коп. в золотых слитках, то есть всего ценностей на сумму 651 585 834 руб. 64 коп. Тот же чешский источник также утверждает, что помимо золота, в хранилище находились банкноты, платина и серебро, и что стоимость всего запаса была оценена должностными лицами Государственного банка России в 1 100 000 000 руб.

Воодушевленные первоначальными успехами и объединением пензенской и челябинской группировок под Миньяром 7 июля 1918 г., военное командование легионов, после консультаций с французскими атташе, решило использовать Чехословацкий корпус в качестве авангарда союзных войск Антанты, чтобы занять позиции на Волге и восстановить «антигерманский фронт». В целях защиты правого крыла действующих чехословацких войск, 21 июля 1918 г. был занят г. Симбирск (ныне Ульяновск). После его оккупации общей целью Русской Народной Армии и Чехословацких легионов было соединение с армией генерала Деникина, сражающейся на юге России. Несмотря на приказ командующего Поволжским фронтом полковника Чечека, командир 1-го Чехословацкого Стрелкового полка, русский офицер капитан Степанов, решил идти на север, чтобы занять Казань. Его действия были продиктованы информацией о существовании в городе тайной анти-большевистской организации, а также стремлением овладеть находившимся в Казани запасом большого количества техники, оружия и золота. Для атаки на Казань из захваченных в Симбирске кораблей был сформирован речной флот, вооруженный пулеметами и пушками. В походе приняли участие войска Русской Народной Армии под командованием подполковника Каппеля, находившийся в Казани Сербский батальон майора Благотича (состоящий из сербов, которые перешли от большевиков на сторону наступающих белых сил), подразделения 1-го Чехословацкого Стрелкового полка им. Яна Гуса под командованием поручика Швеца и 2-я батарея 1-й Чехословацкой Артиллерийской бригады (6 орудий).

Несколько рот из состава чехословацких войск были оставлены в резерве под Казанью, поэтому только 3-я, 9-я, 10-я, и половина 4-й роты со скорострельной пушкой приняли участие в штурме города 6 августа 1918 г. Чехословаки вторглись в Казань со стороны порта, захватили вокзал, тюрьму и крепость. В самом городе они заняли окраины. Основные части города были завоеваны подразделениями подполковника Каппеля с юго-востока, по дороге из сел Борисово и Горки. Чехословацкие и русские войска объединились на Арском

поле, к северо-востоку от города 7 августа в 11 часов утра, и в тот же день весь город был очищен от большевиков. Сам филиал Российского Государственного банка находился на Рыбнорядской площади. Последними, кто защищал этот район, были Латышские стрелки под командованием товарища Яниса Берзиня. Сразу после их отхода ненадолго воцарилась анархия, во время которой группа мародеров проникла в банк и начала грабеж. Хотя жители Казани добрались до подземного хранилища банка и покинули его с золотыми монетами в руках, согласно российским источникам, было похищено лишь небольшое количество ценностей. Согласно тем же источникам, чехословацкие легионеры появились в банке около 3 ч дня, после чего «почтенные» казанцы бежали. Необходимо отметить, что в те времена чехословацкими легионерами также часто называли и белогвардейцев, так что, когда по многочисленным тогдашним сообщениям, «белочехи» завоевывали различные места, зачастую по факту там не было даже «ноги» чехословаков. [3]

Против того, что сказано выше, свидетельствуют другие российские источники, согласно которым, большая часть города, включая здание Филиала Государственного банка России, была захвачена подразделениями подполковника Каппеля. Это также подтверждается статьей В.О. Вырыпаева, вышедшей в сборнике «Каппель и Каппелевцы» [4]. Он утверждает, что подразделениями Русской Народной Армии в Казани было конфисковано 650 млн руб. золотыми монетами, 100 млн золотых руб. «кредитных знаков», все государственные запасы платины, золотые слитки и другие ценности. В публикации прямо сказано, что Каппель приказал подогнать ночью трамвайные вагоны к зданию филиала государственного банка и перевезти золото к пароходному порту. Каппелевцам пришлось усердно потрудиться, чтобы перенести мешки с золотом. Некоторые мешки были вскрыты большевиками. На земле были разбросаны золотые монеты достоинством 5, 10 и 15 руб. Солдаты собрали их и сложили на стол, за которым сидел подполковник Каппель, после чего он приказал создать комиссию. Комиссия произвела подсчет собранных монет, затем они были упакованы в отдельный мешок. Автор статьи с одобрением отмечает, что никто даже и не думал припрятать золотые монеты в своих карманах. Все золото было загружено на пароход «Фельдмаршал Суворов» и вывезено по Волге в Самару. К сожалению, автор не указывает никакой даты, когда именно золото было вывезено из Казани. Доктор Й. Кудела [2] дополняет эту информацию сведениями о том, что управляющим финансового отдела (министерства) самарского правительства КОМУЧа был Й. М. Бруншвит, который сразу же после завоевания Казани отдал приказ перевезти золотой запас в Самару. Должностные лица банка в Казани, по сообщениям, проигнорировали этот приказ и первоначально отправили в Самару только 80 миллионов (возможно, в виде банкнот), которые были переданы из Самарского филиала Российского государственного банка

в Казанский филиал Российского государственного банка незадолго до начала боевых действий. За этим последовал второй приказ правительства КОМУЧа, опубликованный в «Журнале Учредительного собрания» № 31 от 14 августа 1918 г., о немедленной передаче сокровищ в Самару. Для организации транспортировки упомянутым Й. М. Бруншвитом были отправлены 100 членов студенческой боевой организации, 100 солдат саперного батальона, 100 членов Самарской организации социалистов-революционеров (эсеров) и 2 грузовых автомобиля. В любом случае, согласно чешскому источнику, русские с самого начала охраняли клад и полностью несли ответственность за его перевозку, включая погрузку и разгрузку. С самого начала и вплоть до 1920 года, с сокровищами также оставались чиновники из Госбанка России, некоторые с своими семьями. Например, на сайте Национального Банка республики Татарстан, который сейчас размещается в здании бывшего филиала Госбанка России, рассказывается о десятом главе филиала статском советнике П.А. Марьине, который, «проявил свою лояльность Советской власти (…), стал настоящим героем, спасая золотой запас государства (…) не оставил без присмотра вверенные ему ценности, когда они были захвачены белочехами, и сопровождал «золотой эшелон» (…) по всей Сибири». Остается без ответа вопрос о том, кто обеспечивал господину статскому советнику средства к существованию, ведь большевики зарплату ему явно присылать не могли. Бог знает, какую лояльность проявил бы господин статский чиновник, если бы белогвардейцы победили. Но вернемся к Золотому запасу. В «Вестнике Учредительного собрания», ч. 38 от 25 августа 1918 г. сказано, что вывоз Золотого запаса завершен [2]. Таким образом, чехословаки в Казани никакого «Российского золота» не крали, поскольку не охраняли его, не совершали с ним никаких действий, а скорее всего, его даже не видели.

В начале сентября 1918 г. русские перевезли золото железнодорожным транспортом из Самары в Уфу. В конце сентября 1918 г., когда шли переговоры о всероссийском правительстве, на которых представители правительства Учредительного собрания – КОМУЧа (Самара) постоянно ссорились с Сибирским правительством (Омск), из-за ситуации на фронте стало также очевидно, что сокровища необходимо эвакуировать дальше на восток, в Челябинск. В это время представители самарского правительства КОМУЧа, опасаясь Сибирского правительства, попросили чехословаков о воинской охране Золотого запаса. Необходимо подчеркнуть, что речь шла о внешней охране. Вагоны были опломбированы печатью самарского правительства КОМУЧа и сопровождались его должностными лицами, в том числе уже упомянутыми должностными лицами отделения Российского государственного банка из Казани. Таким образом, золото было перевезено в Челябинск и доставлено в бетонированные подземные хранилища государственного зернового склада [2]. В середине октября

1918 г. министр финансов уже созданного Всероссийского правительства Директории Иван Михайлов распорядился, чтобы сокровища эвакуировали из Челябинска в Омск, где находилось правительство. Золотой запас из зернового депо был снова перегружен на поезд или даже на поезда и доставлен в Омск. Когда с соблюдением строгих мер безопасности сокровища были переданы в Омское отделение Государственного банка, задача по охране золота была чехословаками выполнена. Есть воспоминания Яна Антоша, служившего во 2-м Чехословацком полку: *«В ночь на 17 сентября мы покидаем Самару в качестве охранников русского Золотого запаса. Нас 21 человек с поручиком* [Франтишеком Владимиром – прим. автора] *Грбачем и 10 поляков. С собой у нас 2 пулемета «Льюис». Мы охраняем 30 вагонов, груженых русскими сокровищами. Это часть Золотого запаса Российского Государственного банка, который был перемещен из Петрограда в Казань. После взятия Казани все сокровища оставались там, а теперь, когда есть вероятность отступления Поволжского фронта, пароходы перевезли золото в Самару, а оттуда с ним едем мы. В нашем поезде также едут некоторые чиновники, которые являются банковскими служащими, и их семьи. На путях беспорядок. Вагоны не в лучшем состоянии, подшипники часто горят, и тогда нам приходится менять вагон на ближайшей станции и перегружать содержимое. В каждом вагоне 175 ящиков золота по 3 пуда. За нами едет второй поезд из 19 вагонов, который охраняется российской офицерской ротой. Мы движемся в темпе улитки. На улице мороз и летит снег. Мы в Сибири. На нас только летняя форма и легкая одежда, потому, что когда мы покидали Самару, еще было тепло. Зима неумолимо приближается к нам. Наконец, 14 октября мы прибываем в Омск, где находится Сибирское правительство. Под сильной военной охраной золото из вагонов перегружается на грузовики и русские власти доставляют сокровища в государственный банк. После передачи всего груза с поезда наш поручик получает подтверждающие документы от Сибирского правительства и благодарности. Второй поезд, находившийся под охраной самарской офицерской роты, этим похвастаться не мог. Чехословацкий доброволец никогда не злоупотреблял своей силой и доверием»* [5]. В этот период чехословаки имели прямой доступ к золоту, но вышеупомянутые подтверждающие документы Сибирского правительства доказывают, что чехословаки ничего не украли из сокровищ. В мемуарах даже есть намек на то, что второй поезд с офицерской охраной из Самары прибыл не полном порядке.

В октябре 1918 г. чехи и «золото» расстались более чем на год. Право распоряжаться сокровищами в этот период имела Уфимская Директория, выполнявшая тогда функции Временного Всероссийского правительства. Директория была создана в Уфе 23 сентября 1918 г. в результате многомесячных переговоров между двумя крупными правительствами Самары и Омска, а также еще 22-

мя другими независимыми региональными органами политической власти, которые управляли на освобожденной (от большевиков) территории России. Демократический период закончился в ночь с 17 на 18 ноября в Омске, где отряд казачьего атамана Красильникова арестовал лидеров Директории и восстановил полномочия Временного Сибирского правительства, которое назначило военного и морского министра Александра Васильевича Колчака Верховным Правителем России. Колчак казнил 500 мятежных социалистов-революционеров и тем положил начало своей диктатуре, которой удалось создать Народную армию, но которая также сопровождалась огромной коррупцией и тиранией, ничем не уступавшей большевистскому террору. Как и любому другому правительству, диктатуре Колчака нужны были ресурсы для финансирования вооруженных сил и стабилизации экономики. Имевшиеся у президента США В. Уилсона сомнения относительно демократичности правительства Колчака [6] затруднили его международное признание и союзники отказались предоставить государственные займы. В своей книге [1] Даниэла Брадлерова утверждает: *«У Колчака не было другого выбора, кроме как обратиться к иностранным частным банковским учреждениям и корпорациям. Из-за того, что те также не решались предоставить кредит, Колчак задействовал Золотой запас. С конца мая 1919 г. по сентябрь 1919 г. из Омска во Владивосток было отправлено в общей сложности 237 277 000 рублей золотом»* и резюмирует*: «68 261 000 рублей золотом правительство Колчака потратило на покупку военной техники и деньги были переведены на счета правительств стран-союзников (Франция, Великобритания, Япония). Другая часть Золотого запаса стоимостью 126 765 000 рублей золотом служила залогом по кредитам, предоставленным банковскими домами в США и Японии. 42 251 000 рублей золотом похитил атаман Семенов в Чите и использовал их для взяток военным и гражданским властям».*

Но даже все это не смогло удержать Колчака у власти. Недостаточно экипированная, истощенная, голодная и деморализованная Народная Армия отступала с лета 1919 г. под натиском хорошо организованной Красной Армии, в итоге Сибирская Республика Колчака терпела полный крах. В это время министры правительства Колчака начали переговоры с главным представителем Чехословацкого правительства в России Богданом Павлу о возобновлении участия чехословацких войск в борьбе с большевиками. В конце сентября 1919 г. министры выступили с предложением возместить расходы Чехословацкой армии за прошедший год золотом (вероятно, из царских сокровищ), а также были предложены другие выплаты, если чехословаки продолжат сражаться. Однако это полностью противоречило решению правительства Чехословацкой республики, которое объявило нейтралитет в гражданской войне и готовило армию к эвакуации на родину. Таким образом, чехословакам вновь не досталось ничего из Золотого запаса, Богдан Павлу был отозван, а на его место полномочного пред-

ставителя Чехословацкого правительства в России был назначен доктор Вацлав Гирса, имевший доверие в войсках. В итоге уже ничто не могло остановить наступающих большевиков и началась эвакуация на восток за Байкал. Сибирское правительство переехало в Иркутск, где продолжало эскалацию террора против оппозиционных демократических партий. Адмирал Колчак оставался в Омске до последнего момента. В начале ноября он отклонил предложение дипломатических представителей стран союзников о международной охране сокровищ. Непосредственно перед падением Омска (данные в материалах различаются, либо 13 или 14 ноября), Колчак и его окружение погрузились на шесть эшелонов и направились на восток.

Эшелоном «А» шел бронепоезд, за ним, в эшелоне «Б» ехал Адмирал Колчак его окружение, а оставшаяся часть Российского Золотого запаса стоимостью 414 254 000 руб. золотом была загружены в 28 вагонов эшелона «Д», состоявшем из 40 вагонов [1]. Во время поездки, несмотря на то, что поезда Колчака должны были иметь абсолютный приоритет, на станции Татарская произошла авария поезда, везущего золото, и были повреждены восемь его вагонов. В последовавшей затем суматохе какое-то, точно не установленное количество золота, пропало. После того, как сокровища были перегружены в новые вагоны, перевозка продолжилась, но между станциями Тайшет и Зима произошла еще одна авария, в результате которой было потеряно 780 000 золотых руб.

В конце декабря встревоженное большевистским наступлением население Сибири все более радикализировалось и возникла угроза восстания, что создавало угрозу для передвижения поездов Колчака в Иркутск. Союзники опасались потери сокровищ. Поэтому Главнокомандующий войсками союзников в Сибири генерал Жанен, после отказа японской стороны продвигаться для защиты Золотого запаса до Нижнеудинска, 25 декабря 1919 г., отправил командиру Чехословацкого Ударного батальона майору Гаску телеграфный приказ об обеспечении военной защиты адмирала Колчака и поезда с сокровищами.

Состав Колчака прибыл на станцию Нижнеудинск 27 декабря. После серии переговоров было решено, что поезда дальше не пойдут и Ударный батальон предотвратит попытки возможной атаки на поезда, так как в тот же день в Нижнеудинске был осуществлен переворот. Постепенно из Нижнеудинска в Иркутск проникла искаженная информация о том, что повстанцы требуют, помимо прочего, выдать им ценные бумаги и золото. В это время командир Ударного батальона запросил Иркутск, должен ли он заниматься среди других вопросов, в том числе и Золотым запасом. 1 января 1920 г. в Иркутске встретились верховные комиссары союзников (Харисс (США), Лампсон (Великобритания), Мауграс (Франция), Като (Япония) и доктор Глос (Чехословакия) и решили, что запас должен остаться в целости и сохранности, должен быть взят под защиту союзников и доставлен во Владивосток, где он будет передан рус-

скому народу по согласованию с правительством России. На основании этой встречи, генерал Жанен в тот же день приказал командиру Ударного батальона привлечь свидетелей из местных чиновников и взять Золотой запас под охрану Ударного батальона. Командир Ударного батальона немедленно передал приказ начальнику штаба адмирала Колчака генералу Занкевичу и представителю повстанцев Кравкову [2].

4 января 1920 г. Золотой запас был передан под охрану Ударного батальона с участием комиссии, состоявшей из председателя капитана Блаха (Ударный батальон), членов: поручика Тальского, подпоручика Ржечинского (оба – Ударный батальон), инженера Арбатского (председатель госбанка адм. Колчака), Березина (ревизор госконтроля адм. Колчака), Н.П. Кулабко (старший казначей), двух свидетелей из рядов повстанцев из Нижнеудинска. Ревизия Золотого запаса комиссией проводилась лишь выборочно, потому что для более детальной проверки (с точным взвешиванием и химическими анализами) не было времени. Согласно одному источнику, когда представители повстанцев узнали, что точное взвешивание и другие проверки не будут проводиться, они отказались участвовать в работе комиссии. Для каждого вагона финансовые служащие имели точные накладные с указанием количества ящиков, количества мешков, количества пломб с печатями и т. д. Комиссия проверила в общей сложности 3 вагона, с которых были сняты пломбы. Количество мешков и ящиков точно соответствовало накладным. Кроме того, вес проверенных ящиков и мешков точно соответствовал спискам. Монеты в одном из мешков были пересчитаны. Большие печати российского правительства были целы на всех коробках и сумках. Затем указанные вагоны были закрыты и опечатаны представителями государственного банка и государственного контроля. Был также написан отчет о всей процедуре проверки, который был подписан всеми членами комиссии. Согласно отчету комиссии, в 28 вагонах содержалось следующее государственное имущество России: 4959 ящиков с золотыми монетами номиналом 5, 10 и 15 руб., общим весом 19 904 пуда и 29 фунтов, 197 ящиков с золотыми слитками, общим весом 838 пудов, а также 1 678 и 11 мешков с золотыми монетами общим весом 5000 пудов. Номинальная стоимость денег в мешках и ящиках составляла 90 000 000 руб. золотом. Номинальная цена золотых слитков составляла 13 005 359 руб. золотом (пуд = 16 кг, фунт = 409,5 грамм). Эти данные скопированы с русских записей. Мы оставляем читателю возможность самому посчитать стоимость золотого запаса на момент взятия его под охрану.

Указанные 28 вагонов были временно прицеплены к поезду пулеметной роты Ударного батальона, а русскую охрану из числа бойцов адмирала Колчака сменили чехословацкие ударники. О произведенной передаче ценностей сообщили по телеграфу. 4 января 1920 г. адмирал Колчак вышел из состава правительства, а 6 января распустил свою свиту. В тот же день Колчак переехал из

трех вагонов в один пассажирский вагон, который был прицеплен к поезду с золотым запасом. Согласно приказу генерала Жанена № 035, который поступил в Ударный батальон 7 января 1920 г. Колчак и Золотой запас были взяты под охрану смешанного чехословацко-югославско-русского караула. Однако обстановка в Нижнеудинске и его окрестностях ухудшалась. Значительное количество местного населения радикализировалось, и в окрестностях города действовало все больше различных повстанческих отрядов. Поэтому командир Ударного батальона запросил указаний, для того чтобы сокровища были вывезены дальше на восток. Запрашиваемый приказ поступил 8 января, и в тот же день охранять сокровища было поручено 1-му батальону 6-го Чехословацкого Стрелкового полка, чей поезд как раз проезжал через Нижнеудинск. Для этого батальон был разделен на 2 состава. К одному составу были прицеплены 28 вагонов с сокровищами, а к другому составу прицепили все пассажирские вагоны, включая вагон адмирала Колчаком. Оба поезда отправились из Нижнудинска в Иркутск в тот же день [8]. Утром 12 января 1920 г. на станции Тыреть (в 200 км к западу от Иркутска) один из чиновников государственного банка России заметил, что с одного из вагонов сорваны пломбы. Проверка показала, что в отличие от описи, составленной 4 января 1920 г., в вагоне обнаружилась недостача 13 ящиков с золотом на общую стоимость 780 000 рублей. Впоследствии выяснилось, что в ту ночь в карауле стояла русская часть смешанной охраны союзников. О происшедшей краже письменно сообщил как командир чехословаков, так и русские чиновники, но виноватых так и не нашли, потому что русские охранники якобы не заметили ничего подозрительного [9]. В своей книге [1] Даниэла Брадлерова помогла раскрыть это преступление почти через 100 лет. Она получила разгадку в письме господина Йиржи Несера, который записал воспоминания своего деда, легионера Эмиля Кукса: *«В день преступления вместе со своим русским другом он был поставлен на охрану стоящего поезда. В какой-то момент командир русской охраны попросил их прийти на помощь. Дойдя до конца состава, Кукс увидел лежавшие на снегу деревянные ящики. Эмиль Кукс вспоминает: «Тяжелые ящики были погружены на сани и, к моему удивлению, доставлены в лес. У меня было какое-то неприятное чувство от этого. За сгоревшим домом в земле была вырыта большая яма, в которую поместили шесть ящиков. Русский офицер открыл один из них, и, к моему удивлению, ящик был полон золотых монет. Солдаты были уже сильно навеселе от выпитого алкоголя. Яму укрыли и замаскировали обломками дома и мусором, который лежал вокруг. Сверху все забросали снегом. Развели большой костер и было выпито много водки и самогона. Через некоторое время пришел мой русский друг и сказал мне, что он слышал как командир приказал двум охранникам убить меня, как свидетеля грабежа. Друг сказал, что он их напоит, а я должен использовать этот момент и убежать. Все это произошло на станции Ты-*

реть». Легионеру удалось выжить, и его воспоминания являются доказательством того, что даже в этом случае чехословаки золото не брали.

Личность Колчака и вагоны с Золотым запасом привлекали к себе нежелательное внимание всех вооруженных формирований в Сибири, а меры по их охране создавали серьезную проблему для эвакуации чехословацкого войска. В Иркутске в начале января к власти пришло левое, но не большевистское правительство так называемого Политцентра, которое запросило чехословацкий легион о выдаче адмирала Колчака и Золотого запаса. Представители Союзников не согласились и потребовали, чтобы чехословаки перевезли золото за байкальские туннели и передали его японцам. Главнокомандующий Чехословацкими войсками генерал Сыровы решительно протестовал против нереалистичных требований Союзников, так как осозновал, что его изможденная армия столкнулась с реальной угрозой уничтожения [9]. После того, как не удалось достичь другого соглашения о транзите чехословаков, а также после известия о неоправданном убийстве 31 заложника из числа демократов, вывезенных из Иркутска правительственными войсками, а затем убитых казаками Атамана Семенова на Байкале, генерал Жанен согласился передать адмирала Колчака в руки правительства Политцентра, что произошло 14 января 1920 г. 16 января охрану Золотого запаса взяла на себя 8-я рота 8-го Чехословацкого Стрелкового полка [10]. Последние события показали, что большевики де-факто являются единственными представителями русского народа. После того, как замыкающие части Чехословацких войск показали большевистскому авангарду, что чехословацкие солдаты еще не разучились воевать, обе стороны вступили в переговоры, которые были завершены 7 февраля на станции Куйтун. В пункте 6 условий перемирия было согласовано: *«Золотой запас Российской Советской Федеративной Республики ни в коем случае не будет вывезен на восток, останется в Иркутске под смешанной охраной чехословацких и советских войск и будет передан в Иркутский исполком (местный совет) при отправке последнего чехословацкого эшелона»* [11]. Поезд с золотом был поставлен на стоянку у станции Глазково и охранялся смешанным караулом под командованием чехословацких легионеров. Чтобы не допустить отхода поезда, перед ним были разобраны пути, стоянка была обнесена забором с железной проволокой, а рядом с поездом стоял под парами локомотив, который бы мог врезаться в состав при попытке отъезда. В середине февраля в Иркутск прибыл штабной поезд 10-го Чехословацкого Стрелкового полка и охрану золота с 17 февраля взяли на себя его солдаты [12].

На основании соглашения о перемирии 26 февраля, приказом советского финансового департамента и военно-революционного комитета, а также одновременно приказом командующего чехословацкими войсками Иркутске была создана комиссия для передачи Золотого запаса. В состав комиссии вошли: председатель комиссии – начальник финансового отдела Ф.И. Громов, члены

комиссии – Н.А. Страшкевич (финансовый отдел), Н.А. Никольский (государственный контроль), М.Ф. Миллионщиков (ЧК), И.Е. Затылков (штаб Забайкальского железнодорожного союза), капитан Лисы (командир 7-й роты 10-го Чехословацкого Стрелкового полка) и подпоручик доктор Грдина (член суда 3-й Чехословацкой Стрелковой дивизии). Позже к комиссии присоединились г-н Бендак от органа государственного контроля и командир взвода 5-й роты 10-го Чехословацкого Стрелкового полка подпоручик Новак, в итоге комиссия состояла из 6-ти русских и 3-х чехословаков. Одним из присутствовавших был также главный казначей Российского государственного банка Н.П. Кулабко, который присутствовал еще при передаче Золотого запаса от адмирала Колчака.

26 февраля комиссия составила протокол о том, как будет передан Золотой запас, и решила, что до отъезда последних чехословацких частей охрану сокровищ будет нести смешанный чешско-советский караул. На следующий день началось принятие золота. Все было проверено по списку от 4 января 1920 г., то есть согласно документам, ранее имевшимся у чиновников адмирала Колчака. Все вагоны были открыты, все ящики и мешки подсчитаны.

В это же время все было перегружено в крупные американские вагоны. В первый день было заполнено 4 американских вагона (1 821 ящик), 28 февраля – 4 американских вагона (402 ящика, 1 678 мешков) и 29 февраля – только 2 американских вагона (1 040 ящиков), поскольку администрация железной дороги больше не предоставила американских вагонов. По этой причине остальное золото осталось в старых вагонах. Наконец, комиссия заявила, что советская сторона приняла для смешанной охраны все вагоны с золотым запасом, итого 10 американских вагонов и 8 обычных вагонов, в общей сложности 5 143 ящика и 1 678 мешков. Согласно таблице Даниэлы Брадлеровой [1], комиссия Громова передала советским властям в Иркутске 409 500 000 руб. золотом. В отношении общей реальной стоимости переданного запаса мнения расходятся. Согласно протоколу передачи, его стоимость была оценена в 650 000 000 руб. золотом, но чиновники Государственного банка России, которые все еще сопровождали клад, оценили его стоимость в 1 100 000 000 руб. золотом. 1 марта 1920 г. в 13:35 2-я Пулеметная рота 10-го Чехословацкого Стрелкового полка под командованием поручика Цинке передала состав с Золотым запасом 7-й роте Иркутского Советского караульного полка под командованием товарища Шелепина. В тот же день в 19 ч из Иркутска отправился поезд с последними воинами 10-го Чехословацкого полка. [13] В последний раз чехословаки держали под своим контролем Царский Золотой запас с 4 января 1920 г. по 1 марта 1920 г. Как видно из приведенных материалов, Чехословацкие легионеры передали то же количество золота, которое они получили, за исключением упомянутых 13 ящиков, за кражу которых они не несут ответственности. Даже в этот период не было никакого повода, чтобы утверждать, что чехословаки украли «золото», а многочисленные обвинения в этом чехословаков не имеют под собой никаких

оснований. Было бы похвально, если бы все те авторы, которые обвиняют чехословаков, признали бы принцип презумпции невиновности, пошли бы в чешские и русские архивы и занялись бы тщательным изучением документов.

Когда они увидят данные о реальной стоимости и составе Золотого запаса, взятого в Казани, когда изучат судьбы российских чиновников, сопровождавших сокровище, когда у них на руках будут протоколы о передаче Золотого запаса из рук адмирала Колчака в руки Чехословацких солдат, как и более ранние протоколы, с момента вывоза сокровищ из Казани, тогда мы можем говорить о конкретных вещах. Тогда можно поднять вопрос -кто конкретно, а главное когда и где мог похитить Золотой запас или его часть. До тех пор о краже может писать только бульварный писака, а не настоящий исследователь .

Результаты исследования. В предыдущих строках мы кратко описали историю Российского Золотого запаса в то время, когда чехословацкие легионеры пребывали в России и когда их судьба несколько раз пересекалась с судьбой золотого запаса. Основываясь на исторических документах, мы пытались показать, что чехословаки не только не крали царское золото, но и наоборот, пытались предотвратить его разграбление. До войны это было сокровище невероятной ценности, которое использовалось для обеспечения царского рубля. Уже во время Первой мировой войны, а затем во время гражданской войны золотой запас постоянно истощался. Постепенно, большая часть царского золота оказалась не в России, а в банках Великобритании, США, Франции и Японии. А после того, как Золотой запас перешел в распоряжение советского правительства, продажа золота продолжилась. Анастасия Копржива, бывший директор Славянской библиотеки в Праге, цитирует официальную советскую литературу второй половины 20-го века в статье на исторической конференции на Урале: *«Царский Золотой запас, после его захвата Советами, помогал распространить социалистическую революцию в Европе».* А как же чехи? Здесь я бы хотела использовать несколько упрощенный, но зато более убедительный аргумент, которым я уже несколько раз заканчивала дискуссию о «краже» сокровищ: *«Если бы в Чехословакии был бы хоть один золотой слиток из Царского запаса, то можно не сомневаться, что в конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века советский лидер И.В. Сталин, вывез бы все это золото в Советский Союз. Никто не мог помешать ему похищать и вывозить в СССР чехословацких граждан российского происхождения или уран с Яхимова, неужели бы он оставил нам золото? Но он очень хорошо знал, куда ушло все царское золото, а потому не стал искать его у нас».*

За скобками

В 2012 г. Общество Чехословацких Легионеров опубликовало дневник легионера Франтишека Новака «Я передавал царский клад», в качестве первой

части «Издания мемуаров Общества Чехословацких Легионеров». Учитель Франтишек Новак в чине подпоручика был членом смешанной чешско-российской комиссии по передаче Золотого запаса, ниже представляем Вам его воспоминания о передаче сокровищ:

«Я упоминаю здесь о передаче золотого запаса, потому что я стал непосредственным участником этого исторического события, которое я считаю одним из самых важных в моей жизни. Тот факт, что из многих других старших офицеров членом комиссии по передаче золотого запаса был назначен я, офицер лишь в чине подпоручика, свидетельствует об уверенности в моей честности и порядочности, качествах наиболее важных при выборе человека для выполнения этого чрезвычайно ответственного дела. Полковник Чила, вручая мне удостоверяющие мою личность бумаги, подписанные командиром дивизии полковником Прчалой, сказал: «*Весь мир будет смотреть на нас в эти дни, как мы это делаем. Золотой запас является достоянием русского народа. Советы – на сегодня его единственное правительство. Проведем передачу честно и справедливо. Пусть большевики увидят, что у нас никогда не было нечистых намерений. Кто и почему вызвал противостояние с ними, однажды рассудит лишь праведная история».*

Состав с Золотым запасом, вывезенным из Санкт-Петербурга и Казани, охраняемый союзниками и нашей гвардией, стоял на тупиковом пути иркутского вокзала. В соответствии с условиями соглашения о прекращении огня, согласованного с большевиками в Куйтуне 7 февраля, было заявлено, что золото будет передано Иркутскому Совету перед отъездом нашего последнего поезда.

26 февраля состоялось первое заседание комиссии, на которой присутствовали 6 представителей местного Совета и 3 чеха (в том числе и я). Приемка и перегрузка золота продолжались с 27 февраля по 1 марта. К составу с золотом был подогнан состав, состоящий из длинных грузовых вагонов (так называемых американских вагонов), которых было в общей сложности 12. Как проводился подсчет и контроль, написано в брошюре моравского профессора Доктора Йозефа Куделы. Золото было в ящиках и сумках в виде слитков, песка, а также в виде русских и иностранных золотых монет. Согласно протоколам, его стоимость оценивалась в 650 миллионов рублей золотом, но чиновники государственного банка, которые сопровождали золото в течение трех лет (некоторые даже с семьями), утверждали, что его минимальная стоимость составляет один миллиард сто миллионов рублей. Заниженная стоимость была указана по политическим и агитационным соображениям.

Мы загрузили в общей сложности 10 американских и 8 обычных грузовых вагонов. Подписали протоколы, затем было короткое, но трогательное прощание. Мы с членами комиссии и с должностными лицами Государственного банка тепло пожали друг другу руки, а затем вышли, чтобы выполнить последний

акт: смену караула у сокровищ. Как рядовой офицер, я также был командиром караула охраны золотого запаса, который в тот памятный день 1 марта был сформирован из взвода 2-й пулеметной роты 10-го полка. Их поезд остался последним, остальные уже уехали.

Оба караула стояли друг против друга. Я носил черную, астраханскую папаху, новый плащ, кожаную портупею и саблю. После обычной церемонии два командира вышли и поприветствовали друг друга обнаженными саблями. Сначала мы повели саблями в левую, а затем в правую сторону. И в этот момент, случилось то, чего я не ожидал: советский командир развел руками, притянул меня ближе и два раза искренно, по-русски поцеловал меня в лицо... Это произошло на станции Иркутск 1 марта 1920 г. в 7 часов вечера.

Тридцать лет спустя скульптор Покорный создал скульптуру, которая изображает советского солдата, обнимающегося с чехословацким воином. Тем не менее, я не был моделью для этой скульптуры. Этот памятник был создан, чтобы отпраздновать братание между нами и Советской армией во время освобождения Праги в мае 1945 г. Но первым, кто испытал на себе такое приветствие, конечно невольно, был – я. Пусть это будет отмечено на будущее».

Список источников и литературы:

1. Brádlerová D. Vojáci nebo podnikatelé? Hospodářské a finanční aktivity československých legií během jejich anabáze v Rusku a na Sibiři. Praha, 2019. 430 s.

2. Kudela J. O ruském zlatém pokladě a československých legiích. Praha, 1922. 23 s.

3. URL: www.vep.ru/bbl/history/cbr-176.html (дата обращения 01.07.2021).

4. Алекаев А. Н. Каппель и Каппелевцы. Военно-историческая серия «Белые войны». 2-е издание. Москва, издательство «Посев», 2007. 778 с.

5. Roubal V (red.). Druhý pluk vzpomíná… Sborník vzpomínek starých vojáků pěšího pluku 2 «Jiřího z Poděbrad». Praha, 1936.

6. Richard C. J. Americká invaze do Ruska. Šedesát tisíc amerických mariňáků a české legie. Praha, Pragma, 2014. 160 s.

7. Vejnar J. Úderný prapor. Kronika prvního úderného praporu «Sibiřských legií». Praha, 1930. 323 s.

8. Kubíček A. Hanáci v revoluci. Kronika 6. čsl. střeleckého pluku Hanáckého. Olomouc, 1928.

9. URL: www.valka.cz/12579-Rusky-zlaty-poklad-a-cs-legionari (дата обращения 12.07.2021).

10. Vláčil F. Slezský pluk Stručná kronika 8. čs. střeleckého Slezského pluku. Místek, 1933. 98 s.

11. Medek R. Za Svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914–1920. Praha, 1928. 867 s.

12. Písecký F. Dějiny pěšího pluku 10 Jana Sladkého Koziny. Brno, 1927. 314 s.
13. Šteidler F. Vl. Československé hnutí na Rusi (Informační přehled). Praha, 1921. 112 s.

Для цитирования: Пануш Б., Мойжиш М. Золотой запас Российской империи и чехословацкие легионеры // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 196–211.

© Пануш Б., Мойжиш М., 2021

УДК 93/94

«ТУРБИНЫ» В УРУГВАЕ

Камило Монтелонго [1]

[1] независимый исследователь, Монтевидео, Уругвай

[1] camilo25watts@gmail.com

Аннотация: автор рассматривает историю нескольких волн русской эмиграции в Уругвай в конце XIX – первой половине XX в. Приводится периодизация русской эмиграции в Уругвай до прибытия белых эмигрантов, рассказывается об адаптации белых эмигрантов на новой родине, затрагивается культурное влияние российских эмигрантов на уругвайское общество. Автор приходит к выводу, что в Уругвае, в отличие от других стран Южной Америки, не военное дело, а гражданские занятия охватили большую часть русских эмигрантов.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Уругвай, социальная адаптация, эмиграция, эмигрантская пресса.

Постановка проблемы: Цель работы заключается в том, чтобы представить характеристику белой эмиграции, в частности, деятельность белых казачьих организаций, происходившую в Уругвае с середины 1920-х гг. по приблизительно 1950 г. Был сделан выбор в пользу исследования военного компонента эмиграции, который прибыл в нашу страну, до того времени, пока у него существовала задача сбережения русских корней за счет сохранения православной

веры в новой стране проживания (это группа иммигрантов, основавшая первый православный храм в нашей стране, который существует по сей день — Свято-Воскресенский храм, построенный в 1926 г.), создания культурных и общественных ассоциаций эмигрантов, а, с другой стороны, необходима была ассимиляция или интеграция, главным образом трудовая, в наше общество.

Следует также подчеркнуть, что выбор этой группы заключается в ее присутствии в уругвайском обществе, в наличии взаимодействия на основе трудовых и культурных отношений с уругвайским обществом. Эти аспекты вряд ли заметны в эмигрантах, относящихся к группам священников и представителей интеллигенции и знати. Эти две группы в значительной степени выбрали место жительства на курортах, расположенных вдали от столицы и городских центров, и их взаимодействие с уругвайским обществом трудно обнаружить. На основе изучения конкретных дел потомков белых и казачьих офицеров мы можем наблюдать огромное культурное влияние этой группы на наше общество.

Основная часть. ***Демографическая структура и российская эмиграция***

В стране, где в течение XIX в. был практически разрушен компонент коренных народов, эмигрантский компонент стал ключевым фактором роста населения. Происходя из государства, где преобладала крупная собственность, вытеснявшая рабочую силу из села, эмигранты, прибывшие в нашу страну, обосновывались, главным образом, в городской среде столицы и на протяжении нескольких десятилетий вносили большой демографический вклад в формирование нынешнего уругвайского общества. В конце XIX в. иностранное население Уругвая составляло 30% от общей численности населения страны, а в начале XX в. – 17%. В столице в конце XIX в. иностранная составляющая включала 46% населения, в начале – 30% [1, P. 113].

Хотя в количественном выражении российская эмиграция (и особенно эмиграция со всей Восточной Европы) между 1880 и 1919 гг. была значительно меньше эмиграции испанцев и итальянцев, начиная с 1919 г. и до 1931 г. значительно растет число выходцев из центральной и восточной Европы [2] в результате политических фактов (революций и прихода к власти партий фашистского толка) и экономических причин. В страну прибывают больше русских, поляков, венгров, литовцев, немцев [3, P. 108], которые вносят разнообразие в этническое присутствие и способствуют торгово-промышленному и сельскохозяйственному развитию нашей страны.

Российское присутствие на берегах реки Ла-Платы с целями на пребывание в стране, за пределами географических исследований и дипломатических миссий Российской Империи, начинается с последней четверти XIX в. [4, С. 3] и продолжается на протяжении всего XX в. Ниже приводится периодизация русской эмиграции в Уругвай до прибытия белых эмигрантов:

а) в последней четверти XIX в. в Рио-де-ла-Плата (особенно в Буэнос-Айрес и в меньшей степени в Монтевидео) начинают прибывать группы евреев,

въезжающие в порты региона по российским паспортам, спасаясь от царских репрессий;

б) в 1913 г. в Уругвай прибывает ещё больше групп русских эмигрантов для переговоров национального правительства того времени с представителями религиозной группы «Новый Израиль», находившейся в изгнании, главой которой был Василий Любков. Благодаря переговорам с государством они получили доступ к земле и создали сельскохозяйственную колонию по имени Сан Хавьер, на берегу реки Уругвай;

в) приезд россиян продолжается и в последующие годы, одни из них прибывают непосредственно из России, другие приезжают сначала в Аргентину, пробуют в этой стране удачу, а если не могут обосноваться в аргентинских городах, то эмигрируют в соседний Уругвай. Въезд и уход россиян – это постоянная часть эмиграционного процесса, они прибывают, а если успеха нет, уезжают в соседние страны. В 1920 г. на север Уругвая, в город Сальто, который находится на реке Уругвай, прибыло значительное количество эмигрантов, многие из которых были выходцами из Украины – крестьянами и рабочими. В 1925 г. группа евангелистов-баптистов поселится в городе Фрай-Бентос, крупном промышленном городе, также расположенном на реке Уругвай [5, С. 78].

До сих пор мы говорим об эмигрантах из сельских районов, об эмигрантах, принадлежащих к религиозному «диссидентству», которые не принадлежали к православной вере и которые стремились вести свою жизнь, работая и исповедуя свою религию без каких-либо преследований;

г) в среде российских эмигрантов, прибывших сначала в Аргентину, а затем в Уругвай, было немалое количество выходцев из сельской местности, представителей пролетариата. Эти люди оказали большое влияние на формирование рабочего класса в Монтевидео и на организацию профсоюзов в этих отраслях.

Наша историография активно изучала основание Сан-Хавьера, уделяла особое внимание этой волне эмиграции, но оставила в тени следующие аспекты, порождая таким образом лакуны в восстановлении истории русской эмиграции.

Белые эмигранты. Белая русская эмиграция, в отличие от эмиграции из других стран, не представляет собой трансатлантическое движение рабочей силы, и здесь речь не идёт о человеческом капитале, который эмигрирует, что в значительной степени определяет интерес к изучению этого феномена. Это эмиграция людей, которые в условиях крайне чрезвычайной ситуации вынуждены были покинуть Россию. В Уругвай прибыли священники, представители дворянства (среди которых выделялась княгиня Екатерина Иоанновна Романова, одна из последних представительниц Императорского дома Романовых), высокопоставленные военные, казачьи офицеры и представители интеллиген-

ции, в частности, имевшие мировую известность писатели и публицисты (например, Михаил Дмитриевич Каратеев, осуществивший большую часть своего литературного творчества в нашей стране).

В то время как настоящая работа не направлена на углубление теоретических размышлений о терминах «беженцы» и «эмигранты» и на обсуждение теоретических вопросов, касающихся белой эмиграции, следует отметить ценность эмигрантской литературы для того, чтобы переосмыслить характер этого миграционного движения.

В одной из русских публикаций белой эмиграции с хорошей аналитической составляющей, А.А. Дмитриев сравнивает русскую революцию с французской: «Эмигрантом обычно называется человек, покинувший свою страну из-за побуждений идеологического или материального характера. История Великой Французской революции дала пример массовой политической эмиграции и история США – пример эмиграции, образовавшейся в силу стремления создать лучшие материальные условия существования. Мы видели, как в результате Гражданской войны многие русские покинули свою страну, но нельзя всех назвать эмигрантами в полном значении этого слова» [6, С. 27].

Эти русские, эмигранты или беженцы, покинувшие свою страну в результате войны, прибыли в Латинскую Америку (особенно в Аргентину, Чили, Парагвай и Уругвай) из Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, другие – из Болгарии. Сотни семей находились в лагерях Лемнос и Галлиполи, им удалось пересечь Атлантику в поисках других земель, которые позволили бы им устроить свою жизнь. Среди белых офицеров, которые прибыли в нашу страну, наюлюдается подавляющее присутствие казаков с Кубани, из которых стоит упомянуть Игоря Чебатарева, Александра Шилкина, донцов Константина Жирова, Александра Манухина, Николая Черного, Тимофея Козьму и терцев Михаила Агадьяна и Петра Аликова.

Эти эмигранты, как и остальные приезжие (испанцы, итальянцы и другие) создали центр – «Русское общество взаимопомощи», чтобы поддерживать друг друга в «новой» стране. Они будут стремиться организовать свою жизнь в соответствии с обычаями, которые у них были в России. Из этой формы рождается «Казачий Центр», который возглавил Мисост Гайтов из «Дикой дивизии» (видный военный с Кавказа) [5, С. 70]. О попытке продолжить свою жизнь в том виде, в каком она была на родине, можно судить по заметке 1931 г. в журнале «Родимый Край», опубликованной в его постоянном разделе: «По зарубежнымъ станицамъ и хуторамъ. Южная Америка. Въ Монтевидео (Уругвай) образовалась Общеказачья станица. Въ своемъ Донскому Атаману новое Станичное Правленіе сообщаетъ, что станица постановила войти въ составъ Казачьяго Союза. Станичнымъ Атамановъ избранъ Петръ Мих. Пучковъ (Д.В), Пом. Атамана – М.П. Морозовъ (Куб. В.), Ст. Писаремъ — А. Ф. Калининъ

(Д.В). Новая станица утверждена Донскимъ Атаманомъ и включена Пр. Каз. Союза въ составъ Союза» [7, С. 44].

Создание станицы в Уругвае представляет собой заметную попытку сохранить на этих далёких землях суть казачества. К сожалению, у нас нет других источников, которые позволили бы узнать о ее жизни и о том, где она находилась. В тексте приводится список органов власти и принадлежности к высшей организации, но все же интересно, что в такой стране, как Уругвай, образуется поселение с подобными особенностями. Это открывает ряд вопросов. Преподавался ли русский язык детям казаков? Это очень важно, потому что сохранение языка связано с защитой идентичности, особенно в стране, где начальная школа (социализирующий агент по существу) была обязательной. Была ли борьба за русский язык в станице и в других организациях, основанных казаками и офицерами? Была ли в станице военная подготовка? Это интересно, потому что в Уругвае монополия на вооруженную силу принадлежит государству, и абсолютно запрещено формирование негосударственных вооруженных сил. Какие отношения были между уругвайцами и членами этой станицы? Решал ли атаман конфликты, возникшие внутри казачьих семей? Как долго эта станица могла существовать? Возможность доступа к устным источникам – рассказам потомков этих старых эмигрантов, а также к семейным архивам, возможно, в будущем позволит дать некоторые ответы на заданные вопросы.

Мы указали на политический характер этой иммиграции (не только белые приезжали в Уругвай, до этого в начале века в Монтевидео поселились русские анархисты из Буэнос-Айреса) [4, С. 293], и для этого интересно привести некоторые исследования о русских, которые также вынуждены были эмигрировать. В отличие от того, что было сделано историографами, направившими своё внимание на массы или политиков-революционеров или же на полюсы революции-контрреволюции, автор пытается подумать о характере тех, кто покинул Россию, характер побежденных, «от беженцев к эмигрантам», которые покидают свою родину, чтобы спасти жизни. Таким образом, в связи с чрезвычайными условиями, сложившимися после поражения в Гражданской войне, было бы разумнее говорить о беженцах, а не об эмигрантах.

«Более подходящим для них является слово «беженцы» (как они и сами себя называли в первые годы своего пребывания за границей). На самом деле выезд беженцев из России был вызван не тем, что их политические взгляды шли в разрез с коммунистическими: никакой своей идеологии беженцы не имели; вместе с тем – никогда эти беженцы не стремились уехать за границу (подобно хотя бы выходцам из Англии, положившим основание США) для создания лучшей жизни, в материальном отношении: беженцы убежали из России, чтобы спасти свои жизни – вот главный побудитель оставления ими своей Родины» [6].

Этот автор утверждает, что в одном из секторов эмиграции присутствовали противники советской власти. Исторический опыт показал роль контрреволюционной эмиграции (пример Франции в XVIII в.) в организации и осуществлении прямого вмешательства против нового режима. Следует отметить, что в Уругвае эта контрреволюционная цель также существовала, однако, согласно представленным источникам, через несколько лет она исчезла. Как известно, те офицеры-эмигранты, которые хотели реванша (например, П.Н. Краснов), во время Второй мировой войны связались с нацистами.

«Другая часть обывателей решила ждать скорого возвращения в Россию: её сознание не могло ни усвоить, ни примириться со своим поражением и изгнанием. Эти беженцы отчасти машинально, отчасти сознательно остались в воинских частях: воинские части должны были, по их представлению, въехать в освобожденную Россию раньше штатских беженцев. Однако годы шли, а ожидаемых интервенций и всенародного восстания в России не было» [6].

В соответствии с утверждением автора, в Уругвае аналогичная ситуация сложилась и в отношении белых офицеров, которые входили в состав армий генерала П.Н. Врангеля, об этом говорят источники: «Прибыв в Уругвай через Аргентину из турецких лагерей на островах Ленмос, Галлиполи и других, они ожидали скорого возобновления боевых действий против большевиков и длительное время «сохраняли» себя как военную силу, готовую выступить при первой возможности» [5, С. 67].

В Уругвае, а также во всей Америке, существовали группы белых офицеров и казаков, связанные с Вооруженные силами Юга России, которая не была единственной активной контрреволюционной силой в Америке [8, С. 426]. В Уругвае самым видным представителем этой организации являлся донской казак Константин Фемистоклович Жиров. Он родился в 1897 г., происходил из казаков станицы Терновской Области Войска Донского. Служил в Добровольческой армии. Был участником l Кубанского («Ледяного») похода, с 1 апреля 1918 г. – в чине хорунжего. В Донской армии служил в l-й сотне лейб-гвардии Атаманского полка. Сотник с 3 ноября 1919 г. Награжден Орденом св. Анны 4-й степени 31 марта 1920 г. Во ВСЮР и Русской Армии пребывал до эвакуации из Крыма на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». В эмиграции в Уругвае. Умер в 1962 г. в Монтевидео [9, С. 189, 190].

Это интересный факт для политической жизни Уругвая, потому что он не только принимал эмигрантов, преданных социалистическим или анархистским идеям (например, итальянцев и испанцев), но и получил поток эмигрантов – активистов консервативных, реакционных и контрреволюционных идей.

Следует отметить, что белые офицеры, проживающие в Уругвае, также основали монархические организации, хотя в то время район Рио-де-ла-Плата был одним из самых сильных республиканских полюсов на американском континенте за всю его историю. Эта интенсивная политическая деятельность, которая

не охватывала большую массу жителей, сопровождалась распространением среди его части различных органов российской зарубежной прессы антисоветского характера, например, журналов «Часовой» и «Вестник». О политической активности белых в Рио-де-ла-Плате рассказал русский эмигрант: «Только послевоенная русская эмиграция (беженцы) внесли в Америку монархизм, не захвативший широких масс и ставший достоянием незначительных групп» [10, С. 399]. Здесь также возникает ряд вопросов. Какое влияние имели эти консервативные, антисоветские и монархические группы в рамках всей российской общности в Уругвае? Сколько лет прошло с тех пор, как они вошли в жизнь страны, как представляли себе страну, которая их приняла? Какие действия, связанные с этими представлениями, предпринимались, и с какими уругвайскими политическими партиями ощущались более широкие узы идентификации и принадлежности? В период Великой Отечественной войны в российской обществе вспыхнут конфликты, связанные с поддержкой или отрицанием советского режима, с четкой симпатией к силам Оси. Это стало поводом для раскола в среде российской иммиграции, который привел к углублению разрыва между белыми и красными русскими, собравшимися в других культурных центрах.

Эти военнослужащие не входили ни в состав армии, ни в состав полиции Уругвая. Их потомки также не повторили карьеру своих родителей. Они интегрируются в уругвайское общество, занимая самые разнообразные должности, в частности, на английских предприятиях, которые имели транспорт (железные дороги и трамваи) и оказывали услуги в Уругвае.

Видные военные из числа белых иммигрантов занимались различными видами деятельности, с тем, чтобы иметь возможность жить, например, Гайтов поработал в железнодорожной компании [5, С. 69], Жиров в Уругвае был театральным декоратором в нашем большом театре «Солис» и управял мастерской по изготовлению витрин [5, С. 69].

В ходе поиска источников для выполнения этой работы автор смог провел интервью с Вадимом Владимировичем Корольковым – одним из сыновей офицера с яркой судьбой Владимира Михайловича Королькова. Он «родился 18 апреля 1887 г. в Тамбовской губернии. Из дворян, сын губернского предводителя дворянства. Получил образование в Училище правоведения, учился в Александровском военное училище с 1907 г. Поручик лейб-гвардии Преображенского полка. В Добровольческой армии с 28 декабря 1917 г. в политическом отделе штаба армии. В 1918 г. командирован в Нижний Новгород для вербовки офицеров, в 1919 г. отправлен в Германию для эвакуации русских пленных во ВСЮР. Эвакуирован из Новороссийска на корабле «Леополис». В Русской Армии с 15 июня 1920 г. в эскадроне Кавалергардского полка в гвардейском кавалерийском полку, начальник полковой команды по сбору оружия до эвакуации Крыма. В эмиграции в Уругвае, председатель русского монархического объединения. Умер 25 февраля 1962 г. в Монтевидео» [9, С. 247]. Корольков жил

в столице Уругвая, поработал на трамваях, продавал пианино в известном музыкальном магазине нашей столицы, поработал настройщиком роялей, и также занимал место в железнодорожной компании, в нём делал статические графики.

В Уругвае Корольков познакомился с Марией Валерьевной Каверзневой (приехала в Уругвай в 1914 г.). В России она изучала игру на фортепиано и пение, и в Уругвае работала преподавательницей музыки. В Уругвае у них родились два сына и дочь, Валерий, Вадим и Марина. Вадим и Марина прославились в мире сценического искусства. Вадим не учился в военной школе, как хотел его отец, а занимался актёрской деятельностью. Но именно Марина продолжила занятия, типичные для девушки, родившейся в дворянской семье: танцы, балет и стала великой балериной нашего национального ансамбля в 1950-х гг. Ещё несколько лет назад она работала педагогом и директором Национальной Школы Танца Уругвая.

О своём отце Вадим вспоминает, что «отец так и не купил дом в Уругвае, и не хотел этого делать. Он жил сегодняшним днём и поэтому мы обычно переезжали». Страх потерять всё, как в России, приводил к тому, что у них ничего не было. Беседуя с прямыми потомками русских эмигрантов, открывая семейные архивы, мы сможем провести дополнительное исследование в отношении этих людей и подчеркнуть, как это показано в случае с семьей Вадима Корольков, огромную роль эмигрантов в качестве культурных посредников между двумя мирами – покидающим и получающим их миром.

Результаты исследования. Несмотря на создание станицы, казачьих центров с иерархическими структурами военного типа, не оружие, а именно мирные занятия и участие в государственном управлении захватят среду русских эмигрантов из бывших военных. Это относится к Уругваю, к другим странам, например к Парагваю. Другое положение, в котором российские эмигранты будут продолжать свою военную деятельность и даже участвовать в войнах, сложилось, к примеру, на войне Чако между Парагваем и Боливией.

Список источников и литературы:

1. Mariani Inestabilidad y crisis en el Uruguay 1850–1933. Fundación de Cultura Universitaria, 1991. 176 p.

2. Anuario estadístico de la República Oriental del Uruguay. 1897,1904 a 1906, 1914, 1915, 1916, 1917, 1919, 1920, 1921, 1925. Dirección general de estadística. Montevideo.

3. Bermúdez L., Camou M., Schonebohm D. En busca de un lugar en una “nueva” sociedad”: inmigración española y judía al Uruguay. Historia y Fuente Oral. Identidad y Memoria. № 11. 1994. PP. 107–118.

4. Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010. 320 с.

5. Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео, 2008. 229 с.

6. Наше слово (Париж), 1938. № 9.
7. Родимый край (Париж). 1931. № 8–9 (август–сентябрь).
8. Антропов О.К. Политический активизм русской эмиграции 1920-1940-е гг. Астрахань, 2016. 716 с.
9. Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. 568 с.
10. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1967. 486 с.

Для цитирования: Монтелонго К. «Турбины» в Уругвае // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 211–219.

© Монтелонго К., 2021

УДК 908+321+332

КОМПЛЕКС ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СТАНИЦЕ ЧЕРЛАКОВСКОЙ

Сергей Валентинович Новиков [1]

Михаил Сергеевич Новиков [2]

[1, 2] Омский государственный аграрный университет, Омск, Россия

[1] zatoncherlak62@inbox.ru, SPIN-код (РИНЦ): 7226-1354
[2] bonid89@inbox.ru, SPIN-код (РИНЦ): 2836-4707

Аннотация: Изучение первых мероприятий советской власти и события Гражданской войны в станице Черлаковской, позволяют отследить актуальные вопросы изменения форм землевладения и землепользования, реакции на них различных групп станичников. Для этого необходимо введение в научный оборот локальных источников. Это позволило выявить причины изменения политической ориентации, пересмотреть периодизацию.

Ключевые слова: аграрная политика, станица Черлак, Советская власть, Гражданская война в России, Белое движение, исторические источники, краеведение.

Постановка проблемы. События, связанные с Гражданской войной в России были «романтизированы» в советской литературе и кинематографе. Данный подход распространился на научные исследования как советских, так и, в ряде случаях стоящих на антикоммунистических позициях российских ученых. Между тем проблема ждет своего непредвзятого, научного изучения. Актуальность и злободневность данного исследования связана с происходящими в современной деревне процессами – изменение форм землевладения и землепользования. Интерес для научного анализа, представляет два направления изучения источников: новое прочтение всех известных источников; введение в научный оборот материалов хранящихся в фондах районных музеев, муниципальных архивах и иных опубликованных источников. Этот подход не только способствует реконструкции событий Гражданской войны в локальном измерении, он позволяет: выявить взаимовлияние событий, имевших место в стране, городе и деревне; обозначить причины изменения политических позиций различных социальных групп; обратится к понятийному аппарату и вопросам периодизации гражданской войны в различных регионах страны.

Основная часть. Появление материалов о событиях Гражданской войны в станице Черлакская относится к 1920-1930-м гг.

Речь идет о Воспоминаниях И.Н. Березовского. Они хранились в семье его потомков и были переданы в дар Черлакскому историко-краеведческому музею внучкой Л.П. Пелюгиной в 1986 г. В музее они хранятся в основном фонде как «Архив Березовского И.Н. Воспоминания» Написание документов было датировано 1930-ми гг., Изучение текста выявило, что отдельные фрагменты хронологически доведены автором до 5 марта 1925 г., а конечной датой рукописи поставлено 22 декабря 1924 г.[1, С. 54, 72].

Иван Николаевич Березовский – казак, брат Т.Н. Березовского. Предки Березовских, по семейному преданию из Польши, сосланные в Сибирь за участие в Польском восстании 1863-1864 гг. Родной брат матери Березовских Дарьи Ивановны (в девичестве Тумашевой) А.И. Тумашев будучи студентом юридического факультета Казанского университета был казнен за участие в студенческих беспорядках. В Елизаветинской поселился дед Березовских. В 1903 г. И.Н. Березовский был мобилизован казаком нестроевого состава, в годы Первой русской революции вел революционную агитацию среди казаков; член Омского отдела Московского общества сельского хозяйства и участник Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной лесной и торгово-промышленной выставки (1911 г.); корреспондент ряда Омских изданий; один из основателей кожевенного производства в станице Черлакской; избежавший расправы друг и советник А.Е. Мельникова (1917-1918 гг.); насильно мобилизованный в ремесленную школу Сибирского казачьего войска и дезертировавший из неё (1919 г.); участник социалистических преобразований сельского хозяйства в 1920-х гг.[1, С. 1, 5, 7, 10, 15, 18, 52, 53-54].

«Воспоминания» подразделяются на несколько частей: «Березовский Иван Николаевич», «Революционная деятельность Березовского после Октябрьской революции в Черлаке», «Арест Мельникова и свержение его с должности», «Переворот в Черлаке, арест Березовского и прочих большевиков в количестве 70 человек», «Насилие над членом Совказдепа и отправление его в Павлодар», «Публичная казнь Мельникова. Вывод на лобное место казни Березовского и Захарова. Отмена смертной казни таковым», «Справка об аресте тов. Мельникова Аф. Егор. на заимке Серг. Митр. Гоголева», «Березовский Тимофей Николаевич», «Афанасий Егорович Мельников».

Особенностью «воспоминаний» является, то, что они написаны И.Н. Березовским от третьего лица, даже в тех случаях, когда участник событий представлял новеллы, связанные со своей деятельностью, при этом автор не всегда обозначал в тексте инициалы участников событий.

Данный источник использовался зачастую с целью проиллюстрировать общею тенденцию региональным материалом. Как следствие интерес исследователей вызывали такие части как «Арест Мельникова и свержение его с должности», «Переворот в Черлаке, арест Березовского и прочих большевиков в количестве 70 человек», «Публичная казнь Мельникова. Вывод на лобное место казни Березовского и Захарова. Отмена смертной казни таковым». Результатом подобного использования стало:

- игнорирование исследователями данных о национальных, хозяйственных и родственных отношениях на территории станиц;

- восприятие деятельности И.Н. Березовского и Т.Н. Березовского, как одного лица, с последующим вымыванием деятельности И.Н. Березовского из контекста исторических событий.

К группе материалов связанных с историей Гражданской войны относятся «Личные дела красногвардейцев и красных партизан Черлакского района Омской области» Архивного отдела Администрации Черлакского муниципального района Омской области, находящиеся в фонде 88. Формирование фонда началось в 1932 г. Материалы фонда активно использовались для установления принадлежности тех или иных лиц к числу красногвардейцев и красных партизан. Это интересный источник, позволяющий судить о происхождении и дореволюционной деятельности данной группы участников Гражданской войны. Однако в фонд не попали «личные дела» таких участников событий революции и Гражданской войны как И.Н. Березовский и Т.Н. Березовский и других лиц проживающих в период формирования фонда в Черлакском районе, но не являющихся официально красногвардейцами и партизанами. Единственным представленным в фонде жителем Черлакского района оказался красногвардеец – крестьянин с. Преображенское А.Ф. Яковина. Наличие данных о нём указывает на участие представителей местного населения в изъятии хлеба в 1918 г. и подавлении Ишимско-Петропавловского мятежа в 1920-1921 гг. [2, С. 1-2, 6].

К числу источников по изучению Гражданской войны в Южном Прииртышье по мнению авторов относится наследие Б.И. Маслацова.

Борис Иванович Маслацов родился 1 мая 1909 г. в казачьей семье. В отрочестве являлся очевидцем событий лета 1918 г. Этот факт впоследствии позволило ему выступить консультантом художника В.П. Дербенева создавшего в 1975 г. картину «Расправа» на которой изображены события 12 июня 1918 г.: где на первом плане А.Е. Мельников, казаки конвоя, крайний слева В.А. Кузнецов – один из лидеров контрреволюции в Черлаке, священник Черлакского Никольского прихода, а с краю дороги, мальчик с собакой [3]. В 1921–1929 гг. Б.И. Маслацов окончил семилетнюю школу, и год обучался при сельсовете, а в 1933 г. – школу командиров в г. Витебске при 81-м стрелковом полку. Селькор с 1929 г. С 1941 по 1944 г. на фронтах Великой Отечественной войны, имел боевые награды. Член ВКП (б) с 1944 г. В 1975 г. в результате конфликта в парторганизации вышел из КПСС. С 1958 по 1969 г. заведующий Черлакским архивом. С 1969 г. на пенсии. Автор краеведческих и общественно-политических статей. Умер 29 мая 1989 г.[4, С. 6, 7, 11-13, 18-19].

Краеведческое наследие Б.И. Маслацова подразделяется на две составляющиеся: краеведческие работы, опубликованные в районной газете «Большевик» / «Коммунист», так же вошедшие в отдельную книгу и Архив Маслацова Б.И. хранящийся в основном фонде ЧНИКМ.

Первые краеведческие работы Б.И. Маслацов опубликовал в 1939–1940 гг. Это статья «Рассказ о прошлом и настоящем Черлака», посвященная 20-летию восстановления Советской власти. В статье упомянуты и таким образом сохранены для истории представители старого мира, противники новой жизни [5]. Следующей публикацией стал очерк «Афанасий Мельников», опубликованный накануне 62-й годовщины со дня рождения погибшего в 1918 г. председателя Черлакского Совказдепа [6]. Данные публикации базировались на, «материалах устной истории» собранных в 1930-е гг.

В годы работы заведующим архивом Б.И. Маслацов активно занимается историей края, уделяя внимание событиям революции и Гражданской войны. В планируемую книгу «Из истории Черлака 1720–1947 гг.» введен раздел «Переход трудового казачества на сторону революции». Помимо статей на революционную тематику он подготавливает подборку материалов об А.Е. Мельникове, С.М. Гоголеве, Т.Н. Березовском, А.Ф. Яковине и А.С. Буе. Книгу Б.И. Маслацову издать не удалось, а упомянутая подборка материалов была растиражирована отделом агитации и пропаганды Черлакского РК КПСС, имела хождение среди учителей истории [7, С. 24, 40-41, 50-70,].

Естественно, созданные в 1950-е – 1960-е гг. материалы не избежали присущих времени идеологических искажений. Нам неизвестно был ли Б.И. Маслацов знаком с воспоминаниями И.Н. Березовского. Но, этот активный деятель

революционных событий и начала Гражданской войны в крае упомянут в его публикациях между прочим, как брат Т.Н. Березовского. Однако, несмотря на указанный недочёт, опубликованные материалы Б.И. Маслацова остаются носителями фактических данных не упомянутых в других источниках.

Второй составляющей краеведческого наследия Б.И. Маслацова является Архив Маслацова Б.И. хранящийся в основном фонде ЧНИКМ. Материалы «архива» подразделяются на письма, полученные им от различных корреспондентов и копии документов собранные Б.И. Маслацовым в рамках работы над революционным периодом истории станицы Черлак.

В 1960–1970-е гг. Б.И. Маслацов вел переписку с бывшими участниками событий периода революции и Гражданской войны в крае и их родственниками. Сохранились письма П.П. Шабалина, И.Ф. Пфеффер, а также дочери М.С. Гоголев Е.С. Кузнецовой.

Относительно событий осени 1917 - лета 1918 гг., а также отдельных сюжетов связанных с судьбами участников этих событий интерес представляют письма одного из сподвижников А.Е. Мельникова, фельдшера П.П. Шабалина, проживающего в г. Махачкале. Письма датированы 22 июля, 21 августа, 8 сентября и 10 октября 1967 г. Письма являются ответами на вопросы Б.И. Маслацова касающиеся событий осени 1917 – лета 1918 гг. Судя по содержанию работ Б.И. Маслацова, материалы, полученные от П.П. Шабалина он не использовал [7, С. 1-20].

Пояснениям к событиям 1919-1921 гг.: восстановление Советской власти, создание РКСМ, борьбы с бандитизмом – подавление очагов выступлений в период Ишимско-Петропавлавского мятежа является письмо И.Ф. Пфеффер, брата признанной в последующие годы активистки создания ВЛКСМ Э.Ф. Пфеффер. Отметим, что письмо вызвано просьбой Б.И. Маслацова подтвердить соответствие действительности публикаций И.М. Соломонова в районной газете «Коммунист». К письму И.Ф. Пфеффер приложил копию справки 1936 г. подтверждающей, что И.М. Соломонов являлся организатором «ячейки ВЛКСМ», а также «принимал активное участие в подавлении вооруженного восстания кулачества в 1920-1921 гг.». При этом И.Ф. Пфеффер просит посредством письма к Б.И. Маслацову, Е.И. Маслацову рассказать о создании РКСМ и других событиях общественной жизни обозначенного периода, периода события которого он не всегда помнит [7, С. 25-34].

Отметим, что данные, полученные авторами представленной публикации в ходе бесед со старожилами Черлака, свидетельствуют о сложных отношениях Б.И. Маслацова с сестрой и её подругой по «революционной молодости» Э.Ф. Пфеффер. Однако, в Черлакском народном историко-краеведческом музее, в разделе необработанных документов «архива Маслацова Б.И.», хранится тетрадка с подписью «Воспоминания Маслацовой Ел. Ив. ветерана партии». К со-

жалению, какого-либо фактического материала по обозначенному периоду они не содержат.

Документы собранные Б.И. Маслацовым в рамках работы над революционным периодом истории станицы Черлак немногочисленны.

В первую очередь следует назвать машинописные копии публикаций в газете «Революционная мысль» №№ 71 и 82 1917 г. (14 и 31 декабря) и № 22 за 1918 г. (30 января), подписанные «казак Березовский» и псевдонимом «Казак». Публикации принадлежат И.Т. Березовскому. Публикации отражают состояние классовой борьбы в станице Черлак. О реакции казаков на их появление говорится в воспоминаниях И.Т. Березовского.

Интерес представляют фотокопии. Это удостоверения делегатов Третьего Большого войскового круга Сибирского казачьего войска выданные С.М. Гоголеву, А.Е. Мельникову, П.П. Шабалину (март 1918 г.), а также анкета и мандат С.М. Гоголева являвшегося участником Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов от «3-й армии Восточного фронта действующей в пределах Урала» (ноябрь 1918 г.). Данные фотокопии имеют не только иллюстративную, но и информационную ценность, так как уточняют некоторые биографические данные участников революционных событий. Хранятся указанные документы в разделе необработанных документов.

Еще одна группа источников – это опубликованные воспоминания участников революции и Гражданской войны. На уровне района подобные воспоминания зачастую публиковались районными газетами к тому или иному юбилею. В качестве примера приведем две:

- материал В. Рогозного «Сибирский хлеб. Из воспоминания о В.И. Ленине А.Ф. Яковины колхозника артели им. Калинина» [8]*;*

- статья И. Соломонова «Так мужала юность», рассказывающая о восстановлении Советской власти в Черлаке [9].

К сожалению, в газетных подшивках библиотек сохранились не все выпуски газет. Некоторые подшивки газет существуют в нескольких экземплярах. Необходим поиск и введение в научный оборот подобных публикаций.

Последним, не бесспорным, источником являются художественные произведения. Речь идет о произведениях художников слова являвшихся очевидцами событий революции и Гражданской войны в крае. Например:

- Антон Семёнович Сорокин (1884–1928) – русский/советский, сибирский писатель, драматург, прозаик. В одном из писем писатель говорил о себе примерно следующее: «Моя заслуга в том, что 25 лет работал я в Сибири, первый создал художественную литературу и показал русскому читателю душу казахского народа, в таком же духе, как это сделал Джек Лондон с жителями тихоокеанских островов». Обратимся к произведениям А.С. Сорокина – «Песня Джеменея», «Железная птица», «Дуана Байман», «Саудакас» и др. В рассказах

талантливо и правдиво показаны взаимоотношения казахов и казаков художественно представлена трагедия Гражданской войны [10, С 90-106].

- Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) – советский писатель и драматург, журналист. Автор художественных, а в ряде случаев автобиографических произведений о Гражданской войне и борьбе за Советскую власть на юге Сибири представил картину отношений в казачьей станице, взаимоотношений казаков и новоселов, отражения войны на жизни киргизов (казахов) [11, С. 41-42].

Как уже отмечалось, последнее предложение не, бесспорно, однако и игнорировать материалы, не только содержащие те или иные данные, но и помогающие понять психологию людей того времени было бы опрометчиво**.**

Результаты исследования. В завершении целесообразно отметить следующее. Комплекс источников к изучению истории Гражданской войны в станице Черлакской объемен и содержит материалы различного происхождения: воспоминания отдельных участников событий (И.Н. Березовского), «Личные дела красногвардейцев и красных партизан Черлакского района Омской области» Архивного отдела Администрации Черлакского муниципального района Омской области, опубликованные материалы краеведа Б.И. Маслацова и Архив Маслацова Б.И. хранящийся в основном фонде ЧНИКМ, опубликованные воспоминания участников революции и Гражданской войны, произведениях художников слова являвшихся очевидцами событий.

Ни один из документов не может претендовать на бесспорность содержащейся в нём информации. Как следствие для написания исследовательских работ все перечисленные источники могут использоваться только комплексно.

Материалы Черлакского народного историко-краеведческого музея широко использовались. Как фактические данные для описания событий революции и Гражданской войны в станице Черлакской в краеведческих работах 1960-2000-х гг. и в качестве иллюстративного сопровождения в исследовательских работах 1990–2000-х гг.

При этом хотелось бы обратить внимание на отдельные аспекты событий:

- национальный. Наиболее активный участник событий конца 1917 – первой половины 1918 г. И.Н. Березовский, происходил из числа сосланных после Польского восстания 1863-1864 гг. Как следствие это же происхождение имел Т.Н. Березовский и являющийся их «сродным» братом А.Е. Мельников. В поддержку Советской власти выступили киргизы (казахи) [1, С. 1, 24, 19];

- партийный. Партийную принадлежность казаков – участников определить сложно. Они сами вряд ли ориентировались в партийно-политическом спектре 1917-1918 гг. Во время установления Советской власти, по данным Б.И. Маслацова, «закаленным большевиком» являлся А.Е. Мельников, а Т.Н. Березовский вступил в ВКП (б) в феврале 1920 г. [4, С. 59, 66]. О партийности С.М. Гоголева Б.И. Маслацов не пишет, однако по данным анкеты, хранящейся

в разделе необработанных документов «архива Маслацова Б.И.», С.М. Гоголев являясь участником Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов указал, что в партию вступил в июне 1918 г., уже не будучи в Черлаке**.** А.Ф. Яковина был и остался беспартийным. О партийности И.Н. Березовского ничего не известно. В своих воспоминаниях И.Н. Березовский о своей партийности не сообщает. Не пишет он и о деятельности в Черлаке ячейки ВКП (б). В воспоминаниях речь идет об «ячейке по углублению Советской власти», при этом указывает на отсутствие из Омска инструкций, тем более помощи. Естественно, 70 арестованных в ходе свержения Советской власти в Черлаке «активных большевиков» являлись сторонниками обозначенного «углубления Советской власти» [1, С. 18, 25]. В данном случае целесообразно рассмотреть события обращаясь к сословному аспекту;

- сословный. Советская власть в станице Черлак установились мирным путем, её организаторами стали казаки-фронтовики не зависимо от степени состоятельности, считавшими необходимым заключения мира. Летом 1918 г. напуганные перспективой проведения в жизнь «Закона о социализации земли» казаки выступили в защиту своих сословных прав, свергнув Советскую власть. Восстановлена данная власть была из вне, а её сторонники, еще долгое время отторгались казачьим сообществом. Казачество, как сословие было окончательно ликвидировано в годы социалистической модернизации.

Что касается комплекса источников по революции и Гражданской войне, то на наш взгляд он может быть пополнен. Источником пополнения могут стать опубликованные воспоминания участников революции и Гражданской войны в случае их выявления на страницах районной газеты за 1950-е – 1960-е гг. Пополнение комплекса источников за счет материалов, хранящихся в семейных коллекциях, как показывает опыт деятельности по сбору материалов и артефактов в постперестроечное время, вряд ли возможно.

Список источников и литературы:

1. Черлакский народный историко-краеведческий музей (далее – ЧНИКМ). № 1785. 72 с.

2. Архивный отдел Администрации Черлакского муниципального района Омской области. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1. 7 с.

3. ЧНИКМ. № 2312.

4. Борис Маслацов и его история станицы Черлаковская / под общ. ред. С. В. Новикова; сост. С.В. Новиков, М.С. Новиков [автор вступ. ст. С.В. Новиков, библиография – М.С. Новиков]. Омск: Изд-во ИП Макшеево Е.А., 2013. 104 с.

5. Рассказ о прошлом и настоящем Черлака // Большевик (Черлак). 1939. 19, 26 ноября. С. 3.

6. Афанасий Мельников // Большевик (Черлак). 1940. 4 января. С. 2.
7. ЧНИКМ. № 29 / 316.
8. Сибирский хлеб. Из воспоминания о В.И. Ленине А.Ф. Яковины колхозника артели им. Калинина // Коммунист (Черлак). 1960. 22 апреля. С. 2.
9. Так мужала юность // Коммунист (Черлак). 1967. 9 апреля. С. 2.
10. Сорокин А.С. Напевы ветра. Новосибирск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. 185 с.
11. Иванов Вс. Отец и мать // Собр. соч.: в 8 т. 2-е изд. Т. 3. Рассказы 1917–1927 гг. М., 1959.

Для цитирования: Новиков С.В., Новиков М.С. Комплекс источников по изучению истории событий революции и Гражданской войны в станице Черлаковской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 219–227.

© Новиков С.В., Новиков М.С., 2021

УДК 93/94+908

ЛАГОДА И ЛАГОДИЧ. ИСТОРИЯ УЛИЦЫ, ПЛОЩАДИ И ГЕРОЕВ

Владимир Николаевич Панасенков [1, 2]

[1] Омское отделение ВООПИиК, Россия, Омск
[2] Омское отделение Союза краеведов России, Россия, Омск

Аннотация: Автор показывает историю появления и переименования улицы и площади имени Лагоды в Ленинском административном округе Омска, пытаясь выяснить, в честь кого названы данные объекты**.** Статья посвящена забытым героям: пограничнику Семену Лагоде, погибшему в 1936 г. в столкновении с японцами, и агитатору-красногвардейцу, подпольщику Калистрату Лагодичу, убитому белыми в 1918 г. Автор приходит к выводу, что омичи не сохранили выражающуюся в устном нарративе социальную память об этих героях в силу нарушения межпоколенных коммуникаций и сменой идеалов.

Ключевые слова: Семен Лагода, Калистрат Лагодич, Иван Никитин, улица, площадь, топонимы, урбаноним, историческая память, РККА, коммеморации, могила, памятник.

Постановка проблемы. В Омске немало топонимов, связанных с событиями и именами героев революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны и пограничных конфликтов. Все они являются важной частью патриотического и исторического воспитания граждан. Поэтому вопросы происхождения тех или иных топонимов, восстановление забытых имен и исторических событий являются актуальными для современных историков и краеведов.

Основная часть. Автора данной статьи заинтересовала история улицы Лагоды в Ленинском административном округе г. Омска. Такое название улица получила по постановлению Омского горисполкома от 4 января 1938 г. [1, С. 60]. Это была крупнейшая акция по переименованию городских улиц. Согласно данного документа, одновременно поменяли названия сразу 45 улиц, которые получили громкие имена революционеров (Дзержинского, Димитрова, Котельникова, Красина, Мануильского и Урицкого), деятелей культуры и искусства (Бетховена, Дунаевского, Чайковского, Добролюбова, Стальского и Чехова), учёных (Карпинского и Мичурина), летчиков (Чкалова и Чухновского), мыслителя мирового масштаба (Энгельса) и деятеля Французской революции (Марата). Ряд старых улиц получил географические названия (Байкальская, Дальневосточная, Карельская, Ростовская, Уральская и Харьковская). Вместо 1–9 Линий в Кировском районе Омска появились 9 Кировских улиц и т.д. [2, Л. 66]. Что касается персоналий, то, несмотря на отсутствие в постановлении имён и инициалов, все они в той или иной степени являются известными историческими личностями российского или даже мирового масштаба, за исключением Лагоды, который оказался забыт и стёрт не только из памяти горожан, но и жителей улицы, носящей его имя.

Так, устный опрос, проведённый автором среди пожилых жителей улицы Лагоды у местного магазина (ул. Лагоды, 15) в июне 2021 г., показал, что ни один из них не смог назвать имени героя, его заслуг перед страной или городом. И ни один из опрашиваемых жителей не мог вспомнить, была ли на данной улице мемориальная доска в память о Лагоде. А, как известно, в 1930-е гг. основными методами фиксации исторической памяти были как раз мемориальные доски на фасадах зданий [3, С. 313]. На старых сохранившихся аншлагах написано: «ул. Лагода», а на новых эмалированных (установленных в 1970-е гг.) – «ул. Лагоды», и везде без инициалов. Рассмотрим историю появления этой улицы. При прокладке Транссибирской магистрали от станции Омск на восток проектировщики, дабы избежать довольно крутого подъёма, сделали петлю в северную сторону [4], внутри которой в начале XX в. начал формироваться Омский выселок [5]. Здесь были разбиты жилые кварталы и улицы. Построена деревянная школа (не сохранилась) и 2-этажная кирпичная железнодорожная больница (1903 г.п., объект культурного наследия, ул. Карбышева, 41, к.1).

В честь кого была названа ул. Ребровская, выяснить не удалось, но именно она сейчас носит имя Лагоды. В дореволюционных справочниках-указателях «Весь Омск» за 1911, 1912 и 1913 гг. и в Адрес-календарях должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства за 1892 и 1895 гг. человек с такой фамилией не значится.

С увеличением грузоперевозок, чтобы не гнать товарные составы через пассажирскую станцию Омск, южнее проложили ещё одну петлю. Высокая насыпь ветки перерезала улицы Омского выселка. Отделившийся участок получил название пос. Селивёрстовский [6, С. 9], переименованный в 1930-е гг. в Городок Будёновский. Часть посёлка между двумя петлями получила имя Городок Сталинский [7]. Обе железнодорожные насыпи окончательно перерезали дорогу на Павлодар [8]. Ныне пос. Будёновский именуется Привокзальным, а Сталинский – Чередовым (он же – Сахалин) [9].

Сразу после Гражданской войны именные улицы переименовали. Старых деятелей заменили на новых, причём никак не связанных с Омском. Россыпью на плане этих неблагоустроенных посёлков появились улицы Пушкина, Некрасова, Гоголя, Горького, Толстого, Демьяна Бедного, Крапоткина, Бакунина. Улицу Ребровскую, которая с 1912 г. с запада на восток перерезала посёлки, 12 декабря 1921 г. переименовали в Никитина [1, С. 60]. Иван Саввич Никитин (1824–1861) был русским поэтом, прозаиком [1, С. 217]. При советской власти Никитин считался «певцом трудового народа», в произведениях которого «крестьянская нищета, «дымные избёнки», свет лучины, грязь, сор, духота, голод изображалось особенно ярко» [10, С. 114], и поэтому, по мнению омских большевиков, поэт был достоин именной улицы в 70-ю годовщину своей смерти.

Но в 1938 г. состоялась вторая компания по переименованию улиц. Отчасти она была вызвана объединением в начале 1930-х гг. городов-спутников Ленинск-Омский и Ново-Омск с Омском, в результате чего они вошли в состав города в виде самостоятельных административных районов [11, С. 162]. Соответственно были переименованы улицы Ленинск-Омска, которые имели названия-дублёры в Омске. Среди них ул. Красный Путь, Лермонтова, Омская, Пушкина, Степная и т.д. Ул. Никитина была разделена железнодорожной насыпью, поэтому отрезку улицы, находящемуся в городке Будённого, 4 января 1938 г. присвоили имя Лагоды. Но это имя в истории Омска никак не просматривается. Сведений о Лагоде нет ни в энциклопедиях г. Омска и Омской области, ни в сборнике биографических очерков «За власть Советов!» [12]. Не нашлось места Лагоде и среди 109-ти имён, приведённых в Рекомендательном библиографическом указателе «Их именами названы омские улицы» [13] и в популярной книге «Их именами названы улицы Омска» [14]. И в изданиях Большой советской энциклопедии, и в Исторической энциклопедии Сибири Лагода так же не встречается.

Но, Лагода был человеком явно не простым, так как спустя два десятка лет о нём вспомнили, и 29 декабря 1949 г. в Омске появилась ещё и одноимённая площадь (район улиц 1-я Чередовая – Школьная (Ушинского) – Санитарная – Лагоды) [1, С. 143]. Данная площадь просматривается на всех известных планах города, начиная с 1917 г. (Планы 1917, 1930, 1935, 1940, 1958 гг. и 2ГИС за 2021 г.), правда, без названия. Однако улица и площадь Лагоды упоминаются в современном Справочнике принадлежности улиц и домов г. Омска к отделениям почтовой связи, как относящихся к почтовому отделению № 5 на ул. Блусевич [15, С. 21]. Интересно, что площадь Лагоды никогда не застраивалась. Вероятно, этот участок при проектировании посёлка был зарезервирован под храм, так как до церкви Святой Троицы (1900 г., снесена в 1940 г.) на станции Омск было далеко, к тому же она была отгорожена железнодорожными путями. И ведь недаром, данный обособленный и окружённый с трёх сторон стальными путями, посёлок-островок получил народное название Сахалин.

Сейчас бывшая площадь Лагоды превращена в свалку мусора и дикие заросли клёнов. В её центре находятся компактные складские ангары и хозпостройки, а в южной части в начале 1960-х гг. была построена МСЧ № 4 завода им. Октябрьской революции (АО «Омсктрансмаш»). Её трёхэтажная поликлиника на ул. Лагоды стоит в руинном состоянии, а в бывшем стационаре располагаются судебные приставы (ул. Лагоды, 1д). На краю площади по адресу ул. Лагоды, 17 сохранился двухэтажный деревянный дом военных лет постройки для рабочих эвакуированного из Ворошиловграда танкового завода (ныне АО «Омсктрансмаш»). Остальные по причине аварийности были снесены в 2010-е гг.

Кем же был легендарный Лагодаа? Версию о том, что улица и площадь Лагоды была названа в память о 19-летнем агитаторе-красногвардейце Калистрате Лагодиче выдвинули Г.Ю. Гурьев и Л.И. Огородникова. Ссылаясь на заметку в газете «Северная правда» за 1967 г., они полагают: «Возможно, речь идёт об одном и том же лице» [1, С. 210]. Данная газетная вырезка хранится в архивном фонде А.Ф. Палашенкова (1886–1971) без каких-либо комментариев со стороны известного омского историка и краеведа. Вероятно, Андрей Фёдорович просто не успел заняться этой темой из-за болезни и скорой кончины. В заметке «Цветы на холмике» корреспондента ТАСС В. Лобода из Омска, опубликованной 25 марта 1967 г. в костромской газете «Северная правда», сообщается: *«На окраине Омска среди берёз – одинокий холмик. На нём цветы. С трогательным постоянством они обновляются вот уже полвека.…Люди не знали его имени. Знали только со слов стариков, что похоронен здесь парнишка, весельчак, который смело разгуливал по улицам Омска в дни, когда город был «столицей Колчака», и звал людей в Красную гвардию. Только недавно эта история перестала быть тайной. В Омский горсовет пришло письмо из деревни Родовня Брестской области от 83-летней колхозницы Агафьи Алексеевны Лагодич. Она*

просила узнать, цела ли могила её сына в берёзовой роще. ...На холмике – цветы в память о рядовом революции – 19-летнем Калистрате Лагодиче. На одном из букетиков я увидел записку со словами: «Ничто не забывается, никто не будет забыт» [16].

Вероятно, после этого на могиле Лагодича был установлен памятник и над ним взяли шефство пионеры местной школы. Как выяснил омский историк Олег Милищенко, могила Калистрата Михайловича Лагодича располагается недалеко от закрытого в 1952 г. «иноверческого» кладбища, на северном краю «малого опытного поля» ОмГАУ им. П.А. Столыпина. Здесь хоронили умерших строителей корпусов Омского среднего сельскохозяйственного училища (ОССХУ), среди которых были и вольнонаёмные лица, и военнопленные австро-венгерской армии. Лагодич родился в 1899 г. в д. Радовня, Ивановского района, Брестской области. С начала 1917 г. Калистрат был призван в Русскую армию, где вёл революционную работу среди солдат своей части, пропагандировал большевистские идеи. Незадолго до Октябрьской революции был контужен на фронте и вернулся к родителям. За голову агитатора-большевика Лагодича колчаковские власти «назначили большую награду». После подавления Куломзинского восстания 22 декабря 1918 г. Калистрат Лагодич был арестован карательным отрядом «голубых улан» войскового старшины Красильникова, подвергнут пыткам и казнен в берёзовой роще [17, С. 218].

Справочное издание «Омский некрополь» в отношении героя даёт следующие сведения: «Лагодич Калистрат Михайлович (1898–1918, похоронен отдельно на деревенской части кладбища) – военнопленный австро-венгерской армии, интернационалист, член подпольной организации, замучен колчаковцами. Работал в училище вместе с отцом с 1915 по 1918 гг. Его имя носила пионерская дружина школы № 18» [18, С. 54]. Действительно, имя Калистрата Лагодича до 1992 г. носила пионерская дружина средней школы № 18 г. Омска, но материалы школьной экспозиции, о герое не сохранились. Что касается имени и отчества, то здесь возможна путаница с его отцом. Прояснить истину помогла эпитафия на памятнике К.М. Лагодича, который хорошо сохранился. Внутри железной оградки с калиткой расположена сварная пирамидка, увенчанная красной звездой. На табличке из нержавеющей стали выгравирована надпись: «Лагодич Калистрат Михайлович. Замучен белогвардейцами. 1899 г. – 1918 г.»

В 2008 г. над захоронением Лагодича нависла угроза. Елена Ляхова в газете «Ореол» в статье «Начальничье ухо к истории глухо» поведала, что «Могила героя Гражданской войны встала на пути коттеджей» [19, С. 12]. Но уже в процессе строительства застройщик не смог юридически перевести участок земли сельскохозяйственного назначения в категорию земли под жилую застройку, в результате несколько коттеджей остались недостроенными, и памятник не пострадал. Не забыли героя и литераторы. Омский поэт и художник Михаил Бо-

родкин посвятил Калистрату Лагодичу 40-строчное стихотворение «У обелиска»: «Где берёзы по порядку / У дорожки собрались, / Есть могилка за оградкой, / А над нею обелиск.<…>» Стихотворение сопровождается пояснением автора: «Лагодич Калистрат Михайлович, 1899–1918 гг., замучен колчаковцами» [20, С. 53–54].

Вероятней всего Лагодичи жили в деревне Захламино и ходили на работу в ОССХУ пешком, так как на территории училища были только дома руководства и преподавателей учебного заведения. Интересно, что в одном из списков работников ОССХУ за 1918 г. значится Лаврентий Лагодич, возможный родственник Калистрата Лагодича [21].

Кроме того, автору удалось найти сведения о некоем Венедикте Андреевиче Лагодиче, который в 1922 г. работал старшим милиционером и жил в д. Захламино. Наличие двух жителей-одногодок в одной небольшой деревни с одинаковыми редкими для Омска фамилиями говорит о высокой доле вероятности родства Калистрата Михайловича и Венедикта Андреевича Лагодичей. В.А. Лагодич родился в 1899 г. в Гродненской губернии (ныне Республика Беларусь). Но, в отличие от Калистрата, беспартийный Венедикт в Февральской и Октябрьской революциях и в боях Красной армии участия не принимал, находился в Омске и работал чернорабочим. В.А. Лагодич прослужил в милиции недолго. В его деле сохранилась справка о том, *«что он как поляк зачислен на 8 эшелон и подлежит отправке на родину 29.09.22, а посему просьба уволить его со службы и выдать ему соответствующий документ»* [22, Л. 21]. Исходя из этой записи, можно предположить, что В.А. Лагодич по национальности был поляком, каких немало проживало в Западной Белоруссии и в Грозненской губернии в частности. Отправки на родину, т.е. заграницу, в тот год подлежали многие бывшие военнопленные, но здесь, вероятно, бывший милиционер был отправлен эшелоном в ту часть Западной Белоруссии, которая по Брестскому миру отошла Польше. Это фактически была не депортация, а эмиграция гражданина Советской России. Таким образом, видно, что герой Гражданской войны Калистрат Лагодич был захоронен на месте своей гибели на краю кладбища в районе ОССХУ, но нигде нет упоминаний о присвоении его имени какому-либо топониму, и к ул. Лагоды в другом конце города он не имеет никакого отношения.

Продолжим выяснять личность Лагоды. О том, что Лагода был пограничником, в разделе «Именные улицы. Герои СССР и военные» в своей книге «Почётные омичи» указывает омский краевед И. Шихатов [23, С. 126]. И, действительно, *«26 ноября 1936 г. в бою на государственной границе был тяжело ранен пулемётчик Семён Лагода из с. Исаклы Куйбышевской области. На Государственной границе вооруженную группу японских солдат остановили пограничники и красноармейцы 21-й Пермской Краснознамённой дивизии. В том бою*

геройски воевал и был тяжело ранен пулемётчик Семён Лагода из села Исаклы Куйбышевской области. Он скончался в госпитале. Когда тяжелая весть пришла в родное село, братья пограничника Иван, Дмитрий и Сергей обратились к наркому К.Е. Ворошилову с просьбой призвать их в армию на место погибшего брата. Дмитрию и Сергею пришлось подождать до призывного возраста, а Ивана вызвали в Куйбышев – просьба была удовлетворена. Вместе с отцом Фёдором Абросимовичем он отправился на Дальний Восток. Там Ивану была вручена винтовка его брата». В память о Лагоде была названа улица в Красногвардейском районе Ленинграда и установлен бюст героя-пограничника. А в 1960 г. его прах был перезахоронен на стадионе им. 40-летия ВЛКСМ (стадион ДОСА) города Спасск [24]. Пограничный инцидент произошёл за 2 года до более крупного пограничного конфликта около озера Хасан на Юге Приморского края, когда 29.07.1938 – 11.08.1938 гг. Красная армия разгромила вторгшиеся на территорию СССР японские войска. В память об этом событии в Привокзальном посёлке Омска появилась улица Озеро Хасан [1, С. 77].

В рамках поиска сведений о Лагоде были просмотрены омские газеты «Молодой большевик» и «Омская правда» за 1938 г. и январь 1950 г., так как в эти периоды времени состоялось присвоение имени Лагода улице и площади. Однако газеты того времени публиковали в основном общесоюзные материалы, а омские события освещали мало. Как это ни странно, но эти единственные в Омске партийные газеты даже не упомянули о переименовании 45 улиц и появлении новой площади им. Лагоды!

Дальнейшие поиски омского следа Лагоды привели к обнаружению в Омском историческом архиве личного дела народного судьи Павлоградского района Омской области Ивана Ивановича Лагоды. Согласно представленных в деле документов, украинец И.И. Лагода родился в 1888 г. в Екатеринославле в семье крестьянина-бедняка. В революционных событиях и Гражданской войне не участвовал и занимался сельским хозяйством. Правда, с 1921 по 1922 гг., имея низшее образование (1-классная сельская школа), работал народным судьёй в г. Омске. Затем трудился председателем сельсовета, сельхозартели и т.п. В 1932 г. вступил в ВКП(б) и с 1937 по июль 1938 г. работал народным судьёй Таврического района [25, Л. 3].

Но это явно не тот герой, в честь которого в январе 1938 г. была названа площадь в Городке Будённого. В то время, когда пограничник Семён Лагода добросовестно служил на погранзаставе и геройски погиб в бою, судья Иван Лагода в Таврическом районе *«скомпрометировал себя как члена ВКП(б) и как Народного судью в том, что он занялся половой распущенностью. При поездке по служебным делам тов. Лагода И.И. вел распутную жизнь, с женой на глазах у колхозников устраивал драки, и это повторялось неоднократно. Несмотря на неоднократное предупреждение со стороны парторганизации РО НКВД*

и РК ВКП(б) тов. Лагода продолжал издеваться над женой» [25, Л. 16], за что ему был объявлен выговор по партийной линии. Кроме того, в характеристике Омского облсуда на И.И. Лагоду сказано: «*Политически подкован слабо…. В судебно-карательной политике допускал мягкотелость…. Имело место смазывание к.-р.* (контрреволюционных – авт.) *дел. Отмечено большое количество осуждённых трактористов. Качество судебной работы низкое…. Повышает свой культурно-политический уровень недостаточно. Читает мало…*» [25, Л. 13]. В итоге морально разложившегося коммуниста отправили учиться на юридические курсы в Омск с дальнейшим трудоустройством Народным судьёй в Павлоградский район с июля 1938 г.! [25, Л. 24]. На этом сведения о И.И. Лагода обрываются.

Исходя из вышеизложенного, с большой вероятностью можно сделать вывод, что улица и площадь названа в честь уроженца Куйбышевской области пограничника Семёна Лагоды.

Результаты исследования. Как отмечала известный омский культуролог и историк В.Г. Рыженко, урбанонимы придают городу определённое своеобразие и формируют так называемый «дух места» [26, С. 258]. Однако таковыми для омичей площадь и улица Лагоды не стали. Отказ от своих местных героев (дореволюционных и времён Гражданской войны) в пользу не связанных с Омском имён российского масштаба в компаниях по переименованию улиц в 1921 и 1938 гг. привёл не только к забвению героя-пограничника Семёна Лагоды и обеднению исторической памяти применительно к Привокзальному и Чередовому посёлкам, но и в целом к снижению статуса города, как центра важнейших исторических событий. Не помогла омичам сохранить память о Семёне Лагоде и Калистрате Лагодиче и выражающаяся в устном нарративе социальная память, в силу нарушения межпоколенных коммуникаций. Ведь наше общество привыкло кочевать из одной исторической эпохи в другую, при этом быстро меняя идеалы и забывая своих прежних кумиров.

Спустя десятилетия забвения и запустения, у площади Лагоды наконец-то появился шанс обрести культурно-просветительскую функцию. По генплану г. Омска на 2020–2040 гг. в п. 2.4.4 и 2.4.8 на этой площади предусмотрено размещение библиотеки и кинотеатра [27, С. 132, 133]. И неплохо бы на одном из этих зданий установить мемориальную доску в память о герое-пограничнике Семёне Лагода, чьё имя более 80-ти лет носит улица пос. Чередовый.

Список источников и литературы:

1. Улицы города Омска: Справочник. Сост. Г.Ю. Юрьев, Л.И. Огороднико-ва. Омск, 2008. 264 с.

2. ГИАОО. Ф. Р–235. Оп. 2. Д. 120.

3. Наумов С.С. Гражданская война в памятниках и памятных знаках. Мемориализация коллективных представлений о прошлом в пространстве Омска // Гражданская война в России (1917 – 1922). Историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. Омск, 2016. С. 309–316.

4. План Омска 1904 г. Частное собрание.

5. План Омска 1909 г. Частное собрание.

6. План Омска 1917 г. // Альбом «Омск 1716 – 1991». М., Госгеодезия СССР, 1991.

7. План г. Омска 1935 г. Частное собрание.

8. План Омска нач. XX века. Частное собрание.

9. URL: 2ГИС. Омск. Сахалин (дата обращения – 30 июля 2021).

10. БСЭ. Первое издание. М., 1939. Т. 42.

11. Очерки истории города Омска. Под ред. А.П. Толочко. Т. 2. Омск: ОмГУ, 2005.

12. Громов О.Н. За власть Советов! Краткие биографические очерки об участниках революционных событий в Омском Прииртышье. Омск, 1987. 136 с.

13. Их именами названы омские улицы. Рекомендательный библиографический указатель. Омск, 1987. 151 с.

14. Их именами названы улицы Омска. Омск, 1988. 232 с.

15. Справочник принадлежности улиц и домов г. Омска к отделениям почтовой связи. Омск, Главпочтамт, 2014.

16. ГИАОО. Ф. Р–2200. Оп. 2. Д. 1175.

17. Милищенко О.А. Красногвардеец Калистрат Михайлович Лагодич. Год 1918-й // Гражданская война в России (1917–1922). Историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. Омск, 2016. С. 217–221.

18. Омский некрополь. Старейшие кладбища. Составители И.Е. Бродский, Л.И. Огородникова. Омск: Исторический архив Омской области, 2018. 527 с.

19. Ляхова Е. Начальничье ухо к истории глухо. «Ореол». 27 августа 2008. С.12.

20. Бородкин М. У обелиска // Тропой знакомой. Омск, 2000.

21. Первые служащие вуза. Поимённые списки. Список 2. Список служащих Омского среднего с.-х. училища. URL: http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-89 (дата обращения: 25 июня 2021).

22. ГИАОО. Ф. Р–1277. Оп. 1. Д. 542.

23. Шихатов И.П. Почётные омичи. Омск: ОмГТУ, 2006. 476 с.

24. Трофимов С. Лагода Семен Федорович. .URL: http://ok/ru/staraysamara/topic/131108910541620 (дата обращения: 5 июля 2021).

25. ГИАОО. Ф. Р–1535. Оп. 2. Д. 162.

26. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. 370 с.

27. Проект о внесении изменений в Генеральный план муниципального образования городской округ город Омск Омской области. ООО ИТП «ГРАД». Омск, 2020.

Для цитирования: Панасенков В.Н. Лагода и Лагодич. История улицы, площади и героев // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 227–236.

© Панасенков В.Н., 2021

УДК 94/47

ПРИКАЗЫ ПО ЕНИСЕЙСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ КАК УТРАЧЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ

Владимир Александрович Паршуков [1]

[1] Муниципальное бюджетное учреждение «Управление инженерной защиты», Ульяновск, Россия

[1] asf-zavod@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5099-3439

Аннотация: в статье рассмотрены причины отсутствия приказав по Енисейскому казачьему войску в качестве источников научных публикаций историков и краеведов, занимающихся исследованиями по истории енисейского казачества. Приведены результаты поиска приказов в федеральных и региональных государственных архивах. Выявлены события, которые привели к утрате большей части данных приказов в период Гражданской войны в Сибири. Автором впервые введен в научный оборот ряд новых источников по истории Енисейского казачьего войска.

Ключевые слова: Енисейское казачье войско, приказы, енисейские казаки, Гражданская война, архивы, белое движение.

Постановка проблемы. Приказы по любому казачьему войску несут важную для исследователей информацию. В них отражена боевая, строевая, хозяйственная, экономическая и социально-бытовая деятельность казачьего войска. Несмотря на это, исследователи, занимающиеся историей енисейского казачества, в своих многочисленных работах, выпущенных в последние годы, приказы по Енисейскому казачьему войску (ЕКВ) в качестве источников не используют. Даже ученые, защитившие кандидатские диссертации по истории енисейского казачества в годы революций 1917 г. и Гражданской войны, эти источники в своих квалификационных научных работах и монографии не использовали [1], [2]. В чем тут дело? Сохранились ли приказы по Енисейскому казачьему войску? Если да, то где они находятся? Одной из целей исследования был поиск приказов по Енисейскому казачьему войску в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военном архиве, Российском государственном военно-историческом архиве, а так же в Государственном архиве Красноярского края, Государственном архиве Иркутской области, Государственном архиве Хабаровского края.

Основная часть. Из истории казачества России известно, что в каждом войске издавались приказы по казачьему войску. В них за подписью атамана сообщалось о мобилизации, боевых действиях, кадровых назначениях, производстве в следующие чины, поощрении и награждении казаков и офицеров, о взысканиях и наказаниях. «Документы казачьего войска… отлично передают атмосферу того времени – патриотический дух казаков и офицеров войска, их стремление во что бы то ни стало уничтожить врага» [3, С. 55].

Копии приказов из казачьего войска отправлялись в адрес вышестоящего командования, тем самым повышалась вероятность их сохранения не только на территории войска. В настоящее время приказы по казачьим войскам доступны исследователям в РГВИА, РГВА, ГАРФ и в некоторых региональных архивах.

Ситуация с приказами по Енисейскому казачьему войску несколько иная. Созданное в мае 1917 г. на волне демократизации общественных настроений в российском обществе, в том числе в казачьей среде, Енисейское казачье войско за свою короткую историю испытало немало трудностей и прошло через горнило Гражданской войны. В начале 1918 г. войско участвовало в Сотниковском мятеже, названного большевиками по фамилии первого атамана ЕКВ Сотникова Александра Александровича. Чтобы не допустить кровопролития в городе Красноярске, казачий дивизион и войсковое управление под покровом ночи 18 января 1918 г., конным порядком, покинули город. Спустя некоторое время мятеж енисейских казаков был подавлен, офицеры арестованы, а атаман и некоторые члены войскового управления от ареста скрылись. Войсковое имущество, документы, оставшееся в Красноярске, по сообщению сотника Г.К. Бологова 19 февраля 1919 г. на вечернем заседании 5-го Большого круга,

«было разграблено большевиками» [4, С. 49]. Таким образом, во время Сотниковского мятежа были утрачены и приказы по Енисейскому казачьему войску, выпускавшиеся с мая 1917 г. по март 1918 г., так как за этот период, они, до настоящего времени, нигде не обнаружены.

С падением Советской власти в июне 1918 г., енисейские казаки собрали заседание Временного Совета ЕКВ, состоящего из 25 членов и 8 кандидатов в него. Председатель заседания А.Н. Тялшинский «доложил о текущем моменте», после чего Временным Советом ЕКВ были определены задачи войска на ближайшее время [5, Л. 61–61об.]. С этого момента Тялшинский фактически встал во главе войска. В сентябре 1918 г. приказом по войскам Иркутского военного округа хорунжий Тялшинский был временно утвержден атаманом войска, а на 5-м Большом круге ЕКВ его избрали на эту должность делегаты круга. Атаман Тялшинский обязан был высылать в штаб Иркутского военного округа приказы по Енисейскому казачьему войску, все свои распоряжения и другие документы, доносить о сформированных частях, их составе [6, С. 223], однако он не считал нужным отчитываться перед иркутским командованием. Как сообщил в одном из документов начальник Сводно-казачьей бригады генерал-майор Шильников, что приказы по Енисейскому казачьему войску он не получает [7, Л. 44].

Приказы по ЕКВ более чем за полугодовой период, начиная с июля 1918 г., оставались только в войске и копии их вышестоящему начальству не отправлялись. Последующие трагические события на исходе Гражданской войны привели к утрате этих, находящихся в войске, приказов.

При эвакуации на Восток страны войсковых архивов во время взрыва поезда 29 декабря 1919 г. на станции Ачинск погиб член войскового управления Енисейского казачьего войска Ананий Гордеевич Шахматов [8, С. 6]. При этом сгорел весь войсковой архив, оригиналы приказов по Енисейскому казачьему войску и приказов по войсковому управлению.

Правда, копии некоторых приказов по войску оказались среди имущества ЕКВ, которое эвакуировалось на Восток в трех вагонах вместе ранеными казаками и семьями казаков. Организовывал эвакуацию член войскового управления К.И. Лаврентьев. После антиколчаковского восстания власть в Иркутске к началу 1920 г. перешла к эсеровскому Политцентру, а спустя некоторое время – к Иркутскому военно-революционному комитету. Новой властью было принято решение об изъятии имущества и ликвидации Енисейского казачьего войска. Три вагона, в которых эвакуировалось на Восток страны имущество ЕКВ, были остановлены в районе Иркутска, а член войскового управления К.И. Лаврентьев и председатель войскового управления И.Г. Казанцев вынуждены были передавать все имущество по актам передачи ликвидационной комиссии, образованной при Иркутском Военном комиссариате. Среди дел, переданных ликвидаци-

онной комиссии, были так же копии приказов по Енисейскому казачьему войску за 1919 г. [9, С. 260].

Видимо, эти копии приказов и удалось обнаружить автору в разных фондах ГАРФ и РГВА. Их оказалось не более семидесяти, выпускавшихся с марта по август 1919 г. и один приказ за сентябрь этого же года. В фонде ГАРФ № Р-149, опись 1, имеется дело № 26 под названием: «Донесения о выступлении агитаторов на Абаковском заводе Ачинского уезда; переписка о восстании в Енисейском уезде и большевистских выступлениях в городах и селах Енисейской губернии, приказы по Енисейскому казачьему войску (копии)», в котором находятся 67 приказов, выпущенных с марта по август 1919 года.

В РГВА имеется дело с заголовком «Приказы по Красноярскому гарнизону и Енисейскому казачьему войску», в котором находятся копии двух приказов по ЕКВ. В приказе № 113 от 18 июля 1919 г. сказано, что член войскового управления «подхорунжий Ананий Гордеевич Шахматов при подавлении красноармейских банд в Минусинском уезде с 27 июня по 12 июля исполнял обязанности адъютанта начальника отряда есаула Фролова. Означенное внести в его послужной список» [10, Л. 107]. В другом разделе приказа сказано: «лица, поименованные в списке ниже сего, согласно приговоров станичных и поселковых, зачисляются в казачье звание» [10, Л. 107 об.].

По Имекской станице в казачье звание был переведен офицер 1-го Енисейского казачьего полка 27-летний поручик Николай Григорьевич Дейчев. В Минусинской станице казачкой стала приемная дочь члена войскового управления К.И. Лаврентьева – Валентина Андреевна Шумайлова.

По Торгашинской станице в казачье звание переведено 31 семейство, по станице 2-й Злобиной – 45 семейств, по деревне Шумковой – 72 семьи, по деревне Свищевской – 88 семейств, по селу Ладейскому – 114 семейств [10, Л. 108–120 об.].

Второй приказ, хранящийся в этом деле, датирован от 2 сентября 1919 г. В параграфе № 1 сказано: «При сем объявляю копию телеграммы, полученной от помощника Военного министра по казачьим делам. Указом 19 августа Верховный Правитель повелел призвать на действительную военную службу казаков Енисейского казачьего войска нарядов с 1900 по 1913 включительно, 1920 и 1921 года…» [10, Л. 104].

В связи с этим, новый войсковой атаман ЕКВ генерального штаба генерал-майор Виктор Лукич Попов и председатель войскового управления подхорунжий Иван Григорьевич Казанцев, обратились к казакам с воззванием. «Енисейцы. Настал грозный час борьбы с врагами Родины. Все казачьи войска Сибири и России поднимаются на решительную борьбу и с ними все русские люди, любящие честь и славу России и её народов…» [10, Л. 104–105]. Данным приказом были определены первый и последующие дни мобилизации для казаков разных сроков службы.

В обнаруженных приказах сообщается о призыве казаков на службу, зачислении в войско, исключении из него, перечислении из одной станицы в другую, об утверждении станичных атаманов и других должностных лиц, избранных станичниками. В разделе приказов «по строевой части» указаны списки казаков, зачисленных на службу в 1-й Енисейский казачий полк, списки убитых и раненых, уволенных со службы казаков. В приказах приводятся так же выписки из документов, присланных вышестоящим командованием, телеграммы и т.д.

Так 12 июня 1919 г. в Минусинск поступила телеграмма от представителя ЕКВ Анищенко: «Совет Министров на заседании 10 июня постановил енисейских казаков именовать Енисейским казачьим войском» [11, Л. 172 об.]. Дело в том, что когда в 1917 г. енисейские казаки образовали Енисейское казачье войско, официального утверждения этого решения на правительственном уровне не произошло. Подобная ситуация была и с Иркутским казачьим войском. И только сейчас, Совет Министров Российского правительства вынес постановление о признании Иркутского и Енисейского казачьих войск [12, Л. 1], отменив все действующие по этому вопросу ограничения [13, Л. 8].

Часть сохранившихся копий приказов отпечатана в типографии Енисейского казачьего войска. В Минусинске, где большую часть в 1919 г. находились органы управления казачьего войска, у гражданки Федоровой была реквизирована типография и передана войсковому управлению. С 6 мая 1919 г. типография находилась в доме Седельникова на Субботней площади [11, Л. 175]. В это же здание из дома Зиеринга с 27 мая было переведено и войсковое управление ЕКВ [11, Л. 186].

На должность управляющего типографии ЕКВ с 19 апреля 1919 г. был назначен Яков Кузьмич Чернышев, гражданин Иркутской губернии [11, Л. 159об.]. В апреле этого года ему было выдано 5000 руб. «на расходы по типографии» [11, Л. 194 об.].

Все сказанное выше об утрате приказов по ЕКВ, относится так же и к приказам по войсковому управлению ЕКВ. Они так же бесследно утрачены в ходе Гражданской войны. В ГАРФ имеются только копии четырех приказов по войсковому управлению. Эти приказы регламентируют финансовые, административные и хозяйственные вопросы, которые находились в ведении войскового управления. В приказах сообщается так же о мобилизации, о назначении на должности писарей и других должностных лиц, отправку их в командировку [11, Л. 190–195об.].

Несмотря на упразднение Енисейского казачьего войска ликвидационной комиссией в городе Иркутске, войско фактически продолжало существовать. 31 марта 1920 г. в деревне Черновской под Читой состоялся 7-й Чрезвычайный съезд Енисейского казачьего войска. Его строевые части боролись с красными в 1920 г. под Читой, а затем – на Дальнем Востоке. Енисейское казачье войско

существовало так же и в эмиграции. Приказы по войску за этот период в архивах России не обнаружены.

Результаты исследования. По итогам работы нами выполнен поиск приказов по ЕКВ в федеральных и региональных государственных архивах, выявлены события, которые привели к утрате большей части приказов по войску во время Гражданской войны. Впервые введен в научный оборот ряд архивных источников по истории Енисейского казачьего войска и Гражданской войны в Сибири. Большая часть приказов по ЕКВ, начиная с момента его образования почти за двух летний период, с мая 1917 г. по март 1918 г., с июля 1918 г. по февраль 1919 г., с сентября 1919 г. по февраль 1920 г., была утрачена. На государственном хранении указанных приказов не оказалось.

Таким образом, приказы по Енисейскому казачьему войску были утрачены во время двух событий Гражданской войны. В начале 1918 г., во время Сотниковского мятежа, и в конце 1919 г., во время взрыва на станции Ачинск поезда, в котором находился с войсковыми архивами член войскового управления ЕКВ Ананий Гордеевич Шахматов. В ГАРФ и РГВА отложилась лишь незначительная часть копий приказов, которые до настоящего времени являются малоизвестными документами.

Список источников и литературы:

1. Богуцкий А. Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007. 180 с.

2. Тарасов М. Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917–1922. М.: Наука, 2011. 176 с.

3. Семенов В.Г. Оренбургское казачье войско в приказах и циркулярах в начальный период Первой мировой войны (июль-декабрь 1914 года) // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4. С. 46–55.

4. Протоколы 5-го Большого круга Енисейского казачьего войска. 15–21 февраля 1919 г. в г. Минусинске. Ачинск, 1919. 64 с.

5. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 290.

6. Паршуков В.А. Беспорядки в Енисейском казачьем войске // Архивный вестник. Омск, 2013. № 20. С. 222–227.

7. РГВА. Ф. 39940. Оп. 1. Д. 290.

8. Енисейские казаки: Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков по материалам, собранным членом Войскового правления К.И. Лаврентьевым. Харбин, 1940. 174 с.

9**.** Паршуков В.А. Документы о ликвидации Енисейского казачьего войска как неизвестные источники по истории Гражданской войны в Сибири // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы II всеросс. науч.-прак. конф. с междунар. участием. Омск, 2017. С. 257–262.

10. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2348.
11. ГАРФ. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 26.
12. ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 96.
13. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 73.

Для цитирования: Паршуков В.А. Приказы по Енисейскому казачьему войску как утраченные источники по истории Гражданской войны в Сибири // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 236–242.

© Паршуков В.А., 2021

УДК 908+351.741

ТАРСКАЯ УЕЗДНАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ МИЛИЦИЯ В 1919–1921 ГГ.

Вера Леонидовна Помыткина [1]

[1] Исторический архив Омской области, Тара, Россия

[1] pomytkina_vl@iaoo.ru

Аннотация: в статье дается общая характеристика работы Тарской уездной рабоче-крестьянской милиции, рассматриваются проблемы и трудности, с которыми столкнулись милиционеры в годы Гражданской войны, на основе неопубликованных источников приводятся примеры совершённых в те годы преступлений, раскрываются их причины и отношение народа к новой структуре правопорядка.

Ключевые слова: Гражданская война, советская власть, рабоче-крестьянская милиция, военный коммунизм, продразверстка, преступность, бандитизм, Тарский уезд, Тара.

Постановка вопроса. После Октябрьской революции в 1917 г. поддержание общественного порядка было возложено на вооруженные отряды из рабочих фабрик и заводов. 28 октября (10 ноября) 1917 г. было принято постановление НКВД РСФСР под № 77 «О рабочей милиции» [1]. Согласно этому постановлению, рабочая милиция находилась всецело в ведении Совета рабочих

и солдатских депутатов. Военные и гражданские власти обязаны были содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению её техническими силами, вплоть до обеспечения казённым оружием. Организационная структура милиции получила определенную форму и была закреплена и конкретизирована в октябре 1918 г. специальной инструкцией НКВД и НКЮ.

В каждом уезде организовывалась уездная (она же городская) милиция, уезды делились на районы, районы – на участки. Формирование Тарской уездной рабоче-крестьянской милиции началось с момента занятия города РККА, 16 ноября 1919 г. [2]. Но представления о функциях милиции, ее взаимоотношениях с органами власти и другими организациями города были плохо проработаны. Поэтому работа милиции в ноябре – декабре 1919 г. носила бессистемный и непланомерный характер [3, С. 47].

Основная часть. Тарский уезд был разделён на 10 районов, по числу участков народного суда, для достижения контактности в работе милиции и суда. В целях охраны и правового порядка город с его пригородами был разбит на два района: южный район города – первый, северный – второй, граница проходила по Полицейскому переулку [4, Л. 4].

Основными направлениями работы милиции в годы Гражданской войны была борьба с уголовной преступностью, тайным винокурением и торговлей, контрреволюцией. У советской власти в те годы не было средств на содержание армии, милиции, государственного и местного аппарата власти. А ведь были ещё здравоохранение, образование, социальное обеспечение. Все сферы требовали средств на содержание. И новая власть собирала их теми же традиционными методами, которые использует любое правительство, – при помощи налогов. В условиях военного коммунизма обложение налогами производилось не от дохода производителя, а от потребностей государства, по разверстке. Добровольно платить такой налог никто не хотел, так как он, как правило, был нереальным. Брать налог приходилось силой. Эта непопулярная задача тоже возлагалась на милицию. На голодную, полураздетую и почти безоружную милицию возложили решение одной из самых трудных задач того времени – удержать власть и спасти страну от голода путем изъятия хлеба у своих же крестьян.

Основными проблемами тех лет были: катастрофическая нехватка квалифицированных кадров, отсутствие опыта, проблемы с канцелярией и обмундированием. В августе 1921 г. начальник Тарского угрозыска вынужден обратиться в Тарский уисполком с просьбой разрешить взять из числа найденных в д. Темнишиняково у гражданина Зотова закопанных в земле 32 кож – 2 кожи предназначались для изготовления сотрудникам угрозыска комплектов обуви, т. к. «их энергичная деятельность и бодрость начинают падать и некоторые уже жалуются на головные боли и ломоту в ногах от простуды, т. к. имеемая у них обувь от постоянного их хождения в грязи и лазанья по болотам для открытия

преступлений и обнаружения преступников пришла в ветхость и к носке совершенно не годна, а новой в запасе нет» [5, Л. 71–72]. Кожи выдали. Исполняющий обязанности начальника уездной милиции товарищ Иванов писал в 1921 г. начальнику губернской милиции о крайне тяжёлом материальном положении своих милиционеров, что они отказываются нести службу, потому что совершенно «голые и босые». Так же он пишет, что «положение милиционеров отчаянное, вызывает массовые дезертирства, …прошу принять экстренные меры» [5, Л. 109].

Так как на протяжении 1919–1922 гг. начальники милиции, районных отделов, угрозыска менялись каждые несколько месяцев, то в рамках данного исследования не ставиться целью восстановить фамилии всех начальников Тарской милиции, а дать общую характеристику работы милиции в первые годы её деятельности.

Летом 1920 г. очередной начальник милиции (скорее всего И.И. Липинский) в своем первом приказе при вступлении в должность, обратился к тарским милиционерам с призывом: «призываю всех служащих городской и уездной милиции помочь мне в работе по укреплению власти рабочих и крестьян. В момент, когда Советская Россия, изжив царьков: Колчака, Деникина, Юденича, и их прихвостней, ведет последний оборонительный бой с предательски вступившими польскими шляхтичами, нам с особым рвением и энергией надлежит отнестись к работе, и оправдать доверие, возложенное на нас. Предваряю, что всякое послабление по службе, в особенности по борьбе с кумышковарением, несообщение сведений, могущих быть полезными, а также пьянство чинов милиции буду преследовать, и по отношению к провинившимся, приму строжайшие меры вплоть, до предания суду Революционного Трибунала» [6, Л. 65 об.]. Главной проблемой уголовного сыска в эти годы в уезде было полное отсутствие опытных работников. Улучшение в этом направлении произошло летом 1920 г. с приходом нового начальника милиции – Липинского Игнатия Игнатьевича, 1889 г.р. Сам он токарь по профессии, но получил и юридическое образование, смог устранить многие недостатки, действия милиции стали более согласованы [4, Л. 16]. Следующий начальник милиции Злоказов так описывал работу Липинского: «…у него был дух сдерживания от закомиссаривания, в то же время, был зорким на своем посту» [7, Л. 40]. Тем же летом тарская милиция принимала участие в сборе оружия, в урегулировании конфликтов между русскими и татарами из-за земельных угодий, следила за работами по подвозке лесных материалов и по выполнению всевозможных разверсток. В начале зимней кампании милиция была привлечена к выполнению хлебной разверстки, некоторые лица были специально откомандированы на продфронт [7, Л. 40]. В декабре 1920 г. в Тарской уездной милиции числилось 22 человека командного состава, 52 милиционера в городе, 132 в уезде, 44 служащих канце-

лярий. К январю 1921 г. конный резерв в г. Таре состоял из 18 лошадей. Большей частью это были лошади, оставленные армией Колчака, частью пригульные и конфискованные. Милиционеры конного не были опытными кавалеристами, но все проходили военную службу в армиях. Конный резерв выполнял важную работу, и в экстренных случаях всадники выезжали по милицейским делам [7, Л. 40об.]. Взаимодействие городской и уездной милиции с другими советскими учреждениями было согласованным, мелкие конфликты, если и случались, то быстро решались.

На должности по советской милиции могли быть назначены только граждане РСФСР, достигшие 21 года, пользующиеся избирательным правом и признающие Советскую власть. Не могли стать советскими милиционерами: лица, состоящие под следствием и судом, подвергшиеся по суду лишению или ограничению в правах, ранее осужденные, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала, от сдачи имущества и проч.), все частные торговцы и посредники, служители религиозных культов, чины бывшей полиции, лица, признанные в установленном порядке душевно-больными, глухо-немые, находящиеся под опекой. При поступлении на службу в милицию, будущие милиционеры давали письменное обязательство отработать не менее 6 месяцев [4, Л. 6].

Кадры, пришедшие на службу в милицию, далеко не всегда соответствовали образу советского милиционера, да и образ этот находился ещё в стадии формирования. К 1920 г. снижение дисциплины в рядах Тарской милиции достигло предела. Милиционеры опаздывали на службу, уходили с постов, напивались. Начальником милиции был издан приказ: «всем служащим от старшего до младшего прекратить подобное явление, несовместимое с великим званием милиционера, как стража интересов трудящихся масс» [4, Л. 2]; «в своих обращениях с начальником милиции, его помощниками и всеми гражданами при исполнении служебного долга каждый милиционер должен быть вежлив, корректен и учтив» [4, Л. 5].

В связи со снижением дисциплины в милиции, по городу было установлено дежурство милиционеров с 8 часов утра до 12 часов ночи, и с 12 часов ночи до 4 часов утра. Младших милиционеров городской милиции Улешова, Падель, Букарева, Сысолятина, уволили, как несоответствующих своему назначению. Принятые меры имели действие, и к 1 января 1921 г. дисциплина среди милиционеров была доведения до такого уровня, что последние стали сравнивать свою службу с военной.

В административном отношении милиция делилась на общий отдел, (куда входили гражданская и хозяйственная части, адресный стол), политическую часть и уголовный сыск. Работа угрозыска оставалась слабой из-за отсутствия опытных агентов и руководителя, который «мог бы вложить душу в дело розыска и направить сотрудников» [7, Л. 41].

Каждый день начальники районных отделов милиции подавали сводки начуездной милиции о происшествиях в своих районах. Начальник милиции, в свою очередь, два раза в месяц отчитывался о работе в губернское милицейское управление. Так как политическая обстановка в стране оставалась напряженной, помимо отчёта о преступлениях, обязательно указывалось настроение населения к новой власти, отношение его к РККА, сведения о дезертирах. По районам уезда население к новой власти было настроено практически одинаково: удовлетворительное, местами «возбужденное вообще и враждебное к партии коммунистов» [7, Л. 38]. Недовольство крестьян было, главным образом, в неполучении мануфактуры, запрещении выдачи кож, отсутствии сельскохозяйственных машин и орудий.

Надо отметить, что политическая образованность рядовых сотрудников милиции тоже не была на высоте. Так, милиционер Рыбинской волости отказался заполнить анкету и регистрационную карточку потому, что думал, что этим он записывается в партию [7, Л. 41 об.]. Партийность в 1921 г. среди милиционеров была следующей: из 230 человек – 35, члены партии, 108 – кандидаты [7, Л. 40об.].

14 января 1921 г. начальником Тарской уездной милиции по городу и уезду было объявлено, что проведение спектаклей, концертов, семейных вечеров должно проводиться только с его разрешения. Устроенные без разрешения будут закрываться, и рассматриваться как конспиративные собрания. Лица, замеченные в нарушении приказа, будут привлекаться к суду Ревтрибунала [7, Л. 47]. В конце января 1921 г. разразилось небывалое явление для Тарского уезда: волнение крестьян, ядро которого возникло в Ишимском уезде, перекатилось в Тарский. При ликвидации восстания, милиция не понесла жертв, никто даже не был ранен. Отряд милиции под командованием Черепанова Фёдора Михайловича (1895 г.р., по профессии – механик, занял пост начальника милиции с 1 сентября 1920 г.) [4, Л. 16, 6, Л. 185], проявил себя блестяще [7, Л. 41об.].

По уезду, как и по всей стране, шла постоянная борьба с винокурением и торговлей алкоголем. Люди, вместо того, чтобы сдавать хлеб государству, гнали самогон и продавали его. Среди основных причин преступности пьянство стояло на одном из первых мест. Пьянство превращалось в поистине народное бедствие, приняло такой широкий размах, особенно в деревнях, что тревогу забили органы милиции, ВЧК, прокуратуры и судов. В связи с этим, в 1920 г. был издан следующий приказ. Всем гражданам города предлагалось в двухнедельный срок сдать все имеющиеся у них спиртные напитки (водку и спирт) в Управление милиции (Базарная площадь). В случае обнаружения у кого-либо спиртных напитков, виновные привлекались к ответственности (штраф 3 000 руб. или арест на три месяца). «Приказываю прекратить пьянство. В случае обнаружения кого-либо в пьяном виде – таковой подлежит ответственности по

всей строгости законов военного времени включительно до расстрела и конфискации имущества» [4, Л. 3]. Милиционерами регулярно проводились обыски, аресты, облавы на торговцев алкоголем. В ходе таких мероприятий в 7-м районе (с. Тевриз), попутно был задержан бывший белогвардейский офицер, изъято 3 трёхлинейных винтовки [8, Л. 21].

Не меньше, чем в городе, а может и больше, работы было у волостных милиционеров. На должность старшего милиционера волости назначались лица, рекомендованные от социалистических партий, профсоюзов и местных Советов. В распоряжении старшего милиционера волости был положен штат из трех сотрудников. В обязанности старшего волмилиционера входило: охрана общественного революционного порядка, права и безопасности, рабочей и крестьянской бедноты; борьба с проявлениями контрреволюционных выступлений и уголовными преступлениями; выдача пропусков и удостоверений личности, регистрация местных кулаков, богатеев, нищих и других «паразитических элементов»; наблюдение за исправностью дорог, мостов, санитарным состоянием волости; принятие мер противопожарного характера; дела о розысках, учет коммунистов и прочее. Волмилиционеры при несении службы должны были носить установленную форму или отличительный знак, вооружались холодным и огнестрельным оружием [4, Л. 6].

Проблемы общероссийского масштаба затронули и Тарский уезд, чем наложили отпечаток и на работу милиции. Голод в 1921–1922 гг. в Тарском уезде не был таким страшным, как в Поволжье и на Урале, но население, особенно в селах, страдало от него не меньше. Это повысило рост преступности (участилось воровство) и, соответственно, участились самосуды местного населения над пойманными ворами. Временно исполняющий обязанности начальника горуездной милиции товарищ Шамнуров, в июне 1922 г. докладывал: «переходя к вопросу о преступности населения, нужно сказать, что преступность эта вызывается не столько уже испорченностью населения, а как на почве голода, который в уезде ощутим чрезвычайно остро, особенно в низовых волостях по Иртышу, где зарегистрированы десятки смертей от голода» [9, Л. 208 об.]. К примеру, 6 августа 1922 г. в д. Туй Тевризской волости был обнаружен труп неизвестного мальчика, умершего от голода [10, Л. 100].

За тот же месяц по уезду произошло: вооруженных грабежей – 1, убийств – 4, обнаружений трупов – 2, краж крупных – 10, мелких – 24, конокрадств – 20, арестов – 73, обысков – 97, облав – 3, задержано воров – 7, самоубийств – 1, самосудов – 4 [9, Л. 208]. Громким было дело о самосуде в с. Князевском Бутаковской волости. Двух воров, зарезавших свиней, избивало все село в 86 дворов. На требование властей выдать зачинщиков самосуда, жители заявили: «судите нас всех, у нас больше нет терпения к ворам» [9, Л. 208 об.]. Это свидетельствует о полном озлоблении к людям, совершившим кражи в это тяжёлое

голодное время с одной стороны, и о недоверии к карательной политике судебных органов, с другой.

Голод толкал людей на преступление, воровали у своих, в своих деревнях, чтобы выжить. Тот же голод и заставлял людей вершить самосуд над ворами. В д. Шуево Логиновской волости 7 мая 1922 г. жителями деревни также был произведен самосуд над ворами, четверо человек были забиты насмерть. Со слов председателя волисполкома, убитые – бедняки, пошли на воровство от голода [10, Л. 19]. В д. Рямовке Могильно-Посельской волости 25 февраля 1922 г. совершен самосуд над гражданином той же деревни Никитой Гавриликовым, обвиняемом в краже коровы, в результате побоев Гавриликов умер [10, Л. 2]. 23 февраля 1922 г. по дороге между д. Моховой Привал и с. Карташевским был обнаружен труп мужчины в санях пробитой головой с целью грабежа хлеба. Это был житель г. Тары, заведующий общеорганизационным подотделом при Тарском уездном отделе образования Фёдор Петрович Осипов [10, Л. 1]. В ночь с 8 на 9 ноября 1922 г. по дороге к с. Такмык был ограблен двумя бандитами, вооруженными огнестрельным оружием, выдававшими себя за лиц, находящихся на государственной службе, охраняющими порядок, Александр Иванович Рыбаков [10, Л. 102]. И таких примеров множество.

Заключение. Поводя итоги, отметим, что деятельность Тарской уездной милиции в первые годы её существования столкнулась с рядом проблем, таким как: кадровый голод, низкая дисциплина в рядах милиционеров, отсутствие должного обеспечения обмундированием, нехватка продовольственных пайков (что и мешало набирать на службу нужное количество агентов), возросшая преступность, повсеместное пьянство (особенно в деревнях), недоверие населения к новой власти. Но, несмотря на все трудности и часто меняющихся руководителей, Тарская милиция достойно справилась с антибольшевистским восстанием, перешедшим в Тарский уезд в январе 1921 г. из Ишимского уезда, смогла укрепить дисциплину в рядах сотрудников, снизила поток подпольного самогоноварения и торговли алкоголем. В 1920–1921 гг. на территории Тарского уезда не отмечена деятельность ни одной крупной банды, только случаи единичных грабежей и убийств. Тарская уездная рабоче-крестьянская милиция ликвидирована в 1925 г. в связи с введением нового административного деления.

Список источников и литературы:

1. Музей истории Российских реформ имени П.А. Столыпина: [Электронный ресурс]. URL: http://museumreforms.ru/node/13721. (дата обращения 12.07.2021).

2. Тарское Прииртышье [Электронный ресурс]. URL: http://www.tp-tara.ru/news/1376. (Дата обращения: 11.07.2021).

3. Жиров А.А. Если бы стены могли говорить… : очерки и статьи. Омск: Полиграф, 2008. 284 с.

4. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 23.
5. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 160.
6. ТФ ГИАОО. Ф. Р–126. Оп. 1. Д. 7.
7. ТФ ГИАОО. Ф. Р–9. Оп. 1. Д. 22.
8. ТФ ГИАОО. Ф. Р–126. Оп. 1. Д. 61.
9. ТФ ГИАОО. Ф. Р–9. Оп. 1. Д. 224.
10. ТФ ГИАОО. Ф. Р–9. Оп. 1. Д. 225.

Для цитирования: Помыткина В.Л. Тарская уездная рабоче-крестьянская милиция в 1919–1921 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 242–249.

© Помыткина В.Л., 2021

УДК 93/94

АНТИЧНЫЙ ГЕРОЙ? ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

Александр Сергеевич Пученков [1]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[1] a.puchenkov@spbu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9722-4267

Аннотация: Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак – самый известный деятель Белого движения, и интерес к его личности традиционно высок. Автор дополняет, на основании мемуарных источников, психологический портрет данного политического лидера и пытается пояснить причины его поступков и поведения на финальном этапе биографии. В исследовании также приводится сравнительный анализ различных оценок деятельности А.В. Колчака в современной историографии. В заключении автор подчеркивает, что личность А.В. Колчака – крупной исторической фигуры – многослойна, противоречива и дискуссионна.

Ключевые слова: А.В. Колчак, Русский императорский флот, Гражданская война, Белое движение, Белая армия, мемуары, эго-документы, историография, имагология.

Постановка проблемы. 101 год назад в Иркутске был расстрелян Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак, и 101 год Россия ведет споры о том, кем был этот человек? Как можно оценивать его вклад в историю страны – положительно или отрицательно? Можем ли мы рассматривать Колчака как государственного деятеля с крупным потенциалом или же мы должны видеть в нем слабую и ограниченную фигуру, едва ли не случайно оказавшуюся в центре событий в годы трагической русской междоусобицы? Наконец, закономерно ли Александр Васильевич пришел к своему трагическому финалу? Все эти вопросы по-прежнему порождают серьезную полемику. Вместе с тем не вызывает сомнения тот простой факт, что Колчак – несомненно самый известный деятель Белого движения и, по самому своему статусу как Верховного правителя России, – лидер антибольшевистского лагеря и главный оппонент Ленина. Таким образом, *путь* Колчака, победи белые в Гражданской войне, мог стать путем для всей России. Уже одно это предопределяет интерес к личности расстрелянного в Иркутске адмирала. И действительно: судя по количеству посвященных ему публикаций, Колчак остается самой популярной среди историков фигурой Гражданской войны в России. Оно и понятно – в Колчаке присутствует все: изобилующая невероятными поворотами жизнь, необычная и по-восточному притягательная внешность, неброское и в то же время не вызывающее сомнений бесстрашие, красивая и яркая избранница Анна Тимирёва, любовь которой по-настоящему окрылила адмирала; наконец, смерть, принятая адмиралом с равнодушием истинного самурая – перед нами драма, достойная настоящего героя Истории.

Основная часть. Водоразделом для Колчака, как и для всех без исключения русских офицеров, стал 1917-й год. До революции Колчак был, подобно подавляющему большинству офицеров, монархистом, не задумывающимся над своими политическими убеждениями. «Долгий» февраль 1917 г. постепенно и неумолимо втягивал Колчака, подобно всему русскому офицерству, в политику, заставляя их, всегда живших в традиционной для российского офицерства системе координат, выражавшейся в формуле «За Веру, Царя и Отечество», искать новые, приемлемые для них, модели социального поведения.

Поначалу адмирал, безусловно, лояльно относился к новой власти. 19 марта 1917 г. весь Черноморский флот был приведен к присяге Временному правительству, первым текст присяги произнес адмирал А.В. Колчак. Харизма и исключительный профессионализм Колчака способствовали тому, что разложение моряков-черноморцев развивалось гораздо более медленными темпами, чем на Балтфлоте; здесь, на Черном море, энергия революционного порыва поначалу была обращена в более спокойное русло. «Все его движения были быстры, порывисты, от него веяло необузданной энергией и несокрушимый весь его облик говорил о большой внутренней силе и настойчивости. Вместе с тем в его

лице было что-то болезненное, какая-то издерганность. Общим своим видом он сильно действовал на окружающих, заставляя их как бы подбираться и подчиняться ему», – писал о командующем Черноморским флотом полковник С.Н. Сомов [1, Л. 103–104].

До поры до времени Колчак воспринимал произошедшую революцию и смену власти как свершившийся факт, с которым следует считаться, при этом адмирал, несомненно, попытался стать фактическим руководителем революционного движения на Черноморском флоте. Отметим, что авторитет Колчака не только среди офицерского состава, но и среди матросов первое время был исключительно высок. Александр Васильевич, будучи человеком от природы крайне вспыльчивым и неуравновешенным, сумел в той ситуации совладать со своими нервами и направить революционную энергию в нужное ему русло, достаточно успешно соблюдая новые для него «правила игры» и активно участвуя в митингах, выступлениях, раздавая интервью, в которых давал происходящим событиям весьма взвешенные оценки, и даже возглавляя делегацию командования Черноморского флота во время торжественной церемонии перезахоронении останков лейтенанта П.П. Шмидта и других руководителей восстания на «Очакове» в 1905 г. [2].

По словам бывшего военного и морского министра Временного правительства А.И. Гучкова, «совершенно исключительная личность адмирала Колчака» проявилась в том, что «он с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение вещей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался…» [3, С. 68]. Вскоре, однако, ситуация изменилась. Черноморский флот – вслед за Балтийским – начал свое разложение; матросы вступали во все более непримиримый конфликт с офицерством, авторитет Колчака более не оказывал на них никакого воздействия.

К 5 июня 1917 г. командование фактически утратило свои функции. Начались аресты офицеров. 6 июня делегатское собрание армии, флота и рабочих вынесло резолюцию об отстранении от должности Колчака и его начальника штаба адмирала М.И. Смирнова. Последняя попытка вице-адмирала Колчака, обвинённого в «возбуждении матросских масс» своими действиями, повлиять на команды провалилась: на делегатском собрании 7 июня ему просто не дали слова. Началось разоружение офицеров. Некоторые из них, не желая разоружаться, застрелились. «Офицеры были взволнованы. Никто из них не верил, чтобы адмирал Колчак отдал оружие, но тогда… Чем все это кончится… Появился адмирал Колчак в фуражке и белом кителе. Он был без оружия. За ним шел флаг-офицер с портфелем. Быстро пройдя мимо офицеров, Колчак подо-

шел к фронту матросов. Лицо его было слегка бледно. Углы рта подергивал еле заметный тик. Выражение лица сосредоточенное и угрюмое, не предвещавшее ничего доброго. Общий вид, как всегда, решительный. Подойдя к фронту, он на секунду задумался. Наступила решительная минута. Волнение отразилось и на лицах матросов. “Собравшийся в цирке митинг матросов, – начал он говорить, – вынес постановление об отобрании у меня оружия. Даже враги японцы, к которым я попал в плен в Порт-Артуре, вернули мне кортик. Матросы же командуемого мною флота оказались хуже врагов. Забыв о долге, они нанесли мне тяжкое оскорбление. Негодяи, забывшие честь, долг перед Родиной и присягу, осмелились явиться сюда за моим оружием”, продолжал он все повышающимся резким голосом. Лица делегатов побелели, и они боязливо оглянулись вокруг. “Вы его не получите! Флаг-офицер, дайте мое оружие”. Флаг-офицер вынул из портфеля и подал адмиралу кортик с золотой рукоятью и георгиевским темляком. Взяв его, адмирал Колчак резким движением швырнул кортик в море. На душе стало тревожно, но радостно. Новое оскорбление было избегнуто, благодаря найденному почетному выходу. “Ваше превосходительство, черноморцы не виноваты. Это проклятые балтийцы его мутят. Мы не осмелились бы”, – раздались восклицания из фронта. Колчак не слушал их. Обратившись к делегатам, он приказал им немедленно убраться с “Георгия Победоносца”. Те кубарем скатились по трапу в катер, опасаясь, очевидно, быть сброшенными в море. Торжествующая улыбка сошла с их лиц и на них был написан животный страх. Адмирал Колчак спустился вниз. Взволнованные и смущенные матросы разошлись по палубе, сетуя на балтийцев, приехавших сеять раздор и смуту», – вспоминал полковник С.Н. Сомов [1, Л. 244–246].

Однако ни речь Колчака, ни его «величественный», по словам генерала Д.В. Филатьева [4, С. 15], поступок впечатления на матросов не произвели.

Колчак телеграфно сообщил Временному правительству о желании выйти в отставку [5]. В ответ правительство отбило Колчаку телеграмму, в котором ему предписывалось сдать командование контр-адмиралу В.К. Лукину и выехать в Петроград.

Колчак сдал дела Лукину, а его начальник штаба М.И. Смирнов – капитану 1-го ранга А.С. Зарину. Ночью 9 июня они покинули Севастополь. 11 июня Колчак прибыл в Петроград для доклада Временному правительству о положении дел на флоте. На заданный представителями печати вопрос «находит ли адмирал возможным вернуться в Севастополь и принять командование Черноморским флотом, адмирал Колчак категорические заявил, что он не считает это возможным» [6]. А.Ф. Керенский вспоминал, что еще прежде, в мае 1917 г., адмирал со слезами на глазах жаловался ему на поведение матросов: «Для них Центральный комитет значит больше, чем я! Я не желаю иметь с ними никакого дела! Я их больше не люблю!» [7, С. 273].

Как видим, к моменту отставки адмирал находился на грани психического срыва: он был оскорблен в лучших чувствах, дело его жизни было растоптано политиканами. Не справившись с ролью революционного командующего Черноморского флота Колчак начал очередной «боевой поход» – на этот раз уже по мутным волнам российской политики. Замечательный флотоводец, выдающийся патриот и бесстрашный полярный исследователь – со всеми этими ипостасями Александра Васильевича Россия попрощалась летом 1917 г. Она встретится с другим Колчаком – постаревшим, плохо владевшим собой, временами впадавшим в жестокую депрессию и уныние, смертельно уставшим от всего и вся к своим 44-м годам – осенью 1918 г., когда события вознесут Александра Васильевича на самую вершину власти.

Наслаждался ли Колчак тем почетом и уважением, которые давал ему статус Верховного правителя России? Скорее, можно говорить о том, что адмирал тяготился ими. По причудливой игре судьбы Колчак обрел верховную власть в тот самый момент, когда его родина лежала в руинах, дело его жизни – флот, по сути, перестал существовать как боевая единица, а звание офицера не просто утратило всякий престиж, а само по себе уже означало угрозу для жизни его обладателя. Мир традиционных ценностей, на котором базировалось мировоззрение адмирала, прекратил свое существование; борьба за их восстановление означало неминуемое применение насилия по отношению к противникам Белого дела. Править и творить суд и расправу, возрождая Россию в привычном для Колчака и его сторонников понимании, было невыносимо тяжело. Крест свой Колчак нес с достоинством, однако ноша была столь тяжела, что адмирал нередко срывался, закатывая свои знаменитые истерики – видимо, это было своего рода компенсацией за скопившееся в нем за многие месяцы непосильной работы напряжение. Да и здоровье у Александра Васильевича было к тому моменту уже подорвано. Быть может, Колчака угнетало также и осознание того, что он оказался *не на своем месте,* но должен продолжать трудиться на своем посту – в этом адмирал, несомненно, видел свой долг перед Россией, понимая его как воин и православный христианин.

«Достоинства и особенно недостатки, присущие А.В. Колчаку, в полной мере сказались в делах, когда он стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим», – обоснованно замечает известный исследователь сибирской контрреволюции В.И. Шишкин [8, С. 346]. И действительно, Колчаку приходилось очень нелегко на новом поприще, будучи по природе своей человеком ответственным, адмирал трудолюбиво продолжал нести свою вахту; сколь тяжело ему при этом было – скрыть от посторонних глаз не всегда удавалось, временами Колчака накрывала волна отчаяния, в такие минуты ему казалось, что *дело его* обречено на провал. «Взгляд немного неподвижный, но честный, выражение лица приятное. Во время разговора мог вскинуться из-за пу-

стяка… Близкие к нему люди восхищались его гневными вспышками, считали их проявлением силы и какого-то пророческого вдохновения, но это было опасной слабостью. Он был исполнен благородства, как его понимали старинные русские сказания – без гибкости, хитрости и осторожности. Он верил в то, что делал, и это хорошо. Он делал все, во что поверил, и это было очень плохо. Его политика состояла из вспышек, и часто утром была одной, вечером другой… В адмирале чувствовалась печаль человека, чьи усилия не приносят результата», – вспоминал свои впечатления от встречи с адмиралом голландский военкор Л. Грондейс [9, С. 393–394]. Современники отмечали нервность Колчака [10, С. 112], для адмирала были характерны «вспыльчивость, быстрая отходчивость, вообще неуравновешенность характера и чрезмерная доброта» [4, С. 79]. Перенапряжение первых дней в новом качестве Верховного правителя сказались на здоровье Колчака: адмирал надолго заболел, над его жизнью нависла опасность, лишь к новому году дела у него пошли на поправку, к тому времени Александр Васильевич уже сумел войти в круг своих новых обязанностей и обрел своего рода «царскую осанку» – от него начал исходить своеобразный ток власти. «В первые дни у Верховного Правителя не было ни минуты отдыха: он объезжал войска, принимал министров, беседовал с иностранными представителями, подписывал воззвания и манифесты. Александр Васильевич был переутомлен. Его нервы были в крайнем напряжении. Чувствуя ответственность и важность своей задачи, будучи чрезвычайно требователен к самому себе, он провел эти дни в неустанной работе воли и мысли. Тогда уже в нем проявились черты, характерные для всего его склада, а именно: сознания своей роли и умение усвоить тон и манеру, которых требовало от него его высокое положение. При этом он не страдал ни тщеславием, ни величественностью, ни пафосом; наоборот, он обладал даром сосредоточенного и уверенного обращения с сотрудниками, твердых и ясных приказаний подчиненным и несколько сухой и полной достоинства беседы с иностранцами. Весь внешний облик, соответствовавший званию Верховного Правителя, был им воспринят с инстинктивной легкостью и чуткостью», – писал министр иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин [11, С. 348–349].

Первые месяцы 1919 г. были триумфальны для адмирала А.В. Колчака: армии его стремительно наступали, очищая от большевиков все новые и новые города, рос и авторитет Верховного правителя в белом стане, о своем подчинении Колчаку, в частности, в конце мая 1919 г. заявил и Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин…[12]. Наступило лето, ставшее для Колчака и его режима, «летом разочарований», как выразился биограф адмирала П.Н. Зырянов [13, С. 488]. Белые армии начали стремительный откат на восток, неуспех следовал за неуспехом. Примечательно, что «наймит» Антанты Колчак при этом продолжал в своей внешней политике последовательно отстаивать суверенные ин-

тересы России, что вызывало серьезное недовольство союзников [14]. Великодержавная внешняя политика белых порождала недоверие к ним Антанты и нежелание последней стремиться к укреплению режима власти Колчака [15, С. 84, 214]. В отстаивании внешнеполитических интересов своей страны Колчак безусловно проявлял себя как осторожный, взвешенный политик, отчетливо осознававший роковую для последующих поколений россиян цену его опрометчивых и скоропалительных решений. Примером этому может служить известная история с нежеланием Колчака торопиться в вопросе о признании государственной независимости Финляндии. Быть может, свою роль тут играла и специфика мышления Колчака: адмирал, положивший столько сил на укрепление мощи Балтийского флота, понимал всю губительность потери Гельсингфорса для боевого потенциала флота – в Верховном правителе здесь говорил в первую очередь военный профессионал; не будем забывать также и о том, что белые вожди – Колчак не исключение, – вынужденно наделенные в обстановке междоусобицы диктаторской властью, вовсе не считали себя правомочными решать судьбу российских территорий, завоеванных кровью и достоянием предков, отводя вопрос о них всецело и безраздельно к компетенции будущего Всероссийского Учредительного собрания, которое должно было быть собрано после победы над большевиками. Возможно, адмирал и не продемонстрировал в своей деятельности той гибкости, которая столь характерна для профессиональных политиков. Но откуда ему было ее взять? Вспомним: Колчак, Деникин, Юденич, – все они стали политиками вынужденно, никаких политических амбиций до 1917 г. они не имели, а политику и политиков презирали. Оказавшись облеченными ввиду обстановки Гражданской войны безмерной властью, белые вожди властью не просто тяготились, но и воспринимали свое обладание ею как явление временное; свое же превращение во влиятельнейших государственных деятелей рассматривалось ими исключительно как следствие гибели государства и явление *глубоко неестественное и временное*. Удивительно, но «головокружения от успехов» ни Колчак, ни Юденич, ни Деникин не испытывали, продолжая воспринимать свою деятельность как тяжкий крест, ниспосланный Господом и видя свою миссию лишь в осуществлении тяжкой, грязной, но необходимой для спасения страны работы – сокрушения большевизма. Вкуса к политике никто из них за время своего диктаторства так и не приобрел. Было ли это благом для судьбы Белого дела? И да, и нет. Интересную точку зрения высказывает по этому поводу колчаковский генерал В.М. Молчанов: «В царские времена военные не имели права заниматься политикой, и среди наших командиров не хватало людей, способных стать государственными деятелями. Колчак таковым не был, и Деникин не был, и это было причиной нашего поражения…» [16, С. 189].

Как известно, войска адмирала Колчака были разгромлены, а сам Александр Васильевич, фактически преданный союзниками, оказался в плену и был

расстрелян. В чем причина трагедии Колчака? Современная историография высказывает по этому поводу разные точки зрения. Скажем, московский исследователь Г.А. Трукан писал о том, что «Колчак, будучи неопытным политиком, легко поддававшимся чужому влиянию, совершил немало ошибок. Прежде всего, он не смог выдвинуть четких лозунгов, близких и понятных народным массам. Кроме того, он допустил стратегический просчет, сделав ставку на западную помощь». Главнейшую же ошибку Колчака Трукан видел в решительном размежевании адмирала с социалистическим лагерем, «в итоге у Колчака осталась очень узкая опора, победить с которой в Гражданской войне было невозможно» [17, С. 116–117]. След в историографии оставила и биография адмирала Колчака, автором которой стал московский историк А.С. Кручинин. Автор не только проанализировал факты биографии Колчака, но и попытался понять психологию адмирала – не только как политика, но и как православного воина. В противовес Трукану Кручинин изображает Колчака крупной фигурой, политиком серьезного, общероссийского масштаба, человеком глубоко порядочным и преданным своей Родине, воспринимавшего колоссальную власть, приобретенную им после переворота ноября 1918 г., как тяжкий крест, ниспосланный ему Богом. Значение и масштаб личности Колчака, по мнению Кручинина, понимала и Россия, никогда не забывавшая адмирала – «вопреки его смерти. Верховного Правителя России, в России навсегда оставшегося» [18, С. 527]. Еще один исследователь биографии Колчака, И.Ф. Плотников, в монографии, посвященной личности Верховного Правителя, справедливо заметил, что «трагедия Колчака есть составная часть такой же участи всего Белого движения. А оно потерпело поражение всюду…» [19, С. 197]. Отмечая многочисленные ошибки белых правительств и просчеты самого Колчака, Плотников в заключении своей книги писал о том, что «Понадобились почти семь десятилетий, чтобы некоторая часть нашего народа убедилась во внутренней правоте Белого движения, его вождей и всей исторической России. Трагедия Колчака – трагедия всего нашего многострадального народа» [19, С. 200].

В свою очередь, петербургский историк А.В. Смолин убежден, что подлинный Колчак крайне далек от сложившегося в эмигрантской историографии мифа о благородном «белом рыцаре», а его деятельность изобиловала неудачами: «Жизнь адмирала Колчака чередовалась взлётами и падениями. При этом ни одного дела он не смог довести до конца. Мечта об Арктике оказалась не реализованной, от программ по восстановлению флота он отошёл. Планы по захвату Черноморских проливов остались на бумаге. Наконец, как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего его ждал полный крах», – пишет ученый [20, С. 209]. Московский историк П.Н. Зырянов в обстоятельной и, на мой взгляд, лучшей биографии адмирала А.В. Колчака, выпущенной в свет в серии «ЖЗЛ», не скрывая симпатий к своему герою, которого он называл

«замечательным человеком», подчеркивал то обстоятельство, что трагедия Колчака была обусловлена реалиями Гражданской войны, в которой столкнулось две модели строительства государства [13, С. 585–586]. «Колчак прожил необыкновенную жизнь, полную борьбы, увлечений, стремлений и разочарований. Отчасти – вследствие бурного характера той эпохи, а с другой стороны – благодаря личному своему темпераменту… Трагически закончился для Колчака этот разговор с “всеблагими”, этот бесстрашный вызов Судьбе», – писал П.Н. Зырянов, отмечавший, что «античная трагедийность его жизни и античные черты его образа всегда будут привлекать внимание будущих поколений» [13, С. 586]. В воздухе повисает безответный вопрос, ответ на который мог дать только сам Александр Васильевич: хотел бы он, чтобы его жизнь прошла по-другому и сложилась бы иначе? О чем он сожалел в ночь накануне казни?

Результаты исследования. Сейчас, когда уже давно не осталось людей, лично знавших Колчака; когда уже несколько десятилетий, как пала Советская власть, в борьбе с которой адмирал сложил свою голову; когда историки давно, глубоко и плодотворно изучают биографию Александра Васильевича, в то время как рядовой обыватель судит о Колчаке по талантливой работе К.Ю. Хабенского в фильме «Адмиралъ», посвященному Верховному правителю России, – лидер Белого движения не забыт, его фигура по-прежнему вызывает огромный интерес. Понятно, что на портрете Колчака налеплен такой толстый слой мифологического грима, что получить об адмирале стопроцентно достоверное представление уже попросту невозможно. Подошла ли Россия к справедливой оценке Колчака? Кто он? Античный герой или кровавый диктатор? Марионетка Антанты или последовательный сторонник Великой, Единой и Неделимой России? Колчак, как и всякая по-настоящему крупная историческая фигура, многослоен и противоречив. Каждая из оценок, или, если угодно, ярлыков, представленных выше, по-своему справедлива – в поддержку любого из этих тезисов можно сказать массу правдивых слов. Будем ли мы только после этого ближе к правде? Готовы ли мы к ней? На мой взгляд, с уверенностью можно говорить о Колчаке только одно: с того самого момента, как Александр Васильевич избрал для себя карьеру профессионального военного моряка, вся его жизнь была связана со служением России. Адмирал был горячим патриотом нашей страны, ради ее блага он был готов в любой момент без рассуждения отдать свою жизнь. Та спокойная решимость, с которой Колчак принял смерть, его «правда смертного часа» вызывает к нему – безотносительно его оценки как Верховного правителя России и лидера Белого движения – огромное уважение. Александр Колчак жил и умер честно, поэтому и память о нем – жива. Какую вот только оценку его деятельности даст История и русский народ? Думаю, что каждый из нас вправе выбрать свой ответ.

Статья подготовлен при поддержке проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Список источников и литературы:

1. Сомов С.Н. В Севастополе. Ноябрь 1915 – июль 1918 // ГАРФ. Ф. Р–6378. Оп. 1. Д. 1.

2. Гришко П. Перенесение праха борцов за свободу в Севастополе // Крымский вестник. Севастополь. 1917. 11 мая.

3. Александр Иванович Гучков рассказывает… М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 144 с.

4. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири, 1918–1922. Впечатления очевидца. Paris: YMCA-press, 1985. 142 с.

5. Севастопольские события // Русские ведомости. 1917. 9 (22) июня.

6. Севастопольские события // Русские ведомости. 1917. 11 (24) июня.

7. Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2006. 524 стр.

8. Шишкин В.И. Революция и Гражданская война в Сибири: общее и особенное // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб., 2019.

9. Грондейс Л. Война в России и Сибири / Под науч. ред. Р.Г. Гагкуева; сост., ред., примеч. и коммент. Р.Г. Гагкуева; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой; пер. с гол. В.И. Габышева. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 455 с.

10. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. М.: Центрполиграф, 2017. 735 с.

11. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М.: Аграф, 2005.

12. Пученков А.С. Во имя блага России: из истории признания генералом А.И. Деникиным верховенства адмирала А.В. Колчака // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Мат–лы III Всеросс. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 189–194.

13. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 637 с.

14. Базанов П.Н., Пученков А.С. «Правитель омский» и его дипломатия // Российская история. 2018. №2. С. 189–192.

15. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт- Петербурге, 2017. 266 с.

16. Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М.:Айрис-пресс, 2009. 399 с.

17. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М.: ИРИ РАН, 2000. 256 с.

18. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: Астрель, 2010. 538 с.

19. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Центрполиграф, 2002.

20. Смолин А.В. Взлет и падение адмирала Колчака. СПб.: Наука, 2018. 239 с..

Для цитирования: Пученков А.С. Античный герой? Штрихи к психологическому портрету адмирала А.В. Колчака // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 249–259.

© Пученков А.С., 2021

УДК 37.016:335.086(09)

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОФИЦЕРСКИХ ВАКАНСИЙ В ШКОЛАХ ПРАПОРЩИКОВ (1914–1918 ГГ.)

Александр Юрьевич Саблин [1, 2]

[1] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
[2] Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

[1, 2] alsablin2014@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9733-5027

Аннотация: Статья посвящена вопросу: существовал ли выбор офицерских вакансий у учащихся школ прапорщиков в годы Первой мировой войны или они заранее в централизованном порядке распределялись между ними? Автор обобщает источники по этому вопросу, воспроизводит особенности самой процедуры выбора офицерской вакансии. Источниковой базой послужила делопроизводственная документация Российского государственного военно-исторического архива и Государственного исторического архива Омской области; беллетристика и проза мемуарного характера; инструкция для обучающихся одной из школ подготовки прапорщиков пехоты. Учитывая противоречи-

вость источников, автор пришел к выводу, что возможность выбора офицерской вакансии была только у части учащихся ряда школ прапорщиков, что было обусловлено рядом причин.

Ключевые слова: Русская армия, военное образование, офицерство, Первая мировая война, школа прапорщиков.

Постановка проблемы. Статус абитуриента (от лат. abiturіens, abiturientis – собирающийся уходить) имеет исключительное значение не только с точки зрения развития социальных связей, но и во многих отношениях является судьбоносным. Точно также в традиционной военной школе Русской императорской армии существовала особая процедура, которая по своей значимости была сопоставима с этим статусом. Эта процедура – разбор офицерских вакансий будущими обер-офицерами – подпоручиками (корнетами). «Большое волнение, некоторая растерянность. Ведь, помимо объективных условий и личных вкусов, есть нечто провиденциальное в этом выборе тропинки на жизненном распутье, на переломе судьбы. Этот выбор предопределяет во многом уклад личной жизни, служебные успехи и неудачи – и жизнь, и смерть…» [1, С. 274]. И здесь стоит отметить, что если источники – в первую очередь, отечественная беллетристика (А.И. Куприн, «Юнкера») и проза мемуарного характера (А.И. Деникин, «Старая армия») – обращаются к этой теме, то обстоятельных исследований, которые были бы посвящены этой теме в ее традиционном аспекте, нет [2; 1]. Ситуация окажется сложнее, если мы обратимся к этой же процедуре – разбору офицерских вакансий будущими обер-офицерами – теперь уже прапорщиками – в ее до- и межреволюционном аспекте в экстраординарных условиях мировой войны. В этих условиях происходит известная модификация системы отечественного военного образования – возникает сеть краткосрочных временно-учебных институций – школ подготовки прапорщиков пехоты (казачьих, инженерных войск, для производства съемочных работ и т.п.). Здесь опять-таки важно подчеркнуть, что есть источники, которые посвящены этой теме в данном аспекте, и которые в своей совокупности дают неоднозначную картину, – а здесь мы видим проблему, – но нет обобщающей литературы. Цель данного исследования – восполнить этот пробел.

Основная часть. В первую очередь представляется целесообразным воспроизвести данную процедуру, причем сделать это в ее традиционном аспекте в силу того, что в этом случае она представлена в источниках наиболее полно. «Через шестнадцать лет, – пишет А.И. Деникин, – мне довелось, руководя съемками в Казанском юнкерском училище, вместе с выпускными юнкерами пережить опять эти памятные даты юнкерской жизни. *До чего живуч быт!* (курсив мой. – *А.С.*) Те же типы, настроения, разговоры даже…» [1, С. 275].

В этой связи очевидно, что особенности этой процедуры во многом были актуальны для обихода в отечественном военном образовании и в годы Первой мировой войны.

Источники подсказывают нам, что преимущество в выборе той или иной престижной офицерской вакансии зависело не только от общей успеваемости учащихся – по старшинству репетиционных отметок, – но и от звания (должности). Так, в этом отношении среди будущих обер-офицеров на первом месте значились фельдфебели, затем взводные и отделенные унтер-офицеры (портупей-юнкера), затем рядовой учащийся состав [1, С. 274].

Самой престижной офицерской вакансией считалась вакансия в гвардии. Но она не была общедоступной, по той причине, что в гвардии могли служить только дворяне. Затем – по нисходящей – полевая артиллерия, крепостная артиллерия, саперы и – наконец – армейская пехота в зависимости от мирной и боевой репутации части и ее стоянки [1, С. 274]. «Бывало, однако, что юнкера, высоко стоявшие в списке – имевшие широкий выбор, выходили в захолустья из[-за] привязанности к родным местам или родным полкам; особенно замечалось это у кавказцев и туркестанцев (т.е. чины не центральных, а периферийных частей – 1-го Кавказского стрелкового полка, 1-го Туркестанского стрелкового полка и т.п. – *А.С.*)» [1, С. 274]. И здесь мы касаемся важного вопроса предпочтительности офицерской вакансии не в силу ее профессионального профиля (артиллеристы, саперы и т.п.) или боевой репутации, а в силу ее квартирования. По значимости на первом месте, безусловно, стояла часть, располагавшаяся поблизости от родного дома. Затем – часть, располагавшаяся в губернском или, по крайней мере, в уездном городе, «где хорошее общество, красивые женщины, знакомства, балы, охота и мало ли чего еще из земных благ» [2, С. 387]. «Но были и другие, – как пишет высокохудожественно и образно А.И. Куприн в своем романе «Юнкера», – соблазны, другие просторы для фантазии молодых душ, всегда готовых мечтать об экзотической жизни, о неведомых окраинах огромной империи, о новых людях и народах, о необычайных приключениях на долгих и трудных путях… Тянул к себе юг: служба на Кавказе, в Самарканде, в Туркестане, на границах с Персией, Афганистаном и Бухарой, на подступах к великой, загадочной, пышной, сказочной Азии. Нельзя сказать, чтобы выпускные юнкера особенно хорошо знали географию. Ведение ее остановилось на шестом классе кадетского корпуса и с этой поры не подновлялось. Однако по смутным воспоминаниям соображали они, что Крым – это земной рай, где растет виноград и зреют превкусные крымские яблоки; что красоты Кавказа живописны, величественны и никем не описуемы, кроме Лермонтова; что Подольская губерния лежит на одной широте с Парижем, и оттого в ней редко выпадает снег, и летом произрастают персики и абрикосы; что Полесье славится своими зубрами, а его обитатели колтунами, и так далее в этом же роде» [2, С. 387].

Но в годы Первой мировой войны многое изменилось. Первое и главное – части покинули свои мирные стоянки; они оказались на фронте, в составе действующей армии. Относительно фиксированную стоянку имели запасные части, которые готовили пополнение для фронта. И офицерские вакансии, как показывает делопроизводственная документация тех лет, как правило, распространялись именно на них [3, Л. 68–71; 4; 5; 6; 7; 8].

И здесь мы непосредственно обращаемся к основному вопросу статьи – существовал ли выбор офицерских вакансий среди учащихся школ прапорщиков, или они были заранее в централизованном порядке распределены между ними и выбор, таким образом, отсутствовал? Источники, как уже было сказано выше, дают противоречивую информацию. Основополагающий не только в этом вопросе, но и в целом ряде других документ – п. 22 Положения о школах подготовки прапорщиков пехоты, который был В ы с о ч а й ш е утвержден 3 февраля 1916 г., гласил, что «распределение офицерских вакансий между юнкерами, окончившими школы, производится главным управлением генерального штаба» [9, Л. 27 об.].

Но существует целый ряд документов и свидетельств, которые в этом вопросе противоречат этому Положению. Так, в частности, п. 17 Инструкции 1-й Казанской школы подготовки прапорщиков пехоты предписывает следующее: «Распределение офицерских вакансий между юнкерами, окончившими школу, присланных Главным Управлением Генерального Штаба, производится по старшинству репетиционных отметок» [10, С. 3]. Документ – С П И С О К юнкерам Псковской школы прапорщиков с указанием, куда желают быть выпущенными при производстве 6-го Декабря 1916 г. – уже по одному своему названию недвусмысленно говорит о возможности выбора [11, Л. 475–476]. Д.К. Овсянкин, который окончил 1-ю Омскую школу подготовки прапорщиков пехоты 7 июня 1917 г., в своих воспоминаниях пишет следующее: «Мне, окончившему курс по первому разряду, предоставлялось право выбора службы в любом военном округе» [12, С. 52]. А.Г. Невзоров, который с 10 сентября 1915 г. являлся курсовым офицером 4-й Московской школы подготовки прапорщиков пехоты в своих воспоминаниях отмечает: «Старший курс, произведенный в прапорщики, разобрав вакансии, разъезжался по своим запасным батальонам» [13, С. 193].

Дело, как нам кажется, может заключаться в том, что существовали различные по своему типу школы. Это были непосредственно фронтовые школы прапорщиков, которые готовили младший офицерский состав для конкретного фронта (например, 1-я школа прапорщиков государственного ополчения Юго-Западного фронта, Школа прапорщиков государственного ополчения Северного фронта и т.п.); были школы прапорщиков, которые комплектовались воспитанниками вузов – высших учебных заведений и те, которые комплектовались

на общих основания, т.е. в обычном порядке. Как раз в зависимости от этого выбор офицерской вакансии мог наличествовать или отсутствовать.

Также нужно учитывать такие факторы, как уровень образования при поступлении на военную службу, а также способ поступления и/или отношение к ней. Так, в последнем случае существовали такие категории как «вольноопределяющийся», «по призыву», «охотник», «ратник ополчения 1-го разряда», «ратник ополчения 2-го разряда» и т.п. Все это в совокупности могло оказывать непосредственное влияние на возможность выбора вакансии или ее отсутствие.

Наконец, стоит назвать и такие нюансы, как отсутствие необходимых документов, от чего могла зависеть сама возможность выбора вакансии, а также тот факт, что за учащихся могли ходатайствовать вышестоящие чины для определения их в ту или иную часть. Так, замечательным свидетельством здесь является С П И С О К ученикам школы прапорщиков при VI армии за которых просили лица поименованные в примечаниях к документу [14]. Согласно ему, например, за юнкера Рогузского Януария ходатайствовал Великий князь Михаил Александрович о направлении его в артиллерийскую часть в силу того, что тот «с Сентября по Июль находился в техническом Артиллерийском училище; с Июня по Июль в 1[-м] запасном артиллерийском дивизионе» [14, Л. 170]; за Кузнецова Федора и Подгорецкого Николая ходатайствовали командиры 85-го Выборгского пехотного полка и 11-го Сибирского стрелкового полка, соответственно, о направлении их в эти части; Лыткина Георгия и Сиденко Тимофея рекомендовали на Кавказский фронт: первого в силу того, что он является уроженцем Кавказа, «знаком с местностью и нравами края; влад[еет]. Форситским (фарси, новоперсидский язык. – *А.С.*), армянским, Грузинским и Персидским языками; второго – «уроженец Кавказа, знаком с местностью[,] бытом и условиями» [14, Л. 170]. Наконец, за Квасеборского Владислава ходатайствовал сам начальник школы о назначении его в «оруж[ейный]. или механ[ический]. завод», на том основании, что тот являлся инженер-механиком, окончил инженерный факультет Гентского университета (Бельгия) [14, Л. 170].

Результаты исследования. Таким образом, мы попытались не только обобщить источники по данному вопросу – выбор офицерских вакансий в стенах школ прапорщиков, но и ответить на вопрос, существовал ли этот выбор, или нет. Сопоставив различные противоречивые источники, мы пришли к выводу, что выбор офицерской вакансии был возможен только для части учащихся определенного ряда школ прапорщиков, что было обусловлено следующими причинами: 1) важную роль играл тип военно-учебного заведения – школы прапорщиков могли быть как фронтовыми, комплектуемыми на общих основаниях или комплектуемыми учащимися вузов; 2) уровень образования обучающихся (юнкеров); 3) способ поступления на службу и/или отношение к ней. Кроме того, необходимо учитывать различные нюансы, например, когда за

учащегося ходатайствовал вышестоящий командир о переводе его в ту или иную часть; когда отсутствовали необходимые документы, что тоже ограничивало возможность выбора вакансии. В целом существует необходимость поиска дополнительных источников, чтобы более точно установить существовавшую картину.

Научный руководитель Волошина Валентина Юрьевна.

Автор благодарит Чернышова Алексея Витальевича (Краснодар) за ценные замечания по указанной проблеме.

Список источников и литературы:

1. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.
2. Куприн А.И. Юнкера // Юнкера. М.: Вече, 1998. 576 с.
3. ГИАОО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1.
4. Приказ войскам Омского военного округа № 520 от 10 сент. 1916 г.
5. Приказ войскам Омского военного округа № 589 от 4 окт. 1916 г.
6. Приказ войскам Омского военного округа № 37 от 17 янв. 1917 г.
7. Приказ войскам Омского военного округа № 325 от 7 июня 1917 г.
8. Приказ войскам Омского военного округа № 378 от 27 июня 1917 г.
9. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 428.
10. Инструкция 1-й Казанской школы подготовки прапорщиков пехоты. Казань: лито-типография «Умид», б. Харитонова, 1917. 56 с.
11. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 19.
12. Овсянкин Д.К. Из белого кольца: записки офицера по особым поручениям. Пермь: Издательский дом «Пресс-тайм», 2007. 528 с.
13. Невзоров А.Г. 4-я Московская школа прапорщиков // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2001. С. 190–204.
14. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 358.

Для цитирования: Саблин А.Ю. К вопросу о распределении офицерских вакансий в школах прапорщиков (1914–1918 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 259–264.

© Саблин А.Ю., 2021

УДК 93/94

А.А. КУРЕНКОВ. ЖИЗНЬ ВДАЛИ ОТ РОССИИ

Иван Сергеевич Сильченко [1]

[1] Технический университет УГМК, Верхняя Пышма, Россия

[1] +79022777814@yandex.ru. SPIN-код (РИНЦ) 1113-2171

Аннотация: статья посвящена эмиграционному периоду жизни активного участника Гражданской войны на Урале А.А. Куренкова. На основе ранее неопубликованных материалов североамериканских архивов автор не только рассматривает общественную и исследовательскую деятельность героя повествования, но и затрагивает ряд повседневных бытовых моментов. В завершении представлены выводы, в которых автор характеризует общие и частные черты послевоенной судьбы А.А. Куренкова.

Ключевые слова: А.А. Куренков, Гражданская война, белое движение, офицерство, белая эмиграция, книга Велеса.

Постановка вопроса. В настоящее время тематика Гражданской войны на Урале активно исследуется. Наряду с разработкой направлений, связанных с военными и социально-экономическими аспектами внутреннего вооруженного противостояния, отечественные историки уделяют внимание и личностной стороне данного вопроса. За последние годы историография Гражданской войны пополнилась работами, связанными с судьбой деятелей красного и белого движений, а уже известные ранее биографические факты были верифицированы после обращения к новым источникам. Несмотря на это, общая «человеческая» сторона Гражданской войны на Урале представлена военными и политическими деятелями высшего звена, при этом судьбы солдат или командиров среднего уровня, как правило, остаются вне сфер интересов исследователей. В данной работе мы попытаемся осветить основные этапы жизни в эмиграции деятеля белого движения на востоке России Александра Александровича Куренкова. В годы Гражданской войны он занимал командные должности «среднего уровня» при этом, его деятельность оказала значимое влияние на ход Гражданской войны на Урале в 1918–1919 гг. До настоящего времени, биография А.А. Куренкова затрагивалась рядом исследователей, однако его послевоенная судьба изобиловала белыми пятнами. Благодаря документам, хранящимся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США), нам удалось создать последо-

вательную картину жизни А.А. Куренкова в эмиграции, которая, без сомнения, является важной для оценки деятельности данной исторической личности.

Основная часть. А.А. Куренков родился 13 мая 1891 г. в г. Казань. Окончив полный курс Первой мужской пермской классической гимназии, он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета [1, Р. 1]. Осенью 1914 г. А.А. Куренков добровольно перешел на военную службу и был направлен в Казанское военное училище (ускоренные офицерские курсы), которое окончил 1 февраля 1915 г., получив звание прапорщика [2, Л. 906]. Весной 1915 г. Александр Александрович отправлен на фронт, зачислен младшим офицером 228-го пехотного Задонского полка. С осени 1917 г. – капитан [1, Р. 1, 3]. После окончания Первой мировой войны А.А. Куренков оказался на Урале и в качестве командира Шадринского добровольческого отряда (периодически включаемого командованием в состав различных подразделений) принимал участие в боях против РККА.

После разгрома белого движения в 1921 г. вместе с семьей оказался в Харбине. 22 февраля 1923 г. на корабле «Президент Мак-Кинли» А.А. Куренков с женой и дочерью прибыли в североамериканский порт г. Сиэтл [3]. Для жизни в США глава семьи имел 250 долларов, которые и предъявил при пересечении границы [ibid]. 24 февраля 1925 г. А.А. Куренков поступил на службу в Национальную гвардию [1, Р. 6]. Он был зачислен в 146-й полк полевой артиллерии, где прослужил до 1927 г. Ушел в почетную отставку в чине сержанта, был награжден американской «медалью Победы», а также знаком «пальмового венка» за стрельбу из пистолета [1, Р. 5]. 25 марта 1923 г. Александр Александрович устроился на работу на вокзал «Кинг Стрит», где трудился мойщиком вагонов до 1943 г. [4].

С 1925 г. А.А. Куренков состоял в обществе Русских ветеранов Великой войны. В 1953 г. был выбран почетным пожизненным председателем данного общества. С 1933 по 1938 гг. находился в должности председателя Объединенного комитета русских национальностей, в 1938 г. избран председателем Антикоммунистической лиги по штату Вашингтон и территории Аляска [1, Р. 5]. В 1930 г. Куренковы проживали в г. Сиэтл по адресу: North Broadway 3777/321 в арендуемом доме [5]. 11 мая 1937 г. А.А. Куренков был произведен самопровозглашенным Всероссийским императором в изгнании Кириллом Владимировичем в генерал-майоры [1, Р. 6].

В начале 1930-х гг. Александр Александрович, оказавшись в г. Сан-Франциско, посетил книжный магазин русского эмигранта, бывшего заведующего екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка и директора-распорядителя Алапаевского горного округа В.П. Аничкова, с которым он был знаком с 1919 г. По рассказу А.А. Куренкова, во время Гражданской войны

к нему пришел «посланец с одной железнодорожной станции <…> и передал желание умирающего доктора повидаться со мной, дабы поведать какую-то государственную тайну» [6, С. 212]. Как командир полка он не смог оставить подразделение и отправил к доктору своего адъютанта. Умиравший от тифа доктор рассказал, что к нему в больницу ворвался солдат, на руках у которого была раненая молодая девушка. Когда девушку раздевали для проведения операции, на ней было дорогое белье, что говорило о принадлежности к богатой семье. К тому же, после операции девушка бредила на нескольких языках. По мнению А.А. Куренкова, раненной могла быть бежавшая великая княжна Анастасия Николаевна. В доказательство правдивости Александр Александрович обещал предоставить В.П. Аничкову подлинник протокола допроса врача, составленного его адъютантом, однако документ так и не был отправлен [6, С. 212].

В июне 1943 г. в журнале «The American Lutheran» А.А. Куренков опубликовал отчет об обнаружении на вершине г. Арарат Ноева Ковчега [7, P. 24]. В статье указывалось, что во время службы на Кавказском фронте он стал свидетелем археологической экспедиции на вершину г. Арарат. По словам автора, в 1916 г. 3-й Кавказский летный отряд под командованием поручика Заболоцкого с воздуха обнаружил странное сооружение, к которому отправилась экспедиция под руководством археолога по фамилии Пастунов. Экспедиция не только обнаружила огромный корабль, но и сделала его подробные фотографии. Причем сам А.А. Куренков не принимал участия в исследовании, однако имел на руках официальные отчеты и несколько раз беседовал с летчиком Заболоцким [7, P. 24].

Во время службы в районе г. Арарат Александр Александрович также исследовал ряд древних памятников, покрытых таинственными петроглифами. Все непонятные надписи он тщательно переносил в специальную тетрадь, пытаясь расшифровать их смысл. В 1946 г. он опубликовал свои исследования в журнале «The Bible Archaeological Digest», расшифровав древние символы как «шумерские записи о всемирном потопе».

Мы не являемся специалистами по древним символам, однако смеем предположить, что материалы по древней истории, опубликованные в разный период А.А. Куренковым, вызывают много вопросов и возможно являются фальсификациями с целью получить известность. В то же время, не стоит отвергать вероятность того, что на основе имевшихся данных исследователь действительно максимально объективно пытался создать историческую картину, однако отсутствие доступа к дополнительным источникам и историографии сделало данные работы малоценными.

24 февраля 1942 г. А.А. Куренков официально получил гражданство США. В это же время он поменял свое имя на Александр А. Кур (Alexander A. Koor) [8].

В конце 1940-х семья переехала в г. Пало-Альто штат Калифорния [9], а в начале 1950-х проживала в г. Сан-Франциско по адресу Laurel str. 18 [9]. В 1948 г. Александр Александрович окончил Индианапольский колледж божественной метафизики и получил диплом доктора психологии [1, P. 1, 6]. Стоит отметить, что до настоящего времени существующее учебное заведение в качестве цели определяет «помощь своим студентам в развитии высшего сознания и в получении достижений, черпаемых из Высшего разума» [10].

В 1951 г. А.А. Куренков вступил в действительные члены музея-архива (в настоящее время – Музей Русской Культуры в г. Сан-Франциско). Был на один год избран куратором музея с исполнением обязанностей Заведующего историческим отделом. В 1953 г. избран секретарем музея и Заведующим историческим архивом [1, P. 2]. 16 октября 1951 г. за «сопротивление агрессии» был награжден французским «Crois de loregne» и удостоен звания шевалье. Соответствующие документы были подписаны президентом Франции и французским послом в Вашингтоне [1, P. 6].

В 1954 г. А.А. Куренков явился первым переводчиком и одним из создателей т.н. «Книги Велеса» – произведения, которое современные неоязычники считают основой своей религиозности. Несмотря на то, что тексты совершенно однозначно сфальсифицированы, история «Книги Велеса» имеет важное место в биографии Александра Александровича. Текст книги, по словам авторов, был написан на 38 деревянных табличках – «дощечках» и рассказывал о религиозных основах, преданиях и хрониках, а также представлял собою деловую переписку славянских племен дохристианского периода [11, P. 14].

В декабре 1953 г., в одном из докладов, подготовленных для музея-архива, А.А. Куренков вспоминал, что впервые он узнал о существовании «дощек» из статьи русского эмигранта Ю.П. Миролюбова в журнале «Русские архивы в Европе» [11, P. 14]. В переписке Ю.П. Миролюбов сообщал, что дощечки были обнаружены в период Гражданской войны на Курском или Орловском направлении офицером артиллеристом Ф.А. Изенбеком в «разграбленной усадьбе не то князей Задонских, не то Донских или Донцовых, точно не помню. Хозяева были перебиты красными бандитами, их библиотека разграблена, изорвана, на полу валялись разбросанными дощки, по которым ходили солдаты» [11, P. 14]. Ф.А. Изенбек собрал деревянные таблички, хранил их у себя в период Гражданской войны, а позже вывез через Турцию в Париж и далее в Брюссель. Узнав о наличии древностей, ученные из Брюссельского университета пытались получить «дощки» для исследования, однако Ю.П. Миролюбов и А.Ф. Изенбек пытались «разобрать их сами» [11, P. 14].

Большая часть дощечек была в неудовлетворительном состоянии, и Ю.П. Миролюбов самостоятельно реставрировал их, однако о возрасте артефактов он не мог ничего сказать, т. к. «не являлся специалистом в этой области» [11, P. 14].

После смерти А.Ф. Изенбека 13 августа 1941 г. дощечки бесследно пропали, однако текст с наиболее важных из них был переписан [11, P. 14]. Материалы были переданы А.А. Куренкову, который и опубликовал перевод. По мнению исследователя, перед нами раскрывается совершенно неизвестный период русской истории, уходящий к четвертому веку нашей эры. Уже в это время существовало понятие «русская земля», а народы, проживавшие на данной территории, подвергались нападениям готских племен [11, P. 14]. Язык документа «это самый настоящий прародитель языка Древней Руси, давший наш теперяшний язык и думается ряд славянских наречий» [11, P. 14].

В середине 1950-х публикация текста «дощечек» взбудоражила не только эмигрантов в США, но и весь русскоязычный мир. Благодаря «книге Велеса» Ю.П. Миролюбов переехал в США и стал редактором журнала «Жар Птица», в котором Александр Александрович публиковал свои переводы. Впрочем, лингвистическая экспертиза материалов, проведенная Л.П. Жуковской уже в 1960 г., однозначно признала «Книгу Велеса» фальсификацией [см. 12].

В 1950–1960-е гг. А.А. Куренков состоял в переписке с деятелями русской эмиграции, а также публиковал статьи, касавшиеся истории Гражданской войны в России.

Александр Александрович Куренков умер 2 мая 1971 г. в пригороде Сан-Франциско – г. Менло-Парк. Похоронен на Сербском кладбище г. Сан-Франциско. Весь личный архив он завещал библиотеке Гуверовского института [13].

Результаты исследования. С одной стороны, жизнь А.А. Куренкова в эмиграции оказалась типичной для тысяч русских офицеров, покинувших Россию после поражения белого движения. Среди типичных для эмигрантов черт возможно выделить и низкоквалифицированную работу, и постоянную смену места жительства и попытки сохранить свою связь с родной культурой и языком, вступив в различные сообщества и организации. Наравне с этим, А.А. Куренков пытался влиться в иностранный социум; он не только американизировал фамилию и вступил в ряды национальной гвардии США, но и получил диплом, с помощью которого возможно было занять более высокооплачиваемую работу. Без сомнения, многие русские эмигранты осознавали, что явились участниками поистине судьбоносных событий и старались оставить воспоминания или иные работы исторического характера. В списке публикаций А.А. Куренкова присутствуют работы, посвященные истории Гражданской войны в России, однако большая часть его исследований касается различных аспектов древней истории.

Материалы североамериканских архивов открывают для нас не только «Куренкова-военного», но и «Куренкова-мыслителя». Его полная биография, без сомнения, поможет сформировать более разностороннее представление о человеке эпохи великих потрясений начала XX в.

Список источников и литературы:

1. Hoover Institution. Library and archives. Aleksandr Aleksandrovich Kurenkov papers. Biographical File. Box 1. Folder 3.

2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27310.

3 Ancestry.com. Washington, U.S., Arriving and Departing Passenger and Crew Lists, 1882-1965 [database on-line].

4. Ancestry.com. Washington, U.S., Labor and pensions Lists, 1882–1965 [database on-line].

5. Ancestry.com. 1930 United States Federal Census [database on-line].

6. Аничков В.П. Екатеринбург-Владивосток (1918–1922 гг.) М.: Русский путь, 1998. 368 с.

7. The American Lutheran. Volume 35, Issue 11. 1952.

8. Ancestry.com. Washington, U.S., Petitions for Naturalization, 1860–1991 [database on-line].

9. Ancestry.com. U.S., City Directories, 1822–1995 [database on-line].

10. Индианапольский колледж божественной метафизики. Электронный ресурс. URL: http://www.divinemetaphysics.org (дата обращения 10.08.2021)

11. Hoover Institution. Library and archives. Aleksandr Aleksandrovich Kurenkov papers. Box 1. Folder 18.

12. Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись: (к вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 141−144.

13. Register of the Aleksandr Aleksandrovich Kurenkov (A. A. Koor) Papers. URL: http://oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt0r29p3d2 (дата обращения 10.08.2021).

Для цитирования:

Сильченко И.С. А.А. Куренков. Жизнь вдали от России. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 265–270.

© Сильченко И.С., 2021

УДК 37.016:335.086(09)

К ВОПРОСУ О НОВАТОРСКИХ ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Николай Николаевич Смирнов [1]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

[1] nik_smirn@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 1106-7500

Аннотация: В статье дана характеристика новаторским подходам в изучении истории Гражданской войны. Охарактеризованы наиболее актуальные дискуссии, в том числе по вопросам периодизации этого исторического события. Выделены и проанализированы наиболее концептуальные позиции по вопросам, высказанные ведущими российскими и зарубежными специалистами.

Ключевые слова: Русская Революция, Гражданская война, историография, историческая наука, дискуссия.

Постановка проблемы. Юбилеи скоротечны. Обычно они заключаются в узкие хронологические рамки и не вызывают особого желания что-то в них корректировать. Лишь два события в истории современного российского государства не укладываются в это прокрустово ложе: Великая российская революция 1917 года и Гражданская война в России, вокруг хронологических рамок которой в последнее время ведутся весьма оживленные перипетии. Впрочем, с революцией также не все однозначно.

К примеру, составители «Критического словаря русской революции» сочли возможным очертить следующие ее хронологические рамки: 1914–1921 гг. [1]. Британский социолог Теодор Шанин предложил выделить «русскую революционную эпоху» и заключить ее в рамки 1902–1922 гг., попутно заметив, что «два пика революционной эпохи, то есть 1905–1907 гг. и 1917–1920 гг. связаны между собой теснее, чем это принимается большинством историков» [2, С. 20, 21].

Основная часть. Гражданская война в России, как оказалось, также подвержена некоему хронологическому ренессансу. Сегодня очевидно – советская периодизация истории Гражданской войны отвергается значительным большинством современных отечественных и зарубежных исследователей. Напомним еще одно замечание Т. Шанина: “понятие "период революции и Гражданская война 1917–1920 гг." советских историков есть идеологизированная неправда, гипнотизм которой усиливался ее бесконечными тупыми повторения-

ми. Этот революционный период продолжался не до 1920 г., а до 1922 г. включительно и прекратился только когда в мае этого года был окончательно отменен так называемый "военный коммунизм", а в декабре принят земельный кодекс, который дал крестьянам России почти все то, чего они жаждали и ранее, за что открыто боролись с 1902 г. Только тогда исчезли "кулацкие" бунты, "контрреволюционные" мятежи и "бандиты" советской пропаганды. Пришел конец революции" [2, С. 14].

Заметим, что автор указанного сочинения достаточно вольно интерпретировал «идеологизированную неправду советских историков». Составители пятитомной истории Гражданской войны в СССР хронологически заключили это событие в рамки от начала Первой мировой войны до ликвидации последних очагов контрреволюции в октябре 1922 г. [3].

В аналитической статье петербургского историка Бориса Ивановича Колоницкого «От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?)» справедливо замечается, что "в современной России употребление термина «гражданская война» не вызывает острых споров, хотя некоторые исследователи предпочитают говорить о «смуте», «второй смуте» или «красной смуте». В то же время тема остаётся «горячей», что проявляется не только в общественных дискуссиях по поводу установления и сохранения памятников и памятных исторических знаков деятелям Гражданской войны. С какими-то её военно-политическими силами и по сей день отождествляют себя многие профессиональные исследователи, т.е. история того времени по-прежнему остаётся «партийной»"[4, С. 5].

В какой степени «партийность» истории Гражданской войны в России влияет на определение ее хронологических рамок? Б.И. Колоницкий замечает: «вопрос о дате начала войны связан с определением её причин и/или выявлению сил, ответственных за неё. Дискуссии же о времени окончания Гражданской войны переплетаются со спорами о причинах побед и поражений противоборствовавших сторон. Споры о её хронологических рамках отражают разные подходы к выявлению сущности данного явления или/и выражают отношение авторов к разным участникам этого конфликта» [4, С. 5].

Вероятно, именно в силу указанных причин автор поставил знаки вопроса в хронологии начала и конца Гражданской войны: 1917? – 1922?

К статье Б.И. Колоницкого мы еще вернемся. Сейчас же обратим внимание на во многих отношениях новаторский сборник «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии» [5]. Составители сборника включили в его состав подготовленный профессорами Владимиром Валерьяновичем Калашниковым и Александром Евгеньевичем Рабиновичем оригинальный вопросник, дав ему подзаголовок «Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах». 25 историков: 14 российских и 11 зарубежных – приняли участие в этом проекте.

Ответы на вопросы о начале и завершении Гражданской войны в России продемонстрировали отсутствие единых позиций, как в среде отечественных, так и зарубежных исследователей. Выделим, однако, ответы Джошуа Санборна (Колледж Лафайет, США) и Дмитрия Олеговича Чуракова (МГПУ, Москва). Первый датирует начало Гражданской войны летом 1916 г., с восстания в Туркестане, которое стало «началом ряда войн за продолжение русского правления на периферии» [5, С. 106]. Второй считает, что следует «начинать Гражданскую войну временем создания независимой от России польской государственности осенью 1916 г.». При этом, замечает исследователь, если мы «трактуем гражданскую войну как наивысшее обострение классовой борьбы, то тут в права вступает датировка начала гражданской войны февралем 1917 г.» [5, С. 149].

Значительный разброс существует и в определении датировки окончания Гражданской войны. Заметим, что менее половины участников опроса обозначили датой завершения Гражданской войны осень 1922 г. (освобождение Приморья и др.) [5, С. 187].

Отметим, что организаторы чрезвычайно представительной по своему составу конференции в Новосибирске, определяя хронологические рамки истории Гражданской войны на Востоке России, указали период с ноября 1917 г. по декабрь 1922 г. [6].

В упомянутой статье Б.И. Колоницкого справедливо замечено: «Когда началась российская Гражданская война, в каком году закончилась? Эти вопросы кажутся простыми, школьными, что на самом деле обманчиво — вряд ли по ним, тесно связанным с другими проблемами, в ближайшее время среди профессиональных историков будет достигнут консенсус» [4, С. 5].

Отсутствие консенсуса относится и к определению роли иностранной военной интервенции в годы Гражданской войны в России. Трудно не заметить, что само это понятие в последние годы крайне редко включается в контекст исторических исследований, программы научных конференций и семинаров. Весьма показательны результаты опроса специалистов, приведенные в сводной таблице сборника под редакцией В.В. Калашникова. Наиболее радикально о роли иностранной интервенции высказался московский исследователь Д.О. Чураков: «Превращению локальных выступлений протеста в широкомасштабную гражданскую войну способствовало исключительно иностранное вмешательство, в том числе посредством подстрекания к мятежу чехословацкого корпуса французской армии, за штыками которого позже возникли многочисленные антибольшевистские “правительства” на востоке страны» [5, С. 151].

В определенной степени с позицией Д.О. Чуракова солидарен известный архангельский историк Владислав Иванович Голдин. «В ходе переговоров между англичанами и французами, – отмечает исследователь, – в апреле-мае [1918 г.] были достигнуты принципиальные решения об использовании чехо-

словаков в ходе расширяющейся интервенции Антанты в Сибири и на Севере. Этому способствовали интервенция Японии во Владивостоке в начале апреля и высадки войск Антанты на Севере, начиная с марта 1918 г. […] В результате вооруженного выступления Чехословацкий корпус на деле превратился в ударную силу интервенции Антанты на обширной российской территории от Дальнего Востока до Волги» [5, С. 35–36].

Однако, большинство опрошенных – 13 из 25 – посчитали роль интервенции в русской войне второстепенной. При этом американский исследователь Питер Кенез убежден, что «западные державы практически не имели, или вообще не имели, отношения к восстанию чехов», что «французская военная интервенция в Одессе была бесполезной», а реальной помощью белому движению «было оружие, оставшееся после окончания Первой мировой войны» [5, С. 75, 76].

Отсутствие консенсуса свидетельствует, с одной стороны, о полном разрыве с советской историографической традицией, и, с другой стороны, о проявлении толерантности в освещении проблемы, имеющей весьма значительный политический контекст.

Учитывая реалии, следовало бы признать, что Гражданская война в России в контексте все еще продолжавшейся Первой мировой войны изменила «линию фронта»: вместе с находящимися в России войсками Четверного союза против Советского государства выступили и войска бывших союзников по Антанте.

Доминик Ливен, профессор Кембриджского университета, проанализировав в своей публикации «Иностранная интервенция в длительном контексте» возможности для иностранного вмешательства в русскую революцию, приходит к выводу, что этот фактор до сих пор недооценивается в историографии [7, P. 12]. Прежде всего, продолжавшаяся война наложила свой отпечаток на российские события. По мнению исследователя, невозможно представить, чтобы европейские великие державы в мирное время «позволили бы любому российскому режиму выйти из системы международных отношений», сделав при этом Россию «центром мировой̆ социалистической̆ революции» и отказав в выплате огромного внешнего долга. Не преуменьшая организаторские способности и полководческие таланты большевиков, Ливен считает, что в условиях мира бывшие союзники России в войне провели бы «поход против большевизма» более организованно и успешно [7, P. 12].

В свою очередь, петербургский историк Александр Сергеевич Пученков, рассматривая степень участия интервентов в Гражданской̆ войне в России, отмечает, что она не везде была одинаковой̆: если на Востоке, Севере (здесь возникновение фронта Гражданской̆ войны было вызвано именно действиями интервентов) и Северо-Западе можно говорить об их доминировании в отношениях с белым командованием, то на Юге России, несмотря на громадную военную помощь, полученную в годы Гражданской̆ войны, главнокомандование ВСЮР

стремилось к отстаиванию русской точки зрения и осуществлению политики, выражающей сугубо русские интересы [8, С. 19].

Анатолий Всеволодович Шмелев (американский и российский историк), в целом солидаризуясь с выводами своего российского коллеги, подчеркивает: интервенция способствовала не только эскалации Гражданской войны, но и созданию негативного образа Белого движения в глазах населения [9, С. 8].

Оба автора убеждены, что нельзя игнорировать то обстоятельство, что в борьбе с большевиками их оппонентам необходимо было использовать все возможности для создания единого фронта.

Несомненной новацией постсоветской историографии является включение регионального аспекта в контекст Гражданской войны. Десятки книг, сотни статей посвящены анализу событий, происходивших как в центре страны, так и на ее окраинах. И такой подход имеет свое право на существование: думаю, что не лишено наблюдательности замечание петербургских историков А.С. Пученкова и В.В. Калиновского, посчитавших, в частности, что рассматриваемый в их исследовании положения духовенства Крым был в период революции и Гражданской войны «своеобразной фотографией всей многослойной и абсолютно непредсказуемой по самой природе своей России – правда, в миниатюре» [10, С. 12]. Убежден, что подобный тезис, с понятными оговорками может быть применен едва ли не к каждому региону нашей страны – обращение к изучению российской провинции в период междоусобицы, на мой взгляд, более чем оправдано – не случайно, что этим сейчас столь плодотворно занимаются отечественные и зарубежные специалисты; не менее оправдано и изучение положение отдельных социальных слоев в годы лихолетья, правомерно и исследование религиозного фактора в годы «русской смуты», чему и посвящено упомянутое выше исследование Пученкова и Калиновского.

Количество проблем из истории Гражданской войны, которые еще ожидают своего внимательного исследователя, по-прежнему велико. Британский историк Кристофер Рид справедливо замечает: «Самой продуктивной сферой поздней и посткоммунистической историографии стал вопрос изучения сельского и провинциального опыта революции и Гражданской войны… Из опубликованных исследований сложилось представление, что на территории бывшей Российской империи произошел целый ряд революций и войн, включающих политические, национальные, социальные и другие ключевые аспекты, которые существовали в различных комбинациях, в разных национальных областях и регионах…» [11, С. 20–21]. Один из примеров актуальности сказанного – десять статей вышедшего из печати сборника «Эпоха революции и гражданской войны в России: Проблемы истории и историографии» [12].

Регионализация проблемы, получившая широкое распространение после распада СССР, породила иллюзию множественности гражданских войн.

Наиболее полное отражение она нашла в работе английского исследователя Джонатана Смила «“Русские” гражданские войны. 1916–1926» [13]. Анализ книги в достаточно полной степени отражен в публикациях Б.И. Колоницкого и В.И. Голдина [4, С. 9–10; 14].

В поддержку концепции Смила высказывались и российские исследователи. Наиболее свежая публикация – статья Д.О. Чуракова «Локальные войны как звенья большой гражданской войны» [12, С. 94–102]. Автор отмечает: «изучая события, столетний юбилей которых мы отмечаем, без теории малых, локальных войн обойтись невозможно. Возьму на себя смелость утверждать, что большая война в России 1918–1920 гг., вся эпоха “Второй русской” или, как ее еще называют, “красной” смуты 1914–1922 гг., – это череда следовавших друг за другом или накладывавшихся одна на другую локальных войн в разных частях Империи и даже в ее центре. Сочетание и совмещение этих войн привели к обострению и разрастанию всей большой гражданской войны, усилили ее ожесточенность, накал, продолжительность и кровавый характер» [12, С. 95].

Характеризуя описываемое явление, автор подчеркивает: «локальные конфликты на российской периферии – это результат воздействия внешней враждебной среды. Именно внешние силы, конкретно Германия и Австро-Венгрия в 1916 г., сначала сконструировали, а потом тут же признали так называемое Королевство Польское. Точно так же и победа реакции в Финляндии была одержана не финскими, а иностранными штыками. В разгар боевых действий между белыми и красными финнами немцы открыто поддержали своих ставленников. Поспешили воспользоваться раздраем в русском доме и шведы. Они решили аннексировать Аландские острова под предлогом их преимущественно шведского населения. Шведская интервенция началась еще в феврале, а 5 марта на Аландских островах высадились немцы.

Шведы и немцы поделили зоны ответственности и взялись за разоружение русских гарнизонов. В дальнейшем отмеченная закономерность подтвердится и в других горячих точках на карте взорванной Империи – везде, где появлялись интервенты, за их спинами прятались местные сепаратисты, даже если речь шла о сугубо русских областях, как, например, на русском Севере или в Сибири» [12, С. 100–101].

Новаторские выводы Смила и Чуракова, несомненно, вызывают желание полемизировать. Однако отмахнуться от этих выводов вряд ли удастся.

Результаты исследования. Наконец, завершая далеко не исчерпывающий проблему анализ новаторских подходов в изучении истории Гражданской войны в России, следует упомянуть и все более актуализирующуюся проблему ее включения в контекст возрождения новой, советской империи, получившей свое оформление в союзном договоре 30 декабря 1922 г. Образование СССР, отмечают исследователи, стало, с одной стороны, логичным завершением ши-

рокомасштабной Гражданской войны и иностранной военной интервенции, и, с другой стороны, вспоминая известный тезис Ричарда Пайпса, «сколько бы ни говорили о равноправии народов, всё равно получился искаженный вариант Российской империи». Как видим, Гражданская война, даже спустя столетие после ее окончания, продолжает быть полем жарких историографических споров.

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Список источников и литературы:

1. Critical Companion to the Russian Revolution 1914-1921. London, 1997.

2. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907-1917-1922. М., 1997. 560 с.

3. История гражданской войны в СССР. Т. 1–5. Ред. А.М. Горький, И.В. Сталин, С.М. Буденный. М., 1935–1960.

4. Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24.

5. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. 408 с.

6. Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): сб. мат–лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / редкол.: В.И. Шишкин (отв. ред.), Т.И. Морозова (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2019. 480 с.

7. Lieven D. Foreign intervention: the long view // Was revolution inevitable? Turning points of the Russian revolution / Ed. by T. Brenton. Oxford: Oxford univ. press, 2017.

8. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). М.: Научно-политическая книга, 2016. 398 с.

9. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918– 1919гг.). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

10. Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах / Науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 2020. 407 с.

11. Рид К. Британская историография русской революции // Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания. М., 2017. С. 20–21.

12. Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. 432 с.

13. Smele J. The “Rusian” Civil Wars 1916–1926. London, 2016.

14. Голдин В.И. Новейшие зарубежные исследования о войне начала XX века в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 128–133.

Для цитирования: Смирнов Н.Н. К вопросу о новаторских подходах в изучении истории Гражданской войны в России // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 271–278.

© Смирнов Н.Н., 2021

УДК 93/94

3-Й АМУРСКИЙ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В 1920 Г.

Игорь Владимирович Стариков [1]

[1] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

[1] istar977@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4119-9470

Аннотация: Предметом исследования является рассмотрение реорганизации партизанских отрядов в регулярную армию на примере одного из полков НРА ДВР. На основе имеющихся воспоминаний участников, документов и научных исследований предпринята попытка проследить его участие в военных действиях на территории Забайкальского края в 1920 г., что представляет интерес для воссоздания полной картины событий. Научная новизна исследования заключается в обобщении информации по малоизученным, но исключительно драматичным страницам истории Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Сделан вывод, что возникшая из партизанских отрядов НРА ДВР стала боеспособным формированием, завершившим третью Читинскую операцию своей победой.

Ключевые слова: Гражданская война, Дальневосточная Республика, Народно-революционная армия, партизанское движение, «Читинская пробка», Гонготское соглашение, Амурский фронт, Читинская операция.

Постановка проблемы. Научный интерес к истории Дальневосточной Республики (ДВР), образованной 6 апреля 1920 г. Советским правительством и ЦК РКП(б) с целью избежать военного конфликта с Японией, не ослабевает на протяжении длительного времени. За последние десятилетия появились работы, посвященные особенностям ее правовой системы, структуре центральных и местных органов власти, правоохранительной и судебной системам, внешней политике. В то же время, несмотря на выход в свет обобщающих монографий, остаются малоизученными некоторые проблемы строительства вооруженных сил – Народно-революционной армии (НРА), участия в военных операциях и отдельных сражениях, снабжения, подбора командного состава, боевого пути отдельных воинских частей и соединений.

НРА ДВР строилась по штатам Красной Армии и в своей деятельности руководствовалась директивами Реввоенсовета Республики, главкома и помглавкома по Сибири. В ней были созданы партийные организации и введен институт военных комиссаров, деятельность которых была направлена на усиление политико-воспитательной работы среди народоармейцев и ликвидацию остатков партизанщины [1, С. 364–365]. Источниками своего формирования она имела восставших рабочих, крестьян и казаков Иркутской губернии, Прибайкалья и Забайкалья, Амурской и Приморской областей, перешедших на сторону красных военнослужащих армий адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семёнова, а также регулярные войска Красной Армии Советской России [2, С. 5]. Ядро НРА создавалось в Прибайкалье в районе Верхнеудинска. Другим районом формирования ее частей стала превратившаяся в вооруженный лагерь Амурская область.

Основная часть. Амурская Красная армия создавалась по инициативе Дальбюро и под непосредственным руководством местного ревкома (образован 5 апреля 1920 г. на VIII съезде трудящихся Амурской области) и была преимущественно партизанской по составу [1, С. 365]. Вся деятельность партийных и советских органов была подчинена, прежде всего, формированию регулярных воинских частей, обеспечению их оружием и всем необходимым. Благовещенск стал арсеналом: на заводах оборудовали бронепоезда, устанавливали орудия на пароходах, наладили производство снарядов и патронов. В неимоверно тяжелых условиях принимались все меры для снабжения армии обмундированием и другими предметами интендантского довольствия [3, С. 257]. К 18 апреля численность армии составляла 277 командиров, 3153 пехотинцев и 104 кавалериста [4, С. 214].

Одним из полков этой армии стал 3-й Амурский Народно-революционный стрелковый, созданный в основном из приморских партизан. Когда 4 – 5 апреля японские войска неожиданно напали на гарнизоны НРА во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Раздольном, Шкотово, Спасске и Хабаровске, то уцелевшие части отошли на левый берег Амура, где уже 6 апреля образовался Хабаровский (Восточный) фронт [2, С. 12]. Его командующими были И.Г. Булгаков-Бельский, а затем С.М. Серышев, начальником штаба – С.Г. Вележев, военным комиссаром – П.П. Постышев. Полк занимал оборону у станции Корфовская [5, Л. 2]. 29 апреля японцы заключили с владивостокским правительством соглашение, обязавшее отвести части НРА за 30 км от железной дороги [2, С. 14].

Еще в апреле – мае командование Восточного фронта предложило перебросить большую часть своих войск в Забайкалье для ликвидации «читинской пробки», оставив у Хабаровска сильный заслон [3, С. 258]. В первых числах мая 3-й Амурский полк с другими частями был двинут против войск атамана Г.М. Семёнова и японцев. По пути следования в Амурской области японский самолет дважды бомбил эшелон, был разрушен путь, но жертв удалось избежать [6, С. 235]. Утром 18 мая полк прибыл на станцию Бушулей [5, Л. 2]. 20 мая Амурский обком партии вынес решение о поддержке политики ЦК РКП(б) в организации ДВР, что активизировало деятельность Главнокомандующего НРА Г.Х. Эйхе по улучшению организационной структуры. 22 мая он отдал приказ об объединении всех войск от Хабаровска до Сретенска в Амурский фронт [2, С. 21].

Командующий фронтом Д.С. Шилов, собрав командный состав прибывших частей, объяснил, что обстановка тяжелая. Белогвардейцы при поддержке японцев с двух сторон наступают в направлении станции Пашенная, имея целью отрезать и захватить находящиеся на станции Уккурей эшелоны, бронепоезд и штаб фронта. 3-му Амурскому полку была поставлена задача задержать противника до тех пор, пока не будут выведены войска из Уккурея. Выполнив ее, 19 мая полк отошел на 150 км до станции Сбега, где установилась стабильная линия фронта. Отступление объяснялось нехваткой боеприпасов. По воспоминаниям командира А.П. Баранова, полк имел по 125 патронов на бойца и по 1500 – на пулемет [5, Л. 2-3].

«Главная беда была в том, – писал впоследствии командующий Д.С. Шилов, – что фронт был очень слабо вооружен. Вооружение составляли разнокалиберные винтовки, частью берданки и пулеметы, но патронов не хватало не только к пулеметам, но и к винтовкам. В среднем, по моим подсчетам, на каждую винтовку на нашем фронте за все время войны приходилось не больше 30 патронов – всего только на полчаса хорошего боя» [7, С. 299]. Другой проблемой был недостаток обмундирования. Многие бойцы обносились до того, «что за неимением брюк ходили в одних кальсонах, но так как все время приходилось таскаться по окопам, то они до того выласнивались в грязи, что

в какой-то мере сходили за брюки, и на это смотрели как на вполне нормальное явление» [6, С. 237].

15 июля представители экспедиционной японской армии и Дальневосточной Республики на станции Гонгота (в 120 км к западу от Читы) подписали «Договор о прекращении военных действий». Временем начала перемирия было назначено 12 часов дня 18 июля [8, С. 39–40]. После этого 3-й Амурский полк направили на станцию Зилово для несения гарнизонной службы и охраны штаба фронта. Простояв там до конца июля, он был переведен с задачей не допустить проникновения туда белых в деревню Мильгидун (15 км севернее станции Пашенной), находящуюся в демаркационной зоне. Пробыв там не более 10 дней без всяких инцидентов, полк получил приказ в составе бригады И.С. Юмашева следовать по железной дороге в город Свободный Амурской области [5, Л. 4].

Официальной причиной переброски целой бригады было несение гарнизонной службы. Командному составу полков по секрету было сообщено, что в городе Свободном стоят партизанские части, из которых идут пополнения на Восточный фронт (под Хабаровск). Среди них немало анархиствующих элементов. Под их отрицательным влиянием некоторые подразделения митингуют и требуют увольнения домой. Появление боевых частей с фронта привело в чувство недовольных, и они без всяких инцидентов были погружены в эшелоны и отправлены на Восточный фронт, на котором к этому времени боевые действия также прекратились [5, Л. 4–5]. Расквартировавшись, полки немедленно принялись за усиленную строевую и тактическую подготовку.

В конце августа И.С. Юмашев получил приказ передать полки во вновь сформированную в Благовещенске 1-ю Амурскую стрелковую бригаду. Командиром бригады являлся И.Е. Фадеев, начальником штаба – В.С. Ерёмин, военным комиссаром – Г.Я. Соркин. Если снабжение полка продовольствием было налажено удовлетворительно, то с обмундированием дело обстояло по-прежнему плохо. Из местных ресурсов получить оказалось нечего. В итоге, обмундирование было доставлено из Благовещенска – ватные пиджаки, прозванные «дробовиками», ботинки с хлопчатобумажными обмотками, рубахи и шаровары из китайской дрели, все черные или в темно-серую полоску [5, Л. 7]. 5 октября 1-я Амурская стрелковая бригада была вновь погружена в эшелоны и направлена в Забайкалье.

Здесь велась подготовка новой, уже третьей по счету, Читинской операции. Белое командование понимало невозможность удержать огромную территорию Забайкальского края своими силами, насчитывающими около 20 тысяч штыков и сабель, без помощи японцев. Войска были отведены на линию железной дороги Чита – Маньчжурия. Уфимская группа из частей 3-го и 1-го корпусов занимала город Читу, 2-й корпус – район станции Оловянная, 3-й корпус – Борзи

и 1-й корпус – Даурии [9, С. 112]. Такое расположение белых позволяло Амурскому фронту сосредоточивать силы в нужных местах и разбивать их группировки по частям. Всего для наступления было сосредоточено 11 стрелковых и 13 кавалерийских полков общей численностью примерно 20 тысяч штыков и сабель [3, С. 259].

План Читинской операции был разработан начальником штаба Амурского фронта военным специалистом А.А. Буровым. Его предложения исходили в общем из директив Главкома Г.Х. Эйхе и сводились к тому, чтобы главный удар был нанесен на Читу через станцию Карымская – Китайский разъезд. Задача соединений на других участках фронта должна была состоять в том, чтобы содействовать выполнению этой основной задачи. Буров предлагал также обеспечить фронт необходимыми резервами, чтобы предупредить могущие возникнуть неожиданности [10, С. 209]. Разбив находившуюся в районе Читы основную группировку противника, в дальнейшем планировалось уничтожить и остальные группировки врага, не допустив их отхода в Маньчжурию [11].

8 октября в приказе по фронту были изложены задачи частям, определен состав групп. Правая в составе пяти стрелковых и трех кавалерийских полков, бронепоезда и двух танков сосредоточивалась в районе станций Зубарево и Размахнино. Центральная, в которую входили три полка пехоты, один кавалерийский полк, артиллерийский дивизион и два танка, должна была сосредоточиться в районе поселков Джидинский – Усть-Харашибирь. Начальнику 1-й Забайкальской кавалерийской дивизии предписывалось подготовить ударные группы для действия в направлениях станций Борзя – Харанор и Оловянная. В резерве фронта оставались три кавалерийских полка в поселке Шелопугино и три стрелковых полка с бронепоездом, расположенные в Сретенске [12, С. 211].

1-я Амурская стрелковая бригада с приданным 2-м Амурским кавалерийским полком насчитывала 2100 штыков, 800 сабель и 4 орудия и вошла в состав центральной группы. Она получила задачу сосредоточиться на рубеже Берея, Усть-Улятуй и к вечеру 18 октября захватить рубеж река Шаратай – Цугольский дацан. Утром 19 октября бригаде надлежало, активно демонстрируя наступление в сторону станции Оловянной, захватить район станции Ага, Цугольский дацан и железнодорожный мост. Уничтожив его и выставив не менее полка для заслона с юго-востока, предстояло остальными силами развивать успех в направлении станции Бурятской для скорейшего соединения с правой группой [11]. Бригада должна была сковать силы 2-го корпуса белых и способствовать успешному наступлению на Читу. Ей противостоял Сибирский казачий полк генерала Ф.Л. Глебова с батареей, имевшие в составе около 800 сабель, 6 пулеметов и 1 орудие [13, С. 165].

В «Донесении командира 1-й Амурской бригады начальнику штаба Амурского фронта» отмечено, что в 10 часов утра 19 октября полк Малахова

(2-й стрелковый) ворвался на станцию Ага, совершенно не разрушенную. Семёнов (2-й кавалерийский полк) преследовал неприятеля до разъезда Булак. Взято у противника: пулемет, 60 винтовок, три ящика патронов, 4 ящика гранат, 30 ящиков снарядов и прочее [14, С. 144]. Сотник Е.М. Красноусов подтверждает эти сведения: «У красных оказалось и превосходство в силах, и инициатива. Казачьи сотни не могли их сдержать и оставили Агу. На станции был брошен оборудованный под казарму эшелон, а в нем запасы фуража, продовольствия и даже обмундирования: не было ни времени, ни достаточного числа подвод, чтобы все это вывезти [15, С. 361].

На этом участке направление наступления было выбрано явно неудачно: вместо того, чтобы основной удар наносить крупными боевыми силами на станции Оловянная и Борзя, где были сосредоточены основные силы 2-го и 3-го корпусов белых, удар был направлен на станцию Ага и другие пункты железной дороги, охранявшиеся небольшими гарнизонами [12, С. 216]. Части 2-го корпуса утром 20 октября перешли в контрнаступление и получили временный успех. Уже к полудню они снова заняли Агу. Продолжая развивать этот успех, противник потеснил 1-ю Амурскую бригаду к Усть-Харашибиру [10, С. 222]. 21 октября белые заняли станцию Могойтуй, где соединились с отрезанной ранее Добровольческой бригадой [15, С. 363].

Временный успех частей 2-го корпуса приподнял настроение белогвардейского командования. Оно даже намеревалось приостановить эвакуацию Читы и, создав ударную группировку, перейти в наступление на Китайский разъезд в тыл правой группы Амурского фронта [10, С. 222]. Занятие Читы утром 22 октября явилось переломным моментом в борьбе за ликвидацию «читинской пробки». Началась переброска войск Амурского фронта от станции Зубарево долиной реки Онон в направлении к железной дороге. Опасения за тыл частей 2-го корпуса вызвали распоряжение белого командования о приостановке их наступления [9, С. 120].

Оттеснив 23 октября 1-ю Амурскую стрелковую бригаду к Харашибири, противник дальше продвинуться не смог. После упорного 4-часового боя белые начали отходить. 27 октября полк Малахова вновь занял станцию Ага. «Отступая от Аги, противник кинулся по линии железной дороги к Оловянной, но около разъезда Булак был встречен Барановым, который разрушил путь, уничтожил артогнем несколько сот человек противника, захватил обозы…» [16, С. 218]. В дальнейшем 3-й Амурский Народно-революционный стрелковый полк в составе бригады Фадеева принимал участие в боях за овладение станциями Оловянная, Хада-Булак, Борзя и Даурия. 21 ноября остатки Белой армии у разъезда № 86 пересекли государственную границу и были интернированы в Китае [15, С. 372].

В январе 1921 г. части 1-й Амурской стрелковой бригады возвратились на Амур. Штаб бригады с 1-м и 2-м полками были расквартированы в Благовещенске, а 3-й – на станции Бочкарёво с выделением одной роты на охрану Суражевского моста через реку Зея. Через два месяца 3-й полк был также переведен в Благовещенск, где сосредоточилась вся бригада. В октябре полк был расформирован и на его базе образован 4-й отдельный пограничный батальон со штабом в селе Пашково, охранявший государственную границу на участке от устья реки Бурея до станицы Михайлосемёновская. Командиром был назначен А.П. Баранов [5, Л. 8].

Результаты исследования. За короткий период из разношерстных партизанских отрядов, почти незнакомых с дисциплиной, плохо вооруженных и обмундированных, была создана Народно-революционная армия, способная не только на равных бороться с войсками белогвардейцев и японцев, но и побеждать. В 3-й Читинской операции ее преимущество было в инициативе, в сосредоточении и в том, что по растянутому вдоль железнодорожной линии противнику удары наносились одновременно в нескольких местах, разрезая его коммуникации, заканчивая частичную победу общим преследованием. И только лучшая военная подготовка командного и рядового состава позволила Белой армии избежать полного уничтожения и уйти в Китай, откуда перебазироваться на территорию Приморской области и продолжить Гражданскую войну еще на два года.

Возникнув в результате энергичной работы по переформированию частей Приморского фронта, 3-й Амурский Народно-революционный стрелковый полк под командованием А.П. Баранова принял активное участие в боевых действиях против войск белогвардейцев и японцев. Поскольку главным противником ДВР считался атаман Г.М. Семёнов, то он в числе других войсковых соединений был отправлен на территорию Забайкальского края. Под руководством занимавших командные должности революционеров его бойцы самоотверженно сражались вдали от родных мест, внеся существенный вклад в победу НРА ДВР над белогвардейцами.

Список источников и литературы:

1. Гражданская война в СССР: В 2 т. М.: Воениздат, 1986. Т. 2. 447 с.

2. Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1999. 288 с.

3. Вележев С.Г. «Читинская пробка» выбита // Красный остров: воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре. 1918–1922. Хабаровск: Книжное издательство, 1967. С. 257–260.

4. Вележев С.Г. Из истории Восточного (Хабаровского), Восточно-Забайкальского и Амурского фронтов Дальнего Востока в 1920 г. //

За Советский Дальний Восток. Вып. 4. Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке / Науч. ред Б.И. Мухачёв. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 212–226.

5. Воспоминания бывшего командира 3-го Амурского стрелкового полка Баранова А.П., июнь 1962 г. / МБУК «Свободненский краеведческий музей». Коллекция «Документы». СМ оф 1507/1.

6. Гайдай И.Е. От Амура до Забайкалья // За Советский Дальний Восток. Вып. 4. Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке / Науч. ред Б.И. Мухачёв. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 231–242.

7. Шилов Д.С. Из воспоминаний командующего Амурско-Забайкальским фронтом // Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье / В.И. Василевский, Б.М. Шерешевский, Г.В. Грунин и др. Чита: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. С. 298–304.

8. Дацышен В.Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири // Японские исследования. 2017. № 2. С. 29–44.

9. Петров П.П. Зима 1919–1920 г. // Великий Сибирский Ледяной поход / Сост. С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 85–127.

10. Шерешевский Б.М. Разгром семёновщины (апрель–ноябрь 1920 г.): О роли Дальневосточной Республики в борьбе за ликвидацию «Читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1966. 238 с.

11. Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. М.: Воениздат, 1957. 268 с. URL: http://www.biografia.ru/arhiv/grvoyna23.html (дата обращения 09.09.2021).

12. Попов В.А. Читинская «пробка» // Борьба за Советы в Забайкалье: сборник статей, материалов и документов / Под ред. Г.В. Грунина. Чита: ОГИЗ, 1947. С. 204–217.

13. Боевое расписание войск противника, действующих против частей Народно-Революционной Армии по данным к 20-му октября 1920 года // Белая гвардия. 2001. № 5. С. 162–170.

14. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / Под ред. И.И. Минц. М.: Центрархив, 1934. 234 с.

15. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. Книга II. М.: Центрполиграф, 2004. 607 с.

16. Шли дивизии вперед. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья (1920–1921): Сборник документов. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 488 с., ил.

Для цитирования: Стариков И.В. 3-й Амурский Народно-революционный стрелковый полк в боевых действиях на территории Забайкальского края в 1920 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 278–286.

© Стариков И.В., 2021

УДК 93/94 +327.5

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС И ЯПОНИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ АВСТРАЛИЙСКОГО ОФИЦЕРА Е.У. ЛЭТЧФОРДА

Максим Максимович Стельмак [1]

[1] Исторический архив Омской области, Омск, Россия

[1] stelmakmm@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4328-1399

Аннотация: В статье представлен анализ воспоминаний австралийского офицера Е.У. Лэтчфорда, описывающие его пребывание в Восточной Сибири в 1918–1919 гг. Несмотря на то, что в ряде работ исследователи использовали данные мемуары в качестве исторического источника о Гражданской войне в России, практически не уделялось внимание иностранным союзникам антибольшевистского движения, участвующих в интервенции. В работе рассматривается восприятие Е.У. Лэтчфордом действий чехословацких легионеров и японских солдат, с которыми ему пришлось столкнуться во время своей службы в России. В итоге, несмотря на описание и негативных аспектов деятельности Чехословацкого корпуса Е.У. Лэтчфорд оценивает легионеров гораздо выше японских военнослужащих.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, интервенция, Чехословацкий корпус, Япония, антибольшевистское движение, мемуары, эго-документы.

Постановка проблемы. Изучение истории иностранной военной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке во время Гражданской на территории бывшей Российской империи войны продолжает занимать важное место в отечественной историографии [1–19]. Ценным источником для ее изучения служат опубликованные мемуары иностранных союзников антибольшевистского движения [20–25].

В этом отношении необходимо отметить ценность воспоминаний капитана австралийской армии Ернеста Уильяма Лэтчфорда (1889-1962), направленного в Сибирь для службы в британской военной миссии [26]. Мемуары были написаны в 1933 г. Тем не менее, исследователи использовали труд австралийского офицера для изучения условий жизни военнопленных солдат австро-венгерской армии [27; 28] или офицеров белой армии [29]. Кемеровским историком Г.В. Торопчиным были проанализированы различные аспекты участия австралийских военных в Гражданской войне в Сибири. Им был использован и труд Е. У. Лэтчфорда [30]. Кроме этого Г.В. Торопчин подробно изучил биографию мемуариста, различные особенности его записок [31]. Историк обратил внимание, что более точный перевод работы должен звучать как «С белыми русскими». Важно отметить, что в воспоминаниях имеется значительный объем информации о деятельности интервентов в Сибири (чехословаках, японцах), особенностях их повседневности и взаимодействия с участниками антибольшевистских вооруженных формирований в Восточной Сибири.

Основная часть. Лэтчфорд прибыл во Владивосток в конце 1918 г. Уже с первых строк мемуарист указывает, что город был полон подразделениями всех союзных сил, включая сербские и румынские. Одновременно все союзные миссии осуществляли слежку друг за другом, особенно это касалось американцев и японцев [26]. Вскоре его группа из 13 британских офицеров, денщиков и китайских слуг, заняв 2 вагона поезда, была отправлена на запад. В составе имелось 48 грузовых вагонов с 5-дюймовыми снарядами, которые должны были доставить в Омск. Отметим, что по поводу численности австралийских военных имеются различные оценки. По одним данным в корпус North Russia Relief Force записалось 150 австралийцев. По иным подсчетам в России находилось 560 военнослужащих из Австралии. Численность австралийских офицеров в Сибири, возможно, составляла несколько десятков [30, С. 123].

В первую очередь, в самом начале своих воспоминаний описываются действия японских военных. Так автор мемуаров сразу был проинструктирован о необходимости держаться с ними настороже, особенно в связи с недавним арестом ими начальника британской военной миссии А. Нокса. Японские военнослужащие, осматривающие вагоны, согласно Лэтчфорду, вели себя высокомерно, вызывая ассоциации с прусскими солдатами. При этом автор отмечал, что японская дивизия, высадившаяся во Владивостоке, выглядела исключительно организовано, а внешний вид ее солдат был весьма эффективен. По мнению австралийца, из-за сильного сходства людей и снаряжения, японские вооруженные силы создавали впечатление армии, состоящей из машин [26].

В подобной оценке Е.У. Лэтчфорд был не одинок, поскольку у многих белых офицеров поведение японских солдат вызвало немало вопросов. Полковник Н.А. Андрушкевич, прибывший во Владивосток в ноябре 1918 г. вспоми-

нал «торчащие повсюду японские жандармы, японские флаги, рассованные повсюду кстати и некстати, обилие японских войск без видимой и ясной цели и т. д. не настраивали русских на благожелательное отношение к японцам» [16, С. 172]. В январе 1919 г. было заключено соглашение о межсоюзном контроле над КВЖД и Транссибом. В зоне КВЖД располагалось значительное количество японских войск. Влияние Японии оказалось там преобладающим [32, С. 44]. Ряд союзных представителей в своих мемуарах фиксировали, что японцы вели себя на Дальнем Востоке подобно оккупантам [33, С. 102]. В отчетах сотрудников военно-статистического (разведывательного) отделения штаба Приамурского военного округа неоднократно говорилось о проведении японцами детального обследования бухт, заливов и всего побережья в районе Владивостока и на Сахалине [34, С. 152].

Первое знакомство с Чехословацким корпусом произошло через несколько дней после выезда из Владивостока. Поезд был подвергнут атаке некой банды. Лэтчфорд и его спутники были спасены по счастливой случайности. Состав с чехословацкими легионерами из-за поломки моста был вынужден возвращаться назад и встретил поезд с британскими офицерами. Чехословаки быстро отбили атаки и расправились с нападавшими: «Они смели все и всех, что противостояло нам, а затем устроили охоту за уцелевшими, в конце концов, повесив 19 человек на телеграфных столбах» [26].

Представляет интерес особенности следующей встреча с легионерами, произошедшая уже во время пребывания австралийского офицера в Иркутске (хотя изначально он получил назначение в Челябинск). Лэтчфорд намеривался провести занятия по стрельбе с ротой русских солдат. К своему удивлению, он обнаружил, что рота покинула стрельбище и отправилась в казармы по требованию явившихся чехословацких солдат. Лэтчфорд велел им снова отправиться на занятия. Однако, вернувшись на место, он обнаружил, как чехословацкий офицер угрожал венгру, служившему у Лэтчфорда денщиком. Причиной гнева легионера послужил отказ венгра пускать чехословаков на стрельбище. Несмотря на объяснения Лэтчфорда, что сейчас время занятий русской воинской части, а чехословаки могут позже получить разрешение, им была услышана некультурная реплика от легионера: «Чехи не станут беспокоиться о таких вещах, как разрешение, и будут делать, что захотят». Е.У. Лэтчфорд отдал приказ русскому офицеру увести роту в перелесок, на всякий случай, зарядив винтовки. Далее он дал объяснение чехословацкому офицеру, позволяющую довольно любопытно интерпретировать субординацию в антибольшевистских вооруженных силах: «Я сказал невежливому чеху, что вопрос не в том, у кого больше прав — у русских или у чехов, а в том, что здесь командую я — британский офицер — и будет сделано то, что я приказываю» [26]. Инцидент был исчерпан, чехословацкая рота ушла.

Несмотря на описанную выше ситуацию, в итоге, мемуарист дает довольно высокую оценку Чехословацкому корпусу. По его мнению, было невозможно не восхищаться чехословаками из-за их бойцовских качеств, высокого уровня физической подготовки, огромной организационной работе по созданию корпуса. Это вполне согласуется с информацией из записок анонимного белогвардейца о легионерах: «Они имели огромное значение в том отношении, что способствовали развитию борьбы с большевиками в отрезанных от центра России районах; и накоплявшиеся до этого антибольшевистские силы в Сибири получили возможность вылиться в формы, годные для борьбы с большевизмом» [35, С. 36]. Важно отметить, что ещё в декабре 1917 г. был утвержден официальный текст присяги чехословацкого солдата [36, С. 266]. Одной из главных сил еще Временного Сибирского правительства также являлся Чехословацкий корпус [37, С. 34]. Ещё в ноябре 1917 г. генерал М.В. Алексеев рассчитывал увидеть чехословаков на Дону [38, С. 91].

Корпус расценивается Лэтчфордом как ударная сила антибольшевистского движения. Что касается западных союзников, то они поступили правильно, используя Чехословацкий корпус для утверждения своей власти в Сибири. В завершении проводится сравнение легионеров корпуса с австралийскими солдатами и выражается надежда, что чехословаки будут на стороне Антанты в будущей войне [26].

Результаты исследования. Таким образом, в своих воспоминаниях Лэтчфордом постарался показать свое восприятие к представителям иностранных союзников антибольшевистского движения. С одной стороны, как отмечает В. Крупник, осуществивший перевод мемуаров, австралийский офицер не был специалистом по Российской империи. Для него не были ясны причины революции и Гражданской войны, их особенности. Он старался насколько возможно честно описать свою службу. Им были упомянуты и репрессивные меры антибольшевистских властей, сословность, кастовость и консерватизм в белой армии. При этом участники интервенции (на примере чехословаков и японцев) подразделятся для него на положительных и отрицательных.

На наш взгляд, такая оценка может быть связана и с тем, что Лэтчфорду не пришлось на протяжении длительного времени общаться именно с японскими офицерами. Кроме этого, им не было замечено всё большее сближение Российского правительства А.В. Колчака с Японией [39, С. 177]. Особенно это проявлялось в критический момент. Так, адмирал Колчак, узнав о восстании в Черемхово, передал по телеграфу 23 декабря 1919 г. командующему войсками Иркутского военного округа, чтобы тот срочно обратился за помощью к атаману Г.М. Семенову и попросил японцев усилить их гарнизон в Иркутске [40, С. 27]. Уважительное отношение к Чехословацкому корпусу вполне можно объяснить, так как мемуаристу легионеры сильно напоминали австралийских солдат, за-

брошенных далеко от своего дома. Тем не менее, данный источник личного происхождения позволяет раскрыть различные стороны истории повседневности Сибири периода Гражданской войны, особенности ее восприятия со стороны иностранного офицера, субординацию внутри антибольшевистских сил[1].

Примечания:

1 Отметим историографическую тенденцию: сегодня исследователи, изучающие Гражданскую войну на востоке России, уделяют пристальное внимание публикации содержательных эго-документов [20–25, 41].

Список источников и литературы:

1. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917-1920): историография: дисс…канд. ист. наук. Казань, 2005. 303 с.

2. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914-1920 гг.): дисс…канд. ист. наук. М., 2004. 228 с.

3. Салдугеев Д.В. Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: дисс…канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 230 с.

4. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

5. Островский Л.К. Польские военные в Сибири (1904-1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 88-92.

6. Капустин Л.Г., Ладыгин И.В. Славянское братство: сербские добровольцы в антибольшевистской борьбе на Востоке России в 1918-1922 гг. // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск: Версо, 2011. С. 191-208.

7. Прайсман Л.Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. (Часть первая) // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75-103.

8. Прайсман Л.Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. (Часть вторая) // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 54–77.

9. Соков И.А. Канадская интервенция 1918-1919 гг. в дальневосточном эпизоде Гражданской войны в России: причины, цели, итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 136-146.

10. Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times»: дисс…канд. ист. наук. Томск, 2014. 263 с.

11. Конев К.А. Лозунг «Великая, Единая, неделимая Россия» и формирование образа союзников в официальной проправительственной печати белой

Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 80-85.

12. Петин Д.И. Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении военных денег Сибирской экспедиции японских войск // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 236–246.

13. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918-1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

14. Стрелков И.П. Внешнеполитические ведомства ранних антибольшевистских правительств: Самара, Архангельск, Омск // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 45–56.

15. Петин Д.И. Иностранные союзники сибирского антибольшевистского движения и пути решения национального валютного вопроса летом 1918 г.: взгляд сквозь призму аналитической записки // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1. С. 264–271.

16. Конев К.А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на Востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.): дис. … канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.

17. Новиков С.В. Гайда Радола и чехи. Из истории контрреволюции и Гражданской войны в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 15–20.

18. Конев К.А. Презентация образа иностранных союзников в военных церемониях антибольшевистских правительств востока России (август 1918 г. – декабрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 32-44.

19. Валиахметов А.Н. Отечественная историография о роли Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань в 1918 году // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 3. С. 77-81.

20. Суманосов В.А. Гражданская война в России глазами интервента. Из мемуаров подполковника Эдварда Энтони Стила // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX в. Красноярск: Версо, 2011. С. 240-248.

21. Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания её сотрудников о пребывании на Урале // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 1. С. 87-102.

22. Данилова О.С. Воспоминания французского капеллана о Сибири (1918-1919 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-2. С. 15–28.

23. Гагкуев Р.Г. Адмирал Колчак глазами голландца Лодевейка Грондейса // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 2 (13). С. 128-146.

24. Грондейс Л. Война в России и Сибири; [под науч. ред. Р.Г. Гагкуева; сост., ред., прим. и комм. Р.Г. Гагкуева; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой; пер. с гол. В.И. Габышева]. М.: РОССПЭН, 2018. 455 с.

25. Гагкуев Р.Г. Рапорт генерала М. Жанена об итогах работы французской военной миссии в Сибири // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 1051–1070.

26. Лэтчфорд Е.У. С белой армией в Сибири // URL: https://zaimka.ru/latchford-siberia/ (дата обращения 15.04.2021)

27. Царева Е. Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 78-88.

28. Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 153–167.

29. Долгушев А.В. Американская интервенция на Дальнем Востоке и проблема признания правительства Колчака // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3-1. С. 107-111.

30. Торопчин Г.В. Австралийцы в белой Сибири // История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С.П. Звягин. Кемерово, 2011. С. 123-125.

31. Toropchin G.V. The analysis of William Latchford’s biography and memoirs as a historical source // Мир Евразии. 2011. № 2 (13). С. 55-58.

32. Светачев М.И. Борьба за «русское наследство» в вопросе о КВЖД (1917–1924 гг.) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии. Тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посв. 100-летию КВЖД. Владивосток, 1997. С. 43-44.

33. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск: ТГУ, 2007. 278 с.

34. Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.

35. Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май - ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с.

36. Гагкуев Р.Г., Шилова С.Г. «Клянусь Всемогущим Богом…» Присяги гражданской войны // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 257–274.

37. Новиков С.В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 31–41.

38. Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти: дисс. … докт. ист. наук. СПб., 2014. 958 с.

39. Стельмак М.М. Образ Японии в антибольшевистской правительственной прессе Западной Сибири в период Российского правительства А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 171-181.

40. Кокоулин В.Г. Восстание в Иркутске в декабре 1919 г. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 4 (9). С. 25-40.

41. Гагкуев Р.Г., Шилова С.Г. «Побывавшие на войне офицеры получили большой личный опыт, и было бы очень досадно не воспользоваться этим». Циркуляр военного министерства Франции за декабрь 1919 г. о сборе наблюдений и мемуаров о службе в Сибири // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 51–57.

Для цитирования: Стельмак М.М. Чехословацкий корпус и Япония в воспоминаниях австралийского офицера Е.У. Лэтчфорда // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 286–293.

© Стельмак М.М., 2021

УДК 947 (571.1)

«ПОПОВСКИЙ МЯТЕЖ» 1918 Г. В ОМСКЕ: К ОЦЕНКАМ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ РУССКОЙ СМУТЫ

Алексей Владимирович Сушко [1, 2, 3, 4]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
[2] Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия
[3] Омский государственный технический университет, Омск, Россия
[4] Омская духовная семинария, Омск, Россия

[1, 2, 3, 4] alexsushko_1974@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6496-4278

Аннотация: В контексте событий Русской Революции анализируются события в Омске февраля 1918 г., когда попытки областных советских властей реализовать «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» привели к массовым беспорядкам с кровопролитием в советской историографии названным «поповским мятежом».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Русская революция, Гражданская война, Сибирь, Омск, епископ Сильвестр (Ольшевский), советская власть.

Постановка проблемы. Одним из самых известных эпизодов Гражданской войны в России в Омске стал «поповский мятеж» февраля 1918 г. Сам термин представляется вполне приемлемым. Это были антибольшевистские волнения и беспорядки на религиозной почве 15–19 февраля 1918 г. в Омске. В них приняли участие около 10000 человек, возмущенных декретом советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»; арестом правящего архиерея епископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского), организовавшего 17 февраля крестный ход в защиту Церкви от начавшихся гонений. Участвовали в волнениях и просто недовольные политикой большевиков люди. В ходе этих событий с обеих сторон применялось оружие и, как следствие, случилось бессмысленное убийство, появился первый омский новомученник – 30-летний эконом архиерейского дома Николай Цикура.

В советской и российской историографии событие освещено в целом ряде работ. О нем любознательный читатель может в общих чертах узнать даже на Википедии. Наиболее свежая оценка февральских волнений в Омске содержится в работах С.Г. Сизова отрицающего организованный характер антибольшевистского выступления. Историк оценивает эти события так: «Выражение “поповский мятеж” – это большевистский штамп, который не выражает сущности происходивших событий. Выступления верующих в Омске было ничем иным, как попыткой выразить свою гражданскую позицию, защитить Православную веру от богоборческой власти, остановить насилия и защитить правящего епископа» [1, С. 126; 2, С. 288]. Признавая правомерность этого утверждения, и в качестве отправной точки основываясь на нем, в данной работе ставится цель соотнести омские события февраля 1918 г. с многочисленными оценками безрелигиозности народа в годы Русской революции, дававшимися участниками потерпевшего поражение в Гражданской войне в России белого дела.

Основная часть. Критика традиционного представления о глубокой религиозной вере большинства представителей русского народа содержится в воспоминаниях множества известных и забытых современников Русской революции. Наиболее известным высказыванием о русской безрелигиозности в годы «Русской смуты» является суждение одного из ключевых лидеров белого движения А.И. Деникина: «Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько пошатнулась. Как народ – богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял постепенно свой облик, попадая под власть утробных материальных интересов, в которых сам ли

научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни». Для иллюстрации своего тезиса Антон Иванович повествует о случае осквернения солдатами до этого построенного с любовью полкового храма накануне революции [3, С. 62–64]. Подчеркнем, что мемуары этого деятеля (особенно их новейшее переиздание с комментариями петербургских историков) пользуются высоким авторитетом в исследовательской общественности [4].

В воспоминаниях железнодорожного чиновника, жившего в Омске в 1913–1919 гг. Н.Н. Волкова (современника «поповского мятежа», пострадавшего от первой советской власти в 1918 г.) русская безрелигиозность проиллюстрирована следующим образом: «Русский человек не за 30 серебряников, а за пятиалтынный продал все: честь, родину, и даже собственную совесть. Не знаю также, почему русского крестьянина считали глубоко верующим. О религии своей, в большинстве, он имел самое смутное представление. Достаточно указать на тот факт, что некоторые из крестьян считали Троицу, состоящую из Христа, Матери Божьей и Николая Чудотворца. На самом деле они только автоматически исполняли религиозные обряды: ходили в церковь, крестились, клали земные поклоны, целовали иконы, ставили свечи и т.д. Но нравственных законов Христианской веры они не знали, и ими не интересовались. Если они исповедовались, причащались, крестили своих детей и т.д., то под неусыпным влиянием и давлением духовенства, пугавших их адом и страшным судом. А от преступлений они часто воздерживались не потому, что считали их безнравственными, а из страха перед уголовными законами. Но как только началась революция, и с них снята была полицейско-поповская опека, они сразу сорвали с себя маску благочестия и ханжества, и предстали перед всеми во всей своей неприглядной наготе. Они оказались атеистами, нет, хуже них, т.к. у последних бывают нравственные устои, а у этих дикарей не было сдерживающих центров, и они принялись красть, грабить, убивать, жечь всех и все, что попадалось им под руку, лишь бы отомстить, и, главное, нажиться. Не пощадили они и своих бывших святых церквей и монастырей, грабили и глумились над ними. Вот в этой-то области русский мужик и показал изнанку своей подленькой душонки» [5, С. 65, 69].

«Историю невозможно переписать, её можно дописать…» – такой философский тезис о сущности исторического поиска развивает в одном из своих недавних интервью доктор исторических наук Юлия Зораховна Кантор [6, С. 13]. Отмечая справедливость сказанного, подчеркнем, что обращение к уже хорошо известным источникам наталкивает нас на некоторое дополнительное переосмысление омских событий февраля 1918 г. Вернемся к событиям «поповского мятежа» и соотнесем их с утверждениями белых мемуаристов. Омские волнения наглядно продемонстрировали высокую религиозность горожан, перешедшую в политическую активность. В этой связи следует отметить ряд аспектов «поповского мятежа».

Во-первых, следует подчеркнуть масштаб антибольшевистских волнений, вызванных гонениями на Церковь, именно применительно к реалиям Омска того времени. В городе тогда проживали примерно 120 000 чел. Если вычесть из общего числа жителей маленьких детей и стариков, то получается, что примерно каждый десятый взрослый житель города принял участие в этом религиозно-политическом по своему характеру выступлении. Местная большевистская власть не могла проигнорировать столь масштабного народного недовольства.

Во-вторых, подчеркнем, что жители Омска вышли на защиту Церкви и своего пастыря в суровое время, когда убийство становилось, по сути, привычным явлением, пугающей нормой повседневной жизни. Яркий пример этого – гибель Николая Цикуры. Со слов его очевидцев, «убийство было дикое, без всякой причины» [7, С. 239–240]. Риск быть убитым, раненым или просто репрессированным властями их не останавливал.

В-третьих, важно подчеркнуть, что именно активная позиция верующих спасла епископа Сильвестра и еще нескольких арестованных властями лиц от возможной расправы. Докладывая об этих событиях Синоду, омский архиерей, отмечая роль вышедшего на улицу народа в своем благополучном освобождении из-под ареста, писал, что «это выступление православного верующего населения, несомненно, повлияло на ход событий» [8, С. 252]. Его слова подтверждаются рассказами лиц живших в архиерейском доме и ставших участниками этих событий. Основываясь на них «Тобольские епархиальные ведомости» писали, что «Освобождение архиепископа из-под ареста несомненно было вызвано возникшими в Омске волнениями. Боязнь их заставила совдеп отложить суд над архиепископом на неопределенное время. Как передают, значительная часть следственной комиссии высказывалась за его расстреляние» [7, С. 239–240]. Благодаря докладу в Синод епископа Сильвестра и сообщениям в газетах о волнениях в Омске, эти события стали широко известны в стране. Подчеркнем, что арест, как форма политического воздействия применялся тогда советской властью, в том числе, в Омске, даже не в столь критичных случаях, грозящих вооруженным выступлением. Достаточно вспомнить эпизод в конце декабря 1917 г., когда по распоряжению членов Омского совдепа В.М. Косарева и О.Ю. Пличе задержали саботировавших большевизм руководящих сотрудников Омского отделения Государственного банка. Устрашающая мера оказалась тогда действенной [9, С. 37].

В-четвертых, одним из главных событий «поповского мятежа» стал грандиозный крестный ход организованный епископом Сильвестром. В нем приняли участие около 10000 человек. Сама по себе такая акция не была уникальна. В начале 1918 г. народ дал активный отпор гонениям на Церковь Примерно в тоже время аналогичные религиозные шествия состоялись по всей стране. Первым из них по времени и самым известным стал крестный ход в Москве.

Уникальность омских событий в том, что на почве недовольства антирелигиозной политикой государства здесь случился массовый многодневный бунт с применением оружия.

Таким образом, принимая во внимание массовые народные выступления в защиту веры в начале 1918 г. и, в частности, «поповский мятеж» в Омске, белые мемуаристы однобоко описывали безрелигиозность русского народа. В условиях начинавшейся Гражданской войны в России значительная часть населения была готова защищать свои религиозные идеалы. Но вскоре, в условиях эскалации Гражданской войны, когда воевали массовые регулярные армии, религиозный фактор не стал «козырем» в руках противников большевиков. В частности, несмотря на попытки колчаковцев при активном участии теперь уже архиепископа Сильвестра объявить против большевиков «крестовый поход». Откликнувшихся на призыв власти и Церкви добровольцев в тех условиях оказалось ничтожно мало. Об этом в своем дневнике написал один из руководителей белого движения в Сибири А. Будберг: «Пока что эта шумиха собрала около 200 человек добровольцев; они расположены около здания, занятого военным министерством; большинство из них производит очень благоприятное впечатление: видно, что пришли по убеждению; если бы таких были десятки тысяч, то песня красных была бы спета; все горе в том, что это все, что могла дать ближайшая к Омску Сибирь; больше таких уже нет и не будет» [10, С. 276].

Результаты исследования. Таким образом, для исследователей проблемы еще только предстоит ответить на вопрос о причине провала «крестового похода» колчаковцев против большевиков. Исчезло ли религиозное чувство русского народа или все же сибирская контрреволюция, ярким представителем которой, несомненно, являлся омский архиерей архиепископ Сильвестр, к тому времени дискредитировала себя в глазах народа и не отвечала его идеалам?

На наш взгляд, религиозное чувство омичей, как и всего русского народа, никуда не исчезало, однако в условиях Гражданской войны в России духовенство не сумело сохранить идейного единства, раскололось и втянулось в социальный катаклизм. Соответственно, на территории Сибири дискредитировавшая себя в глазах большинства населения к моменту гибели белой государственности власть, «потянула за собой на дно» и Церковь, выступавшую в вооруженной борьбе на стороне к тому времени не поддерживавшихся большинством сибиряков колчаковцев.

В завершении, отметим, что тесно сопряженная с политическими суждениями тема общественно-религиозной стороны антибольшевизма в период Гражданской войны входит в число наиболее активно и остро обсуждаемых в Омске в рамках работы площадок публичной истории [11–15]. Значимую роль играют в этом процессе и новые подходы к осмыслению источников, отражаемые в со-

временных критических суждениях академияеских специалистов, обращающихся к истории сибирских церковных институтов [См. напр.: 16–23]. Но соблюдая каноны академического знания, исследователю с опорой на источники важно разобраться в истинной сути событий, уйдя от идеологической и эмоциональной ангажированности, порождающей историографические заблуждения и общественно-политические мифы.

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ, 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Список источников и литературы:

1. Сизов С.Г. Крестные ходы в Омске в 1918–1919 годах как способ выражения гражданской позиции Церкви в условиях российской смуты // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 124–128.

2. Сизов С.Г. Крестные ходы в Омске в 1918–1919 годах как способ выражения гражданской позиции Церкви в условиях российской смуты // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016: мат--–лы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 19–21 апр. 2016 г.). Омск: ОмГТУ, 2016. С. 286–292.

3. Деникин А.И. Очерки Русский Смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917) / А.И. Деникин; предисл. А.С. Пученкова. М.: АЙРИС-пресс, 2017. 672 с.

4. Измозик В.С. Академическое издание знаменитых воспоминаний генерала А. И. Деникина // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 15–19.

5. Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 4. С. 63–84.

6. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать…» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.

7. Ч.[асть] неоф.[ициальная] Омск // Тобольские епархиальные ведомости (Тобольск). 1918. № 16–17.

8. Приспело время подвига... Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / сост. Н.А. Кривошеева. М.: ПСТГУ, 2012. 526 с.

9. Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: Сборник документов / автор-

сост., науч. ред. Д.И. Петин; вступ. слово А.В. Сушко. Омск: ООО «Амфора», 2014. 224 с.

10. Будберг А. Дневник белогвардейца: воспоминания, мемуары. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. 336 с.

11. Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.

12. Машкарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74.

13. Петин Д.И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142.

14. Стельмак М.М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 3. С. 222–235.

15. Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.

16. Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5. № 1. С. 30–38.

17. Олихов Д.В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы Пражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141–159.

18. Петров И.В., Пученков А.С. Темная личность на фоне темной эпохи? (К вопросу о служении архиепископа Варнавы на Тобольской кафедре в 1914–1917 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 73–78.

19. Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С. «Деникинский» Церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 28–34.

20. Сушко А.В., Петин Д.И. «Вы почли своевременным приспособить деление епархий применительно к новому гражданскому делению…»: доклад епископа Омского Аркадия митрополиту Нижегородскому Сергию и Священному Синоду (1929 г.) // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 387–405.

21. Петин Д.И. Слово об офицере церкви (обзор монографии А.В. Сушко «Жизнь, служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфантьева») // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. № 3. С. 54–63.

22. Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

23.Сушко А.В. Сибирский церковный собор: опыт новейшей археографии // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 939–945.

Для цитирования: Сушко А.В. «Поповский мятеж» 1918 г. в Омске: к оценкам религиозности населения в эпоху Русской смуты // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 293–300.

© Сушко А.В., 2021

УДК 94(47).084.3

ОРГАНЫ СТАРЫЕ, ВЛАСТЬ НОВАЯ: К ВОПРОСУ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ РАБОТЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ А.В. КОЛЧАКА

Вадим Игоревич Тетерин [1]

[1] Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д.Н. Прянишникова, г. Пермь, Россия

[1] teterinvi@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ): 3547-0880

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы развития традиционной системы органов местного самоуправления в период установления власти А.В. Колчака в Пермской губернии. Большой интерес ученых к истории Гражданской войны позволил наметить множество проблем, до сих пор не проанализированных в отечественной и зарубежной историографии. Крайне важным представляется изучение деятельности земского и городского самоуправления в новых условиях, что и стало целью данного исследования. Во время революции органы самоуправления претерпевали значительную трансформацию, активно включаясь в политическую жизнь страны, но в 1919 г. при А.В. Колчаке большой роли в политической жизни они уже не играли. В Пермской губернии налаживать работу гласные вынуждены были в условиях прифронтовой обстановки. С учетом этого был только обозначен вектор развития, но уже летом 1919 г. с приходом большевиков земство и городские думы были окончательно ликвидированы.

Ключевые слова: Гражданская война, Белая армия, местное самоуправление, земство, городские думы, гласные, повседневность, Пермская губерния.

Постановка проблемы. Сегодня по-прежнему актуальными остаются исследования Гражданской войны в России. Эти события оставили свой след на судьбах миллионов людей. Пристальное внимание ученого сообщества позволило определить целый ряд проблем, остававшихся прежде вне основного фокуса исследовательской оптики. Прежде всего, это касается локальных исторических сюжетов. Среди малоизученных проблем остается система органов местного самоуправления в условиях Гражданской войны. Настоящий расцвет их деятельности пришелся на время революции, но приход к власти большевиков привел к упразднению земств и городских дум. В свою очередь, антибольшевистские силы, в том числе правительство А.В. Колчака с установлением своей власти вновь возобновляло функционирование старой системы местного самоуправления.

В отечественной историографии в последние годы уделяется большое внимание не только военным аспектам Гражданской войны, но и внутренней политике как большевиков, так и антибольшевистских правительств. Не исключением стала и политика, проводимая на подконтрольных территориях администрацией А.В. Колчака. Общая характеристика отражена в работах В.Ф. Абрамова, И.В. Нарского, а также Г.А. Герасименко в коллективном обобщающем труде «Земское самоуправление в России 1864–1918 гг.» [1, 2, 3]. Однако практически все эти исследования описывают только опыт Сибири без учёта Пермской губернии, где большую роль играли давние традиции земского и городского самоуправления. Местное самоуправление в Сибири не могло играть большой роли, т.к. возникали здесь только непосредственно в революционный период. В отличие же от сибиряков, пермские земцы к 1919 г. уже накопили достаточный опыт взаимодействия с населением и органами государственной власти. Подробнее вопрос о самоуправлении в годы Гражданской войны рассмотрен в многочисленных статьях. Эту тему затрагивают исследования А.В. Сушко, В.В. Московкина и И.В. Скипиной, А.А. Соловьева, А.Г. Гордеева [4, 5, 6, 7]. Эти статьи отражают региональные особенности функционирования земства на Урале, в Сибири, на Юге и Востоке России, не учитывая региональный аспект Пермской губернии. Вместе с доступным сегодня обширным корпусом источников это делает актуальным проведение исследований по данной теме.

Основная часть. Восстановление упраздненных большевиками органов самоуправления растянулось на длительный период с лета 1918 г. до весны 1919 г. Раньше всего работа была налажена в зауральских уездах. Например, в Шадринске власть Сибирского правительства была установлена еще в июле

1918 г. Уже в октябре здесь провели выборы в волостное земство на новое трехлетие, кроме пяти волостей, где было восстановлено старое земство [8, Л. 1]. Однако в зауральских уездах функционировали только уездные земства. В связи с этим важнейшим событием стало занятие Перми частями генерал-лейтенанта Пепеляева 24 декабря 1918 г. С взятием Перми открывалась возможность начала полноценной работы органов местного самоуправления, в том числе губернского земства.

Уже 26 декабря 1918 г. на заседании городской думы Екатеринбурга было принято решение послать приветственные телеграммы Пермской городской думе, генералам Пепеляеву, Галицину, Вержбицкому, Гайде по случаю «избавления от большевиков» [9, Л. 27об]. Это предложение внеочередным заявлением внесла фракция кадетов, оно было поддержано гласными. Были подготовлены тексты телеграмм. Особенно колоритной выглядит содержание послания городскому самоуправлению Перми, в котором екатеринбургские коллеги выражают «чувство живейшей радости от вести освобождения Перми от власти насильников» [9, Л. 28об.].

Уездные управы также получали специальные «наказы» от волостных управ о том, как строить работу при новой власти. Например, в Чердынскую уездную управу поступил такой наказ от Пянтежского волостного земского собрания. Волостные гласные «покорнейше просили» приветствовать новую власть, введение пахотного и имущественного налога, продолжения прекращения продажи спиртных напитков, восстановления мирового суда и свободной торговли. Одним из первых пунктов в записке значилось, что бы в центральном управлении были русские люди» [10, Л. 35-36].

Однако такие телеграммы вряд ли могли быть получены адресатами – ни городская дума, ни губернское собрание так быстро не были собраны. В первые дни после прихода Сибирской армии Колчака восстановление работы губернского земства оказалось лишь на бумаге. В городе не оказалось ни одного члена земской управы последнего состава. Тогда военные власти поручили гласному губернского земского собрания Н.А. Вармундту организовать временную управу в составе председателя Н.А. Вармундта и членов И.Ф. Пономарёва, И.В. Воробьева, А.Н. Ильина, В.А. Чердынцева, Ф.Я. Дьякова и Е.Д. Калугина. Что характерно, она была утверждена начальником гарнизона. Дьякова и Калугина тоже в городе не оказалось. Однако все это были активные участники земского собрания предыдущего собрания, ярко проявившие себя в 1917 г. Вскоре в город прибыли бывшие члены управы И.В. Бабушкин и Я.Ф. Зверев. Тогда было принято компромиссное решение – они вошли в составы управы снова вместо двух отсутствующих новых членов. В таком составе управа и продолжила работу.

Для восстановления законности и власти на местах было необходимо восстановить работу земских учреждений. Однако собранные сведения из освобожденных уездов показали, что механически восстановить работу органов местного самоуправления было сложно. Например, из Кунгура управляющий уездом телеграфировал о необходимости перевыборов в уездное земство. Он отмечал, что «сильно сказывается на всей общественной работе отсутствие лучших людей, расстрелянных советской властью» [11, Л. 3].

Сразу после восстановления в адрес земства стали поступать десятки прошений о восстановлении на работу либо сохранении на прежней должности [12, Л. 1-100]. Большинство служащих, обеспечивавших жизнь и работу городов и уездов, оставались на своих местах и при белых и при красных. Многие работали по многу лет, поступив на должность еще даже до Первой мировой войны. Тем не менее, просто автоматического продолжения работы не могло быть. Каждый служащий писал прошение в земство и его рассматривали. Чаще всего проситель без проблем оставался на работе либо получал ее. Отдельные случаи идейного сотрудничества с большевиками приходилось рассматривать персонально.

В январе 1919 г. на службу восстанавливали, прежде всего, старых служащих. Однако восстановление было временным. Предполагалось, что окончательно на руководящие должности людей должны были назначать соответствующие съезды и выборы. Например, уже 11 января в Пермской губернии был восстановлен на должности заведующего отделом луговодства Пермского губернского земства с одновременным занятием должности губернского агронома Николай Иванович Вентцер [13, Л. 2].

С целью восстановления деятельности всех земских отделов в январе в Пермской губернии были запрошены именные списки служащих и рабочих. Отдельно уточнялась информация по всем поступившим на службу после 1 марта 1918 г. Также составлялся список не занятых штатных должностей. Что интересно, по вакансиям земская бухгалтерия запрашивала как основные земские должностные оклады, которые были установлены еще до большевиков, так и аналогичные советские [13, Л. 3].

При восстановлении служащих земской и городской управы новая власть тщательно следила за партийным составом. Все члены социалистических партий и левых течений, если они оставались в составе гласных, а не эвакуировались с РККА, подлежали аресту. Сведения о таких арестах и розыске гласных-социалистов, избежавших ареста, рассылались по всем губерниям и уездам [14, Л. 19]. Например, из Кунгурской городской думы по ходатайству управляющего уездом был исключен врач Карнаухов за активную большевистскую деятельность [11, Л. 7].

Такие случаи были далеко не единичными. В каждом городе и уезде регулярно возникали проблемы, связанные с трудоустройством тех кадров, которые сотрудничали с большевиками. Однако чаще всего преткновением становилась не их лояльность Советам (такие сотрудники, как правило, уходили с РККА), а личные счеты работников. Для налаживания эффективной работы всех служб городское и земское самоуправление вынуждено было подробно рассматривать все случаи. Это сильно тормозило их работу, отвлекая от многих других насущных проблем.

Весной 1919 г. в своем докладе правительству управляющий Пермской губернией отмечал, что деятельность земских и городских органов самоуправления «заметно оживляется», за исключением Оханского, Осинского, Чердынского и Соликамского уездов, т.к. они были позднее всего освобождены от большевиков. Управляющий отмечал полную разруху в этих уездах: большинство земских работников было вывезено при отступлении, земские учреждения разграблены. Поэтому почти все земские службы в этих районах не работали [15, Л. 18].

Однако на деле все было не так гладко. Волостные земства сетовали на отсутствие финансирования. В результате они вынуждены были распускать штат. На это в свою очередь реагировала милиция, пытаясь воспрепятствовать самороспуску волостных управ. Дело о прекращении работы Беликульской волостной земской управы Шадринского уезда в марте 1919 г. растянулось на несколько месяцев и дошло до Управляющего губернией. Только к маю после его вмешательства «забастовка» была прекращена после признания действий членов земской канцелярии законными и выполнения их требований по выплате жалования [8, Л. 13-34].

Восстановленные земства столкнулись с еще одной проблемой – большевики за время своего управления губернией меняли административное деление уездов исходя из собственных интересов. В результате при восстановлении своей работы земские управы сталкивались с тем, что часть волостей одного уезда уже были переданы советской властью соседним уездам. И хотя земства тяготели изначально к тому, чтобы вернуть административное деление к старому формату, практика показывала, что такие переделы оказывались удобными. Многие территории безуспешно добивались этого перехода в дореволюционный период, и теперь они уже не хотели возвращаться к старому порядку. В таких случаях, например, при переходе 9 волостей Оханского уезда в состав Пермского, губернская власть вынуждена была утвердить эти изменения, признав их удачными [16, Л. 2-3].

В первые дни работы 1919 г. Пермское земство испытывало нужду во всем. Управа вынуждена была даже 30 января выпустить постановление по ограничению использования дров [13, Л. 10]. Нехватка топлива была такой

острой, что всем учреждениям было рекомендовано топку печей начинать в 6-7 ч утра с расчетом достичь максимальную температуру в часы работы с 9 до 3 ч. Средняя температура при этом не должна была превышать 13º по Цельсию. Исключения были сделаны только для больниц. Там температуру должен был определять врачи. Приступая к своей работе в январе 1919 г. городское и земское самоуправление столкнулось с тем, что даже не было планов города. Эти документы были увезены большевиками. Карты уезда и планы города запросила милиция, но городская и земская управы вынуждены были переправить их в губернскую типографию с этим запросом [17, Л. 3-4].

Кроме того, гласные земства и городских дум столкнулись с халатным отношением к своим обязанностям со стороны служащих. Возобновляя деятельность отделов, на службу принимались все подряд, должной проверки осуществить в первые дни просто не было возможности. В результате многие этим пользовались. Сказывалось наследие недолгого управления большевиками. Постоянная смена власти приводила людей к тому, что они не хотели работать на полную силу – вдруг власть поменяется и их рвение обернулось бы неприятностями. Такая неприятная для местного самоуправления ситуация повсеместно отмечалась в первые месяцы работы. Служащие вместо установленных 9 часов утра приходили на работу после 10, а на местах занимались посторонними делами вместо выполнения своих прямых обязанностей. В своих первых же циркулярах губернская управа ставила задачу заведующим отделом пресекать такое недобросовестное отношение к работе, а все силы работников направлять на восстановление разрушенного земского хозяйства [13, Л. 1].

Результаты исследования. Таким образом, при восстановлении деятельности органов местного самоуправления повторяется ситуация весны 1917 г., когда органы самоуправления с восторгом встретили революцию и массово слали поздравительные телеграммы. Это связано с надеждами на широкие полномочия, которых ждали от новой власти. Тем самым давался аванс лояльности, который оправдался в 1917 г., но в 1919 г. ситуация была кардинально другой. Прежде всего, Пермская губерния оказалась к этому моменту в прифронтовой зоне, а значит, ключевую роль здесь играла военная администрация. Земство и городские думы оказались в зависимом положении, и все свои силы эти органы сосредоточили на восстановлении текущей работы, не включаясь в политическую работу, как это было в 1917 г. При этом гласные могли определённо надеяться на будущее мирное устройство, однако проверить им свои предположения уже не удалось.

Список источников и литературы:

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. 166 с.

2. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 633 с.

3. Земское самоуправление в России 1864–1918 гг. / отв. ред. Н.Г. Королёва. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2005. 384 с.

4. Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.

5. Московкин В.В., Скипина И.В. Политическая ситуация на Урале после ухода армии Колчака в 1919 г. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 2. С. 150-160.

6. Соловьев А.А. Земская интеллигенция верхнего Поволжья в деле создания общественных публичных библиотек во второй половине XIX – начале XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 80-92.

7. Гордеев А.Г. Роль земских инструкторов в обеспечении деятельности волостного земского самоуправления в Белой Сибири на примере Алтайской губернии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 19–22.

8. ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 19.

9. ГАПК. Ф. 43. Оп 2. Ф. 114.

10. ГАПК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 19.

11. ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 17.

12. ГАПК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 22.

13. ГАПК. Ф. 44. Оп. 8. Д. 3.

14. ГАПК. Ф. Р-618. Оп. 1. Д. 7.

15. ГАПК. Ф.Р-746. Оп. 2. Л. 47.

16. ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 18.

17. ГАПК. Ф. Р-618. Оп. 1. Д. 3.

Для цитирования: Тетерин В.И. Органы старые, власть новая: к вопросу о возобновлении работы местного самоуправления в Пермской губернии при правительстве А.В. Колчака // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 300–306.

© Тетерин В.И., 2021

УДК 93/94

«ЧЕРНЫЕ МИФЫ» О ТУХАЧЕВСКОМ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ирина Владимировна Федотова [1]

Владимир Владимирович Паслён [2]

[1] Исторический архив Омской области, Омск, Россия
[2] Донецкий национальный технический университет, Донецк, ДНР

[1] ivputintseva@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6268-4646
[2] paslen@yandex.ua

Аннотация: Биография маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского традиционно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. отдельные публицисты, журналисты и отчасти историки сформировали «черный миф» о Тухачевском, который ныне широко внедрен в общественное сознание. В этом «мифе» выделяются несколько сюжетов, или «подмифов», некоторые из которых рассматриваются в данном исследовании. В настоящее время появляются наработки специалистов, описывающие механизм складывания подобных мифов в отношении Тухачевского и других видных деятелей российской и советской истории. Но данная работа только начата, чем обуславливается актуальность статьи. На взгляд авторов, мифологизация истории — важная проблема, вставшая перед современным обществом. Источником нашего исследования является комплекс документов, хранящихся в различных российских архивах, на основании которого можно сделать вывод, что большинство подобных мифов несостоятельны и являются искажением фактов из биографии Тухачевского.

Ключевые слова: М.Н. Тухачевский, Гражданская война в России, «антоновщина», РККА, массовое созанние, исторические мифы, имагология, историческая наука.

Постановка проблемы. Биография Маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского (1893–1937 гг.) традиционно интересна для разных поколений отечественных и зарубежных историков. Достаточно подробные историографические обзоры подобных работ сделаны В.А. Дороничевым и К.Б. Назаренко [1, 2]. Отдельные историографические аспекты биографии маршала рассматриваются в работах А.В. Лебедева, М.Д. Точеного [3, 4] и др. исследо-

вателей. Надо констатировать, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. постепенно складывается «черный миф» о М.Н. Тухачевском, который ныне широко внедрен в массовое сознание россиян. Свой вклад вносят некоторые псевдоисторические журналы, например, «Русская семерка», регулярно публикующая статьи соответствующего характера с кричащими заголовками, а также некоторые сайты, позиционирующие себя как «военно-исторические». К сожалению, в этом мифотворчестве велика роль не только публицистов и представителей СМИ, но и историков, не изучивших в полной мере весь комплекс документов, касающихся деятельности маршала. В этом «мифе» выделяются несколько сюжетов, или «подмифов», некоторые из которых мы попытаемся рассмотреть в данной статье.

Основная часть. Наиболее распространен миф о ***массовом*** применении газов против ***мирного населения*** при подавлении крестьянского восстания под руководством А.С. Антонова на Тамбовщине летом 1921 г. Например, в журнале «Российское военное обозрение» — информационно-аналитическом издании Министерства обороны Российской Федерации — в 2018 г. вышла статья А.В. Пронина «Красные «Бонапарты» [5]. В ней можно прочесть следующее описание подавления восстания: *«Карательные интербатальоны китайцев и венгров, отравляющие газы…».* Автор статьи явно воспользовался небезызвестной книгой Б.В. Сенникова [6], хотя этот труд содержит множество недостоверных, искаженных сведений и применяться историками не может.

Как же обстояло дело? М.Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Тамбовской губернии 27 апреля 1921 г. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) ему был отведен месяц для ликвидации «антоновщины». М.Н. Тухачевский прибыл в Тамбов 12 мая. Вторая половина мая была использована на подготовку к нанесению решающих ударов по главным военным силам «антоновцев». Решающие операции начались 28 мая. К 15 июля 1921 г. общая численность повстанцев в Тамбовской губернии сократилась, по сравнению с численностью на 1 мая, в семнадцать с половиной раз и составила 1200 чел. [7, С. 100, 103–105, 131].

Что касается печально известного приказа № 0116 от 12 июня 1921 г. о применении «ядовитых газов», то надо напомнить, что он не был направлен против мирного населения (Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев. № 0116, г. Тамбов /опс. 12 июня 1921 г. ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 943. Л. 3. Типогр. экз.) [Цит. по: 8, С. 406], которое планировалось оповещать о применении газов заранее в каждом случае (Протокол №19 заседания Полномочной комиссии ВЦИК. 9 июня 1921 г. РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 34-34об. Зав. копия) [Цит. по: 8, С. 401]. Кроме того, жертв от газовых атак не выявлено. Вопреки «мифам» о массированном применении химического оружия, документально установлены всего

три случая газоснарядных обстрелов[1]: в районе Смольной вершины в ночь с 12 на 13 июля, где израсходовано 15 химических снарядов, во время операции южнее озера Ильмень 14 июля, где было выпущено 50 снарядов, а также при очистке Паревского леса 2 августа, где было израсходовано 59 снарядов. Этого количества было заведомо недостаточно, чтобы создать поражающее облако [9, С. 358]. Приведем расчеты из статьи И. Бенкевича «Роль химических минометов в маневренной войне», опубликованной в журнале «Военно-химическое дело» в декабре 1924 г. При благоприятных метеорологических и топографических условиях, 1 снаряд 76-мм калибра дает облако, токсичность которого остается достаточной, пока его диаметр не превысит при расширении 7 м. Круг на местности диаметром 7 м имеет площадь, примерно равную 40 кв. м. На заданную цель, при расчете один снаряд 76 мм пушки на 40 кв. м, потребуется 2500 снарядов при размерах участка в 500 м по фронту и 200 м в глубину (500х20/40=2500) при условии, что их необходимо выпустить в течение одной минуты. Считая, что каждое орудие дает 6 выстрелов в минуту, понадобится 416 орудий [9, С. 367].

Другая часть этого «мифа» — что под Тамбовом якобы использовался хлор, иприт и т. д. На самом деле при обстреле снарядами применялся слезоточивый газ (лакриматор) хлорпикрин, который до сих пор используется в войсках для обучения личного состава работе с противогазами [9, С. 373].

Рассмотрим еще один миф, связанный с «антоновщиной» — об огромных потерях среди мирного населения во время подавления восстания. За сентябрь 1920 — август 1921 гг. было убито в бою 11800 и расстреляно 1500 «антоновцев», дезертиров и заложников. Военнослужащих и партийно-советских работников из местных жителей «антоновцами» убито около 2000 чел. При подавлении «антоновщины» погибло около 4000 красноармейцев — не уроженцев Тамбовской губернии [8, С. 17]. Стоит напомнить, что цифры приведены за год, а М.Н. Тухачевский был командующим войсками Тамбовской губернии фактически с начала мая по конец июля, причем активные боевые действия под его руководством начались, как было сказано выше, в конце мая. Вряд ли все 12 000 повстанцев погибли в это время. За время с 6 мая по 14 июня 1921 г. было убито 3783 повстанца (Доклад Главкома С.С. Каменева председателю совета труда и обороны о ходе борьбы с повстанчеством в Тамбовской губернии, № 8558, г. Москва, 16 июля 1921 г. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19851. Л. 1-2об. Подлинник. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 58-59об. Отпуск) [Цит. по: 8, С. 482].

Также заметим, что оккупация восставших районов на Тамбовщине, которая часто ставится в вину М.Н. Тухачевскому — вовсе не его изобретение. Так, В.А. Антонов-Овсеенко на докладе в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе повстанческим движением 20 июля 1921 г. отмечал: *«Точный план оккупации разработан в начале марта, причём в соображение прини-*

мались не только военные, но и хозяйственные требования. Основным районом оккупации признан сектор между ж.-д. линиями Тамбов-Борисоглебск, Тамбов-Кирсанов и границей Саратовской губернии. Этот район включает основные базы «антоновщины», к началу марта Антонов из него был выбит…» (Доклад В.А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением // The Trotsky Papers. Vol. II. P. 484–562) [Цит. по: 8, 496].

Если же говорить о системе заложничества и создании лагерей на Тамбовщине во время крестьянского восстания, то стоит начинать не с действий М.Н. Тухачевского, а с Приказа оперативного штаба при губчека № 1-483/с, г. Тамбов, 31 августа 1920 г. (Приказ оперативного штаба при губчека о карательных мерах по отношению к селениям, примкнувшим к восстанию. 31 августа 1920 г. №1-483/с, г. Тамбов. ГАТО, Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 32. Типографский экз.) [Цит. по: 8, С. 155]. Не лишним будет вспомнить и то, что система расстрела заложников за порчу, например, мостов, существовала на Тамбовщине задолго до приезда туда М.Н. Тухачевского (Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о мерах по охране железных дорог на территории губернии. 27 апреля 1921 г. ГАТО. Ф. Р-1979. Оп. 1. Д. 87. Л. 70. Типографский экз.) [Цит. по: 8, С. 354].

М.Н. Тухачевский прекрасно понимал, почему восстали крестьяне: *«причины восстания — общие для всей РСФСР, т.е. недовольство продразвёрсткой и неумелое и исключительно жестокое её проведение продорганами на местах»* (Секретная записка командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского В.И. Ленину о положении дел в губернии № 125/к, г. Москва от 16 июля 1921 г. о. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 36–40. Заверенная копия.) [Цит. по: 8, С. 480].

Еще один «миф» — о «ста тысячах танках в год в мирное время», якобы предложенных к производству М. Н. Тухачевским в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Истоки этого неверного представления стоит искать еще в публикациях советского времени, например, у В.В. Серебрянникова и В.А. Карноухова встречается такое высказывание: *«речь шла о недостаточно взвешенном, нереалистичном предложении М.Н. Тухачевского произвести в течение года 50—100 тыс. танков»* [10, С. 49]. В 1990-е гг. это стереотипное представление стало распространяться особенно быстро после публикации «трудов» В. Резуна (Суворова). Приведем пример из достаточно «свежей» статьи: «*Как тут не вспомнить известного реформатора Красной Армии маршала Тухачевского М.Н., предлагавшего оснастить Красную Армию 100 тысячами танков. В то время у СССР даже металла и машиностроительного оборудования не хватило бы на их производство*» [11, С. 10]. Естественно, никто не заглянул в документы и не разобрался в ситуации.

На самом деле, М.Н. Тухачевский предлагал программу модернизации РККА, заключавшуюся в создании сильной авиации и бронетанковых войск, перевооружении пехоты и артиллерии, развитии новых средств связи и переправочной техники, создании системы перевода промышленности с мирных на военные рельсы. Она состояла из ряда проектных докладных записок (1929–1931 гг.). Модернизация заключалась в двусторонней ассимиляции производства: создании военных производств, которые частично производят мирную продукцию, и гражданских производств, которые путем дополнительных затрат смогли бы приспособиться к быстрому переходу на военные рельсы: *«Штаб РККА указывает на необходимость постройки многих крупнейших военных заводов, что я считаю совершенно неправильным. Военное производство может в основном базироваться на гражданской промышленности, что я и доказываю цифровыми выкладками в записках о системе мобилизации промышленности и об артиллерийской программе. Из прилагаемых записок Вам будет ясно, что в вопросах подготовки обороны я исхожу из стремления минимальных затрат в мирное время, путем изыскания способов приспособления мирной продукции и органов хозяйственно культурного строительства для целей войны.*

Точно также и во время своей работы в Штабе РККА я всегда стремился увязать военное строительство с реальными ресурсами» [12, Л. 10об.].

Действительно, изначально программа М.Н. Тухачевского встретила непонимание среди высшего военно-политического руководства СССР. В этом сыграл определенную роль и Начальник Штаба РККА Б.М. Шапошников, неправильно интерпретировавший цифры расчетов М.Н. Тухачевского [13]. Но в 1931–1932 гг. предложения М.Н. Тухачевского были приняты. Самого военачальника в 11 июня 1931 г. освободили от поста командующего войсками ЛВО и назначили заместителем председателя РВС СССР и наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Таким образом, М.Н. Тухачевский получил назначение на должность, от которой зависит боеспособность армии, что стало свидетельством доверия к его программе.

Как мы уже отмечали, обычно программа реконструкции РККА М.Н. Тухачевского представляется, как предложение производить астрономическое количество самолетов и танков. Идея о фантастичности этой программы и о «прожектерстве» ее автора в наше время, по справедливому замечанию исследователей Н.И. Шило и А.В. Глушко, возникает в связи с тем, что все ее цифры «вырваны» из контекста. М.Н. Тухачевский пытался оценить максимальные производственные возможности оборонной промышленности (той, которая могла быть задействована при производстве продукции военного назначения, например, тракторо- и автомобилестроения) при ее полной загрузке в течение первого года войны [9, С. 30]. Таким образом, 100 000 танков — это не танки мирного времени, произведенные до войны, и не танки «перехода от

мирного времени к военному», которые выставляются по мобилизации. Это максимальная производственная мощность, выраженная в единицах продукции. М.Н. Тухачевский специально оговорил, что *«отмобилизованная армия никогда не представляет собой предельной мощности вооруженных сил данной страны»* [12, Л. 8об.], а именно ее он и пытался рассчитать. Этих производственных мощностей предполагалось достигнуть к 1932–1933 гг., т.е. к концу первой пятилетки. М.Н. Тухачевский подчеркивал несколько раз то, что он говорит именно о максимальных производственных возможностях, и что все расчеты у него идут не по мирному, а по военному времени. *«Добавлю еще только, что никаких серьезных увеличений численности армии мирного времени я не считаю возможным производить...»* [12, Л. 8]; *«…я в своей записке дал цифровой анализ развития массовой авиации в процессе империалистической войны, а не условий ее мобилизационного развертывания, и что все предельные нормы развития нашей авиации точно также не могут быть отнесены к мирному времени…»* [12, Л. 9об.].

Таким образом, М.Н. Тухачевский предлагал способы при минимальном задействовании ресурсов на производство оборонной продукции в мирное время (чтобы не возникло диспропорции в экономике), резко увеличить ее выпуск в военное время, опираясь в главную очередь на собственные силы («автаркийность») [14, С. 442]. Не будем забывать, что М.Н. Тухачевский, предвидя будущую страшную войну, готовил страну к тому, чтобы она могла обеспечить саму себя при одновременной войне со всеми окружающими ее странами без посторонней помощи, т.е. он хотел поднять экономику страны на небывало высокий уровень.

Результаты исследования. В данной работе мы рассмотрели только два «мифа» о М.Н. Тухачевском. Эти и другие образцы «фолк-хистори» укоренились в сознании широкой аудитории за последние десятилетия. Как отмечают исследователи, для фолк-хистори характерно нежелание реконструировать историческую реальность в подробностях [15, С. 128], что приводит к «отверганию» кропотливой работы с архивными источниками. В результате формируется крайне негативная посмертная репутация М.Н. Тухачевского. Возникла такая ситуация, что правильной, достоверной информации о маршале, полученной строго на основании документальных источников, просто не верят и встречают ее крайне агрессивно. Но мифологизация истории — хоть и не новая, но важная проблема, вставшая перед современным обществом. И историки, на наш взгляд, обязаны ответить на этот вызов времени. Здесь очень показателен опыт Омска по отношению к событиям Гражданской войны, ее военным и политическим лидерам, причем независимо от их принадлежности к противоборствующему лагерю [См. об этом: 16, 17; 18; 19; 20; 21].

Восстановление доброго имени М.Н. Тухачевского особенно важно, т.к. маршал сделал много для создания советских вооруженных сил и укрепления

обороноспособности Советского Союза. М.Н. Тухачевскому принадлежит большая заслуга в техническом перевооружении армии, развитии новых видов и родов войск. Благодаря ему возникло первое в РККА подразделение воздушно-десантных войск, был создан первый в мире Реактивный научно-исследовательский институт, т.е. появилась база, положившая начало отечественной ракетной и космической технике. М.Н. Тухачевский внес значительный вклад в развитие военного образования и советской военной науки, в популяризацию военных знаний. И обо всем этом не следует забывать.

Авторы статьи благодарят за помощь Александра Валентиновича Глушко и Наталию Игоревну Шило, подготовивших монографию «Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала» (2014 г.), опровергающей самые неверные стереотипные представления о деятельности М.Н. Тухачевского.

Примечания:

1. Газобаллонных атак, вопреки стереотипу, не было. Распространена фотография, которую часто выдают за снимок эпизода «газовых (газобаллонных) атак» на Тамбовщине летом 1921 г.; при этом «интерпретаторы» предусмотрительно убирают городскую застройку с заднего плана фото. На самом деле, кадр сделан на учениях курсантов Высшей военно-химической школы в Москве в 1923 г. На курсантах хорошо видны головные уборы, введенные Приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г., т.е. этот снимок никак не может быть датирован 1921 г.

Как «доказательство» газобаллонных атак в Тамбовской губернии летом 1921 г. используют кадр из фильма «Маршал Тухачевский» серии «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» (Канал «Россия», 2004). На самом деле, в этот фильм включены кадры из учебного фильма более позднего времени о противохимической обороне. В ленте есть ряд неточностей, реально не имевших места: 1) бойцы химкоманды в окопах находятся без противогазов, что недопустимо при подготовке и проведении газопуска; 2) газопуск начался до окончания его подготовки – на одном конце окопа уже начался выпуск газа, а на другом конце его только начали открывать. В фильме показана не реальная газовая атака, а лишь условно обозначено её наличие и фрагменты подготовки к ней [9, С. 384].

Список источников и литературы:

1. Дороничев В. А. М.Н. Тухачевский: историографический очерк // Проблемы источниковедения и историографии: Сборник научных трудов. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 4. С. 85–94.

2. Назаренко К. Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России. СПб. 2015. № 3. С. 55–68.

3. Лебедев А. В. Дело Тухачевского в современной российской историографии // Modern science. М.: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2019. №4-1. С. 155–160.

4. Точеный М.Д. «Дело» маршала Тухачевского: взгляд историка и правоведа // Поволжский педагогический поиск. Ульяновск. 2013. № 3. С. 65–68.

5. Пронин А.В., Красные «Бонапарты». Михаил Тухачевский // Российское военное обозрение. М. 2018. № 7 (171). Июль. С. 48–49.

6. Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. Серия «Библиотечка россиеведения». М.: Посев. 2004. Вып. 9. 176 с.

7. Самошкин В.В. Антоновское восстание / Исследования новейшей русской истории. М.: Русский путь. 2005. Вып. 9. 360 с.

8. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов: Государственный архив Тамбовской области и др. 2007. 800 с.

9. Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. 716 с.

10. Серебрянников В. В., Карноухов, В. А., Воспитывать историей // Военно-исторический журнал. М. 1989. № 7, июль. С. 41–49.

11. Бочков С.И. Об Окинавской хартии глобального информационного общества и задачах развития российских систем коммуникации / С.И. Бочков, Г.И. Макаренко, А.В. Федичев // Правовая информатика. М. 2018. № 1. С. 4–14.

12. Докладная записка М.Н. Тухачевского на имя И.В. Сталина с копией К.Е. Ворошилову. Г. Ленинград. 19 июня 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 6–11об.

13. Соображения Штаба РККА по существу доклада Командующего войсками ЛВО т. Тухачевского. Б. Шапошников. 13 февраля 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 10–32.

14. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 640 с.

15. Володихин Д.М. Феномен фольк-хистори // Россия и современный мир. 2001. № 1. С. 124–133.

16. Петин Д.И. Архивисты – на II Сибирском музейном форуме // Отечественные архивы. 2014. № 6. С. 122.

17. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.

18. Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 4. С. 38–49.

19. Стельмак М.М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 3. С. 222–235.

20. Петин Д. И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142.

21. Машкарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74.

Для цитирования: Федотова И.В., Паслён В.В. «Черные мифы» о Тухачевском в постсоветский период // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 307–315.

© Федотова И.В., Паслён В.В., 2021

УДК 94(47).084.3

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ЗАГОТОВОК НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (НАЧАЛО 1920-Х ГГ.)

Александр Петрович Шекшеев [1]

[1] Хакасская республиканская организация общества «Мемориал», Абакан, Россия

[1] turan47@yandex.ru, SPIN-код: 3130-0793, AuthorID: 501697

Аннотация: представленное здесь сообщение посвящено рассмотрению использования советской властью частей РККА в осуществлении продовольственной политики начала 1920-х гг. – проблемы, обозначенной в публикациях, но, в сущности, слабо изученной сибирскими историками. В данном случае автор, основываясь на архивных документах, показывает, что енисейское крестьянство еще с весны 1920 г. было вынуждено снабжать РККА и советское государство продовольствием. Начавшееся затем изъятие крестьянского хлеба в соответствии с новой продразверсткой проходило под воздействием мер принуж-

дения и, в частности, путем введения на территорию уездов воинских частей. С введением продналога местные власти не отказались посылать красноармейцев в деревню в составе продотрядов. Подключение воинских частей к продовольственным заготовкам заставило население выполнять государственные повинности, вызвало вспышки сопротивления крестьян, но, в конечном итоге, способствовало стабилизации политической обстановки в регионе.

Ключевые слова: РККА, военный коммунизм, крестьянство, продразверстка, советская власть, хлебофураж.

Постановка проблемы. Изучая продовольственную политику советской власти начала 1920-х гг., историки [1, 2] признавали, что она состояла как из мер убеждения, так и принуждения, в частности использования воинских частей и милитаризации аппарата сибирских продовольственных органов. Но при этом они обстоятельным исследованием данной проблемы не занимались. Такое неполное освещение продовольственных кампаний и определяет актуальность еще одного обращения к этой теме на материалах конкретного сибирского региона.

Основная часть. Разрешённые Сибирским революционным комитетом продовольственные заготовки на территории Енисейской губернии должны были проводиться созданным 10 января 1920 г. губернским продовольственным комитетом (ГПК). По договору от 30 января того же года они были переданы Енисейскому губернскому союзу потребительских обществ, который открыл 80 ссыпных пунктов. ГПК же, отправив в уезды своих представителей, взял на себя учет хлеба у населения, раскладку заготовок по территориям и организацию молотильных отрядов, состоявших из военнопленных [3, Л. 7].

Выполнение продовольственных заготовок предполагало участие специальных частей РККА. Приказом по войскам внутренней охраны Западно-Сибирского сектора от 5 февраля 1920 г. в Красноярске началось формирование бригады ВОХР в составе четырех стрелковых батальонов и кавалерийского эскадрона. Этим частям было отдано распоряжение выполнять наряды ГПК [4, Л. 169, 249; 5, Л. 12].

Между тем осуществление заготовок осложнялось тем, что посевы прошлого года на некоторых территориях оказались поврежденными кобылкой, вследствие чего население питалось привозным хлебом, а вегатационный и хлебоуборочный периоды совпали с вооруженной борьбой, что не позволило крестьянам увеличить запасы семенного хлеба. Но основное затруднение заключалось в прифронтовом характере региона: продовольственные интересы Красной армии на его территории являлись главными. Обнаруженные на железнодорожных станциях и складах запасы хлеба, муки и овса были изъяты

Опродкомармом-5, проводившим продовольственные заготовки для армейских нужд [6, Л. 8].

Передвигаясь в марте 1920 г. по селениям Красноярского уезда, воинские части забирали продукты, фураж и даже инвентарь, принуждали крестьян выполнять подводные повинности. При этом некоторые командиры допускали угрозы в адрес местных властей и осуществляли самочинные реквизиции. В результате такого знакомства с Красной армией, например, в Зеледеевской волости население осталось без хлеба, фуража, семян и с погибающим от бескормицы скотом. Из-за завезенного и распространившегося тифа молотить хлеб здесь стало некому. Такая же ситуация сложилась и в Мининской волости, где очевидцы сетовали, что «армия обобрала население» [7, Л. 10, 12, 15, 17, 24, 27].

В этих условиях советская власть 8 марта 1920 г., то есть немногим позднее, чем в Западной Сибири, объявила в Енисейской губернии, продовольственную разверстку на хлеб и зернофураж. Открытие польского фронта и недостаток продовольствия в ряде городов Сибири потребовали ускорения мобилизации её хлебных ресурсов. 29 мая руководство Сибирского продовольственного комитета (СПК) указало своим эмиссарам в губерниях перейти к решительному нажиму при проведении разверстки, которую планировали закончить к августу 1920 г. Советская власть была вынуждена усиливать продовольственную работу, изыскивая для неё новые резервы исполнителей. Ощутив острую необходимость в условиях разросшейся спекуляции в выделении для Енисейской губернии заградительных и продовольственных отрядов, она направила на продовольственные работы 420 красноармейцев, на охрану продовольственных грузов 42 и для др. надобностей – еще 26 красноармейцев 68-й бригады ВОХР.

Даже незначительное участие армейских представителей оказывало на продовольственные дела большое влияние, о чем свидетельствовал отчет о командировке в Канский уезд командира 372-го батальона. 3 июня 1920 г. он докладывал начальству, что, обнаружив на ссыпных пунктах незначительное количество продуктов, арестовал руководителей местной власти. Прошедшие после этого деревенские сходы крестьян выступили за прекращение самогоноварения и выполнение разверстки. Возвращаясь, он наблюдал транспорты, везущие хлеб на ссыпные пункты.

Во второй половине июня 1920 г. в сельской местности Енисейской губернии находились 10 человек комсостава, 488 штыков и 17 сабель из 370, 372, 373 и 374-го батальонов ВОХР, 2-го полка Интернациональной бригады и 77-го кавалерийского эскадрона. Небольшими отрядами они стояли на постое в крупных селениях и вынуждали крестьян сдавать имеющийся у них хлеб. Они же исполняли функции заградителей на пристанях Красноярска, Новоселово, Даурское, на железнодорожных станциях Балай, Клюквенная и Тайшет, сопровождали плоты с хлебом по рекам, охраняли продовольственные склады и мельницы [8, Л. 6, 8, 15–17].

Однако посланные в деревню вооруженные силы зачастую использовались не по назначению. Вследствие сокращения в губернии мешочничества и распыления красноармейских отрядов по большой территории, командование и СПК сняли заградительные отряды и сторожевые посты, заменив их специальными командами из частей, охранявших железную дорогу, и тем самым увеличили численность военнослужащих, занятых непосредственно на продовольственной работе [9, Л. 22; 10, Л. 30].

Партийное руководство Енисейской губернии подходило к разрешению принудительного изъятия у крестьян продовольствия с осторожностью и разрешило направить в уезды отряды только для оказания крестьянам помощи в обмолоте хлеба. 20 июля 1920 г. губком РКП(б) указал все же арестовать в упорствующих селениях по одному кулаку, конфисковать их имущество и провести разъяснительную работу [11, Л. 30].

Вместе с тем существовавшая продовольственная система не обеспечила выполнение поставленной перед нею задачи. Как и другие регионы Сибири, Енисейская губерния не выполнила первое продразверсточное задание. В то же время обрушившиеся на страну засуха и неурожай требовали мобилизации продовольственных ресурсов в Сибири. Постановлением Наркомпрода от 26 июля 1920 г. была объявлена новая продразверстка.

Кампании сразу же была придана военно-мобилизационная окраска. Еще 12–13 августа 1920 г. приказами по Восточно-Сибирскому сектору ВОХР для ликвидации банд, способных помешать выполнению разверстки в ряде местностей Красноярского уезда, был создан сводный отряд из 400 штыков, 70 сабель и 12 пулеметчиков, а с целью изъятия у населения хлебных «излишков» Енисейской губернии были выделены 372 и 374-й батальоны 68-й бригады [12, Л. 115; 13, Л. 124]. Согласно приказу от 9 сентября 1920 г., красноармейцы должны были группироваться в отряды, придаваемые в помощь соответствующим агентам [14, Л. 109].

С целью общего руководства работой продотрядов, организуемых в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 1 июня и его декретом от 20 июля 1920 г., при СПК был организован военно-продовольственный отдел, а в Енисейском ГПК 26 августа – военный подотдел [15, Л. 24; 16, Л. 12]. После I губернского съезда советов (сентябрь 1920 г.) была осуществлена полная реорганизация ГПК, а для координации заготовительной работы органов стали действовать губернское и уездные продовольственные совещания, состоявшие из руководителей советских, военных и продовольственных органов и наделенные чрезвычайными полномочиями.

Но в силу того, что выделенные воинские части не были в достаточной мере укомплектованы людьми, повозками и лошадьми, а красноармейцы наделены обмундированием, они стали сниматься с продовольственных работ. Вла-

стям пришлось поставить войскам данного сектора ВОХР 5500 полушубков, 1000 пар сапог, 5000 пар валенок, 5000 перчаток и 10000 папах [17, Л. 88]. Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 1 сентября 1920 г. войска ВОХР были включены в состав войск ВНУС. Согласно приказа по войскам ВНУС от 11 сентября того же года, для нужд Енисейской губернии предоставлялся полк и кавалерийский эскадрон [18, Л. 128].

Несмотря на побуждения руководства и обещания крестьян, новая разверстка в Енисейской губернии собиралась «чрезвычайно слабо». Поэтому на продовольственный фронт были мобилизованы коммунисты, посланы продовольственные, молотильные отряды, состоявшие из рабочих и сопровождаемые воинскими частями. На 15–19 октября последние состояли из 423–424 военнослужащих 372, 373, 374-го батальонов 68-й и 92-го полка 109-й бригад [19, Л. 37; 20, Л. 12].

Выделение столь незначительного контингента вооруженных сил для осуществления продовольственных работ в Енисейской губернии вызвало резкий отклик председателя СПК П.К. Когановича, который в письме от 2 ноября 1920 г. командующему местными войсками ВНУС М.Ф. Барандохину заявил о снятии с себя ответственности за последствия. Оправдывая медленное поступление своих войск отсутствием обмундирования и занятостью их в боевых операциях, тот обещал усилить его с уничтожением бандитизма [21, Л. 88, 94].

Взимание продразверстки стало одной из причин крестьянского повстанчества и осложнило продовольственную работу. Посланные в деревню продотряды оказывались в самой гуще боевых столкновений, которые заканчивались для них человеческими потерями. Так, в начале ноября 1920 г. повстанцами были пленены семеро красноармейцев из охраны центральной закупочной комиссии. Затем на продотряд, пришедший в мятежное с. Сереж Ачинского уезда, было совершено нападение. Потеряв множество людей, он был вынужден отступить. Через несколько дней в том же уезде бандой Гусева были разоружены и раздеты четверо бойцов продотряда [22, Л. 79–81].

Но повстанчество только на короткое время испугало местные власти и затруднило выполнение хлебозаготовительного задания. Состоявшееся 5 ноября 1920 г. заседание президиума Енисейского губкома РКП(б) нацеливало военное руководство не только на его подавление, но и организацию заготовок [23, Л. 70]. Направленные в мятежные селения отряды изымали продовольствие полностью.

С ликвидацией основных повстанческих очагов численность вооруженных лиц, занятых здесь продовольственной работой, существенно увеличилась. Например, заготовками продуктов одно время занимался организованный с целью борьбы с повстанцами отряд, состоявший из 500 бывших партизан северных волостей Канского уезда [24, Л. 159]. Ко второй половине декабря 1920 г. –

началу января 1921 г. на продовольственной работе в Енисейской губернии были сосредоточены продовольственные отряды, состоявшие из красноармейцев 22-й дивизии, 190-го полка 64-й бригады, 191 и 195-го полков 65-й бригады, 91 и 93-го полков 109-й бригады, 370, 372, 373 и 374-го батальонов 68-й бригады, 1-го запасного и караульного полков ВНУС, а также бывших партизан. Утвержденными являлись три заградпоста на железнодорожных станциях и шесть – на пристанях, которые реквизировали у крестьян хлебофураж, муку и рыбу. Наряду с постоянными четырьмя заградительными отрядами, выставленными на станциях, действовали временные отряды в составе 11 агентов и 60 красноармейцев. Кроме того, для охраны рудника Юлия, озера Фарсоль, организации связи, доставки патронов и выполнения сенофуражных работ из 191-го полка и 64-го кавдивизиона были выделены 97 бойцов. Общая численность данных лиц увеличилась с 935 до 1141 человека. Среди них были 36 человек комсостава, 39 пулеметчиков, обслуживавших четыре пулемета, и более 200 в прошлом партизан. Большинство этих людей было занято на продработе [25, Л. 4; 26, Л. 202; 27, Л. 126; 28, Л. 3, 5]. Однако губернии для успешного завершения продовольственной кампании было необходимо, по оценке ГПК, довести участвующие в ней вооруженные силы до 1,9 тыс. человек.

Хлебная продразверстка собиралась плохо: до 1 декабря 1920 г. её задание было выполнено в губернии лишь на 32,3%. Состоявшийся 24 января 1921 г. пленум Енисейского губернского исполкома признал такое положение с хлебозаготовками угрожающим и постановил напрячь все силы советских органов для их увеличения [1, С. 208, 217]. Примерно, к этому времени вооруженные силы здесь выросли до 1321, к февралю – 1243 и на 20 марта – до 1456 военнослужащих 191, 193, 194, 195 и 45-го полков ВНУС, караульного батальона, интернационального полка и партизанского отряда. Как и прежде военные лица использовались в заградительных отрядах, при сопровождении и охране грузов, но более всего – в понуждении крестьян к выполнению разверстки.

Между тем отданные властями приказы об усилении выполнения развёрстки спровоцировали крестьянские волнения в ряде местностей губернии. Они были быстро ликвидированы прибывшими красноармейцами. В январе 1921 г. бойцами эскадрона, посланными из Красноярска в с. Большой Балчуг Красноярского уезда, была уничтожена банда, угрожавшая разграблением ссыпного и сенозаготовительного пунктов в с. Юксеево. С прибытием уполномоченного ГПК с красноармейцами был задавлен мятеж, назревавший в с. Атаманово. В Балахтонскую волость Ачинского уезда, население которой отказалось выполнять разверстку, 6 января в помощь продработникам были направлены 25 красноармейцев 191-го полка. 10 и 12 января в некоторые селения Канского и Ачинского уездов, жители которых упорствовали в сдаче хлеба, были

введены 90 и 50 бойцов 193-го полка. Оружие против крестьян они не применяли и ограничивались только арестами зачинщиков [29, Л. 7, 23–24, 28, 36, 48].

Располагая вооруженными силами, власти легко подавили крестьянские волнения, возникшие в Минусинском уезде. Узнав о них, уездный комитет РКП(б) 9 февраля 1921 г. послал в мятежные волости 40 красноармейцев из 191-го полка. Волнения в Никольской волости были подавлены взводом бойцов, переведенных затем с этой же целью в Идринскую волость. В Кнышинскую и Паначевскую волости был направлен еще один красноармейский отряд, который разгонял крестьян залпами в воздух [30, С. 190].

Но порой продовольственные отряды подвергались нападениям, что заканчивалось для них потерями. Так, 26 февраля красноармейцы во главе с уполномоченным Алексеевым, проводившие изъятие продовольствия в улусах вблизи Аскиза, были окружены бандой Олиферова. Некоторые из них сумели пробиться, но 11 – попали в плен, а двое были зарублены [31, Л. 53].

Командование продолжало обеспечивать продовольственную работу новыми контингентами вооруженной силы. В феврале 1921 г. в распоряжение уполномоченных в с. Рыбинское и Шилинское Красноярского уезда были отправлены 37, а в селения Енисейского, Минусинского и Ачинского уездов – 184 красноармейца из 191 и 193-го полков. Выделялись они и для сопровождения грузов губернскому кооперативному союзу.

15 марта 1921 г. резолюцией X съезда РКП(б) был декларирован переход от продразверстки к продналогу. Однако принудительные заготовки хлеба в енисейской деревне продолжались. Соглашаясь с требованиями Наркомпрода, сибирские власти направили на места предписания о дополнительной заготовке хлеба. Взять его у крестьян было возможно только при условии посылки в деревню воинских частей. Прибывшие и введенные в селения красноармейцы открыли, например, в Шалаболинской волости Минусинского уезда стрельбу в воздух.

Деревню в повиновении держали численно выросшие войска. На 20 апреля 1921 г. в Енисейской губернии располагались части 40-й дивизии, 10-й бригады, караульная рота и отряд бывших партизан общей численностью в 1625 человек. Из них непосредственно продовольственной работой занимались 1125 военнослужащих. К лету того же года с уменьшением объема заготовительной деятельности численность их резко уменьшилась и составляла 641 и на 10 июня – 358 красноармейцев [32, Л. 51, 56, 65, 91].

Однако план этой продовольственной кампании губернией, как и в целом по стране и Сибири, не был выполнен. По объему сданного хлебопродукта енисейский регион находился на четвертом месте среди шести сибирских губерний. Доля его по этому показателю в Сибири составляла только 7,7 % [1, С. 222, 224–225].

Осенью 1921 г. начался сбор первого продовольственного налога. Не справившись с организацией товарообмена, власти прибегли к ранее испытанным методам заготовок. Эффективными по воздействию на крестьян были признаны направление и постой в деревне отрядов по 35–40 красноармейцев, производивших аресты неплательщиков [33, Л. 100]. 5 сентября 1921 г. прибывший в с. Межово Красноярского уезда член коллегии ГПК Митяев с продовольственным отрядом из 20 человек потребовал на сходе собрать налог по ряду продуктов к 25 сентября – 1 октября. Отказывающихся крестьян тут же стали арестовывать целыми семьями. Продержав 60 человек под арестом, конвойные погнали их в др. село. Через день 25 продотрядовцев во главе со старшим инспектором Красноярской заготконторы Макаренко, прибыв в с. Шерчуль, потребовали от жителей немедленного внесения налогов. Вызванные по списку и не желавшие их платить, крестьяне были арестованы, посажены в хлев и затем запугивались расстрелом [34, Л. 102, 106].

12 сентября 1921 г. Енисейский губисполком на основании постановления Совета Труда и Обороны (СТО) предупредил население, что при первых признаках противодействия или замедления взноса продналога в упорствующие сёла будут вводиться воинские части и направляться сессии губревтрибунала (ГРТ). На пристанях Красноярска и Минусинска, на станциях Клюквенная и Ачинск-1 были выставлены заградительные посты. Они же несли охрану ссыпных пунктов и заготконтор, расположенных в с. Даурское, Юксеево, Ужур, Подсосенское, Балахта и в г. Ачинске и Канске. 29 ноября пленум Енисейского губкома РКП(б) отметил, что на продовольственной работе в губернии сосредоточены 335 красноармейцев в составе 16 отрядов 26-й дивизии, шесть отрядов коммунистического полка, две дружины и отряд милиции общей численностью в 649 штыков. Вместе с нестроевыми они составляли 659 человек [35, Л. 98].

Действуя в составе этих сил, продовольственные отряды Янковского в Мининской волости Красноярского уезда или того же Макаренко в с. Есаулово запугивали население расстрелом, требовали от него полного выполнения налогового задания, выделения продуктов в двойном размере и дебоширили. Опираясь на прибывший в начале января 1922 г. в с. Рыбинское Канского уезда продотряд в 50 красноармейцев, председатель сессии ГРТ Полозов подверг аресту авторитетных среди крестьян бывших партизан братьев Гусаровых. Местные коммунисты высказались за привлечение Полозова к партийному суду, но тот для поддержки своей деятельности вызвал еще один красноармейский отряд [36, Л. 12, 26–27; 37, Л. 16].

Между тем результаты хлебозаготовительной кампании блекли на фоне очередного ухудшения хозяйственной и социальной обстановки в стране. Несмотря на неурожай, охвативший Канский уезд, губернская продовольственная

тройка 8 февраля 1922 г. направила в его селения 80 красноармейцев [38, Л. 19]. Продовольственные отряды отбирали весь обнаруженный у населения хлеб, не оставляя его на пропитание. Действующие в Больше-Муртинской волости Красноярского уезда красноармейцы и сессия ГРТ за неуплату налога угрожали ссылкой в голодающее Поволжье, выгоняли крестьян из домов, резали их скот, забирали имущество, а самих неплательщиков заключали под стражу. Появившийся в д. Березовка Курагинской волости Минусинского уезда продотряд из 25 человек во главе с инспектором Кирюшкиным арестовал 15 крестьян и содержал их в холодном подвале. Занимаясь тем же в одном из селений Сухобузимской волости Красноярского уезда, все тот же инспектор Макаренко взял взятку с крестьян продуктами, которые они доставили ему на красноярскую квартиру. В селениях Частоостровской волости продотрядовцы поступали с крестьянами настолько жестоко, что они оценивали их поведение как худшее по сравнению с колчаковцами [39, Л. 61, 66, 85, 126]. Но к этому времени вооруженные силы на продовольственной работе в губернии составляли 1829 штыков [40, Л. 33].

Используя воинские силы и сессии ГРТ, власти «раскачали» деревню. Однако наложенный на губернию налог был собран полностью только в Минусинском уезде. Тяжесть его была настолько велика, что в регионе возникли проблемы с аграрным производством. Лишение крестьян хлеба затруднило посев и подорвало основы советской власти в деревне.

Налаживая отношения с крестьянством и совершенствуя фискальную систему, государство перешло к сбору единого натурального налога. В этих условиях нахождение на постое в деревне красноармейских отрядов становилось «обузой» для местных властей и позволяло крестьянам оказывать свое влияние на постояльцев. В сентябре 1922 г. используемые ГПК вооруженные силы насчитывали всего 369 человек [41, Л. 41].

Результаты исследования. Следовательно, силовое воздействие на крестьян Енисейской губернии со стороны частей Красной армии имело место с самого начала воцарения советской власти. Объявленные продразверстки, особенно с осени 1920 г. в основном выполнялись методами принуждения. Отмененные было в других сибирских регионах весной 1921 г. продовольственные отряды, состоявшие из красноармейцев, здесь продолжали существовать, выполняя часто жесткими и незаконными методами существенный объем работы по изъятию продовольственного налога. Подключение воинских частей к продовольственным заготовкам заставило крестьян выполнять государственные повинности, вызвало вспышки их сопротивления, но, в конечном итоге, способствовало стабилизации политической обстановки в регионе.

Список источников и литературы:

1. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. Ноябрь 1919 – март 1921 гг. Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.

2. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

3. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 310.

4. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 9.

5. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 174.

6. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 174.

7. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39.

8. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 175.

9. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 361.

10. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 175.

11. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.

12. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 9.

13. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 361.

14. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 9.

15. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 361.

16. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 589.

17. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 175.

18. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 361.

19. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 333.

20. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 589.

21. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 175.

22. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 333.

23. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5.

24. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.

25. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д.149.

26. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 174.

27. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 175.

28. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 514.

29. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 514.

30. Шекшеев А.П. Военно-коммунистические продовольственные кампании в Енисейской губернии (1920 – середина 1921 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 17, № 2. Иркутск, 2021. С. 181–194.

31. Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 225.

32. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 514.

33. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2 а. Д. 16.

34. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 140.
35. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 271.
36. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 141.
37. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 274.
38. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 757.
39. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 141.
40. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 257.
41. ГАНО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 530.

Для цитирования: Шекшеев А.П. Милитаризация продовольственных заготовок на территории Енисейской Сибири (начало 1920-х гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 315–325.

© Шекшеев А.П., 2021

УДК 94(571.1)«1921»

ЭСЕРЫ И ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ВОССТАНИЕ (ФЕВРАЛЬ – МАЙ 1921 ГОДА)

Анатолий Алексеевич Штырбул [1]

[1] Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

[1] morgan_58@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2585-7074

Аннотация. В статье, посвящённой 100-летию драматических событий грандиозного антикоммунистического Западно-Сибирского восстания 1921 г. затронуты некоторые дискуссионные вопросы, связанные с данными событиями, в том числе и в первую очередь вопросы о роли в восстании сибирских эсеров и о соотношении стихийности и организованности в этом военно-политическом движении.

Ключевые слова: Западная Сибирь, контрреволюция, крестьянское движение, советская власть, советские спецслужбы, репрессии, кризисное развитие общества, Западно–Сибирское восстание, эсеры.

Постановка проблемы. Государственный кризис советской власти конца 1920 – начала 1921 г. и значительный подъем крестьянско-повстанческого движения в стране попытались использовать, прежде всего, эсеры: во-первых, из всех антисоветских партий они были ближе всего к крестьянству и, во-вторых, для них это был едва ли не последний шанс оживления партии, переживавшей к этому времени серьезный упадок. На конференции Партии социалистов-революционеров (ПСР) в сентябре 1920 г. был взят курс на восстание и свержение коммунистической диктатуры в России, при этом делегаты, представлявшие районы с высоким удельным весом кулачества (Тамбовскую. Екатеринославскую губернии, Кубань, Терек, Сибирь), требовали немедленного вооружённого выступления [1, С. 492]. Однако вопрос о роли эсеров в антикоммунистических крестьянских восстаниях второй половины 1920 – первой половины 1921 г. в России и, в частности, в Западно-Сибирском восстании, до сих пор является спорным.

Основная часть. Еще в мае 1920 г. ЦК ПСР направил в адрес парторганизаций циркулярное письмо, в котором обозначалась стратегия и тактика ПСР в связи с нарастающим социально-политическим кризисом в стране и ростом недовольства крестьян. «Все сведения, получаемые Центральным Комитетом с мест, - говорилось в констатирующей части циркуляра, - рисуют тревожную картину крайнего ожесточения крестьянства против политики большевистской власти» [2, С. 637]. ЦК ПСР рекомендовал местным организациям ряд мер по усилению пропагандистской, агитационной и организационной работы в среде крестьянства и, в качестве важнейшей ее части – организацию Союзов трудового крестьянства (СТК). «Это должно быть движение по созданию беспартийного Крестьянского союза… Этот союз, для которого ЦК предлагает название «Союза трудового крестьянства», должен строиться снизу, путем образования по отдельным селам «братств для защиты народных прав», объединяющих и волостные, а затем и более широкие союзы. Он должен быть **беспартийным** [выделено в источнике. – А.Ш.], чтобы снова сблизив между собой элементы, распавшиеся после ликвидации Всероссийского Совета крестьянских депутатов и либо разошедшиеся по разным партийным группировкам (партийные с.-р., левые с.-р., народники-коммунисты, боротьбисты и т.п.), либо отошедшие от всяких партий, или даже ушедшие от политики в «толстовство», в сектантство, в анархизм и т.п.» [2, С. 639, 640].

Таким образом, ЦК ПСР сумел четко уловить пульс социально-политической ситуации в этот период и выдвинул довольно обоснованную и гибкую программу действий. Идея создания формально беспартийных Союзов трудового крестьянства оказалась довольно удачной и была подхвачена на местах не только эсеровскими и другими родственными им неонароднических группами разного толка, но иногда и откровенно белогвардейскими элемента-

ми, от которых, правда, лидеры ПСР в том же циркуляре на словах пытались отмежеваться. Но особенно важно, что идея крестьянских союзов была поддержана массами крестьянства, - как кулаками, так и частью середняков. Мотив такой поддержки мог быть разным: от создания оппозиционной коммунистам политической организации, - до профессионально-экономической организации деревни, нечто вроде крестьянского профсоюза. В условиях обострения кризиса крестьянские союзы вполне могли стать центрами политического сплочения всех антикоммунистических сил. Летом 1920 г. эсеровская идея создания СТК с некоторой региональной спецификой стала, так или иначе, воплощаться в жизнь в разных концах России, в том числе и в ряде местностей Сибири.

Региональный аналог СТК – Сибирский крестьянский союз (СКС), Центральная, инициативная группа (ЦИГ) которого начала действовать в Омске, стал формироваться летом 1920 г. Инициаторами создания СКС явились правые эсеры И.С. Юдин, С.Т. Тагунов-Ельшевич и народный социалист В.И. Игнатьев, бывший член правительства Северной области. Именно они, идейно опираясь, судя по всему, на циркуляр ЦК ПСР (хотя эта идея у сибиряков могла возникнуть и ранее его выхода), организовали Центральную инициативную группу, которая вскоре пополнилась еще несколькими активными деятелями: эсерами С.А. Кудрявцевым, Е.Ф. Тяпкиным, Б.М. Дьяконовым, В.Н. Макушиным и народными социалистами Ф.А. Савченко и А.Ф. Мериновым. Почти все они были довольно известными и авторитетными политическими деятелями [3, С. 61; 4, С. 87, 88].

Члены ЦИГ направили свою работу для организации губернских комитетов СКС. Эта работа с разной степенью размаха и успеха шла летом-осенью 1920 г. в Омской, Ново-Николаевской, Алтайской, Красноярской, Тюменской, Семипалатинской, Челябинской губерниях. По данным ВЧК, к январю 1921 г. губернские комитеты СКС были созданы в Барнауле, Омске, Тюмени и Семипалатинске. Кое-где стали возникать уездные комитеты, волостные «десятки», сельские «пятерки» (наиболее успешно этот процесс происходил в Алтайской губернии). Представители СКС пытались проникать в советские органы и воинские части, саботировали проведение хозяйственных мероприятий, занимались вредительством, вели антисоветскую агитацию, накапливали оружие [3, С. 63–64]. Росту влияния СКС и эсеров способствовали: затянувшаяся политика «военного коммунизма» (особенно в продовольственной ее части); шкурничество отдельных представителей советской власти; стремление крестьянства иметь свою собственную профессионально-политическую организацию, защищающую его хозяйственные и политические интересы.

Крестьянские союзы создавались эсерами «под фальшивой вывеской беспартийности» [5, С. 185], и это в тех условиях был сильный политический ход. Программа СКС, например, была способна собрать и объединить под центрист-

ским знаменем эсеровской демократии всех недовольных существующей властью на территории Сибири – от крайне правых до крайне левых [3, С. 62–63; 6, Л. 6–6об.]. В СТК и СКС, наряду с эсерами, стекались бывшие белогвардейские офицеры, кулаки, представители духовенства и антисоветски настроенной буржуазной интеллигенции. В ячейках СКС встречались и некоторые бывшие красные партизаны, а некоторые бывшие партизанские вожди (например, Е.М. Мамонтов, Ф.А. Захаров) симпатизировали данному движению [7, С. 169]. На Алтае в одну из организаций СКС вошли даже несколько коммунистов [8, Л. 70; 9, Л. 32об.–33; 10, Л. 8–8об.].

В октябре 1920 г. к ЦИГ СКС в Омске примкнула группа бывших офицеров-колчаковцев во главе с поручиком Н.П. Густомесовым, который совместно с эсером Е.Ф. Тяпкиным возглавил военный отдел Союза [3, С. 63; 5, С. 183-186]. Стоит уточнить: ранее традиционно считалась, что практически все бывшие колчаковские офицеры группы Густомесова были монархистами, но это, видимо, не совсем так: среди колчаковских офицеров могли быть как монархисты, так и республиканцы, в том числе эсеры. Была установлена связь с находившимися в стадии формирования отделами СКС в ряде городов Сибири, а также с находившейся в Монголии группировкой барона Унгерна. В Омске заговорщики пробрались в студенческую среду Сельхозинститута и в воинские части гарнизона. Для вербовки военнослужащих они создали особую мобилизационную тройку [5, С. 184–186].

Связанная с заговором Омская подпольная организация ПСР, по данным чекистов, насчитывала до 125 человек (здесь, скорее всего, речь может идти об общем количество эсеров в Омске, то есть об эсеровской среде, принадлежность к которой ещё не обязательно означала вхождение в собственно организацию) и имела связи с подпольными группами Москвы и некоторых городов Сибири, а также контактировала с омскими организациями меньшевиков и анархистов [5, С. 184–185]. Однако осенью 1920 г., когда шло формирование структур СКС, Омская организация ПСР полностью в это дело не включилась, и, более того, несколько дистанцировалась, выделив или отпустив из своей среды лишь несколько активистов (судя по всему, на индивидуальной внепартийной основе). К деятельности СКС оказались в той или иной мере причастны активисты омского эсеровского подполья Е.Ф. Тяпкин, И.С. Юдин, И.В. Римша, Г.Н. Каторгин, И.Г. Данилов, В.В. Подвицкий, Пупышев, Щеглов и некоторые другие [11, Л. 2, 4, 7, 45; 12, Л. 2, 12]. В то же время ряд руководителей и активистов омского эсеровского подполья (И.Н. Лунегов, Ф.С. Лозовой и другие), наученные горьким политическим опытом предшествующих лет, проявили известную осторожность и воздержались от участия в деятельности СКС, а Ф.С. Лозовой на одном из собраний Омской организации ПСР в конце января

1921 г. резко выступил против организации СКС и участия в нём омских эсеров [11, Л. 2].

В этой связи представляются чрезвычайно важными данные историка А.В. Добровольского о том, что в процессе формирования губернского отдела СКС в Омске местная городская организация эсеров оказалась практически в стороне: в ЦИГ и Губернский комитет Крестьянского союза вошли лишь некоторые члены Омского губкома ПСР [13, С. 80]. Он также упоминает важное и несколько неожиданное постановление Сибкрайкома ПСР от 16 июня 1920 г., в котором «категорически, под страхом исключения из партии, запрещается членам Сибирского объединения П. С. Р. вступать и работать в возникшем за последнее время в Сибири Крестьянском союзе» [13, С. 80]. Возможно, в дальнейшем этот запрет был отменен или же скорректирован в ходе практической работы, так как идейное руководство движением крестьянских союзов в Сибири местные эсеры, пусть не централизованно и фрагментарно, но все же осуществляли. В ЦИГ СКС входил как минимум один член Сибирского крайкома ПСР - С. А. Кудрявцев [3, С. 61] (он же – куратор Омской организации ПСР в 1920 г.) [11, Л. 2, 3].

Заговорщическая деятельность руководящих органов СКС была пресечена чекистами на стадии формирования. В декабре 1920 г. - январе 1921 г. сибирские чекисты обезвредили ряд подпольных организаций СКС в Ново-Николаевске, Барнауле, Красноярске, Омске, Семипалатинске; в Омске был арестован почти весь состав ЦИГ СКС [3, С. 61, 64; 5, С. 190]. В чекистскую разработку по СКС попали два члена Омского горкома ПСР [14, С. 60], и были арестованы несколько активистов городской организации ПСР. По признанию чекистов, в конце 1920 г., «во время ликвидации организаций крестьянского союза, была задета и омская группа эсеров…» [15, С. 2]. Сибирские и, в том числе омские чекисты сработали вовремя: основные аресты актива СКС произошли на самом кануне грандиозного регионального восстания.

В первых числах февраля 1921 г. в 200 верстах северо-восточнее Ишима, в районе села Усть-Ишим Тюменской (Тобольской) губернии (ныне Усть-Ишим находится в составе Омской области) началось вооруженное антисоветское выступление, которое фактически явилось сигналом к массовому кулацко-крестьянскому восстанию в Западной Сибири [3, С. 64]. Вскоре восстание распространилось на соседние районы. К середине февраля оно в той или иной мере охватило все уезды Тюменской губернии и часть Омской, Челябинской, Екатеринбургской и Акмолинской губерний, распространившись на огромную территорию от побережья Обской Губы на севере до Казахской степи на юге, и почти от Омска на востоке до Уральского хребта на западе. Основными его очагами стали уезды Ишимский, Петропавловский, Тобольский, Кокчетавский, Курганский, а также район Обского Севера. Мятежники захватили несколько

железнодорожных станций по линиям Омск – Челябинск и Омск – Екатеринбург, прервав железнодорожное сообщение и подвоз хлеба из Сибири в Центральную Россию на три недели [16, С. 26–27].

Социальным ядром мятежников стали кулаки, казачья верхушка, белогвардейское офицерство. Политическое руководство мятежом пытались осуществлять эсеры (напрямую или же через отдельные уцелевшие группы СКС). Путем агитации, шантажа и угроз на территории, занятой мятежниками, была проведена мобилизация в повстанческие формирования всего мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет. Суммарная общая численность мятежников во всех районах восстания составила с учетом мобилизованных до 100 тысяч человек. Почти все вооруженные силы повстанцев позиционировали себя как отряды некоей единой Народной армии. Стали появляться элементы военной организации: деление повстанческих сил на роты, батальоны, полки, дивизии во главе с командирами и штабами (всё это, как правило, на основе территориальных сельских и волостных отрядов). В тобольском очаге восстания началось формирование ядра Народной армии, во главе которой встал бывший фельдфебель царской и колчаковской армий (из последней дезертировал), зажиточный крестьянин и при советской власти беспартийный низовой совработник (член волисполкома), близкий к эсерам В.М. Желтовский [17, С. 157]. В районе Ишим–Петропавловск начала формироваться Народная крестьянская армия (по другим данным, Народная Сибирская армия) во главе с эсером В.А. Родиным [16, С. 30].

На протяжении февраля 1921 г. мятежникам сопутствовал серьезный успех. Наряду с несколькими железнодорожными станциями ими были захвачены (на срок от нескольких дней до нескольких недель и даже месяцев) города Петропавловск, Тобольск, Сургут, Березов, Обдорск (Салехард), Кокчетав. Бои развернулись на ближайших подступах к Ишиму, Тюмени, Ялуторовску, Кургану, Акмолинску, Атбасару.

В советской исторической литературе (в частности, в работах М.А. Богданова, Д.Л. Голинкова, К.В. Гусева) роль эсеров в данном восстании была в той или иной мере явно преувеличена [16; 18; 19]. Вопрос до сих спор является в значительной мере спорным. Современные исследователи В.И. Шишкин, А.Г. Тепляков и Г.Н. Третьяков отвергают какую-либо политическую роль эсеров и групп СКС в подготовке и ходе Западно-Сибирского восстания, ставя под сомнение само реальное существование СКС. [20, С. 88-96; 21, С. 137; 22, С. 15]. В.Н. Уйманов, напротив, признает СКС вполне реальной организацией, которая восстание, по крайней мере, готовила, но из-за действий чекистов начать его не смогла. [23, С. 302–303]. Опираясь на документальные материалы, в том числе данные Центрального архива ФСБ России, О.А. Пьянова сделала аргументированный вывод о том, что СКС являлся в целом вполне реальной,

но немногочисленной организацией, находившейся к моменту его разгрома и ликвидации (т. е. накануне восстания) на начальной организационной стадии своего развития [4, С. 88].

Западно-Сибирское восстание (как и большинство других восстаний этого периода в Сибири), несомненно, началось стихийно, что признавали и сибирские чекисты (глава об этом восстании в «Обзоре бандитского движения по Сибири» И.П. Павлуновского так и называется: **«Стихийное восстание крестьян Омской, Тюменской и Челябинской губерний»)** [3, С. 64]. Но абсолютно стихийными данные события назвать все же нельзя. Значительная степень стихийности в начале и ходе данного восстания не исключала попыток разных политических сил и, прежде всего, местных эсеров, попытаться использовать движение в своих целях и привнести в него элементы своего идейно-политического влияния и военно-политического руководства.

При наличии любого массового движения, начавшегося пусть и стихийно, любая заинтересованная политическая сила закономерно пытается воспользоваться им и старается внести в него свои элементы идейно-политической организации, – с той или иной степенью успеха. Именно это можно видеть в 1921 гг. в Западной Сибири со стороны, прежде всего и главным образом, эсеров (в том числе и через отдельные, разрозненные группы СКС), хотя и не только эсеров: эпизодически в ряде очагов восстания мелькают анархисты и монархисты; участвуют даже отдельные члены РКП(б) (последние, разумеется, на чисто индивидуальной основе [24, Л. 12–12об.]). Но наиболее видная, хотя и далеко не всегда, не везде и не во всем удачная роль принадлежит эсерам.

Конечно, в условиях начала 1921 г., обанкротившиеся ранее и убедившиеся в жизненности советской власти, эсеры работали в Сибири уже более осторожно, но, не забудем, что многие из них были настоящими политическими виртуозами, и в 1920-1922 г., например, часто выступали под маской беспартийных, а также в тактических целях временно выдвигали некоторые просоветские лозунги (с соответствующими оговорками). То есть эсеровское влияние теперь распространялось осторожно и до поры незаметно: предыдущие периоды подполья и полуподполья (царский, первый советский, колчаковский) кое-чему их научили и, прежде всего, гибкости и конспирации. В конце 1920 – начале 1921 гг., накануне мятежа, редкие и обмелевшие эсеровские партгруппы и отдельные активные эсеры были разбросаны по селам и деревням Западной Сибири и слабо связаны (а то и вовсе не связаны) с партийными центрами, но свое дело они делали.

Относительно активным и заметным эсеровское влияние было в Ишимском, Тобольском, Тюкалинском и некоторых других уездах бывшей Тобольской губернии, где ощущались традиции более ранней (1917–1918 гг.) бурной эсеровской работы (в декабре 1917 г. депутатом в Учредительное собрание от объединенного списка Тобольского губернского комитета ПСР и губернского

Исполкома Советов крестьянских депутатов был избран один из ведущих эсеровских деятелей Западной Сибири А.М. Красноусов) [25, С. 320]. В Ишимском уезде к началу 1921 г. имелся 41 эсер (а также 10 меньшевиков и 5 анархистов) [17, С. 64]. В начале ноября 1920 г. в этом уезде (в Гагарьевской волости) была раскрыта «организация с.-р. по подготовке крестьян к восстанию» [17, С. 64]. В январе 1921 г., накануне восстания, на уездном совещании учителей в Ишиме с резкой критической речью против нововведений в советской школе выступил учитель села Белое Соколовской волости Ишимского уезда, бывший поручик, эсер В.А. Родин, – в недалеком будущем один из заметных военных деятелей мятежа [5, С. 227]. По воспоминаниям чекиста Г.С. Агабекова со ссылкой на данные Тюменской губЧК, в Ялуторовском уезде и прилегающих к нему местностях «восстанием крестьян руководили работники из местного губернского продовольственного комитета, где полно было эсеров и меньшевиков, и было очень мало коммунистов. Были сведения, что сам губпродкомиссар находится под влиянием эсеров и посылает на места уполномоченных, которые подстрекают крестьян к выступлению против советской власти» [26, С. 34–35]. Напомнили о себе и левые эсеры из непримиримого крыла ПЛСР: в ноябре 1920 г. в Ишимском уезде распространялись их прокламации, призывающие крестьян к восстанию [3, С. 63].

Небольшая группа эсеров (несколько человек) накануне мятежа существовала в Тобольске, где она сложилась вокруг авторитетного эсеровского деятеля А.Е. Корякова, перебравшегося сюда из Омска в конце 1918 г. и ставшего здесь к началу восстания профсоюзным лидером. В 20-х числах февраля 1921 г., сразу после взятия города мятежниками, эта группа стала расти и вскоре достигла нескольких десятков человек. Деятельность Тобольской группы эсеров в это время значительно выделяется своей активностью, размахом и, в конечно счете, значением (как и вообще мятежные события в Тобольске и вокруг него заметно выделяются в общей картине Западно-Сибирского восстания). Здесь, на стыке Среднего и Северного Прииртышья, а также в прилегающих местностях Приобья, Притоболья и Приишимья, в феврале – апреле 1921 г. с участием эсеров развернулись события, масштаб и значимость которых до сих пор еще не оценены историками во всей их полноте. Речь идет о довольно обширном районе, который стал военно-политическим эпицентром Западно-Сибирского восстания и территориальным ядром настоящей повстанческой республики - так называемой Тобольской федерации, просуществовавшей около трех месяцев.

Нельзя, конечно, утверждать, как это зачастую делалось в советской историографии, что эсеры подготовили и возглавили Западно-Сибирский мятеж. Но и нельзя считать, что они (на уровне отдельных организаций, групп и личностей) его совсем не готовили. И, тем более, не стоит утверждать, что эсеры, когда мятеж начался, совсем в нем не участвовали. В разных (конечно, далеко не во всех) очагах Западно-Сибирского восстания эта политическая сила, так или

иначе, себя проявляла – в одних случаях на индивидуальной, в других – на партийной (но, при этом, «кустарной») основе. Так, один из лидеров Омской организации ПСР периода ее воссоздания и первый по времени (в 1920 г.) председатель ее горкома П.А. Разумовский в начале 1921 г. скрылся из Омска и, по слухам в эсеровской среде, «погиб в каком-то восстании» [12, Л. 12] (скорее всего речь идет об одном из очагов Западно-Сибирского мятежа). Активным военным организатором мятежников в районе Ишим – Петропавловск явился эсер В.А. Родин [5, С. 229]. В этом же районе в подчинении Родина действовала «дивизия» эсера Бардакова, бывшего председателя Казанского волисполкома [5, С. 229]. Вполне очевидна также идейно-политическая роль тобольских эсеров и их довольно неординарного лидера, А.Е. Корякова.

Довольно жизненными в условиях кризиса политики «военного коммунизма» оказались гибкие эсеровские лозунги и установки. Объективно они в тот момент были наиболее близки кулачеству и, в известной мере, среднему крестьянству, чем чьи-либо иные: эсеры неплохо знали крестьянскую психологию. Популярной и политически гибкой явилась эсеровская идея и практика «крестьянских союзов», а также подсказанный эсерами крестьянам лозунг «За Советы без коммунистов».

Документы довольно убедительно свидетельствуют об определенном влиянии сибирских эсеров на события. В донесении Тюменского губкома РКП(б) в ЦК РКП(б) о политическом положении за сентябрь 1920 – январь 1921 г. в Тюменской губернии говорилось: «В бандитском движении, имевшем место в Тюменской губернии [в 1921 г.] также участвовала очевидно рука эсеров». [27, Л. 155]. В информации Алтайского губкома РКП(б) в ЦК РКП(б) (февраль 1921 г.), в частности, сообщалось: «В Алтайской губернии работают группы эсеров, главным образом по организации Крестьянского союза. В связи с разгромом [Сорокинского] восстания их работа значительно ослабла» [28, Л. 8об.]. Как видим, роль эсеров в мятежных событиях конца 1920 – первой половины 1921 гг. в советских документах отнюдь не преувеличивается, но и полностью не исключается.

Отдельные свидетельства о причастности местных эсеров к повстанческому движению Тюменской губернии и прилегающих к ней местностей Омской и Челябинской губерний встречаются в недавно опубликованных документах и материалах [29, С. 318, 603, 606, 633, 635, 636, 637, 639, 646-647], которые отражают и вполне подтверждают факт участия сибирских эсеров в восстании и, более того, факт нарастания данного участия. Задача историков лишь том, чтобы уточнить степень, размах, формы этого участия и, в конечном итоге, реальную роль эсеров в данных событиях.

Результаты исследования. Восстание началось действительно в немалой степени стихийно (хотя наличествующие антисоветские силы и элементы,

прежде всего эсеры, накануне восстания вели на этой территории какую-то посильную политическую работу и, насколько могли, «сеяли семена»). Когда же восстание стало разгораться, эта работа и это влияние стали расти. Прямого центрального и целенаправленного эсеровского руководства в процессе подготовки восстания фактически не было, хотя тенденция к этому существовала. Единый общий центр, который бы руководил повстанцами и координировал их действия, также не сложился. Значительная часть повстанцев так и осталась слабо охваченной или же вовсе неохваченной чьим-либо идейно-политическим влиянием и, тем более, руководством, а большинство повстанческих предводителей являлось беспартийными, лишь в той или иной мере разделяющими эсеровские лозунги и установки. И все же в ходе восстания влияние эсеров постепенно нарастало.

Один из наиболее глубоких и вдумчивых исследователей Западно-Сибирского восстания, К.Я. Лагунов на основе большого фактического материала делает вывод и подчеркивает: «**Сибирский мятеж, зародившись стихийно, как крестьянский бунт против беззаконий и насилия продработников, по идейной сути своей позже действительно стал эсеровским** [выделено в источнике. – А.Ш.]. Он стал звеном в общей цепи антисоветских восстаний, поддержанных этой партией в труднейшие 1920 и 1921 годы» [17, С. 146]. Данная научная позиция вполне подтверждается фактами из многих опубликованных и архивных документов и материалов, что опровергает распространившуюся в последние 20-25 лет концепцию о полной стихийности Западно-Сибирского кулацко-крестьянского восстания.

Список источников и литературы:

1. Непролетарские партии России: Урок истории. М.: Мысль, 1984. 566 с.

2. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. М.: РОССПЭН, 2000. 1054 с.

3. Павлуновский И.П. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 по январь 1922 г. // Земля Сибирь (Новосибирск). 1922. № 3. С. 60-66.

4. Пьянова О.А. Сибирский крестьянский союз // Современное общество: Материалы научной конференции. Омск, 1999. С. 87–88.

5. Бударин М.Е. Были о чекистах. Омск: Западно-Сибирское кн. изд-во: Омское отд-ние, 1976. 352 с.

6. ГИАОО. Ф. Р–1818. Оп. 1. Д. 13.

7. Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. 1918–1922 гг.: Документы и материалы / Ред.–сост. Г.Н. Безруков. Барнаул: Б. и., 1999. 320 с.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 10.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 911.

10. ГАНО. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 135.

11. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 6. Д. 17.

12. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 6. Д. 20.

13. Добровольский А.В. Протоколы допроса И.Н. Лунегова как источник по исследованию деятельности правых эсеров в Омской губернии в 1920-1922 гг. // Гуманитарные науки в Сибири (Новосибирск). 2016. Т. 23. № 2. С. 76-81.

14. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОмГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

15. К-ий И. Политическое положение Омской губернии. (Беседа с нач[альником] губотдела госполитуправления т. Тиуновым) // Рабочий путь (Омск). 1922. 8 июля. С. 2-3.

16. Богданов М.А. Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень: Кн. изд-во, 1961. 111 с.

17. Лагунов К. Двадцать первый. Хроника Сибирского мятежа // Урал (Свердловск). 1989. № 6. С. 140–157.

18. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. Кн. 2. Издание четвертое. М.: Политиздат, 1986. 397 с.

19. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.

20. Шишкин В.И. К вопросу о роли Сибирского крестьянского союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Сибирь на рубеже XIX – XX веков. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. С. 88–96.

21. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири, 1918–1929 гг. М.: АИРО-XX, 2007. 287 с.

22. Третьяков Г.Н. Западно-Сибирское восстание 1921 года. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск: НГУ, 1994. 22 с.

23. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация. Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: ТГУ, 2012. 562 с.

24. ГИАОО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 6.

25. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.

26. Агабеков Г.С., Думбадзе Е.В. ГПУ. [Мемуары]. М.: Центрополиграф, 2018. 319 с.

27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 114.

28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 12.

29. За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сб. документов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 744 с.

Для цитирования: Штырбул А.А. Эсеры и Западно-Сибирское восстание (февраль – май 1921 года) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 325–336.

© Штырбул А.А., 2021

УДК 94/47

МУСУЛЬМАНЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Александр Павлович Ярков [1]

[1] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

[1] ayarkov@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3535-1610

Аннотация: История мусульман Дальнего Востока в годы Гражданской войны мало изучена. Между тем процессы интересны, а тенденции – определяющие. Религия в годы войны часто выступала критерием этнической и языковой идентичности. Маркер «мусульмане» играл роль не только конфессионима. Сохранялась и «плавающая этничность», но, в представлении самих верующих и окружающих, «всегда мусульмане».

Ключевые слова: Гражданская война, Дальний Восток, мусульмане и власть, массы и элиты.

Постановка проблемы. Относительно немного известно об участии мусульман в событиях Гражданской войны в регионе, далеко отстоявшем от Петрограда и Москвы, европейского театра боевых действий. Тем не менее, в Сибири и на Дальнем Востоке происходили события, отразив общероссийские тенденции, затронув и мусульман (а некоторые ими являлись уже лишь по происхождению).

Основная часть. Расселение мусульман и «мусульман» на Дальнем Востоке, в основном, совпадало с ареалом проживания неаборигенного населения. Кроме того, в зоне КВЖД к началу Гражданской войны жил каждый пятый дальневосточник-россиянин. Более того, Харбин некоторое время формально являлся «столицей», поскольку с 1 июля 1918 г. там размещалось Временное правительство Автономной Сибири. Затем зона КВЖД подчинялась правительству А.В. Колчака, а в 1920–1921 гг. – «буферной» Дальневосточной Республике. Сама ДВР включала Забайкальскую, Амурскую, Сахалинскую (где северная часть острова возвращена Японией лишь в 1925 г.), Камчатскую области и полосу от-

чуждения КВЖД. Сама Гражданская война завершилась с освобождением Охотско-Камчатского края от белогвардейцев в Гижиге, Наяхане в апреле 1923 г.

Оренбургское Мусульманское Духовное Собрание формально оставалось органом управления и в Азиатской части страны, но слишком ослабли коммуникации. Несмотря на сложность ситуации, в 1918 г. правление созданного во Владивостоке Мусульманского общества организовало мектебе, исполняя обязанность верующих – дать детям религиозное образование.

Считается, что начало Гражданской войны в Азиатской части страны связано с восстанием двигавшихся по Транссибирской магистрали чехословацких частей. Но в Забайкалье она началась с создания атаманом Г.М. Семёновым (гордился происхождением от Чингисхана и знанием татарского языка) в январе 1918 г. Особого Маньчжурского отряда, куда включили «кавказских инородцев». Семёновцы вместе с чехами свергли советскую власть, а в тюрьме замучили Ф. Абдрахманова – одного из организаторов Красной гвардии. Но там продолжали воевать мусульмане, включая братьев Дж. и Ш. Галеевых.

Мятеж спровоцировал исчезновение органов советской власти, но не населения, оставшегося приверженцами различных воззрений. Так, купцы Насыровы из якутской Нюрбы активно участвовали в заговорах против советской власти. А иные из их единоверцев эволюционировали в пристрастиях: приветствовавший в марте 1917 г. Временное правительство в Петрограде и переход местного управления в руки Якутского комитета общественной безопасности) Г.О. Баширов, затем стал председателем советской комиссии по ликвидации бандитизма.

Известный в Поволжье богослов Г. Курбангалиев сформировал на свои средства «полк Мухаммеда», воевавший в Азиатской части страны. Примечательна судьба его сыновей: Габдували (Абдували), расстрелян красноармейцами в 1919 г. вместе с отцом; Мухаммед-Харун, командир башкирского отряда, погиб под Читой в 1920 г.; Мухаммед-Габдулхай, военный мулла 3-й армии, стал председателем Военно-Национального Управления башкир Российской Восточной окраины при штабе атамана Г.М. Семёнова [1].

В тот момент идентификация по этническому и конфессиональному признаку оказалась востребована, исходя из политических целей власти. Дело в том, что Г.М. Семёнов вынашивал план создания Лиги восточных народов, в которую должны были войти Монголия, Туркестан, Персия, Афганистан и Аравия, как не имеющих «своих правительств и зависимых» [2, С. 30]. Атаман и Р.Ф. Унгерн фон-Штернберг обсуждали и идею создания «Срединного государства», охватывающего Забайкалье, Монголию, Синьцзян, Тибет, Казахстан, кочевников Сибири, а также бывшие среднеазиатские владения Российской империи. Очевидно, геополитические идеи имели сторонников в мусульманском мире – представитель Хиджазского Аравийского Королевства подполковник Турецкого Генерального штаба М.А. Асланов в 1919 г. вручил Семёнову «мусульманский» орден и присвоил ему звание «защитника религии, науки и права».

После «Ледового похода» части генерала В.О. Каппеля объединились с войсками Г.М. Семёнова и расположились в Забайкалье. Там оказалось 1900 башкир и 1172 татарина, решивших «Нельзя бежать без конца…». Был сформирован из добровольцев Казачий полк (350 штыков), где принадлежность к исламу одетых в общевойсковую форму подчеркивалась зеленым цветом башлыков, погон и канта, а также коллективным соблюдением обрядов и наличием военных имамов [3].

Правительство РСФСР 14.05.1920 г. признало ДВР, а в г. Чите в июне 1920 г. созданы Ухуввате диния и Военно-Национальное Управление башкир Российской Восточной окраины, возглавившие духовную жизнь мусульман и, позже, борьбу с большевизмом.

Между тем, ДВР позволяла существовать разнонаправленным явлениям. Так, в феврале 1921 г. в читинской мечети собирались мусульмане-коммунисты. Там же работало татарское училище (за его парты село 90 учеников). В Основном законе (Конституции) ДВР (23.04.1921 г.) было заявлено: «…Всем гражданам республики гарантируется полная свобода совести. Пользование гражданскими и политическими правами совершенно независимо от вероисповедания, и никто в пределах республики не может быть преследуем никакой властью, в каких бы то ни было правах за свои религиозные убеждения». Весной и летом 1921 г. в местных газетах опубликованы статьи «Голос воина-мусульманина», «Армия и мусульмане» и другие. Там освещалось не только положение армии, но и настроения среди солдат-мусульман. Между тем, в ДВР в составе Министерства по национальным делам имелся тюрко-татарский отдел с «культурно-просветительской секцией мусульман»;

Период существования ДВР оказался коротким, но в целом достаточно «благоприятным» для мусульман, когда их интересы не ущемлялись. Так, 25.07.1921 г. Мусульманское общество, «ввиду крайне бедственного положения населения вообще, а местных мусульман в особенности», ходатайствовало перед Комитетом по народному образованию о полном принятии на его баланс мектебе [4, С. 38].

Настроения мусульман, между тем, менялись, а позиции поляризовались. Так, в 1921 г. раскрыт заговор солдат и офицеров, получивший название «Подпольная мусульманская организация», цель которой – агитация за соединение с НРА ДВР, где были по большевистски настроенные мусульмане. А бывший мулла Приамурского военного округа Дж. Богаутдинов даже обвинен в прокоммунистической пропаганде среди солдат.

Весной и летом 1921 г. через газеты Владивостока прозвучал призыв: «Мы, мусульмане, как верные и веками испытанные сыны Родины нашей Родины, всегда за воссоздание её, ибо она – наша мать, а не мачеха и мы, сыны ее, а не пасынки, какими считали нас правительственные миссионеры Победоносцевы, Ильминские и К°».

Участвовали мусульмане в одном из последних больших сражений Гражданской войны – в феврале 1922 г. под станцией Волочаевка в составе Волжской бригады. Поэтому местные старожилы долгое время считали, что «…над братской могилой погибших должен стоять не только православный крест:

– Конечно, поставить что-то надо, – соглашались. – Но только не крест.

– Почему же не крест? – спросил с удивлением.

– А православных там, поди, раз-два – и обчелся. Все больше татары и башкиры разные. В общем, мусульмане. У Каппеля это они больше в солдатах были. Тут и полегли немало.

– А имена хоть какие-то известны?

– А кому были нужны их имена? Собрали всех – да в одну яму. И то еще – полежали кучей. Зимой не схоронишь сразу. Пока землю отогрели... Ну и говорили про них тогда: "нехристи да нехристи"» [5].

На 2021 г. известны братские могилы у станций Ин, Ольгохта, Бира, Облучье, Волочаевка, но не все имена погребенных там зафиксированы.

Результаты исследования. Политическое и социальное расслоение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны затронуло и относительно немногочисленную часть населения – мусульман. До того это была общность – умма, определяемая общим конфессионимом и целостным самосознанием. Но события и обстоятельства выявили начало новых тенденций в жизни тех, кто остался в религии, как и тех, кто помнил о ней лишь по происхождению.

Список источников и литературы:

1. Юнусова А.Б. Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: мусульманский фактор социальной адаптации и сохранения этнокультурной идентичности // Modern history. Уфа, 2003. С. 73-83.

2. Семёнов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. 319 с.

3. Ярмуллин А.Ш. Институт полковых мулл в башкирских войсках в годы Гражданской войны // Проблемы востоковедения. Уфа, 2010. № 3. С. 76–81.

4. Баринов И.А. Одна из традиционных религий // Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2003. № 5. С. 36–38.

5. Ефименко Ю. Волочаевская сопка. // URL: https://www.sovross.ru/articles/724/11917 (Дата обращения: 07.04.2021)

Для цитирования: Ярков А.П. Мусульмане в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 года, Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 336–339.

© Ярков А.П., 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович (Ташкент, Узбекистан) – научный сотрудник Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Узбекистана, кандидат исторических наук.

Ануфриев Александр Валерьевич (Иркутск) – старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета; научный сотрудник Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова

Бирюкова Юлия Александровна (Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург) – доцент кафедры «Православная культура и теология» Донского государственного технического университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Бринюк Надежда Юрьевна (Санкт-Петербург) – научный сотрудник 44-го научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) НИИ (военной истории) Военной академии Генштаба ВС РФ, кандидат исторических наук.

Васильченко Максим Анатольевич (Москва) – доцент кафедры фундаментальных юридических и социальногуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат исторических наук.

Владимирски Ирена (Ахва, Израиль) – заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, доктор исторических наук.

Ганин Андрей Владиславович (Москва) – ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Глазунова Татьяна Владимировна (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Даренский Виталий Юрьевич (Луганск, ЛНР) – доцент кафедры философии Луганского государственного педагогического университета, доктор философских наук, доцент.

Елизарова Наталья Владимировна (Омск) – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области, кандидат исторических наук.

Ермакова Анна Александровна (Исилькуль, Омская область) – главный специалист архивного сектора Администрация Исилькульского муниципального района.

Изотенко Светлана Владимировна (Омск) – хранитель фонда советской графики Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля.

Ищенко Оксана Владимировна (Сургут) – профессор кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета, доктор исторических наук.

Калашников Андрей Алексеевич (Барнаул) – ассистент Алтайского государственного педагогического университета.

Калиновский Владимир Витальевич (Санкт-Петербург) – доцент кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук.

Капустин Леонид Геннадьевич (Муром) – независимый исследователь.

Карпачев Максим Константинович (Томск) – студент Томского государственного университета.

Каткова Елена Ивановна (Омск) – заведующая сектором краеведческой библиографии информационно-библиографического отдела Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

Князев Марк Андреевич (Нижний Новгород) – аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Козлов Дмитрий Викторович (Иркутск) – доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета; научный директор МИОН Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук.

Кожевин Владимир Леонидович (Омск) – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Кокоулин Владислав Геннадьевич (Новосибирск) – профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского университета потребительской кооперации; главный редактор журнала «Сибирский архив», доктор исторических наук, доцент.

Конев Кирилл Александрович (Томск) – заведующий отделом рукописей и книжных памятников Томского государственного университета, кандидат исторических наук.

Кротова Мария Владимировна (Санкт-Петербург) – профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор исторических наук, доцент.

Курышев Игорь Владимирович (Ишим) – доцент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал Тюменского государственного университета), кандидат исторических наук, доцент.

Лешукова Елена Владимировна (Сургут) – старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

Маликова Сауле Зейнуллиновна (Петропавловск, Республика Казахстан) **–** директор Северо-Казахстанского государственного архива, кандидат исторических наук.

Макаров Илья Вадимович (Томск) – аспирант Томского государственного университета.

Машкевич Стефан Владимирович (Киев, Украина) – ведущий научный сотрудник Института теоретической физики им. Н.Н. Боголюбова, доктор физико-математических наук, доктор исторических наук.

Мойжиш Милан (Прага, Чехия) – независимый исследователь.

Монтелонго Камило (Монтевидео, Уругвай) – независимый исследователь.

Новиков Михаил Сергеевич (Омск) – доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, кандидат исторических наук.

Новиков Сергей Валентинович (Омск) – профессор кафедры профессор кафедры менеджмента и маркетинга Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, доктор исторических наук, профессор.

Панасенков Владимир Николаевич (Омск) – член Омского регионального отделения Союза краеведов России.

Пануш Бернард (Прага, Чехия) – независимый исследователь.

Паршуков Владимир Александрович (Ульяновск) **–** ведущий инженер муниципального бюджетного учреждения «Управление инженерной защиты».

Паслён Владимир Владимирович (Донецк, ДНР) – заведующий кафедрой радиотехники и защиты информации Донецкого национального технического университета, кандидат технических наук, доцент.

Петин Дмитрий Игоревич (Омск) – руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Помыткина Вера Леонидовна (Тара, Омская область) – архивист 2–й категории филиала Исторического архива Омской области в городе Таре.

Пученков Александр Сергеевич (Санкт-Петербург) – профессор кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

Саблин Александр Юрьевич (Омск) – лаборант кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина; соискатель по кафедре отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, магистр философии, магистр педагогического образования.

Сильченко Иван Сергеевич (Верхняя Пышма, Свердловская область) – доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Технического университета УГМК, кандидат исторических наук.

Смирнов Николай Николаевич (Санкт-Петербург) – профессор кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Стариков Игорь Владимирович (Челябинск) – доцент кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета, кандидат исторических наук.

Стельмак Максим Максимович (Омск) – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, кандидат исторических наук.

Сушко Алексей Владимирович (Омск, Санкт-Петербург) – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института; профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета; профессор кафедры библейских, богословских и церковно-исторических дисциплин Омской духовной семинарии; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Тетерин Вадим Игоревич (Пермь) – доцент кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д.Н. Прянишникова, кандидат исторических наук.

Федотова Ирина Владимировна (Омск) – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Храпова Наталья Святославовна (Омск) – начальник отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Шекшеев Александр Петрович (Абакан) – член правления, старший научный сотрудник Хакасской республиканской организации «Общество “Мемориал”», кандидат исторических наук.

Штырбул Анатолий Алексеевич (Омск) – профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии исторического факультета Омского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Ярков Александр Павлович (Тюмень) – ведущий эксперт Экспертного научного центр противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, доктор исторических наук.

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материалы
IV Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания
и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны
(Россия, Омск, 20–21 октября 2021 года)

Для дизайна обложки использованы фотографии
из фондов Исторического архива Омской области
и материалы из открытых интернет-источников

Особняк Батюшкиных, вид с Иртышской набережной (январь 2012 г.)

Парад частей РККА Омского гарнизона в честь 50-летия Парижской коммуны (21 марта 1921 г.)

Ответственность за содержание материалов несут авторы

Мнения авторов материалов могут не совпадать
с мнениями членов редколлегии издания

Компьютерная верстка *Л. Ю. Бутаковой*

Подписано в печать 01.10.21. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 21,5.
Тираж 100 экз. Заказ 352.

Издательство ОмГТУ. 644050, г. Омск, пр. Мира, 11; т. 23-02-12.
Типография ОмГТУ